

Александр Костюнин

Дагестан

Дневник поездки

От редактора

«Пролагатель новых путей в литературе и в жизни» — так бы я, наверное, озаглавил своё предисловие к книге Александра Костюнина «Дагестан», если бы не устрасился дежурного набора высокопарных трюизмов в применении к уникальной книге уникального человека!

Опираясь на свой более чем полувековой профессиональный опыт литературного критика и редактора, я готов здесь и сейчас ответственно заявить во всеуслышание: в лице Костюнина русская литература обрела ныне новое измерение, новое дыхание, новую ипостась!

И пусть моё понимание «лица необщего выражения» Костюнина, его самости и личности, (а писать о нём ой как нелегко) ещё только зреет, но, лиха беда начало — как говаривал незабвенный Ильич, «главное — это ввязаться в драку, а там уж как-нибудь разберёмся...»

Полагаю, что «феномен Костюнина» будут ещё долго изучать и анализировать как маститые критики и писатели, так и неискушённые в новациях литературы рядовые читатели, невольно подпавшие под магическое обаяние его многоцветного и многошумного «Дагестана»...

Чем же можно объяснить такой пристальный интерес писательской и читательской общественности к новаторскому творчеству Александра Костюнина?

Выделю семь его характерных типологических системообразующих особенностей:

- Костюнин — эрудит, он досконально знает то, о чём и для чего пишет, это и полное, даже дотошное владение материалом, и уникальное умение серьёзно воспринимать несерьёзное и, наоборот, иной раз несерьёзно — серьёзное, это и ярко выраженная тяга к мифу, притче, апокрифу и анекдоту, когда Мюнхаузен мирно соседствует с Козьмой Прутковым, а Гончаров «Фрегата Паллады» говорит на одном изобразительном языке со Свифтом «Путешествий Гулливера» или Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэля». Костюнин — крупный специалист и в области точных наук, и сфера применения его знаний и способностей была и есть настолько засекречена, что, как говорится, замыкаю свои уста...

- Костюнин — путешественник по самому своему душевному складу, в нём постоянно присутствует некая романтическая, а то и просто авантюрная тяга к судьбоносным переменам, он истово и верно служит «музе дальних странствий», успешно приобщая к этому служению и своего читателя

- Костюнин — неподражаемый юморист, юмор у него свойский, компанейский, озорной, гротескный, фарсовый, ярмарочно-балаганный, но никогда не обидный, не глумливый, не ёрнический — видите, сколько эпитетов пришлось мне применить в попытке передать костюнинский характер отнюдь не сатирика, а именно и только юмориста от Бога, ведь шуты и скоморохи всегда пользовались особыми привилегиями при дворе хоть короля, хоть султана, хоть эмира, хоть царя небесного... Незаёмное чувство юмора, некоторая макароническая маскарадность в духе площадной вертепной комедии «дель-арте» — это де факто фирменный знак Костюнина, дымящееся тавро, отгиск на страницах книги раскалённого чекана его души...

- Костюнин — отважный родоначальник нового в нашем литературном обиходе «скрябинского» начала — синтетического синкретического жанра клипового, коллажно-микстового восприятия и изображения мира в человеке и человека в мире, некоего гипертекста, обращённого одновременно ко всем органам чувств индивидуума, включая и «третий глаз» его интуиции, подсознания и мистического озарения... В этом жанре на равных представлен не только комический, но и космический дискурс мантр и заклинаний свободного творчества свободного художника, не стеснённого жёсткими рамками устоявшихся традиций и привычной, навязшей в зубах самоцензуры

- Костюнин — славный продолжатель традиций «плутовского романа» Дюма и Дефо, увлекательных познавательных путевых очерков Радищева и Гончарова, Солоухина и Пескова, Тура Хейердала и Зория Балаяна...

- Костюнин — стилист, ему органически присущи чувство слова, чувство стиля, уважительная любовь не только к людям как к этнической популяции, но и человеку как её неповторимому и незаменимому члену. Творческой манере Костюнина свойственны доверительность и искренность интонации, полное отсутствие дидактики, стремление в своих исторических и географических странствиях понять всех и каждого во всём хитросплетении их

помыслов, чаяний и неоднозначных поступков. Костюнин не осуждает никого, но старается понять каждого!

- Костюнин — самобытный художник и композитор, он обладает безошибочным вкусом в отборе мелодий, тонов и оттенков, ритмов и зрительных образов, его видеоряд помогает звучанию его лексики, а вербальные открытия проясняют лучезарную палитру его изобразительных средств. Многомерность ракурсов стереоскопического, чуть ли не фасетчатого зрения Костюнина дают ему возможность смотреть на мир Дагестана как бы со стороны, но в то же время изнутри, не зря же в жилах Костюнина текут, не смешиваясь, но взаимно обогащая друг друга, жизненные соки разных национальностей и культур, сдержанный финно-угорский темперамент карела не исключает, а предполагает в его характере разудалую ширь российских степей, а в голосе его творчества счастливо слились певучая кантилена северной лексики и орлиный клёкот языков десятков населяющих горные кручи Дагестана суперэмоциональных, архиэкспрессивных людей чести, гордости и отваги!

Воистину живительно кровное духовное родство карела и русского, аварца и кумыка, лезгина и тата, даргинца и многих других таких разных и таких единых и единственных в своём роде сынов человеческих!

Позволю себе здесь маленькое лирическое отступление: в бытность мою главным редактором ежемесячного журнала «Вестник Международного Сообщества Писательских Союзов» мне посчастливилось два раза в кабинете Сергея Михалкова с глазу на глаз общаться с Расулом Гамзатовым, и я был поражён масштабом его личности, умением говорить с афористичной мудростью аксакала и с полемическим запалом юного джигита! И вот сейчас, когда я пишу эти строки, мне всё кажется, что к моему предисловию к книге Костюнина присоединяется сам Расул, что он читает и благословляет эти строки оттуда, куда мы все неизбежно уйдём в свой черёд...

Глан Онанян

Заслуженный работник культуры России
Кавалер орденов Почёта и Чести
Доктор философских наук

Фото Омар Омаров

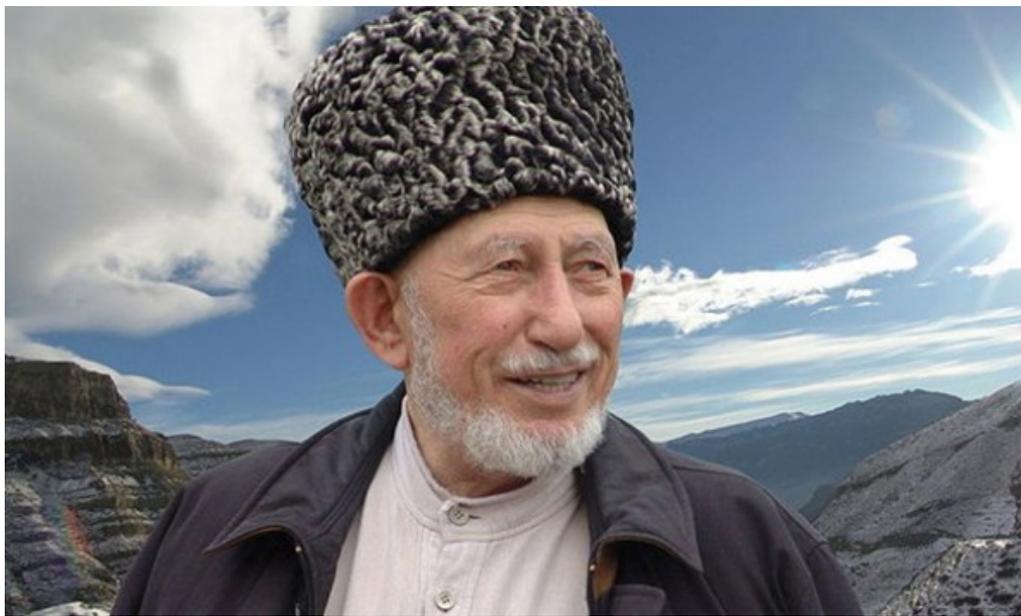

На страницах этих путевых заметок в реальности всё пристойно: в бокалах безалкоголь,
табакокурение невзятяг, ни одно из животных не пострадало,
комбинация букв исключительно цензурная.
Гибли только люди. Реально.
И продолжают...

Книга написана на дагестанском языке.

Посвящается Шейх-устазу Саиду-Афанди, погибшему от рук террористов

Фото Джангишиев Магомед Османович: Шейх-указ Саид-Афанди

Сразу скажу: Дагестан сделался для меня второй родиной.
Посему девизом к рукописи я избрал наказ древних летописцу:

Sine ira et studio
Без гнева и пристрастия!

Название — нейтральное, воистину беспристрастное: «Дагестан».
Хотя сдержать свои чувства едва ли получится.
Я именно страстно!.. влюбился в этот край!

Книга для писателя — дальняя, неведомая дорога...
Потому я испросил и получил Высшее Благословение.
А ещё, по неписаной русской традиции, перед дальней дорожкой полагается непременно присесть. (Если сорваться сразу, смаху, пути не будет.)
Не стану нарушать.

...

Ну, с Богом!

Фото

На посошок

*Вичин далдамдин гъялай масадан
зурнедин ван къвезвач (лезг.) (Из-за своей
барабанной дроби звуков чуждой зурны не
слышно).*

В две тысячи десятом году я отправился на юг страны, а попал на самый что ни на есть Восток. В Дагестан! Совершил, как и мой тёзка Шурик, главный герой фильма «Кавказская пленница», увлекательную этнографическую экспедицию.

— Понятно. Нефть ищете?

— Не совсем... Я ищу фольклор. Буду у вас записывать старинные сказки, легенды, тосты.

И я тоже искал фольклор, записывал легенды, тосты... заодно поднимал их.

В пути много фотографировал, в итоге накопился изрядный материал. По горячим впечатлениям написал несколько рассказов, очерков, но когда обработал весь благоприобретённый лингвистический массив, стало понятно: может... должна получиться книга.

Справлюсь ли?

Не хочется походить на бодливого самоуверенного барана, чьи рога застряли в стене.

«Это невозможно!» — усмехнулось Злословие. «Безрассудно!» — подтвердил Опыт. «Бесполезно!» — отрезал Авторитет. Мечта шепнула мне: «Попробуй!...»

И теперь, раз взялся за гуж, это уже не просто «творческая прихоть». Нет. Автор видит в том исполнение своего земного предназначения и долга. Долга перед многими-многими людьми, что помогали в поездке, долга перед читателями, кои давно ждут от меня этой книги, долга пред Саидом-Афанди...

Я подсчитал, оказывается, пятый год идёт с момента, как отправился на Северный Кавказ... (Время летит!) А кажется, вчера. За эти годы много событий произошло в Дагестане. И тяжёлых... И трагичных. Всё никак не могу поверить, что список абонентов в моём телефонном блокноте сокращается по причине убийств. Дико, несуразно... Сейчас жизнь в республике, усилиями трудолюбивых отважных горцев, стараниями всей страны, налаживается, превращаясь в райский сад. Однако историю предавать забвенью нельзя. По словам Великого Расула Гамзатова: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Моя книга — слепок с того сложного, трагично-непредсказуемого времени, некий его исторический срез, попытка передать колорит, настроение, дух. Сказочный дух уникального кусочка планеты под названием Дагестан.

Для меня Дагестан — многоцветная палитра знаков и символов! Одни точно отражают внутреннюю суть Страны гор, другие по ошибке укоренились в сознании россиян под влиянием лживых слухов. Хочу на страницах этой выстраданной мной книги публично возвеличить истинную правду и развенчать лукавую ложь.

Итак, символы Дагестана:

Расул Гамзатов; имам Шамиль; Саид-Афанди; бурка; папах; кинжал; рог для вина; мучал; шашлык; хинкал; буза; абрикосы; брынза; сушёное мясо; урбеч; мёд; «Денеб», ислам; ураза; азан; кровная месть; махач; обряд свадебный; кража невесты; обряд похоронный; маслиат; чабан; абрек; ашуг; канатоходец; тамада; вольная борьба; ваххабит; «Горцы от ума»; субботник; дорожные адаты; рекрутские адаты; лезгинка; садака; кунак; гостеприимство; намус; гончарное дело; ковроткачество; селение Кубачи; восточный базар; кизяки; водяная мельница; мусульманское кладбище; аул; сакля; корова; осёл; орёл; конь; бык; баран; осётр; гюрза; солнце; горы; Каспийское море; горные реки; водопады; оползни; Праздник первой борозды; «8 марта»; День Победы; Ураза-байрам; Курбан-байрам...

P. S.

Вася, сосед, каждый раз при встрече язвительно интересуется:
— Всё про своих моджахедов пишешь? «Ребятам о зверятах»?!

Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!
В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы [1].

— Эх!.. Вася, Вася...

Считаю обязанностью покаянно извиниться перед дагестанцами, своими названными братьями, за обидные слова единоверцев. Как открыть сердца людей, как развернуть к истине? Многие ошибочно считают, раз дагестанцы говорят с акцентом, то и думают с акцентом. Спорить с Васей о том бесполезно, лучше напишу книгу, дам прочитать. И пусть другие тоже прочтут, кто действительно хочет познакомиться с самобытным, гордым, мудрым, отважным, гостеприимным и весёлым народом Солнечного края.

С Дагестаном, ставшим мне второй родиной.

*

Примечания:

[1] «Бармалей» К. И. Чуковский;

Соцветие Дагестан

Ахи [1]

*Путник, если ты обойдёшь мой дом,
Град и гром на тебя, град и гром!
Гость, если будешь сакле моей не рад,
Гром и град на меня, гром и град!*

Надпись на дверях [2]

Вот и завершилось моё странствие по Дагестану.

Я перебираю чётки, подаренные Керимханом, и вспоминаю, вспоминаю...

Каждое звено, каждая бусинка — ещё один аул, ещё одна гостеприимная сакля, ещё одна встреча на годекане [3]. В облачении дервиша я обошёл все сорок два дагестанских района и, поставив точку, ритуально сжёг обветшавшее одеяние во дворе Мугутдина за день до отъезда...

Фото [4]

У горцев есть пословица: «Из одного цветка и змея добывает свой яд, и пчела — мёд». Соцветие Дагестан — это духовное богатство и самобытность более тридцати народов, культур, это благоухающий букет природы, языков, конфессий... На соцветии под названием Дагестан я кропотливо собирал мёд. Если бы вы знали, сколько мудрых людей повстречал на своём пути, сколько песен, легенд, исповедальных хабаров [5] услышал, сколько появилось у меня на родине Расула Гамзатова кунаков... Свои опусы в дальнейшем я решил так и помечать — «хабары». Слово в них предоставлено речистым горцам, искусникам и ревнителям родного языка, настоящим патриотам отчизны, которые поведали об уникальном крае с гордостью, с улыбкой, надеждой и верой в лучшее. А иногда с тревогой, грустью и даже горечью... (Настоящий мёд, как и правда, — всегда с горчинкой!) Моя миссия — восстановить их думы и аккуратно, точно дьяк посольского приказа, записать, донести до читателей. Ничего не упустив, не перепутав.

И вдруг озарило: подобная поездка — чудо! Великое чудо, откровение, подарок.

Всевышнему баркалла [6]!

Прошла неделя, как я оставил своё сердце там, в горах, и чувство восторга потихоньку вытесняет грусть. Приехать в Страну Гор легко, покинуть её невозможно... Едва расставшись, скучаю по своим названным братьям, скучаю по Дагестану. (Впору об этом возвещать азаном [7],

точно муэдзин с минарета [8].) Друзья, родственники не могут понять, принять, когда в качестве приветствия я, по привычке, произношу:

— Ассаламу алейкум! [9]

Прошла всего одна неделя, что же будет дальше?

И ещё: эту поездку я воспринимаю как ответственное и обязательное поручение Свыше...

Если черпать информацию из СМИ, в Дагестане уже давно не осталось камня на камне. Когда только прибыл в Махачкалу, супруга дозвонилась по мобильнику и с тревогой спросила: «Сильно ли разрушен город?» Вернулся в Карелию, на свою малую родину, отправляю книги кунакам, работница почты интересуется: «Дагестан — это Россия?» Вася полюбопытствовал: «А деньги там какие? Как у нас, так и у них?»

Да, несомненно, поведать о Дагестане — моя миссия. Рассказать всем, кому это интересно.

Для начала пооткровенничаю с женой: «В Махачкале разрушения случаются... Разрушения ветхого фонда, потому как город строится и хорошеет на глазах». И в доказательство предъявлю фотоснимки. Проведу разъяснительную работу в отделении связи и раскрою им великую тайну: «Дагестан почти два века находится в составе России». Васе непременно покажу деньги, которые там в ходу... Я извернусь убедить маловеров, что Дагестан, Пакистан и Афганистан — не одна и та же страна...

К этой работе, неподъёмной, ответственной и одновременно увлекательной — уже приступил. Но торопливость в таких делах — помощник плохой. Как утверждает легендарный Шамиль из Хунзаха: «Аллах не любит спешки в важных делах!»

Вот несколько ячеек медовых сот...

Основа каждого государства, любого общества, первичная ячейка народа — семья. Это самая бесконечная, непреходящая ценность человечества. Но что мы видим? Страны, достигшие небывалых, беспорных, невиданных-слышанных высот в построении демократии и экономики, в вопросах семьи почему-то оказываются отсталыми. Да, лозунги красивые, но по сути самой семьи-то нет. Права мужа — отдельно, права жены — отдельно, права ребёнка — отдельно. Не дай Бог, мать скажет: «Я тебя пожурю!» или «Отшлёпаю!» — ребёнка забирают в приют, мать — в тюрьму. И считается, что это общество наилучшее. Цивилизованное.

Демократические преобразования приводят к тому, что право личности становится выше прав общества. Великолепные достижения! Европа заплатила за них высокую цену — кровью. Но в итоге семьи-то нет! Европа как раз и вырождается именно потому. (Подсчитано: если в семье один ребёнок, генофонд общества погибает через сто пятьдесят лет.) Они будут вынуждены вернуться назад и укреплять устои семьи. Или европейские народы растворятся и исчезнут совсем, как утопический проект. Отомрут, как высохшая, неспособная к плодоношению ветвь яблони. Совсем другое дело российский Восток. Сегодня в Дагестане слово старшего — авторитетней суда юридического. Решение родителей для детей — высший вердикт. Да, в Дагестане несколько фривольно относятся к соблюдению законов, но здесь есть нечто более важное, чем законы. Здесь есть семейные и общественные ценности. Вековые традиции! Адааты!!! [10]

Президент Магомедсалам Магомедов стремился навести порядок в республике, искоренить взяточничество. Светские методы борьбы отторгаются джамаатом... [11] Однако в Исламе существует неписаное правило: если мусульманин поклянется на Коране и нарушит клятву, то Аллах покарает клятвоотступника и его близких. Причём не важно: верите вы в это или нет, проклятие действует даже на атеистов-кафиров. Шейх-устазу [12] Саиду-Афанди из села Старый Чиркей я высказал идею: «Может, перестать выяснять, кто брал взятки, кто не брал. Пусть каждый чиновник в присутствии духовного лица поклянется на Коране, что не примет мзду с сегодняшнего дня». Саид-Афанди аль-Чиркави идею горячо поддержал, однако выразил сомнение, что власть пойдёт на это...

Не скрою, пользуясь редким случаем, я обратился к святому старцу и с личной просьбой... Нет, я просил не золота и должностей, не жизни вечной...

— Помогите написать книгу о Дагестане. Лучшую!

Он обещал.

Адаты в Дагестане имеют огромную силу.

Горцы хорошо знают, как встречать гостей, как провожать. Что должно быть впереди, что сзади. Дети знают место своё, родители — своё, бабушки-дедушки — своё. А вся Европа иступлённо гордится социальными отстойниками — «хоспис» именуется: «Поллюбуйтесь, какой заботой мы окружили стариков!» В Америке информируют великовозрастных детей: «Ваша мать умерла. Какие будут распоряжения?» «Похороните, расходы оплачу». И это всё! Всё, на что готовы дети.

Мне кажется, это страшно...

На Востоке избавляться от собственных родителей не принято. Это считается предательством и строго запрещено. Харам [13]! Сын, который взял на себя такой грех — проклят тухумом [14]. Упрёк-вопрос: «Ях-намус? [15]» — стеганёт по лицу большей плети. В Европе всю процедуру погребения норвят обстригать тихохонько: не дай Бог ненароком омрачить, потревожить соседей. Стараются, чтобы человек ушёл из жизни максимально незаметно.

В Дагестане всё откладывают, идут хоронить.

В Дагестане — другие ценности.

Майор погранвойск Игорь Сергеевич.

Отслужил в Дагестане двенадцать лет, получил повышение, переводится на новое место службы — Выборг, Российско-Финляндская граница. Я присутствовал на щедрой отвалной... Познакомились: родом из Нижнего Новгорода, там отец, мать, сестра...

Разговорились по душам:

— Не поверишь... Сижу в питерском ресторане с генералами... Принесли счёт. Каждый в уме прикидывает и расплачивается только за се-е-бя!.. Ума не приложу, как буду жить с этими «урусами»?!

— Игорь, а сам-то ты кто?!

— Я-то... чернож...пый!!!

Да, на Востоке не всё идеально. Было бы просто неумно идеализировать Восток. Если существуют какие-то успехи, преимущества, разумеется, чего-то не достаёт (замечено и доказано ещё нашим Ломоносовым). То же самое в Европе с Америкой, где достигнут пик социально-экономических преобразований... В силу физики-математики: где-то — густо, где-то — пусто. И закон компенсации гласит: «Если одна нога короче, вторая обязательно длиннее!»

Я думаю, что знаю, чего не хватает в Европе с Америкой...

Там нет искренности.

Там нет душевной теплоты, какую встретил в Дагестане.

Там и богатство — не баракат [16].

Там все, улыбаясь, интересуются: «How are you?» Но, не дай Бог, ты остановишься и начнёшь рассказывать, как именно ты «хаваешь»... Никто и слушать не будет. Мало того, все сочтут: «Сумасшедший!» Английский вопрос «How are you?» (Как поживаете?) предполагает практически только один ответ: «Fine, thank you!» (Спасибо, хорошо). Галина Волчек, известный режиссёр московского театра «Современник», рассказывала, как, находясь в Америке, она провела своеобразный эксперимент. На вопрос «How are you?» Поспешно выпалила: «У меня муж утопился». На что услышала обычное: «Рада слышать». [17] К сожалению, цивилизация убивает прямодушие и теплоту. Чем больше мы стремимся к цивилизации, тратим усилий, домогаясь благ её, тем сильнее теряем Человека в себе. Сейчас-то я точно знаю: самые открытые люди живут в горах. В горской сакле нет «джакузи», удобства — на улице, но зато теплее, искреннее на свете людей не сыскать.

Это истинная правда!

Это так.

Моя малая родина — Карелия, вера — православная. (Родинки не смоешь.) Но это не должно мешать слышать других людей, другие народы. Как говорит Гамзат из селения Леваша: «Я привык спать на левом боку, но тот, кто спит на спине, мне не враг!» Ныне произошло смещение понятий. Когда призывают к толерантности, политкорректности, диалогу цивилизаций,

то в реальности одна цивилизация только делает вид, что пытается, якобы, понять другую. Не нужно понимать! Вникать нужно, изучать нужно.

Любить надо её!

Прошла неделя, как уехал из Дагестана...

И тоска, вселенская тоска... охватывает, когда понимаю, что с людьми, ставшими дорогими, не могу увидеться, когда захочу. Они запали в душу мою и заняли там особое место: Мугутдин из Дербента, Майрудин из села Касумкент, Демир из села Ахты, Керимхан из Докузпаринского района, Камиль и Али из Хивского района...

Я перебираю чётки-имена...

...Масан из Кураха, Рашид из села Кули, Юсуп из Кумуха, легендарный Шамиль из Хунзаха, Гапар из села Хебда, Магомед из села Генух, Мухтар из Казбековского района, Мурад из Терекли-Мектеб, Магомед из Кизилюрта, Сайгидпаша из Хасавюрта, Гамзат и Арслан из села Леваша, Сабир из Дербента...

Это те соцветия Страны языков, которые даровали мне нектар.

Солнечный нектар мыслей, чувств... нектар слов.

Остаётся теперь превратить его в мёд и вернуть людям.

Кинсабиану! Дерхаб! Сахли! [18]

Или попросту — киндерсах!

*

Примечания:

[1] Ахи (собств.) — жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлестывают эмоции исключительно восторженные;

[2] Расул Гамзатов;

[3] Годакан — центральная площадь у народов Кавказа, место общинного схода;

[4] [1] Здесь и далее: если не указана фамилия фотографа — автор я;

[5] Хабар — рассказ, молва, слух;

[6] Баркалла — спасибо (аварск.);

[7] Азán (араб.) — в исламе призыв к молитве;

[8] Муэдзин — читающий азан;

[9] Ассаламу алейкум! (араб. — мир Вам; дословно: мир на Вас) — исламское приветствие;

[10] Адат (от араб. — обычай, привычки) — у тюркских и ряда других народов — обычное право (то есть право, основанное на обычаях), возникший и существовавший у этих народов в доисламский период;

[11] Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;

[12] Устаз — наследник Пророка, учитель.

[13] Харам (араб.) — в шариате запретные действия;

[14] Тухум — родственная группа у народов Кавказа;

[15] Ях-намус? — Совесть есть?;

[16] Баракат — (араб.) — «благодать, небесный дар». С шариатской точки зрения ученые-богословы говорят, что баракат — это Божественная тайна. Баракат — это прибавление и дополнение.

[17] А. В. Павловская. Как делать бизнес в России. Путеводитель для деловых людей.;

[18] Кинсабиану! Дерхаб! Сахли! — тост соответственно на лакском, даргинском и аварском языках с пожеланиями здоровья и всего хорошего.

Дагестанский язык

— Ты уразу держишь? [1]
— Да.
— На каком языке?

NN

В арабском языке «словарь» и «океан» обозначены одним словом. [2]

Все основания для того есть...

И очень важно выбрать крепкую, ладную шхуну, которой нипочём девятый вал, шквалистый ветер; которая с уверенностью может пересечь любой океан, словарный в том числе. Какой язык выбрать для рассказа о Дагестане? Аварец, не раздумывая, предложит аварский, кумык будет всячески ратовать за кумыкский, даргинец станет запальчиво перечислять достоинства своего, родного, даргинского языка... Рутульцы, ногайцы, лезгины, азербайджанцы, бежтинцы... У них — свои. В Дагестане чуть не в каждом ауле, ежели не особый язык, то уникальное наречие... Мало того, у аварцев, плюс ко всему, ещё традиционно сложился «бол мацI» — «язык войска», на котором они общались между собой во время боевых походов.

Дагестан — Гора языков!

Ветхозаветное предание гласит: когда Всевышний нёс по небу хурджин с языками, чтобы рздать людям поровну, то зацепился за вершину скалы в Дагестане, хурджин порвался, и языки высыпались щедрой горстью. Поэтому их так много в этом уголке земного шара. А ещё на протяжении веков дагестанцы сменили несколько систем письма: клинопись, «хазарское письмо», «гуннское письмо», затем использовался арабский алфавит, потом его перевели в соответствии с кавказским произношением — получился «аджам», позже «латиница», и, наконец, остановились на «кириллице». Несколько раз делались попытки найти единый ключ к пониманию, одну языковую систему координат. В итоге языком межнациональным, языком политики, литературы, любви, дагестанским языком — стал русский. Сохранив на небе звёзды, горцы выбрали себе единое солнце. Вот на этом дагестанском языке и решил я писать об удивительной Стране Гор.

— Раз! Два! Три! Как слышите меня? Приём! Как понимаете? — проверка связи.

Ну, раз понимаете, — поехали!

Впереди нас ждёт много интересного, парадоксального...

Новое поколение горцев выросло уже на русском, в школах учили на нём. Что касается разговорной русской речи, сленг практически отсутствует. Русский язык учили как иностранный, на лучших литературных образцах, по первоисточникам неискажённым — «академический вариант». (Не раз данное обстоятельство заставляло меня врасплох: кунаки начинали страницами декламировать Пушкина, Лермонтова, водитель маршрутки в Махачкале, походя, завернул фразу из Фонвизина...) Мой знакомый, Мухаммед из Гуниба, заканчивал МАИ в Москве. Приёмная комиссия на экзамене по электромеханике, получив его работу, попросила прямо при них написать несколько букв, сверяла почерк. Думали, списал. Молодой человек ведь из Дагестана, а почерк каллиграфический и... вызывающе грамотно.

А вот единых терминов, названий населённых пунктов в Дагестане не существует. Даже в официальной переписке! Каждый чиновник, народом избранный, руководитель сельской и тем паче районной администрации придаёт названию села, природным явлениям, утвари — всему! — звучание, ласкающее слух именно его тухума... (Шпионам там делать нечего, обучить их невозможно, они сразу себя выдадут!)

Итак...

Родом я из Карелии, из прекрасного уголка на Северо-Западе России, дивного края лесов, озёр, скал, рек и водопадов. Родным языком моей матери явился язык карельский. Однако в советские времена запрещали общаться на нём. Да, именно запрещали... Даже между собой. Даже в повседневной жизни. Сначала просто делали замечание, потом брали наивного говоруна на заметку, и маленький, неброский ярлычок «националист» портил человеку карьеру и саму жизнь.

Ладно, язык... Настоятельно отговаривали при получении паспорта указывать какую-нибудь национальность, кроме «русский». Со мной тётенька-инспектор терпеливо беседовала, объясняла, что записать «русский» будет правильной, лучше для меня и для всех. Она дважды заворачивала мою анкету вместе со мной, отправляла домой «хорошенько подумать, посоветоваться с родителями», доверительно поглаживала по плечу... Я столь же деликатно, уважительно, так же мягко настоял на своём, и в графе национальность записал «карел», хотя мой отец чистокровный русак, волжанин... Почему? Непростой вопрос. Карелы — вымирающий народ (к этому государство приложило немало сил). А меня, как и всех русских, возмущает несправедливость... У нас обострённое, более тонкое чувство справедливости от природы (это не «плюс», не «минус», особенность такая). Возможно, для того, чтобы отдать свой голос в защиту слабого, эдак поступил. (Сейчас так думаю, в шестнадцать лет думать нечем.) У моей жены ситуация проще: мама латышка, отец карел, естественно, по паспорту, она... русская. Вот такая вот арифметика...

Я просто счастлив, что времена сменились.

Сегодня никого не интересует, кто ты по национальности — даже графы в паспорте нет. Изучай свободно любой язык... (Ежегодно 21 февраля по инициативе ЮНЕСКО отмечается Международный день родного языка.) У нас теперь карельский преподают аж в двух школах!

Когда повзрослел, начал больше, системней читать, открыл интересную особенность: языки, расы, народы, вера изменяются не только и не столько под воздействием властного «хочу-нехочу». В мире существуют таинственные, более могучие тектонические силы. Глобальные изменения под воздействием их заметны лишь на срезе веков. И, самое интересное, бесполезно искать, кому эти новшества на руку. (По секрету скажу, никто не рад — ни те, кто вынужден покидать родину, ни те, кто встречает гостей: «Понаехали!»)

Гост от Гасана из Рутула:

— Давайте выпьем за чистую Маскву! Чтобы всех вигнали: грузинов, азигов, армян, дагов, чеченов... Чтобы асталысь толко ми — русские!..

Отчего так происходит?

Загадка.

В Ветхом Завете сказано, что когда-то была одна вера, один язык, один народ... Люди плодились, множились, самоуверенность их росла, и однажды они решили в граде Вавилоне построить башню до неба, дабы не зависеть больше от козней Бога с его потопом. Люди возомнили, будто могут стать равными Богу... Господь наказал самонадеянных, неблагодарных людей. Он разрушил башню, рассеял людей по свету, разделил их языками, национальностями, вероисповеданием, цветом кожи, чтоб они перестали понимать друг друга и никогда больше не могли объединиться в худых замыслах против него.

Однако, похоже, процесс начал раскручиваться в обратную сторону.

По данным ЮНЕСКО, в мире около 7000 языков. И в среднем исчезает по одному языку в два дня. Пройдёт ещё лет пятьдесят и...

Ремейк

— *Теперь варяги повсюду.*

— *Не будет их.*

— *...Куда денутся?*

— *Все станем гражданами мира.*

Из разговора на кухне

Наполовину я — москвич,

Лишь краешком — карельский внедорожник,

Так представляюсь в свете.

И редко добавляю «Викторович».

О малой родине, увы,

Теперь немодно вспоминать

И заявлять причастность к ней публично...

А уж тем паче неэтично

Прямую кровность подмечать.

Да, видно по всему, идёт народ
К чему-то среднему —
Утряскам и усушкам...
В смятенье хочется сказать мне не «идёт»,
А... «идиот» куда-то.
Не сладен кажется
Тот даже не коктейль, а взвесь
Несовместимых прежде гредиентов.
Однако кушать — всем.

И то — не наш каприз!
Ведь даже *за* морем,
Где правил Ку-клукс-клан,
Повторно вызывается на бис,
И верховодит всеми «загорелый».
Границы неизбывные стирают
Повсюду на земле,
Во всех пределах.
Так скоро я по цвету отличусь
На родине своей.
Едва ли дело...

Похоже, языки, окрас и вера,
Свалившись со стремянки Вавилонской,
Распались в пыль в дни оны
Не навек.
Сбиваясь вновь!
В один скипают сплав,
Собой, помимо воли, образуя
Вселенский столп Богославленья...

И крутит Режиссёр кино назад
Себе в потеху,
Нам на изумленье.

Что-то похожее уже начиналось в СССР.

Партийные вожди пытались смешать национальности, сформировав единую общность «советский народ».

— Кем был Адам?

— Конечно, советским человеком.

— Почему?..

— Только советский может разгуливать без штанов и считать, что он в раю.

А покуда этого не случилось, пока все звёзды не переплавились в одну ненасытную вселенскую чёрную дыру, либо вторую лунищу, мне захотелось попасть в российский Вавилон — край языков, национальностей, легенд, преданий, адатов и мудрости — в Дагестан. Я шагнул за порог своего дома не столько себя показать и мир посмотреть, — познать себя. В чужом доме побывать — в своём гнилое бревно увидеть.

Для того дорога и дана, чтоб души вниманье не дремало.
Человеку важно знать немало, потому дорога и трудна.
Человеку важно знать свой дом. Весь свой дом, а не один свой угол [3].

Языки, языки...

Завидую полиглотам, преклоняюсь пред знатоками.

А ведь каждый дагестанец свободно владеет двумя-тремя. Следовательно, для них и свой многослойней, ёмче. Как бы я хотел... В школе, начиная с пятого класса, изучал, штудировал, зубрил, грыз английский. В итоге: «карандаш — э пенсил, парта — дэск, девушка — чувиха». Если б не фильм «Джентльмены удачи», даже этого бы не знал. Нас учили так, чтобы оказавшись во вражеском плену, мы ничего не могли выдать даже под пытками. А ездить за границу на танке

— никакой иностранный язык не нужен. Про изучение карельского я рассказывал, а русский... Постигаю его полсотни лет и конца-края не видать. Это космос какой-то, вселенная бесконечная, безграничная! Ещё по дороге в Дагестан сильно переживал: смогу ли установить коммуникационные связи с местным населением. Настраивался на ходу изучать восточные языки и боялся одного, чтоб не получилось, как в старом анекдоте:

Японский гид хвастается перед группой советских туристов:

— Все японцы холосо знают лусский язык. Я его тозе знаю отлисьно. В день я изусяю по десять слов. В год полусяется тли тысси сэссот пядисят слов. И всё это я делзу вот тут, — показывает на голову, — в зопе.

Однажды в Бежтинском районе, пытаюсь спастись от зноя, я забрёл в горный омут, студёная вода — по щиколотки, по колени... выше, выше... А! По... по-яс...

— Холодно, ё-п-р-с-т! — а сам про учёбу ни на секунду не забываю. — Гасан, как по-аварски будет «Ё-п-р-с-т»?

— Есть пробелы в аварском, бэлый пятна. Но я тебя понял хорошо...

Признаться, аварский язык меня поразило сильнее других: он напоминает треск, скрежет шестерён в коробке передач. А ведь гуканье матери на аварском грудничку — слаще мёда. Став взрослым, джигит не придумает лучше, как в любви девушке объясняться именно на аварском. Стороннему наблюдателю покажется, что парень захлёбывается, с дикцией нелады, меж тем его избранница в жизни ничего приятней, мелодичней не слышала и давно ждала этих певучих слов. Для стороннего уха «скрежет», а это родной язык мастера поэтического олимпа, великого Расула Гамзатова.

Зря боялся, что не поймёмся... Собеседники мне попадались большей частью деликатные, при необходимости переходили на русский, добиваясь полного уразумения. Когда поездка по районам завершилась, Абдула тонко польстил мне:

— Ты похудел.

— Честно?

— На азербайджанском скажу — не поймёшь. Поклянусь по-русски: бля, буду!

Непросто постичь Дагестан.

Он порой сам себя «не догоняет». Зачастую соседние сёла «выражёвываются» по-своему, но горцы всегда принимают, считаются, уважают собеседника.

Каждый цветок Дагестана настолько уникален сам по себе, так ярко, душисто, что кажется рядом, в одну вазу, уже ничего поставить нельзя. Однако собранные вместе, они гармонируют, дополняя друг друга. Медосбор с альпийских лугов, с горного разнотравья гораздо целебнее, вкуснее, богаче на вкус, чем с одного вида трав. В итоге из несочетаемого получился богатый букет, имя которому Дагестан.

*

Примечания:

[1] Ураза (тюрк.), рузе (перс.), саум (араб.), 30-дневный пост у мусульман в месяце рамазане. Восходит к древнеараб. культам. Условия поста регулируются Кораном (сура 2): мусульманин должен воздерживаться от пищи, питья, игр, зрелищ в течение дня до наступления темноты. Обязателен для всех верующих, кроме детей до 7 лет, больных, беременных женщин, безумных, путешествующих. Пост, прерванный из-за болезни или путешествия, надлежало возместить в другое время. В связи с тем, что мусульманский год лунный, рамазан, а следовательно, и Ураза каждый год приходится на разное время года. В некоторых сёлах Дагестана мулла принимает решение о начале Уразы самостоятельно и потому даты не совпадают. (В селе Халматюр Бабаюртовского района в 2010 году Уразу объявили на день позже.)

[2] Наибольшее распространение в мусульманском мире получил словарь Фирузабади (XIV век) «Al-qamīṣ al-muḥīṭ» (Океан океанов), с тех пор в арабском языке слово «океан» означает также «словарь».

[3] Виктор Берковский «Закон дороги простой».

Поезд «Москва — Махачкала»

*Дагестанец прибывает поездом «Махачкала-Москва»
в столицу и орёт:*

— Насыльцики! Насыль-ци-ишики!

Те сбегаются, думают вагон груза. А он им радостно:

— Вам привёт от махачкалинских насыльциков!!!

NN

Москву окутала терпкая жара.

В полдень, под густой тенью, столбик термометра решительно пересёк отметку «тридцать пять градусов», и одному Аллаху было известно, куда он стремился дальше.

Я, крещённый человек, упомянул Аллаха... Почему? Кто знает?! Веру менять не собираюсь, наша роднее. Православие — традиционная вера моих дедов, прадедов. (Родители — особый случай — атеисты, впрочем, неагрессивного толка.) К тому же не зря завещано: «Пусть умножаются скорби у тех, которые текут к Богу чужому». Я не «теку»... [1] Просто на Казанском вокзале, хоть и в Москве, уже совсем другой, не славянский дух: иной говор, внешность людей, одежда... Да, безусловно, Бог един, но разве одному, без помощников за всем уследить?.. Я стою на посадку в поезд «Москва — Махачкала», а, следовательно, перехожу под юрисдикцию исламского «полпреда». Сменился провайдер! Возможно, и само название столицы здесь на перроне следует произносить по-тамошнему — «Москвэ»; еду не «в Махачкалу», а «в Махачкала».

Фото: Поезд «Москва — Махачкала»

Дагестан на сегодня — самый беспокойный регион, и поезд не зря подали за час до отправления: проверка, формальности... В салоне духотища!!! Кондиционера нет. Вагон приоткрытыми окнами щербато посмеивался над нами. Плацкарту выбрал не случайно — решил погрузиться в атмосферу восточных традиций с первой минуты. А для начала решил сделать беспроигрышный ход: «Е2 — на Е4» — переодеться. Снял брюки, повесил на скобу, аккуратно разровнял стрелки, натянул шорты. Соседка застыла с надкушенным яблоком во рту... (Мой дебют заи-и-интриговал её!) Поощрённый вниманием, желая дальше слыть элегантным джентльменом, я предложил:

— Давайте знакомиться, Александр.

Народ постепенно набивался в вагон... Потные граждане занимали свободные места, откидывали полки, укладывали вещи. Поезд тронулся... Пассажиры, самая счастливая категория граждан, не мешкая, начали шуршать свёртками, жевать, глотать, булькать, шутить:

— Ты помидоры любишь?

— Есть люблю, а так нет.

Грудная кроха на руках у матери безутешно плакала:

— Дерзкая девчонка растёт, — со знанием дела определил парень, пробираясь мимо.

Проводник в нашем пятнадцатом вагоне Калимат (так явствовало из нагрудного бейджика), проходя по вагону, останавливаясь между двумя купе, делала объявление:

— Уважаемые пассажиры! Туалетом во время стоянки не пользоваться, оба туалета буду закрывать там, где санитарная зона. Остальное время, если закрыто, значит, занято. Товарищей-курильщиков прошу дымить в нерабочем тамбуре, окурки на пол не бросайте и, пожалуйста, не сплёвывайте. Надеюсь, у меня едут не верблюды. Нижние полки столько же, сколько верхние. Если досталась верхняя полка, пассажиры не виноваты. Они не птички, не обезьянки, лежать круглосуточно не могут. Уступите половину сидячего места нижней полки верхнему пассажиру!

Прежде таких речей от проводника я не слыхивал.

Калимат поведала нам, где находится вагон-ресторан, сообщила о запрете распивать в вагоне спиртные напитки с пивом, о том, что нельзя выбрасывать мусор из окна... На протяжении всей поездки она трижды в день устраивала влажные уборки вагона и была неизменно дружелюбна. «Вот первый человек, с которым нужно поговорить о Дагестане!» — решил я.

Калимат согласилась:

— Люди у нас хорошие, только Вы не езжайте один, беспокойные времена. Сегодня в любом районе не знаешь, на кого нарвёшься. Боевики объявились. Идут, укутавшись, злостными глазами на тебя зыркают... Если б могли убить глазами, убили бы. Нормальные люди днём работают, днём молятся, ночью спят. А эти ночами разбойничают. Раньше всё на уважении было, всегда мирно, дружно. Народ у нас терпеливый, связи родственные крепкие, отношения добрососедские. Если у тебя радость — все приходили. Горе — опять все. Теперь не так... Тех, кто за двоюродными идут, уже стараются отдалить. Очерствели люди! По сёлам не езжайте. Будьте осторожны! Бережёного Бог бережёт. Никто в лес за ягодами, за орехами не ходит... Пропала лошадь, пропала корова — не ищут. Убивают в лесу. Поезжайте в большие города: в Каспийск можно, в Огни, Махачкалу... По сёлам не надо.

— Никто не знает своей судьбы. А что случится... Все мы гости на этой земле.

— Вас просто тянет туда, поэтому так говорите. У нас очень много умных, начитанных людей. Что есть — то есть. Один Саид Аффенди чего стоит.

— Кто такой?

— Устаз — святой старец в селе Старый Черкей. Я была у него для спасения души. Вот к нему сходите. Увидите — он про Вас всё знает.

— А как принято уважительно здороваться в Дагестане?

— Салам алейкум! Мир вашему дому! Кто с таким приветствием заходит, считается гость Аллаха.

Мы увлечённо беседовали в купе проводника, внезапно дверь рванули... К нам по-хозяйски впёрлась женщина в цветастом халате и ехидно бросила Калимат:

— Ты закрылась с мужчиной? Сейчас мужу позвоню...

— Звони. Я мужа не боюсь, Аллаха боюсь...

— Муж — второй Аллах для жены.

Развернулась, выскочила.

— Моя напарница из соседнего вагона, — огорчённо произнесла Калимат.

Если это была шутка, то неуклюжая, наглая. Разговор не клеился и я, поблагодарив, вышел. Забрался к себе на вторую полку, высунул руку в окно. Тугой, горячий воздух обтекал её, обжигая. В Саратове на станции обливались из шланга. Температура «+45». Пекло...

На второй день пути соседка по купе проглотила-таки откушенный кусок яблока и назвалась:

— Патя.

Для чего я поехал в Дагестан?

Неужели у нас в Карелии мало интересных людей?.. Да нет, вроде хватает. Разве мало красивейших мест?.. Полно. Но Карелия — моя родина. В ней знаком каждый уголок. Писатель же нуждается в притоке эмоций, впечатлений. Разных, сильных, новых. А в Дагестане необъявленная война. Друзья в Москве отговаривали от поездки: «Там стреляют, взрывают, убивают. Подумай хорошенько!» Вот и проводница о том же... Однако, что для обывателей неоправданный риск, для человека творческого — питательная среда. Бабель записался в конную армию Будённого, затем в ЧК в поисках реальных сюжетов для своих рассказов. Экзюпери служил военным лётчиком. Хемингуэй на передовую военным корреспондентом. А Лев Толстой, Лермонтов нанюхались пороха на Кавказе. Война — «великая проявительница», подметил русский философ Николай Бердяев. Именно на грани жизни и смерти человек наиболее ярко проявляет внутренний мир, выказывает себя во всей пленительной красе или пугающем уродстве. Что может быть для писателя интересней, важней? Ничего. Кавказ всегда вдохновлял писателей: Есенин за пять месяцев пребывания написал здесь тридцать три произведения — исключительно плодотворный период! А Пушкин?!

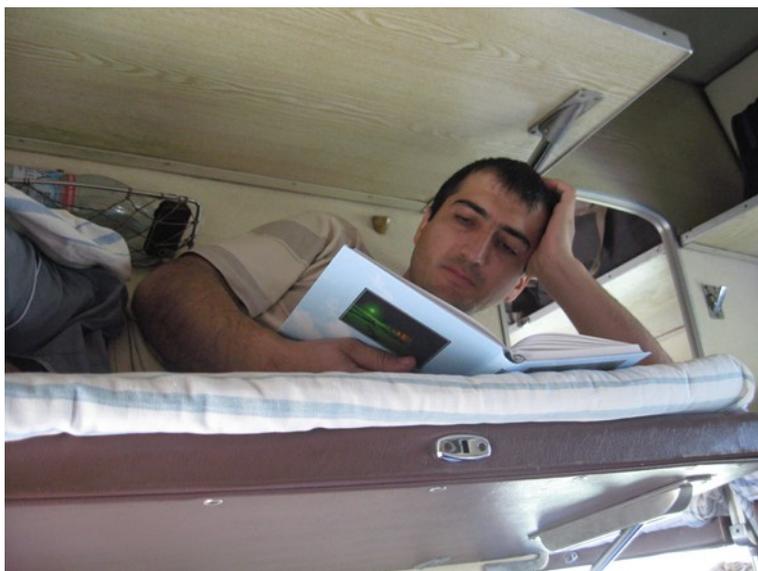
Колёса отбивали своё незатейливое ту-дук — ту-дук...

Вагон раскачивало.

Поезд летел по Волгоградской области. Справа, слева — степи, степи, степи. Унылая однообразная картина от дорожного полотна до самого горизонта час, два, три... день... Зброшенная земля, сколько хватает глаз. Сосед по купе Тимур, вглядываясь вдаль, задумчиво произнёс:

— Слышал, не знаю, правда-нет: на каждого жителя страны приходится по сорок два гектара. А захочешь участок взять, встанешь одной ногой, сразу хозяин найдётся.

Фото: Сосед по купе

Тимур дал мне номер своего мобильного, пообещал познакомить с главой района.

— Вот он умеет рассказывать. Часами!

— После того, как выпьет?

— Он трезвый — пьяный!

«Наш человек! Непременно найти!!!» — пометил я в блокноте и поставил три восклицательных знака. Земля слухом полнится.

Чёрной ночью на линии горизонта — замелькали беззвучные вспышки зарниц: «Прям, артподготовка... установки залпового огня». А кто знает, вдруг...

На Северном Кавказе который год идут, пусть локальные, но бои... В подтверждение — и ежедневные репортажи по телевизору, и то, что поезд идёт кружным путём, и даже то, что состав к перрону подали за час. В Послании Президента РД народному собранию приведены

красноречивые цифры: «За период с 2000 по 2010 год совершено 99 террористических актов; 743 посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, в результате погибли 420, ранены 696 сотрудников, убиты 81, ранены 337 мирных граждан». Если это не война, то что? [1]

Поезд остановился на границе Калмыкии. Станция Артезиан. Пассажиры с гомоном высыпали из вагонов: курили, прохаживались вдоль состава, потягивались. Изнывая от жажды, духоты, купил на перроне бутылку замороженной воды, стал посасывать талую влагу. Небывало большие насекомые, похожие на огромных комаров, тучей летали вокруг уличных фонарей, садились целыми стаями на лицо, на открытые участки тела. Я отмахивался от них, едва перемешивая в воздухе, словно тяжёлые колосья высокой ржи при ходьбе. Упала на лысину первая капля дождя... Тяжёлая, огромная. Брызги по сторонам! Вторая капля на плечо. Я направился к вагону, и тут — ливень стеной. Грянул гром. Под его мощные частые раскаты поезд тронулся. Все насекомые, которых видел на улице, теперь кишели в вагоне. Открытые окна для комаров — недвусмысленное приглашение в гости. Воздух в вагоне стал густым от них... А молнии софитами слепили глаза. Раскаты грома делались страшнее, и уже каждый новый залп грохотал одновременно со вспышкой: небо пристрелялось и било по нам прямой наводкой; вагон сотрясало от разрывов. В соседнем купе навзрыд плакал грудной малыш. Никто не спал. Женщины, привстав с мест, с ужасом таращились в окна, неистово молились и ждали самого плохого...

Видал я за свою жизнь немало гроз, однако эта, неистово бушующая в раскалённом воздухе калмыцкой степи, запомнится мне на всю жизнь.

Утро. Солнышко.

Поезд мчит по Дагестану, кругом степь, степь, степь. (Вот тебе и Страна гор.) Машинист каждому встречному машинисту-джигиту подавал приветственные гудки.

— Он, наверно, раньше таксовал в Махачкале. Интересно, если на самолёт пересадить?.. — вслух задумался я.

— Уважаешь? Уважай до конца! — вступился за землю Хамид и, заметив, как я черкнул фразу в блокнот, добавил: — Ни разу не встречал настоящего литератора... Вы хотите написать о нас? И про студентов интересно?

— Если яркие национальные особенности.

— Яркие, яркие... Сам я студент ДГУ. У нас как: поодиночке все культурные, вежливые, уступчивые, соберутся в толпу — дикие, неуправляемые. В парке один на другого глянет:

— Чё ты вылупился?

— А, чё, нельзя?!

— Нельзя!

Шайтан-удар! Пошло-поехало...

Фото

Если назревает конфликт, в ДГУ не дерутся — за это отчисляют. Рядом парк «Комсомольский», вот там. Писать заявление в милицию не принято: никто после этого уважать не будет, разбираться нужно самим. Приезжал к нам Президент Палестины. Установили рамку-миноискатель на входе, изъяли кучу огнестрельного оружия, ножей, электрошокеров. Некоторые преподы ходят в ДГУ с пистолетом — боятся студентов. Молодая женщина, преподаватель «Государства и права» слишком требовательно принимала зачёты, ни знакомства на неё не действовали, ни взятки брать не хотела. Пацаны затащили в машину, изнасиловали. Четыре дня в универ не показывалась. Никого не наказали. Кого наказывать? Какой там «худуди»? [1] На юридическом факультете учатся дети хакимов, милиционеров, прокуроров, судейских... Богатые в Дагестане молятся в сторону банка.

— Преступники есть везде.

Какая-то станция: постройки торговые, служебные вплотную к перрону. Несмотря на ранний час, людей много: с узлами, баулами, кто садится на поезд, кто вылезит, кто торгует.

Гудок тепловоза. Из динамика на ломаном русском проскрипело:

— Мнэ поезд сказаль, сэйчас пошэль Махачкала.

Похоже, туда еду...

А вот и долгожданная столица Дагестана.

Комары бесплатно, всем табором, тряслись с нами до самой Махачкалы. Как они будут добираться обратно в Калмыкию? Ума не приложу... По приезду у меня дико разболелось горло (талая вода!), и мне было уже не до них.

P. S.

Столицу Дагестана называли Махачкала в честь героя гражданской войны Махача Дахадаева. Лихой, судя по всему, был джигит. Благодаря ему русский язык обогатился смачным, ярким словом. «Махач» по-русски — безудержная массовая драка, переходящая в побоище.

*

Примечания:

[1] Стогольмская категоризация военных конфликтов считает боестолкновение войной, если погибло более 1000 человек;

[2] Худуди — наказание;

Дембель

День радости краток.

Арабская поговорка

Он неподвижно лежал в одежде поверх покрывала и, казалось, не спал.

Я вышел в город, вернулся ближе к полудню. Он сидел на кровати, растерянно глядя перед собой. Совсем пацан! Среднего роста, сухощавый; взъерошенная чёлка русых волос. Рядом с кроватью блестели туфли восточной работы. То, что именно восточной, голову даю на отсечение: щёгольской каблук набран из аляповатой череды чёрных и белых прослоек. (Такое в голову не придёт ни одному европейцу...) На тумбочке — пачка сигарет «Winston». «Эстет!» — окрестил его мысленно и, не утерпев, спросил:

— Ты чего такой? В воду опущенный... Как зовут-то?

Он ответил не сразу, приходя в себя... освобождаясь от пелены отрешения.

— Виталик.

— Ну, двигайся, Виталик, ближе к столу. Давай, давай!

Слово за слово, выудил: у Виталика закончился срок срочной службы, его демобилизовали, выдали на дорогу, сколь положено, денег. Он рассчитал: на плацкартный билет до родного Ижевска, на питание. Из воинской части, расположенной в Буйнакске, маршрутка довезла до Махачкалы. Время было... Прогулялся по магазинам: купил матери платок; денег хватило ещё на новые туфли и пачку американских сигарет. Именно такими грезилась ему первые часы свободы на гражданке: глубоко затянуться сигаретой «Winston», выпустить кольцом дым, кончиком указательного пальца стряхнуть пепел на пол. Но потом всё не заладилось... В кассе железнодорожного вокзала ждали неприятности — плацкартных билетов нет: «Подойдите к отправлению поезда, может, кто сдаст»... Благо, приютили добрые люди в комнате отдыха. Он, словно беспризорник, ходил к отправлению каждого поезда, просился на третью полку — не брали...

— И сколько вот так, между службой и гражданкой, висишь?..

— Третий день.

— Получается: из части выпихнули, с довольствия сняли, добираться, как знаешь. А купейные места?

— Есть.

— Ну, тогда придумаем что-нибудь... Ты куда собрался, перекуси...

— Я взад-перёд. На кассе велели подойти к четырём.

Через пять минут вернулся сияющий, вприпляс протанцевал к столу.

— Нашла билеты: до Саратова и от Са-ра-това! Сегодня — домой. В Россию! Через два часа.

— Мир не без добрых людей.

— Да. Кассирша, хоть не наша, помогла.

Виталик светился и сидя притопывал, выбирая помидорчик, ломтик мяса.

— На службе как паёк?

— Кормили прекрасно. Намного лучше, чем в учебке под Москвой. Там один стол на десять человек: кому достанется, кому — нет. А здесь на поднос набираешь. Не наелся — иди по второму кругу. Я ещё школьником с родителями ездил к старшему брату на присягу, притаранили с собой продуктов. Смотрю на него: разве можно есть одновременно конфеты, курицу, коржик?.. Когда сам попал в учебку, вспомнил об этом: «Вот сейчас бы те конфеты и курицу! Тоже б не растерялся».

Он мечтательно улыбнулся, продолжая вкушать яства с достоинством, неспешно.

— В учебке присвоили звание «младший сержант», перекинули сюда. Всю службу провёл в военном городке: шесть месяцев куда носа не казали, только на стрельбище выезжали.

— Ну, и как тебе дагестанцы?

— Местные... Они же совсем не такие, как у нас говорят: «грубые, жёсткие». Хотя, когда в учебку приехал покупатель-дагестанец, я решил: «Труба!»:

Двадцатилетний буратино
С надеждой едет на Кавказ
Он одинок ему сказали
Там могут вырезать семью [1].

Нет, ничего. Обошлось.

Обстреляли один раз за всю службу, когда возвращались с дальнего полигона. Удачно попал, так считаю. Служишь, да ещё приплачивают: четыреста рублей. «Горячая точка» считается. В части каждый второй дагестанец, кроме офицеров, они «контрабасами» служат. Обычные люди, такие же. Как служба идёт, зависит от спорта, а спорт у меня всегда нормально: бегаю неплохо, на турнике чуток похуже — подтягиваюсь двенадцать раз. Это на «отлично». Один даргинец у нас подтягивался пятьдесят!

Первое ощущение было: в прошлое попал. Сам не знаю... Машины допотопные, мотороллеры с кузовком, повозки, запряжённые осликом... Я такие в старых фильмах видел. Коровы совсем другие. У нашей — вымя так вымя. Она, может, не доится, но идёт вся из себя важная: У-уу! В теле. А здесь бурёнки прям военно-спортивная игра «Зарница»: маленькие, поджарые, шустрые, их никто не пасёт, везде разгуливают, как в Индии, даже по части у нас ходят. Природа классная. Солнце быстро-быстро уходит, быстро садится. Ну, служба здесь, конечно, другая: вместо воинского Устава — адаты. Дежурным стоишь, заходит в часть офицер, начнёшь докладывать: «Товарищ капитан, за время несения службы...» Рукой махнёт: «Ладно, не надо...»

В дорогу я приготовил ему пакет с провизией, сфотографировал на память и проводил на поезд. Он уезжал домой... в Россию.

*

Примечания:

[1] NN;

Начало пути

*Время — всадник на лихом коне.
Скачет он без усталости и сна,
Сменяя чёрную бурку ночи
На белый бешикет дня.*

*Ахмедхан Абу-Бакар
«Даргинские девушки»*

Из других кавказских республик я выбрал для близкого знакомства Дагестан по двум причинам. Первая — на карте России нет точки горячЕй. Вторая, тоже немаловажная: местные жители уже знакомы с моим творчеством; участие школ в литературном конкурсе «Купель» (по моим произведениям) оказалось неожиданно массовым, легче будет ориентироваться на месте. Так и случилось... В Правительстве Дагестана меня снабдили рекомендательными письмами в адрес глав местных администраций, и я отправился в дальний путь... Районов всего сорок два. Решил, повторяя траекторию фотоэлемента в сканере, двигаться змейкой снизу — вверх, с юга на север, выстраивая пиксель за пикселем, буква за буквой, строчка за строчкой портрет северокавказской республики.

Первым пунктом значился у меня «город Дербент», только как до него добраться?

— «География не дворянская наука. Куда надо кучер доведёт!» — с улыбкой подбодрил водитель маршрутки.

«Неужли... Пьеса “Недоросль”»? — в полном ступоре смутно припоминал я, забираясь в салон. Что ж это за край такой, где на улице Фонвизина цитируют?

Поехали!

Дома, узкие улочки...

Федеральная трасса «Махачкала — Баку». По встречной полосе пролетел мотоцикл «Урал», вместо коляски — деревянный ящик, словно гроб без крышки, в ящике три молодых джигита: двое сидят, держат за ноги третьего, тот стоит, раздетый по пояс; флагом в руке полощется красная футболка. Лихо! Обгоняем «Жигулёнок»: на прицепе у него три автомобильные одноосные цистерны с квасом, паровозиком, друг за другом.

Восток!

*

Поводырь

Хабар директора музыкальной школы

Учителю посвящается
(Мам, в первую очередь тебе!)

Учатся у тех, кого любят.

Иоганн Вольфганг Гёте

Директор школы искусств попался немногословный:
— Зовут Агаев Магомед. Родился первого апреля...
— Какой несерьёзный день.
— ...пятьдесят девятого года. В Татляре окончил начальную школу, с четвёртого класса — в Дербент, интернат №1. Вот, пожалуй, и всё, что могу поведать о себе такого...
Я разочарованно отодвинул блокнот. На белой странице сиротливо повисла короткая строчка. (Называется: «Послушал интересного собеседника!»)
— Вы лучше напишите про моего учителя музыки.
— ?..
— Антонин Карлович Качмарик — чех по национальности... Ему лет семьдесят было. Совершенно слепой — пустые глазницы. Казалось, сам недуг этот физический — горькая плата небесам за великий талант педагога. Всегда в круглых чёрных очках, с тросточкой, и наперевес сутулой фигуры — баян...

Не забуду первые дни в интернате...
Внизу — классы, на втором этаже — жилые комнаты. Какое-то всё незнакомое, одинокое, чужое... После уроков я болтался по пустым коридорам. Притирался к углам... Никого не знаю. Коридоры тёмные, длиннющие, потолки высоченные. Это тебе не уютные саманные сакли в нашем ауле... Каждый шаг отзывается гулким эхом: «Бух — ббу-уух». И тут слышу приглушённые звуки живой музыки... Я, точно зачарованный мотылёк, поплыл на огонь (музыка нравилась мне). Остановился у двери актового зала. Стою себе, слушаю. Интересно... Тихонечко, стараясь не скрипнуть, потянул тяжёлую дверь, подглядываю в щёлку: седой старик в чёрном костюме играет на баяне, дети с незнакомыми музыкальными инструментами. Вдруг баянист поднимает руку, оркестр замирает... Старик резко поворачивается лицом ко мне... На глазах у него круглые чёрные очки.
Сле-пооой!
Сперва дёру хотел дать... Что-то остановило...
— Кто-оо там?
Голову просунул поникшую:
— Агаэв... Магомэд.
— Ну-ка, заходи.
Я парень сельский, как такового русского не знал. Захожу.
— Так, говоришь Магомед?
— Ы-ыы, — киваю.
— Редкое имя. Откуда ты?
— Татляр.
Он обращается ко мне, а я не знаю, куда смотреть. Глаз не видно...
— В каком классе?
— Чэтырэ, — для верности показываю на пальцах.
Все дети глазют на меня, но никто не смеётся.

— Тебе музыка нравится?
— Так-то нравыцца...
Он пальцами отстучал по столу ритм:
— Повтори.
Пересилив робость, я повторил. Самому даже интересно...
— Приходи завтра после уроков на кружок.

Ночью мне снился слепой старик в круглых чёрных очках, он водил меня за руку от кларнета к скрипке, от скрипки к балалайке, к баяну и что-то разъяснял...

Хотя я не умел играть ни на одном инструменте, какие-то данные у меня, похоже, были. Отец мой неплохо играл на зурне.

На другой день еле дождался конца уроков — бегом в зал. Постучался.

— А, Магомед, заходи.

Старик говорил, а голова при этом непривычно — в сторону. То одним боком, то другим... Будто собеседника ищет. Задумчиво подходит к пианино:

— Запомнишь, какие ноты возьму?

И стал по очереди перебирать клавиши. Звуки мне в слух врезались. Я в той же последовательности нажал гладкие чёрно-белые палочки.

Он пропел:

— Ля... ля-ля... Сможешь повторить?

Я спел.

— А вот так: та-та-та-та-тааа...

Я опять.

— Магомед, ты способный мальчик, у тебя всё получится.

Жарко стало! Слова такие... Бабушка Патимат любит повторять: «Если похвалить, даже ослиный помёт подпрыгнет».

Сначала я не знал ничего. Он растолковывал:

— Нотный стан состоит из пяти линий. И есть семь нот: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Всего семь.

— Как цветов в радуге? — простодушно спросил я.

Старик замолчал, будто споткнулся... По лицу пробежала грусть.

— Да, как в радуге... Начерти пять горизонтальных линий. Ниже поставь точку: там нота «до» пишется.

Оказывается, «до» рисуют на добавочной.

Мы разучивали с ним ноты — четвертные, восьмые, шестнадцатые... Он не мог мне показать и написать ручкой или мелом... Всё обозначал богатой мимикой, голосом. Я пишу за ним под диктовку, а сам вслух проговариваю, куда какой кружок рисую. Антонин Карлович учил азам. Служил мне... поводом в мире музыки! В оркестре было много разных инструментов: домра, балалайка, тромбон, контрабас. Хотя не на всех играл, но знал он их досконально.

Я был пытливым. И так увлекательно с ним заниматься, словно, искра... пробежала между нами...

Через месяц на одном из занятий он спросил:

— Магомед, какой инструмент тебе ближе других?

— Вот.

Я бережно взял в руки кларнет и передал учителю. На кларнете тогда у нас играли везде: на свадьбах, сельских праздниках...

— Возьми его, поставь мундштук и дунь. Просто дунь. Получится нота «соль». Палец на первую клавишу — это «ми».

Дую.

— Магомед, мальчик мой, неправильный звук. Ты недостаточно воздуха дал. Прижми трость плотнее, мундштук глубже. Постановку губ измени. Чиркни язычком!.. Сделай «ту», как семечки лужаешь...

И начал показывать: в один день — один звук, в другой день — другой.

Кларнет — небывало сложный инструмент. Но постепенно, постепенно... Не одним днём, месяцами продолжалась учёба. Стало получаться и... нравится: «Я сам могу на кларнете звук издавать!» А когда смог по-настоящему сыграть... О! Клянусь, гордился собой. Подошло время,

он выдал мне кларнет напостоянно. Принял в оркестр. Так же я осваивал домру, балалайку... Зимой на школьном вечере солировал. Летал... на небесах! от восторга. Девочки-одноклассницы подпевали.

Спустя год я стал в оркестре «первой скрипкой».

Когда начинали изучать новое произведение, я читал его вслух по нотам:

— Ми-четвертная, соль-восьмая, две ми-восьмые, до-шестнадцатая...

Он всё запоминал. Мы играем — он слушает. Вдруг останавливает. Едва заметная гримаса передёргивает морщинистое лицо:

— Какая там нота идёт?

— Восьмая.

— Ты неправильно сказал, мальчик мой. Не может быть восьмая, посмотри внимательнее...

Благодаря абсолютному музыкальному слуху он заявлял это так уверенно, будто не я читал ноты, а он...

— Вы правы, Антонин Карлович!

Когда приближались большие праздники — Первое мая, День Советской армии или День Победы, — он собирал в актовом зале ребят поспособней, и все готовили праздничный концерт. Набирали хор, человек двадцать. Разучивали песни. В основном революционные: «Прощание славянки», «Варшавянку», «Взвейтесь кострами», «Варяг», «Шёл отряд по берегу»... На два голоса пели. Антонин Карлович сам аккомпанировал на баяне и дирижировал:

— Кто там вторым голосом тянет? Сереза Табова, неправильно поёшь. Али, не ту ноту взял. Попробуй ещё.

И по-новой. Десятки раз. Пока не добьётся идеального исполнения.

Так же как меня, он учил всех сельских детей: аварцев, даргинцев, азербайджанцев, лезгин... Музыка стала для нас вторым языком межнационального общения. Ни один парад, ни одно торжественное мероприятие в Дербенте не обходилось без нашего знаменитого оркестра медных инструментов. И впереди колонны шёл мой одноклассник Мугутдин. Ему Антонин Карлович доверял нести большой барабан. Мугутдин отчаянно бил в него колотушкой, не всегда в такт, но вдохновенно и с большим чувством.

Хуже было с общеобразовательными уроками музыки. Мои сверстники на них усердия не проявляли, а я, вместо того чтобы погрузиться в любимую сферу с головой, терпел их проказы:

Начинается, к примеру, переключка в классе:

— Надир.

— Я!

— Руханият.

— Я!

— Али.

Надир вместо него выкрикивает: «Я!»

Антонин Карлович с упрёком качает головой:

— Нет, это не Али. Ведь так, сынок?

Положит руку мне на голову. Я подтверждаю:

— Да, это не Али, ребята шутят.

Ему я не смел солгать.

Как Антонину Карловичу хватало на нас терпения? Ума не приложу. Он никогда не взрывался...

Идёт урок. Сидим: шесть парт — так, шесть парт — так. Солнечный зайчик, отражённый карманным зеркальцем, пробегает по глобусу, беззвучно скользит по доске, останавливается на учителе. Ярко-белое пятно высвечивает засаленный карман пиджака, грубо заползает на лицо. Антонин Карлович, чувствуя тепло, ощупывает поочерёдно нос, губы... Раздаётся сдавленный смех.

— Ученик, который сидит на пятой парте слева... Магомед, назови имя.

— Руслан.

— ...Руслан, выходите, пожалуйста, из класса.

А Руслан смеётся уже в голос и не встаёт. Я в классе никого не боялся и всегда был за учителя горой:

— Руслан, тебе же сказали...

Тот нехотя вылезает из-за тесной парты.

Мне неудобно при ребятах... но как по-другому?.. Антонин Карлович — человек мудрый. Добрый. Он многому научил. Клянусь, счастлив, что судьба свела нас!

— Магомед, сынок, ты постигай русский язык. Читай больше: рассказы, стихи. Старайся. Это великий язык! Вот послушай:

А весною я в ненастье не верю
И капелей не боюсь морозящих.
А весной линяют разные звери.
Не линяет только солнечный зайчик.

Я старался читать.

Прочно засел этот человек в моей душе... Думаю, чувство было взаимным. Он всё больше открывался. И в слабости своей тоже:

— Магомед, до дому поведи.

А я ещё тогда улиц не знал, однако не отказывал. Мне даже гордо...

Он брал меня за руку, мы шли пыльными улочками... Предупреждает:

— Там лестница будет... — спускаемся. — Теперь налево, в калитку.

Получалось: не я его по городу веду, а он, незрячий, ведёт меня. (Зоркости ему было не занимать: слепой видит Бога духом.) По натуре Антонин Карлович темпераментный, неугомонный в работе. Теперь я сопровождал его повсюду: домой, на уроки музыки в третью школу, в детдом. Отныне, кто бы ни предлагал себя в провожатые, он мягко отказывался: «Спасибо, пойду с Магомедом!» Ребята за глаза дразнили учителя: «Магомедов дедушка». И надо мной... надо мной тоже ехидно насмеялись, подтрунивали:

— Мы сейчас в футбол идём играть, на море купаться, а ты со своим безглазым Кошмариком попрёшься?.. Поводырь! По-во-дыырь!!! Ы-ыыы!..

«Почему люди такие злые?!» — навязчивая мысль эта тугим обручем... сжимала сердце. Я не обижался... впадал в какое-то зазеркальное состояние и лишь глядел на кривляющихся, скачущих вокруг мальчишек... Разглядывал их удивлённо, рассеянно... Точно никого не узнавал... Да, свою жизнь я полностью, без оглядки посвятил любимому учителю. «Мой кобзарь», — мысленно величал его. Он не отец мне, не дедушка, не дядя... Оказалось, важнее. Привязался я к нему. Каждый день, каждый шаг рядом: на подхвате, на страховке. Мир солнечный или лунный, туманный или звёздно-ночной — для него единочёрен. И уже никогда-никогда радуга не споёт для него ослепительными красками-нотами. Зима ли по-хозяйски вступает в свои права, оголяя деревья, застилая кавказское предгорье белым-пребелым снегом, весна ли, восточная красавица, будоражит светом землю, виноградники, горы, небо и море, — всё для него переводилось в язык звуков, в свист ветра, в щебет или молчанье птиц, в «тепло-холодно». Антонину Карловичу главным органом чувств, его глазами, служили память и я.

Разучивает допоздна новую мелодию. Спыхватится — ночь глухая... Поднимется к нам в палату, от порога прислушивается, по дыханию узнаёт меня. На ощупь подходит:

— Магомед, проводи.

Встаю. Знаю: никто другой не поведёт. Все спят. Сонный одеваюсь, глаза слипаются... Колочий снег на дворе. Кутаюсь в жиденькую мышастую одежду. Холодно! Иду с ним по ночному городу, за руку держит. Рука у него добрая, тёплая. Он жил далеко от интерната, за базаром... В одну сторону мы иногда успевали на автобусе, обратно нет. Обратно — я один...

В ночь. Пешком, закоулками. Кругом будто чернилами залито...

Жутко.

Бывало местные приставали. (Я ещё тогда заметил: плохие люди по ночам не спят!) Убежать успевал не всегда. Дрался с ними, если двое-трое. Если много — терпел. По пинку каждый отвесит и с улюлюканьем, шайтанским гоготом прогонят:

— Не суй нос в наш район!!!

В следующий раз иду — опять караулят.

— Ты не понял, ишак?.. Сын ишака!..

Пять лет, пока учился в интернате, я с ним так и ходил.

Восьмой класс близился к концу.

Куда дальше? Хотелось поступить в Дербентское музыкальное училище, но без профильной школы не берут. О своём желании я проговорился учителю. Он успокоил:

— Не горюй! Примут.

Взявшись за руку, мы вдвоём пришли к преподавателям (а это, оказывается, всё бывшие его ученики). Отрекомендовал меня:

— Зачислите. Мальчик подготовленный.

Там я для себя открыл: многие именитые виртуозы обязаны начальным шагам в мире гармонии звуков этому устазу [1], скромному слепому музыканту.

Антонин Карлович сильно сдал в последнее время. Немошь, старческое увядание безжалостно подступали. Когда я собрался из интерната уходить, он попросил:

— Магомед, отведи меня в дом престарелых. Не хочу один здесь...

В ту ночь я почти не спал.

Временами горло сдавливал себе... звука не проронить чтоб...

«Да, что же это?! В приют!»

У нас на Кавказе родителей не бросают... (Я ни разу не слышал.) Мой дедушка Гасан до сих пор ухаживает за своим отцом, которому девяносто семь лет. Тот, выходит, мне прадед. Прадед Хаким. У него белёсый посох, густые брови и косматая чёрная папаха.

Фото редакция газеты г. Хасавюрт

Дедушка Гасан сам приносит ему кумган для омовения [2]. Бережно поддерживает отца, помогая ему, словно маленькому, шажок за шажком выйти во двор, подышать свежим воздухом и полюбоваться на солнышко, птиц в небе. Заботливо укроет старой порывевшей буркой. И Хаким, созерцая бытие, незаметно задремлет... Дедушка Гасан ревниво следит, чтобы никто, даже случайно, не нарушил безмятежный полусон отца. Мы все безропотно повинемся прадедушке Хакиму. Мои братья-сёстры, отец, и мама, и даже бабушка Патимат. Один раз я иду из школы, смотрю: дедушка Гасан сидит перед домом на лавочке и горько беззвучно плачет. Борода подрагивает. Я кинулся к нему. Сам трясусь весь от негодования. «Дедушка! Милый дедушка! Кто посмел тебя обидеть? Назови!» Я готов был сурово наказать обидчика. «Оте-е-ец Хаким... посохом би-иил...» Дедушку Гасана мне ужасно жаль, но что я мог поделаться?.. В таком вопросе ему никто-никто помогать не станет. Прадедушка Хаким в тухуме старейший и, значит, самый главный! Просто нужно слушаться старших.

А Дом престарелых — кладбище живых... Если б только мог, забрал бы любимого учителя к себе. Но пока я был всего-навсего студент первого курса. Жена Антонина Карловича умерла. Детей двое, дочь и сын; после школы разъехались кто куда, и дела нет... (Он не любил вспоминать.) Дочка в Москве училась в каком-то институте: «геодезия-физика-астрономия». (Я такие слова впервые от него услышал.) Сын — капитан дальнего плавания: у того своя семья. И вот теперь мой любимый учитель... в приют сиротский, как совсем никому не нужный, брошенный человек... За день до начала занятий проводил его туда. Довёл до палаты. Нянечка выдала комплект серого постельного белья, я застелил казённую кровать. (Что ещё мог сделать я?..) На прощанье грустно обнялись. Чёрные очки его с дужкой на оранжевой проволочке съехали набок... Из пустой глазницы вытекла крупная слезинка.

Едва сдерживаясь, я ушёл. Оставил его одного. У ворот оглянулся, увидел в окне беспомощную сутулую фигуру и... слезами задохнулся...

За время учёбы частенько навещал.

— Магомед, у меня всё хорошо. Главное — учись прилежно.

После окончания училища вот бы первым делом к нему, с новеньким-то дипломом... Нет! Помчался домой. А осенью, когда удосужился, с пакетом фруктов... Его уж нет. Опоздал... В приёмном покое сухо известили: «Умер. Остался баян». Мне разрешили забрать. Кто хоронил учителя? Где?.. Неизвестно. Мы тогда были молодыми, не придавали большого значения утратам. Если бы время вернуть назад и ещё раз дать нам шанс... Сегодняшним-то умом организовали бы, конечно, и почести, и похороны достойные. Нет, никто и никогда не даст нам переписать жизнь на чистовик...

Александр, я не сумел...

Тебя прошу, не дай этому светлому человеку умереть. Прекратиться...

Напиши о нём, как есть.

Благодарение и хвала Тому, кто не умирает.

Да будет так!

*

Примечания:

[1] Устаз — наследник Пророка, учитель;

[2] Кумган (тюркск.) — узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, для умывания и мытья рук, а также подмывания, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском Востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла (латуни, серебра).

Болезнь под названием «Дербент»

Дагестанские учёные долго ломали голову российским учёным.

Горцы от ума

Это произошло в те стародавние времена, когда люди не знали, как спастись от двух диких тюркских племён, нашествие которых возвестит о страшном судном дне. Иудеи и христиане называли их Гоги и Магоги, жители Востока — Йаджудж и Маджудж. Доведённые до отчаянья народы Каспия обратились за помощью к царю царей Александру Македонскому, он же Искандер О Зу-л-карнайн. Восемнадцатая сура Корана на сей счёт гласит:

— О Зу-л-карнайн, ведь Йаджудж и Маджудж распространяют нечестие по земле; не установить ли нам для тебя подать, чтобы ты устроил между нами и ними плотину?

И он объявил:

— То, в чём укрепил меня Господь, я устрою между вами и ними преграду.

И была ночь.

И ночью на Каспийском море был сильный шторм.

Затем вся вода ушла, море встало дыбом до небес и захлестнуло волной Кавказские горы. Когда волна отхлынула, на берегу, в Дербентской теснине, между морем и горами грозно возвышалась цитадель. Наутро царь царей приказал подать ему куски железа, устроил великий огонь, расплавил металл и вылил его на крепость.

Фото: Крепость Нарын-Кала, Западные ворота

С тех пор слух о «дивных стенах», «великой твердыне у моря», витал по всему древнему Востоку. В самом узком месте Прикаспийской низменности, где отроги Главного Кавказского хребта ближе всего подходят к Каспийскому морю, и застыл, будто исполинский страж, — город Дербент. Мощные, изумляющие своей грандиозной монументальностью фортификационные сооружения Дербента во все времена вызывали восхищение. Они поражают и донныне. Слово «Дербент» состоит из сочетания двух персидских слов: «дэр» — ворота и «бэнд» — узел, связка. Закрытые ворота. Дербентский проход стал границей между народами Албании и кочевыми племенами савир, бумар, авар и другими, живущими за «воротами».

Моим первым собеседником оказался Гусейнбала Гусейнов:

— Когда начинаю говорить о Дербенте, теряю самоконтроль. Меня хоть стреляй!

Я считаю: к тем тридцати шести национальностям, которые есть в Дагестане, нужно, по справедливости, прибавить ещё одну — дербентцы. При встрече, за пределами родного края, интересуемся у кунака: «Ты когда приехал из города? Скоро обратно в город?» Москва для нас — столица. Город — исключительно Дербент. Наша крепость Нарын-Кала в семь раз больше пирамиды Хеопса — одного из семи чудес света. Это одно из трёх крупнейших фортификационных сооружений ми-и-ра! Таких, как Великая Китайская стена и Римский лимес на Дунае, не сохранившийся вообще. Ну, скажите: разве на такой земле могут жить невеликие люди? Дербент — единственный город, который имеет свою хронику, изданную в одиннадцатом веке. Манускрипт называется «Дарбанд-наме». О значимости Дербента, эпохальности его — памятники вопиют! Не просто слова. Вот стоит. Придите, посмотрите. Потрогайте! Историю Дербента повелел изучать Пётр I. Именно он в 1723 году дал команду учитывать надписи на камнях, собирать для кунсткамеры старую утварь. Мы обращались к патриарху Алексию: «Если Дербент в составе России...» Оно же так?

Я кивнул.

— ...тогда христианству в России не тысяча, полторы тысячи лет. Здесь доказывать ничего не надо. Ведь несерьёзно не признавать древности города только потому, что в России узнали о его существовании слишком поздно. Дербент ещё в пятом веке был центром христианско-кавказской Албании. Здесь располагался святой патриарший престол. Здесь жил патриарх Кавказской Албании. Дербент — один из самых древних христианских городов.

Помню, к нам приезжал посол Франции в СССР, ходил по городу, изумлялся:

— Вы интересный народ: ходите по деньгам и ленитесь нагнуться за ними. Вам что не жалко?

В советские времена я был моложе, хулиганистей и занимал должность начальника культуры Дербента. Самовольно вышел на Интурист в Москве. Это в те времена!.. Они приехали сюда, увидели всё своими глазами, загорелись. Совместные планы созрели: масштабные, дерзкие. Разработали маршрут: туристы прилетают в Махачкалу, размещаются в гостинице «Ленинград», посещают Дербент, потом — в Баку. Я уже руки потирал... Вопрос вынесли на обсуждение в бюро обкома партии. Интурист заливается о выгодах: прибыль в валюте, авторитет в мире, культурные связи... Я стою рядом, поддакиваю. И вдруг, в разгар пламенной речи, член бюро генерал-майор Бойко, начальник КГБ Дагестана, заявляет:

— Товарищи, уровень культуры жителей Дербента не позволяет пускать туда интуристов.

Я не утерпел:

— Товарищ генерал, мы же не собираемся туристам устраивать встречи с местным населением: они подъедут на автобусе, гид их проведёт, всё расскажет.

— Нет. Я знаю, у вас по улицам ходят и матерятся...

— Вах!!! А в Москве не матерятся?..

— ...Семечки лузгают!

— В Москве ещё хуже...

Бойко родился в Азербайджане и прекрасно знал родной язык.

Он мне по-азербайджански:

— Лал-ол!

Члены бюро головой крутят, не понимают, что он мне буркнул, но я-то понял его очень даже хорошо: «Заткнись!» Бюро поддержало его, не нас. Как же — КГБ!

Интурист чуть с ума не сошёл...

Так накрылся наш план.

А теперь мы должны к этому вопросу вернуться и развивать туризм. Другого пути просто нет. Дербент — сокровище России. Мы должны сами им гордиться и людям показывать.

История — она разная... Сегодня нам дали свободу слова, и мы давай трепаться. У нас ни героев не осталось, ни святых. Царь у нас — «кровавый Николашка». Да, Боже мой! Я всем привожу примеры: не было б царя, Дербент погиб. В девятнадцатом веке здесь выращивали марену: растение, из коры которого делали краб — краситель красного цвета. Текстильные предприятия Российской империи работали на этом крабе. В Дагестане всё было засажено мареной. В городе тогда жило примерно одиннадцать тысяч человек, ещё до сорока тысяч «лопаточников» спускалось с гор: работали на полях, перекапывали, окучивали, поливали. Все они на этом зарабатывали кусок хлеба, когда неожиданно появился искусственный краситель, по

цене значительно дешевле. Это был крах. В одночасье все стали нищими, всё пришло в упадок. Люди голодали. Кто мог, уезжал на Восток. И тогда Александр, царь-батюшка, которого мы называем «кровопийцей», обязал российских текстильщиков Морозовых, Барановых, покупать марену в Дербенте в течение восьми лет по цене, которую назовут горцы. Разницу им выплачивали из царской казны. Считается: «колониальный режим». Разве «изверг кровавый» пойдёт на такой шаг? Подобных примеров из истории российско-дагестанских отношений много. Почему-то про них никогда не вспоминают, стараются обойти стороной... Великий Расул Гамзатов сморозил чушь: «Мы добровольно в состав России не входили и добровольно отсюда не уйдём!»

Дербент-то как раз вошёл добровольно...

Мой первый собеседник — Гусейнбала.

Первая встреча — и сразу попадание в «десятку». То, что он поведал, и есть моя цель. Для этого и приехал в Дагестан, найти таких людей, как он. Людей, которые беззаветно любят свою родину, гордятся своей историей и главным делом жизни считают процветание страны. Вот бы в каждом районе отыскать такого... Из этих людей-звёздочек в итоге и сложится созвездие Дагестан.

— Скоро мы собираемся отмечать Дербенту пять тысяч лет. Российские учёные считают «неправда», мы настаиваем. Я со своей стороны предупреждаю: если не согласятся на пять, будем отмечать семь тысяч. Нас не остановишь... Я — больной человек. И моя болезнь — Дербент. Моя мечта распространить её на других людей. Мы ввели в средней школе новый предмет «Дербентоведение», сумел убедить главу администрации. Учебник написал сам, программу составил сам...

Я не удержался от аплодисментов, чувствуя, что болезнь Гусейнбалы незаметно перекинулась на меня. И я счастлив этому.

В горах кратчайший путь — с вершины на вершину. Я так и передвигался: от одного уникального собеседника к другому. На следующий день за праздничным столом интеллигентный мужчина, элегантно поправив очки в золотой оправе, поднял бокал и произнёс тост:

— За Дербент и его окрестности: Тель-Авив, Баку... Москву. Как иудей, я поставил Тель-Авив на первое место, чтобы никому не было обидно.

— Кто это?

— Сави Ханукаев.

Ни вина, ни закуски за столом меня больше не интересовали... Ждал перерыва, чтобы познакомиться с интересным незнакомцем.

— В чём отличия Дагестана, спрашиваете? Да во всём!.. Здесь люди концентрированнее. Про Дербент, надеюсь, уже слышали. И какая империя это построила? Персидская. Она правила миром восемнадцать столетий. Мало какие империи существовали дольше: Монгольская — триста лет; Рим — семьсот лет; Византия — восемьсот лет. Персия существовала восемнадцать веков. Восемна-а-адцать! Сегодня отношение к Востоку в мире несколько пренебрежительное. Зря... Когда дело касается спортсменов, там понятно: стал человек чемпионом мира или олимпийским, хочет услышать о себе доброе слово от каждого, но нельзя быть навязчивым. До тебя были чемпионы, после тебя будут. И нельзя всю мировую культуру замыкать на одном лидере, пусть даже невероятно успешном. Нужен диалог. Нельзя искусственно возводить барьеры между цивилизациями. Я не знаю, что лучше-хуже. Не стану судить Европу. Кто я такой «судить»? Однако свой выбор сделал. Поездил по миру, побывал везде. И не выбрал бы для проживания ни Европу, ни Соединённые Штаты. Там много моих родственников, много близких. Они уехали не потому, что там сильно хорошо, потому, что здесь плохо. Был период такой — плохо. У евреев вообще высокий порог тревожности: они тонко чувствуют опасность и пытаются ретироваться до пиковых моментов.

На Востоке есть чему поучиться всему миру. В Дагестане слово старшего — авторитетней суда юридического. В вопросах учиться-жениться решение родителей для детей — высший вердикт. Конечно, мы для дочери просеивали претендентов, не опускаясь до указаний: «Выйди замуж за этого!» Ни в коем случае! Был выбор: три кандидата, которые подходили нашей семье. Коллегиально сидели, обсуждали их, приходили к какому-то мнению: «Вот этот парень нам

кажется наиболее подходящим». Ведь девочка, познакомившись с любимым, найдёт в нём что-нибудь хорошее. Ну, любимым... То же самое мальчик... Потому что человек созрел и готов открыться, сблизиться. Вопрос любви для меня не стоит вообще. Я сам женился не по любви и считаю подобный брак правильным — брак, где расчёта несколько больше, чем чувств. Это восточный менталитет. Обратите внимание: брак по любви в европейском варианте не приводит к желаемому. Где там многодетные семьи? Где общество? Народ? Если нет больших семей, нет будущего у страны.

Я полностью приверженец восточной методики воспитания. Евреи, когда что-то делают, остановиться не могут, но я не предлагаю отпрысков гнобить... Просто родители должны иметь на собственных детей не какое-то влияние — прямое. Прямое до самой смерти. Почему в других цивилизациях не так? А вот почему: никто не берёт на себя ответственность. Детям говорю: «Я готов принять даже вашу нелюбовь за те решения, которые принимаю». Убеждён, со временем они будут отцу благодарны. Возможно, это произойдёт не раньше, чем покину свет. Тогда согласятся: «Отец был прав». Вы спросите, почему в этом уверен? Потому, что так же думал и я. Когда мне было пятнадцать лет, мой отец заблуждался, а когда исполнилось тридцать — он стал для меня воплощением мудрости. Дай Бог, чтобы родителей, не перекладывающих свою ответственность за детей на садик, школу, милицию, становилось больше.

В мусульманстве философия жизни проста. Возможно, слишком проста. У них: Аллах дал, Аллах взял. Любого человека, в любом возрасте. Сына, дочь... Средний мусульманин и на лекарство тратит в разы меньше, чем остальные религии. Об этом предупреждают медики, сигнализируют фармацевты. К собственному здоровью, к жизни мусульмане относятся менее серьёзно. Поэтому и смерти на Востоке боятся в меньшей степени, чем в других цивилизациях. У иудеев, христиан отношение к жизни более трепетное... Без фанатизма.

И Вам желаю веры и меры.

Всё, о чём рассказал Сави, для меня — эликсир, эманация истинной мудрости [1]. Под его восточной системой воспитания готов подписаться и я. (Очевидно, моя первая жизнь прошла в Дагестане.)

Саид Мусаев, заведующий отделом архитектуры, и приятная сотрудница музея-заповедника «Дербент» Айна стали моими экскурсоводами.

Фото: Экскурсовод Айна

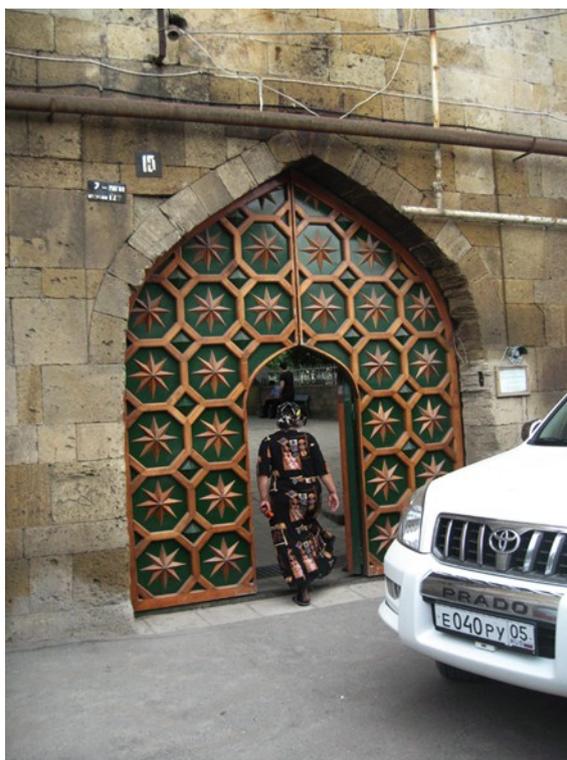
— Чтoб Вам было легче, зовите меня «Аня».

— Меня Александр, но раз главное, чтоб легче, тогда «Ахмед».

— Договорились! — улыбнулась она. — Дербент без преувеличения можно назвать перекрёстком многих религий, вторым Иерусалимом, городом, где на протяжении веков прекрасно уживались представители различных конфессий, где веротерпимость, которую теперь называют толерантностью, была характерной чертой горожан. На протяжении многих веков в городе бок о бок живут представители различных религий: ислама, христианства, иудаизма. А ещё в пятом веке христианам армяно-григорианского направления пытались навязать зороастризм.

Мы посетили главную мечеть Дербента — Джума-мечеть, самую древнюю в России.

Фото: Вход в Джума-мечеть

Джума-мечеть построена в 115 году по календарю хиджры (в 733-734 годах от Рождества Христова) арабским полководцем Масламой ибн Абд-ал-Маликом. На куполе мечети символ шиитской ветви Ислама — воздетая рука Фатимы, дочери пророка Мухаммада. Над главным входом надпись на арабском. В переводе она гласит: «Любовь к родине происходит от веры». Согласен!.. Внутри таинственный полумрак. Тихо журчит молитва правоверных. Сидя на коленях, они погружены в благоговение, изредка склоняются к коврику; сосредоточены на общении с Аллахом. Мечеть разделена на шиитскую и суннитскую части. Два ряда аркад со стрельчатыми сводами, переплетая на помосте тени столбов, уходят в сумрак.

Во двореке три огромных платана удерживают своими развесистыми кронами небосвод. Богатырский торс их — в четыре охвата. Возраст более семи веков! Даже в густую июньскую жару мы нашли под их покровительством покой и прохладу.

На Востоке ничего не просто так... Даже деревья.

Крепость «Нарын-кала».

Эту цитадель каждый должен увидеть лично. Стены, казематы, ханский дворец...

Саид посмотрел вниз с высокой башни:

— Отсюда сбрасывали неверных жён хана.

— А сам хан изменял?

— Нет. Хан был однолюб — любил только свой гарем.

Мы шли по отшлифованным временем камням, невольно меня привлекла яркая надпись на стене: «Здесь был Фарид».

Саид пояснил:

— Сколько бы этот автограф не стирали, кто-то постоянно восстанавливает. Президент России приезжал к нам в 2006 году. Во время экскурсии в крепость остановился у этой надписи, смеётся: «У вас тоже придурков хватает».

Купольные сооружения, углублённые в землю, — ханские бани. Там моечные, раздевалки. Вон под тем большим куполом находился бассейн для омовения ног. Самое интересное — система отопления: в стенах проложены керамические трубы с горячим паром; одновременно нагревалась и сама моечная, и вода. Чередовались женские банные дни и мужские. Если мужчина в женский день глянет в ту сторону — ему выкалывали глаз. Если женщина, то оба глаза.

— А как же джигиты подглядывали?

— Могли подглядывать лишь те, кто надзирал, чтоб не подглядывали другие.

— Справедливо.

Вдоль наружной стены по узким наклонным улочкам мы направились к морю.

Фото

На автобусной остановке девушка, не отвлекаясь на прохожих, штудировала материал.

— Абитуриентка, судя по всему, — прокомментировал Саид. — Сейчас пора вступительных экзаменов. У нас теперь на учёбу мода.

Я вспомнил: по заверению Гусейнбалы Гусейнова, в Дербенте в каждом подвале, закутке, либо институт, либо академия. На город приходится семьдесят вузов! Вот здорово, если б воскрес Гиннесс, приехал сюда лично, собственной персоной, и завёл для Дербента отдельную Книгу рекордов.

Фото Артемий Лебедев

В одном месте дорогу нам преградил высокий забор из профнастила:

— По идее, охранная зона для памятников ЮНЕСКО составляет не меньше восьми метров. Запрещены любые пристройки, к памятнику должен быть обеспечен свободный доступ. И сам видишь: вплотную к крепостной стене — огромный торговый комплекс. Теперь в этом месте к стене не подойдёшь даже с удостоверением сотрудника музея-заповедника. Пытались с прокуратурой, охрана не пускает: «частная собственность».

А вот домик Петра I, здесь тоже частный сектор. Есть владелец, сдаёт жильё в аренду. Договорились, чтобы экскурсии запускали. Пока соблюдают.

Фото

Мы подошли к ржавым металлическим воротам. Саид постучал. Нам открыла женщина, молча отошла в сторону, пропуская. На тесном захламлѐнном дворе крохотная девчушка играла с куклой. Саид, между тем рассказывал:

— К сожалению, сам домик не сохранился, колоннада осталась. Еѐ плохо видно, сарай пристроен. Пѣтр I приезжал в Дербент в 1722 году. В 2022 событию исполнится 300 лет. К этой дате, по логике, нужно бы выкупить у хозяев строение, сделать его пригодным для посещения туристов. Есть богатые материалы о посещении императором Дербента, чтобы со всего мира приезжали, смотрели.

— Не хочется фотографировать пустой пьедестал... Саид, поставь на него девочку... вместо памятника. Для истории.

Девочку установили... Саид придерживал:

— Ровно встань, на дядю смотри. Молодец!

Закончилось моѐ знакомство с Дербентом...

Я ступал по древней земле цитадели, невольно ощущая сопричастность окружающему волшебному миру. Ловил холодок взгляда крепости, жар дыхания мостовых, вслушивался в застывшую в камне музыку, и она будила во мне радугу чувств торжества и величия. Правы аксакалы: воздух Дербента пропитан особой энергией предков. Являясь на протяжении тысячелетий! ареной кровопролитных войн, подвергаясь постоянным нашествиям, разрушениям, он сохранил удивительную способность, подобно мифической птице Феникс, вновь и вновь возрождаться из пепла. Убеждѐн: фантастическая птица под названием Дербент, когда-нибудь явит себя миру в былом блеске величия и красоты!

Фото

*

Примечания:

[1] Эманация — в физике, испускание лучей радиоактивными веществами.

Династия педагогических пророков

— Сколько в вашем селе людей с высшим образованием?

— Не знаю. В шляпах ходит семь человек.

Ахмедхан Абакров

Я на пришкольном участке общеобразовательной школы селения Падар Дербентского района. Лето — пора школьных каникул, время относительного затишья. Отложены до сентября указка, мел, классный журнал...

— Гя-гя-гя, — призывно кричит директор школы куда-то вдаль.

И к нему с радостным гоготом примаршировала, поднимая пыль, стая домашних гусей.

— По голосу меня узнают, — улыбнулся он.

Фото

— Исрафилов Фахретдин Ахмедханович, директор средней школы. У нас в семье Исрафиловых семеро детей: пятеро братьев, две сестры. Все педагоги, причём шесть человек работают в нашей школе: Азитдин Ахмедханович, Тажитдин Ахмедханович, Асбет Ахмедхановна, Ильмутдин Ахмедханович, Залитдин Ахмедханович, Зумруд Ахмедхановна... Все работаем... Общий педстаж семьи составляет триста двадцать три года. Отец у меня работал долгое, до-о-олгое время заведующим... Не хочу сильно хвастать, но родители были грамотными.

Фото

— Вы директор, а старшие братья слушаются вас? Не помыкают: «Молодой, ничего не понимаешь...»

— Да Вы что, Вы что... Такого у нас не бывает. У меня завуч по учебной части на первых порах тоже заявляла: «Это твои братья! Как могу требовать с них отчёт по классному руководству?» Понимаю её: им неохота вовремя представить, в годах они. Но если ценят-уважают меня, как директора, значит, должны пример показать, школа — наше общее».

Работаем, я не хвастаю: не отстаём от других школ... ЕГЭ сдали: ни одной неудовлетворительной оценки нет. Проверяющие делают замечания: «У вас дети слишком воспитанные». Могу поклясться, нет ни одного курящего ученика. Нет такого. А их у нас триста шестьдесят два. И в комиссии по делам несовершеннолетних никто не состоит. Лет пять назад была мода на железки... Собирали, откручивали, отламывали — получали деньги. В селе украли канализационный люк. Инспектор с участковым первым делом, — к нам в школу. Торможу их:

— Зашли — хорошо! Но вы стойте, наблюдайте, я сам всё выясню, доложу.

У каждого педагога свой метод... Подошёл к ребятам по-свойски: так-так-так... Они сразу мне: то-то-то.

— Как это по-свойски?..

— Я служил в показательном полку артиллерии, в ГСВГ (группа советских войск в Германии) Год служил. И там у нас никакой передышки не бывало. Минута — в минуту, секунда — в секунду. Наша батарея по всем показателям держала первое место: по боевым, по чистоте, по строевой. Командир спрашивал — надо отвечать... Обдумывать времени не давал: «Ты так?! Давай, давай, давай...» И здесь выложили откровенно. У меня свой метод — анонимный. Обычно дети в селении всё про всех знают, но не выдают. Распечатываю на принтере список учащихся класса и каждому школьнику — отдельный лист с вопросом: «Кто это сделал?» На анонимном листке ни подписей, ни дат. Просто галочку рисуйте... Они отмечают, а я потом вызываю героя:

— Э, слышь, результаты. Полюбуйся!

— Детектор лжи.

— ...и сразу раскрываются. Исключительно работает.

В итоге на закрытом совещании в районной администрации участковый доложил: «У директора Падарской школы следует поучиться раскрывать преступления». Вас удивило наше подсобное производство: гуси, утки, куры... Наверняка, возник вопрос: «Куда деваем продукцию?» В школьную столовую. Это и воспитанию пошло на пользу: раньше кошку видели — измывались... Сейчас котята-гусята спокойно растут. Дети к ним с уважением. Ухаживают.

Много, конечно, зависит от мастерства педагогов. В этом году мы решили провести ЕГЭ среди преподавателей по всем предметам, устроить тест по психологии, выставить баллы. Это не положено, поскольку они имеют диплом государственного образца, но сами преподаватели решили: «Выпускные классы отдавать наиболее опытным, знающим».

— Тест учителям?

— Да. Я согласился. Действительно, многие заканчивают коммерческие вузы, и всё проходят мимо. Мы с психологом составляем тест: вопросы из Интернета берём, сами придумываем, чтобы выявить их способности к педагогике. Один наш выпускник еле-еле вытянул школу, поступил на исторический факультет и по каким-то кривым линиям с приказом приехал на работу к нам. Я ему ласково:

— Дорогой мой, ты же не преподаватель! Пойми.

— Нет, мне надо!

Отец его пришёл:

— Надо...

— Не получится из него педагога.

— Почему?

— Он в школе плохо учился. Раз. Общаться с детьми, с коллегами не может... Думал, достаточно кое-как простоять, сорок пять минут продержаться. Здесь не армия: «Солдат спит — служба идёт!» Зря, что ли, мы бьёмся над тем, чтоб повысить эффективность каждой минуты урока. Один раз ему талдычу, второй... Прилюдно обсуждаем. Не понимает. В итоге мы с завучем внедрили календарно-тематическое планирование, поурочное планирование, посещение уроков... Через месяц он подал заявление по собственному желанию: «Извините, я понял, не моё место. Спасибо». А если ему не помочь определиться, себя как специалиста погубил бы, и детей... Сколько ни учи сову, соколом не будет.

Раньше отрядам присваивали имена героев далёких или вымышленных: отряд имени Олега Кошевого, отряд имени Павлика Морозова. А я восемь отрядов назвал в честь ветеранов-учителей. Восьмой класс носит имя моего отца. И когда рапорт дают: «Отряд имени Исрафилова Ахмедхана Ахмедпашаевича», Джамбалаева Джамбала Кадыровича, отряд Набиева, отряд Назирова...

И ребят, и учителей это стимулирует.

— Педагогические пророки и апостолы вашей школы?

— Да, да, да...

А что, может действительно нужно начинать с почитания собственных пророков: близких и понятных.

P. S.

Перезвонил Байрамбек:

— Александр, салам! Извини, сразу к делу: с какого возраста можно стать Президентом России?

— ?.. Байрамбек, красавчик, тебе уже можно.

— Да нет... Я не для себя. Человек экзамены сдаёт в Москве, позвонил. У нас в учительской Интернет отключен.

— Сразу не отвечу.

— Посмотри и перезвони.

*

Обряд примирения «маслиат»

*Если расшевелишь огонь,
искры в лицо летят.*

Аварская пословица

«Город, где нет светофоров» — из вопросов знатокам.

Они не ответили. Это — дагестанский город Огни. Там, на центральной улице, произошло ДТП, были жертвы. Уже ночью в больницу приехали родственники погибшего, забрали тело, на следующий день по исламской традиции до захода солнца его предали земле. Правоохранительные органы зафиксировали «в уме» данное происшествие, но дальше по адатам Дагестана в дело вступили аксакалы, влиятельные духовные и должностные лица двух конфликтующих сторон — начался обряд примирения.

Мы торопились: я упросил Мугутдина взять меня.

— Впереди пост ДПС, надо ли пристегнуться?

— Я для тебя — и ремень, и броня.

Подъехали к ЦРБ...

Было ранее утро, между тем больничные дворик заполнялся, заполнялся людьми: одни навещали пострадавших, поддерживали морально родственников — другие уезжали. Оказывается, всю ночь добровольцы по очереди дежурили в больничной палате.

Мугутдин едва слышно пояснил:

— Обычно, как сейчас, читают молитвы, виноватая сторона публично извиняется перед пострадавшим тухумом и, если убийство произошло неумышленно, по неосторожности, обе стороны приходят к мнению, что можно обойтись без «государства», не подключать суды-мусуды для посадить кого-то; виноватая сторона щедро оплачивает материальные и моральные издержки. Фактически, семьи становятся друг другу родственниками. На протяжении всей жизни они оказывают содействие той стороне. Если есть дети, их поддерживают: обучение, свадьбы...

Инициативные люди переходили от группы к группе, обсуждали детали предстоящей поездки в Магарамкентский район к семье погибшего. Набралось семнадцать машин! Признаюсь, за всю жизнь ничего подобного не видел... Общинный уклад, такой же, как в старину на Руси. Ульем живут. Тут же зам муфтия Дагестана, он тоже собирался ехать.

Я спросил у духовного лица:

— А как же Федеральные законы?

— Человеческие отношения важнее. Лучшие законы рождаются из обычаев.

— !

Мугутдин после поездки рассказывал:

— Родственники, друзья, сперва остались на улице, мы с муфтием зашли первыми: «Ради Аллаха, простите нас! Такая беда. Нам стыдно прийти к вам. Знаем, у вас большое горе, мы пришли просить прощения. Если позволите, наши люди стоят там, на улице... Мы бы зашли сюда, пополам разделили вашу беду. Если он даже не виноват, мы считаем нашего мальчика виновным». Отец, два брата погибшего встали: «Пригласите людей!» Мы привезли подарки, кто что мог. Выразили соболезнование. Отец сказал: «Мне от вас ничего не нужно. Аллах дал — Аллах взял. Хасмат (тюрск. — слуга) у него кончился, поэтому умер. Мы против вас ничего не имеем». Теперь, после того, как примирение произошло, большая группа мужчин, женщин поедет к пострадавшей стороне выразить соболезнования. Они будут ездить и завтра, и послезавтра, и на семь дней, сороковины, пятьдесят два дня.

— У нас ничего подобного нет, — с сожалением произнёс я.

В Дагестане не бывает чужого горя, здесь все участливы друг к другу. Беда может случиться с каждым. К данному конфликту причастны две национальности: азербайджанцы и лезгины. Когда случается горе — национальные, религиозные вопросы отступают. Человеческие отношения выходят на первый план. Горе людей объединяет. Неписанные традиции человеческого бытия в Дагестане по статусу выше любого вердикта. Адаты — законы гор, накладывают табу на любой федеральный указ. [1] Если бы гаишники пришли к подобному соглашению «втихаря» — это банальная коррупция. А вот так: публично, открыто, массово... Есть в таком самобытном

сценарии своя сермяжная правда. Законы — формальные, сухие строки... Они не учитывают тонкостей человеческих отношений, души, сердца, традиций. Законы не заботятся о негативном развитии ситуации в дальнейшем, они не учитывают много чего... Например, возможную кровную месть.

Истари в Дагестане ссору между мужчинами могла погасить женщина, бросив на землю платок. По-моему, эта красивая традиция актуальна поныне, хотя она тоже не прописана в статьях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации...

*

Примечания:

[1] А. В. Комаров «Адаты и судопроизводство по ним»: «Имам Шамиль сам в течение двадцати семи лет стремился к уничтожению суда по адатам, жестоко, большей частью смертью, наказывая сопротивляющихся его намерениям, однако он не достиг цели».

Урок географии

Хабар начальника УГРО [1]

Сотрудникам милиции, погибшим при исполнении, посвящается

*Если не я за себя, то кто за меня?
Если я только за себя, то зачем я?*

Гиллель Вавилонский

Фото

За время службы довелось мне участвовать в разных операциях, но освобождение из чеченского плена наших ребят стоит в этом грозном перечне особо...

В девяносто шестом я работал начальником угрозыска Магарамкентского РОВД. Часть людей из нашего отдела были откомандированы на административную границу с Чечнёй и несли службу там, на закреплённом участке у села Гамиях. Материалы служебного расследования показали: «15 января 1996 года в 17.06 к блокпосту подъехала автомашина марки УАЗ-3741. Из фургона выскочили троё неизвестных. Угрожая оружием, захватили четырёх сотрудников милиции, увезли в сторону Чечни».

Я отказывался верить случившемуся...

إِنَّ الْخَصَاصَ يَرَى فِي جَوْفِهَا الرَّقْمَ

Сквозь щель видна страшная беда!

Чеченцы и дагестанцы — родные братья. Братья навеки! Со времён легендарного Шамиля. Теперь, когда в Кремле всё смешалось и предлагали брать суверенитета, сколько влезет, сколько утатишь, нам Грозный стал ещё ближе. Напрямую в бандитские разборки Масхадова с Россией мы не влезали, но «разборки» превратились в войну. И если фронт был в Чечне, тыл — в Дагестане, в каждой аварской, даргинской, лезгинской семье.

Есть у меня скользкий знакомец — Дауд, чеченец дагестанский. Когда его задержали, я в показаниях помог немного... И он не то, что обрабатывал... Бывший спортсмен, неоднократный

чемпион Союза по боксу, авторитетный человек и здесь, и там... В Чечне его сильно уважали. Он снабжал их оружием всю войну.

Сижу как-то у него в гостях в Хасавюрте, и тут он ни с того ни с сего предлагает:

— Давай прокатимся в Ичкеррию.

А там всю войну...

— Ты чё? Большой?

— Да мы взад-вперёд, на экскурсию.

Уболтал. Границу пересекли засветло. Российский дивизион установок «Град» располагался на опушке голого леса. Дауд вызывает командира. Краснощёкий такой, жирный, пыхтя, вырывается к нам.

Дауд ему с ходу:

— Командир, вот десять тысяч баксов, — пачку протягивает, — а вот координаты: сделай залп, восемьдесят ракет.

Тот берёт деньги, не спрашивая, что за координаты:

— Ты меня-яя знаешь!..

— Пуск — через два часа.

— Разницы нет, — у самого рыха лоснится добычей.

Воистину: «Для кого — война, для кого — мать родна».

Мы сидим в Хасавюрте в кафе, ровно через два часа — залпы ракет «земля-земля». Дауд ухмыльнулся:

— По своим отработывает... Сгоняем ещё разок к этой свинье?

— Ле, ты что, б!.. нас после этого... самих... взорвут!..

— Не взорвут, поехали.

А у ракетчиков командир уже бухой... Дауд наезжает на него:

— Мы с тобой как договаривались? Восемьдесят пусков!

— Сделал... брат.

— Не сделал. Семьдесят. Я сам считал! — врал внаглую.

Тот засуетился, на красной лысине выступил пот, и набухшая капля сползла по роже...

— Восемьдесят, брат. Все запустил!

— Нет, семьдесят. Верни две штуки.

— У меня их уже ёк... [2]

— Как хочешь, возвращай.

— Давай... скажи, что-нибудь другое сделаю. Отработаю!

А тому только этого и надо:

— Ладно... Десять оставшихся запустишь по этим координатам.

Через два часа залпы накрывают вторую российскую часть.

Весёленький междусобойчик! Вот так воевала Красная Армия.

Своим работникам я, по согласованию с начальником РОВД, категорически запретил применять оружие. По исламу: если чеченец убьёт меня, в рай не попадёт, зачем же я стану стрелять в него?

Братья-мусульмане платили взаимностью...

Служебная проверка подтверждает: ничто в тот день не указывало на обострение ситуации: «...с 08.00 до 17.00 через блокпост, в сторону села Гамиях, проследовало пять автомашин, две — в сторону Чечни. В 12.17 на пост пришёл житель села Центорой: обратился за помощью в выделении транспорта. Водитель служебного уазика сержант Омаров выехал с ним на территорию Чечни, оказал необходимую помощь».

Какая муха укусила чеченских орлов?!

Взять в плен наших солдат-милиционеров!.. Мы все ездили на ту сторону не раз, их тоже сюда свободно пропускали... Не то, чтобы пресекать переход границы, наоборот, помогали местным жителям, простым людям. И — на тебе...

Одурев от бессонницы, мы сутками искали пропавших ребят. Мотались с начальником РОВД в Хасавюрт — все сведения из Чечни стекались туда. Оперативники докладывали: «У этого полевого командира нет, у того нет». Ну, никаких следов! И ещё Дауд пришёл с очередными хабарами: «Там мне — так сказали, а там — вот так, но мы их из-под земли достанем...»

— Дауд, «из-под земли» не хочю. Может, я с тобой в Чечню смотаюсь?

— Опасно.

— Хоть опасно, поеду.
Мой начальник Мамедов вспыхнул:
— Не, ты что? куда?
— Поеду. Сколько будем сидеть, сказки слушать? Тут не знают, там не знают. Клянутся, божатся: «Найдём, узнаем слэд, взарвём, атбирём!»
— Тебе что, больше всех надо?
— ...Наши — в плену-уу!!!
— Смотри, я за тебя не отвечаю.
— Не нужно за меня никому отвечать. Решение — моё!

Дауд с утра до вечера — со мной. Очень добросовестный оказался чеченец. Редкий чеченец! В благодарность за то, что помог ему однажды... Кормил, поил, возил. На его машине всю Чечню объездили. Буквально. Летали на бешеной скорости по снежным горам-долинам. Утром выезжаем — вечером назад. Я в гражданке.

Он предупредил:
— Возвращаться нужно засветло! Не успеем выскочить до темноты, никто нас спрашивать не будет, уничтожат.

Дорога жёстко задиралась вверх серпантином. Вечернее рыжее солнце металось у виска слева направо. Разбрасывая из-под колёс мёрзлые камни с грязью, мы мчались, как водопад по ущелью, как ветер, краем узкого каменистого пояса. Слева от нас синела пропасть, справа скалы вставали над скалами. Едва проскочили узкое место, за спиной глухо загудел камнепад — снежная лавина лениво съехала, поглотив дорогу.

Обычно Дауд с бандитами на чеченском разговаривал, мне переводил. Дней десять уже колесили, надоело:

— Ле, Дауд, так не бывает: ты с ними говоришь на своём, тебе отвечают, я — не в курсе... Мне их байки осточертели. Каждый раз одно и то же: «то сделаем», «это сделаем». На русском говорите, чтоб я понимал.

В следующий раз Саламбек — масхадовский боевик, пацан, лет двадцати пяти, не старше, перетянутый крест-накрест оружием — ну с таким важным видом толковал с нами... с та-киииииим го-но-роом... Взбесило меня.

Полопотали на своём, и Дауд опять мне:

— Поехали...
— Нет, так не пойдёт. Мы же договорились — на русском. Саламбек, вы сколько заданий давали — мы выполняли. Кроме того, ладно я, Дауд вам помогает... Всю войну. Ты чё, мы сколько к тебе ездим, ты пацан молодой, издеваешься над нами: «Завтра», «послезавтра»...

— Я их не видел.
— Ты описываешь наших ребят и сам: «Не знаю, не видел!»
— Просто так сказал.
— Просто так не сказал ты... Одежду одного описал, какой внешне — говоришь. Откуда можешь знать? Это наш работник, сержант. Он больной. У него с сердцем серьёзные проблемы. Саламбек, я подполковник милиции. Помогите хотя бы больного вызволить... Я пойду вместо него. Потом договаривайтесь о чём угодно. Подполковник ведь выше сержанта?!

— Я не знаю, не решаю, я посмотрю...

Ну, что с этим абреком будешь делать?..

Мы — к Турпавали, начальнику контрразведки Масхадова. Он дружески похлопал меня по плечу и сладко запел:

— Полковник, знаю, ты воинам Аллаха помогаешь. Мы в долгу не останемся. Слово горца! Назови полевого командира, с землёй смешаю чеченское село, но их выручу.

Я обрадовался. Разве тут не обрадуешься...

По всей Ичкерии до одури круги делаем, наконец, узнаём: «Солдаты в отряде у Эби — Большого Асламбека». Слома голову мчимся к Турпавали.

— У Эби!

— Точно?

— Точно не могу сказать, но мне сообщили: у него.

— Решу.

К Турпавали две недели мотаемся — результата нет. И его «решу» на поверку — словоблудие одно. Тьфу!

Министр внутренних дел ЧРИ [3] Казбек... Махашев что ли... Здоровый такой, весёлый... Радушно принял, как все они:

— Братья-земляки-ии, вассалам аллеюкум! обнимаю вас. Главное — не волнуйтесь. Вы, подполковник, приезжайте завтра в форме, обратитесь к населению по телевидению.

Приезжаю в форме.

Министр свёл с замом, тот — с начальником Управления уголовного розыска — Хамзатом. Тоже здоровенный такой...

Мы с Даудом — к нему. Опять расспросы:

— Что? Где? Кто?

— Четырёх ребят взяли на границе...

И вдруг этот Хамзат взбрыкивает, агрессивно так:

— Ты чего в форме приехал?

— Министр ваш сказал.

— Вах!.. Ты выйдешь отсюда... самого заберут. Чего нам формой российской мозолить глаза!.. — выскочил из кабинета.

Я — Дауду:

— Объясни ему, ещё раз начнёт, такое отвечу... мало не покажется. Я в гости к нему приехал, в его кабинете нахожусь, а он страшает...

Вернулся Хамзат:

— Обращение по телевизору не получится. У Эби их нет. Сегодня-завтра соберу информацию. Узнаю, где.

Дауд имел прямой выход и на Аслана Масхадова. Мы — в Гудермес.

Он заскочил в штаб, я остался на улице ждать. Смотрю: пленные российские солдатики в драных рубашечках на колючем ветру... Зимой! Копают траншею, отопление тянут. Над ними — автоматчик. Прямо, как в фильмах про эсесовцев. А в трёхстах метрах — российская армия... Тут же у штаба русские женщины воют. Пробиваются на приём к президенту Масхадову, за пленных сыновей просить...

Выходит из штаба Дауд, я ему:

— Не перегибаете ли вы палку с русскими?..

— Ясыри? [4] Это собаки — не люди. Гяуры. [5] В соседнем селе, в хлеву у моего брата на цепи молодые русские девки прикованы. Их дерёт любой. Ахх-ха-ха... Хочешь — заведем... Угощаю!

— Давай — к делу.

— Аслан хочет познакомиться с тобой лично. За помощь обещал наградить высшим воинским орденом Чеченской Республики Ичкерии — «Честь нации».

— Пусть поможет ребят найти. Это и будет награда.

— Ну, как знаешь... А что касается твоих подчинённых, пообещал решительно: «Где бы ни были — найдём, освободим. Своих — сурово накажем, сгноим!»

Однако сколько мы ни ездили, никто не помог. Вышли на Хаттаба.

Эмир ибн Аль Хаттаб — фигура колоритная. Он же Ахмед Однорукий, он же Чёрный Араб. Смуглый такой, длинные вьющиеся волосы, чёрная перчатка на правой руке. В селении Ведено у Хаттаба роскошный дом, параболическая антенна (в то время у нас ничего подобного не было). На этот раз со мной был зам главного ваххабита Дагестана с бородой; борода в Чечне служила пропуском. (С бородой ездят, куда хочешь!) «Борода» с Хаттабом между собой хабарят на арабском. Долго, изнурительно. Изредка ваххабит переводит. Смысл прежний: «Сделаю, найду, спасу, поеду к Радуеву, Масхадову. Пока не знаю, где они, но буду искать... Отобью! А вы — помогите мне».

Якши! [6]

За ношение оружия мы задержали араба. Хаттаб попросил освободить его и отправить домой в Иорданию, назвал своего человека на границе:

— Ему передайте, остальное — не ваши проблемы.

Я вывожу наёмника из камеры... Вот такой араб — тридцать килограмм весом:

— Собирайся, едем!

— Куда?

— К маме.

— Нэ поеду...
— Почему нЭ поедешь?
— Возвать хачу... К Хаттабу назад хачу.
— Хаттаб тебя не желает... Уезжай!
— Умирать хачу.
— Умирать?
— Да.
— Видишь люстру. Верёвку принесу, вешайся здесь. Мы тебя похороним на мусульманском кладбище. Здесь роскошное кладбище... С почестями похороним, по благу...
— Вах! Зачем такое гаваришь?.. Нэльзя.
— Почему нЭльзя?
— В ад пападу.
— Ну, раз не хочешь в ад, вали отсюда...

Тридцатикилограммовый меня уверял: «Нигде так салдат нэ резал, как здесь у Хаттаба. Сто, сто... Голова атрезал, как баранам. Падвал всё забиты плэнных!» Я брезгливо поглядывал на больного фанатика: война, точно чёрная дыра, притягивает тёмные силы; наёмники издалека чуют смерть, как вороны падаль, и с карканьем слетаются на запах.

Мы доставили араба на азербайджанскую границу. (Там ребята-лезгины за бакшиш и теперь перевозят людей.) Для интереса у старшего осведомляюсь:

— А как ты их?..
— Сплаваю по реке за сто долларов... Недавно Радуева сопровождал.

Два месяца я не прекращал поиски... Звонок от Хаттаба был неожиданным:

— Нашёл! Завтра будут передавать.
Начальник РОВД выслушал мой доклад:
— Сам поеду! Хочу с Хаттабом сфоткаться.
Боевую медальку, видно, захотелось...

Хаттаб отдал наших бойцов. В благодарность начальник подарил ему кинжал с золотой насечкой. Грязных, вшивых, измождённых ребят отвезли по домам. Расспрашивать их сейчас не имело смысла. Они отрешённо смотрели в никуда... Словно не радовались.

Неприятно сознавать, но, похоже, вместо братских отношений Дагестану отвели роль очередной юной невесты, которую матёрый жених строго выдерживает в углу за занавеской, пока сам гульбанит с гостями на свадьбе... Хотя какая там, к шайтану, свадьба без магари?! [7] Это — зина! [8]

Лишь спустя несколько дней, под нажимом, крайне неохотно бойцы рассказали нам... в скупых красках... Про ад в чеченском рабстве... Про кавказское гостеприимство братского народа!.. И меж собой дали мы клятву: в плен больше не сдаваться.

В августе девяносто шестого генерал Лебедь подписал Хасавюртовские соглашения. (Почему-то меня это даже не обрадовало.) Мышки прогнали кошку и распоясались окончательно...

А вскоре у нас произошло настоящее ЧП.

Бой на том же блокпосту в районе села Гамиях: «Есть убитые. Одного забрали в плен». От Магарамкента туда — не близко... Приезжаем ночью с полковником Мамедовым на место. Фонарём свечу: такая каша!.. Мешки с песком в пробоинах, гарь, убитые... Лейтенант Ярахмедов, совсем недавно в нашем отделе, попал в плен. Мужественный парень такой... Стажёр мой.

Выяснилась ещё неприятная новость: один опер, подонок, как заваруха возникла, сбежал:

— Ссс-сука!!! Нет тебе места в органах. Свободен!
— Не испугался я... я — за помощью... — сам в глаза не смотрит.
— Сволочь! Ты ребят оставил. С оружием драпать! И не вернулся...

Часа четыре прошло с начала перестрелки. Наш работник, участковый, мальчишка совсем, при нападении отстреливался из пулемёта. Трясу его за грудки: «Что? Ка-аак!?» Пугается в показаниях, у самого руки дрожат. Ходуном ходят. Я горячий ствол — в ноздрю... По его информации: подъехали чечены на КАМАЗе, хозяйничать начали. Лейтенант Ярахмедов сделал замечание. Его скрутили, бросили в кузов. Он успел скомандовать: «Огонь!» Завязалась

перестрелка. Двух «чехов» подстрелили, двух ранили... Те машину от блокпоста отогнали, стали запугивать: «Сдавайтесь, не то всех положим». Участковый в ответ из «красавчика» выпустил магазин, второй вставил, на седьмом патроне заклинило... Растерялся: повторно передёрнул, патрон — наперекос... Спасло то, что духи дрогнули, отступили.

— Извини, брат, — я твёрдо положил руку ему на плечо.

Он горько заплакал...

— Ньюни развесил... слюняй! — вставил свои «три копейки» начальник милиции.

Я вытащил его за грудки на улицу:

— Ле, Мамед, не болтай! Парню впервые пришлось... по живым людям стрелять... В такой ситуации неизвестно, кто как поступит. Не трогай его. Он — герой! Из четверых один остался, отстреливался. Другой бы на его месте, может, руки поднял.

Это был первый бой между дагестанцами и чеченцами на границе. До сих пор никто никогда по землякам не стрелял.

Чечены буквально заставили нас вытащить кинжал из ножен...

А лейтенанта... нужно было срочно! выручать.

Я протоптанной тропинкой — к Дауду, с ним — к Саламбеку... (У самого нервы ни к чёрту.) В очередной раз сорвался:

— Саламбек, ты надоел, ты... пацан! Ладно, меня не уважаешь... Ты к своему чеченцу точно так же относишься. Ты... чего издеваешься?! Вы говорите: «братья, братья-дагестанцы», сами нападаете. В один день такой кулак получите в лоб, мало не покажется... Во все стороны.

— Что могу делать?

— Как что?! Две недели к тебе езжу... И — без толку!

Как-то Хаттаб попросил переправить боевика за кордон. Им оказался Саламбек.

— О! Перетянутый!.. Так это тебя будем в канализацию спускать?

Сидит, надувшись, паук пауком, весь оружием крест-накрест увешан. Молчит.

— Куда собрался с пулемётом? Ты чё? Ненормальный, что ли? Ещё бы на танке приехал! Мало того, себя подставляешь, ты нас подставляешь. Если тебя здесь заберут, Хаттаб решит: мы сдали. И нашего парня кончит.

— Что, я без оружия поеду?

— Разумеется, без оружия. Нам грубиянов не надо... мы сами грубияны!

Привожу его к себе в Магарамкент, в отдел милиции:

— Саламбек, если по вашей логике поступать, я тебя сейчас должен взять за шкуру, кинуть в «обезьянник» [9]. Ты боевик... Ты как со мной разговаривал там?.. Там!!! А?!

Куда только гонор делся! По-блед-нееел весь... Решил: действительно его хочу закрыть.

— Да не ссы... Не нужен ты мне. Мне надо лейтенанта вытаскивать. Из-за него тебя, гниду, терплю...

Ночью Саламбека переправили за кордон.

Приезжаем к Хаттабу. Охрана меня знала. Лениво махнули:

— Нет его. Ждите на дороге.

Белое солнце, похоже, застыло в зените... Редкие отары кучевых облаков белыми миражами проплывали в небе. Наяву нынче встретить отару — большая редкость. Война.

Час сидим в раскалённой машине, два. Видим: вдали пыль. Летит.

У Хаттаба на правой руке пальцы обрезаны, так он трёхмостовый КАМАЗ одной левой водил. Мечтал всё: «Мне бы русскую технику, американское обмундирование, я с любой армией воевать смогу». С ним обычно от силы один охранник. Хаттаб никого не боялся... Его все боялись. Увидел нас, остановился, выходит, опять начинает «мутить» разводить...

В сердцах зло бросаю Дауду:

— Может помочь — пусть поможет. Впустую ездить больше не буду. Плевал я...

И тут Хаттаб на!.. русском:

— Слюшай... Магарамкентский РЭВЭДЭ нам не помогает.

Сколько до этого общался, не знал, что он по-русски понимает:

— Хаттаб, мы тебе постоянно помогаем. Просил араба освободить — освободили, машину перегнать — перегнали, Саламбека за кордон переправили. Что ещё должны? Открыто воевать на твоей стороне? Хоть лопни, не сможем... Всё для тебя делали. А ты обещал мне парня — не нашёл: «Завтра да завтра».

— Слушай, не горячись... На Востоке так нельзя! Так в гостях не разговаривают... — глянул на часы, — О! Время намаз творить.

Подъехали к дому. Бородач-нукер [10] меня подталкивает:

— Пошли!

— Я не умею.

— Нужно.

— Ле, я ж тебе русским языком говорю: не умею. Когда наклоняться, что говорить...

— Нет, надо делать. Хаттаб обидится.

— Пусть хоть трижды обижается!

— Твой начальник был, делал намаз.

— Пускай.

Хаттаб опять подключается:

— Слушай, так нельзя... Мы мусульмане, должны соблюдать Коран. Молиться не будешь, я вам не помогу.

— Хаттаб, наш лейтенант, и Коран читает, и всё соблюдает. А я... слово даю: вытащи его, начну намаз совершать для себя. Клянусь.

Ничего не ответил, ушёл в дом.

Охрана зашипела:

— Что хозяин велит — делай.

— Ле...

После молитвы Хаттаб подвёл меня к машине.

— Смотри мой КАМАЗ, ни одной царапины...

— Хаттаб, у тебя сотни КАМАЗов. Может, к блокпосту на другом приезжали?

— Не мои люди были... Назови командира — силой отберу.

Сила у Хаттаба действительно была. И ещё была какая-то непонятная влиятельная рука. Хаттаб сам удивлялся:

— Раз попали в окружение. Ну, такое плотное. Блокировали нас русские и сидят, не наступают, не обстреливают... С темнотой отправляю людей в разведку. Возвращаются: «Хаттаб, беда! Птичка не вылетит! Пропали мы, пропали гуртом...» Уже поклонь били Аллаху: «Вай, конец пришёл». Ночь молились. На рассвете разведка докладывает: «Нет никого». «Как нет?» «Так, нет». Скрытно прочёсываем лес: ни одного уруса, никакой техники. Разблокировали нас и оставили. Мы аккуратно уходим в горы, опять вооружаемся, опять нападаем. Так было раза три-четыре. До сих пор не знаю, кто русским команды даёт? По вашему телевизору врут, что я наёмник. Я не наёмник. Наоборот, я свои деньги вкладываю сюда... Газават — священная война с неверными. Если погибну — попаду прямо в рай!

Вот такой больной был на голову.

— Война кончилась, Хаттаб. Найди парня... клянусь: вывезу тебя отсюда. Никто не тронет.

Думал, хорошее предлагаю, а он:

— Слушай, не надо меня вывозить.

— Ле, война кончилась, тебе что здесь делать? А?!

— Здесь останусь. Будет грозненский аэропорт работать, сам улечу в любое время.

— Всё одно, помоги! Мы тебе помогали!

— Помогу, клянусь, — он приложил правую руку к груди. — А где твой Мемед-начальник? Чё трубу не берёт?

— На работе.

— Почему сюда не сам едет, мы договаривались.

— Тебе какая разница? Обязательно полковник нужен?

— Мемеду, значит, не интересно.

— Ладно, скажу, приедет.

Я к начальнику:

— Поехали, парень там! Месяц томится... Хаттаб тебя звал.

— Нет!

— Поехали, ты ведь фоткался с ним, чё боишься?

— Сказал, не поеду.

Каждый раз при встрече Хаттаб настойчиво вспоминал про начальника милиции. В очередной раз я вернулся из Чечни и Мамедову — вопрос ребром:

— Собирайся!

— Нет! Он хочет меня в заложники взять...

Имя Чёрного Араба для всех ваххабитов было свято. По первой его просьбе они готовы были сами отдаться, не то что приказ не выполнить. А тут не могут одного лейтенанта разыскать...

Поговаривали, якобы Хаттаб забирал людей в плен, месяц-два выдерживал, время тянул. Сам выходил на родственников, торговался: «Я знаю, где он. Готов помочь, конечно, не бесплатно». Ему несли щедрую мзду, помогали. Доил людей без конца. И своих, и чужих. Во всяком случае, главе администрации села Первомайское он так и заявил: «С боем освободил твоего наследника». А сын всё это время сидел в его зиндане [10].

Если действительно так, не традиционный это ислам. Ближе к исламу не идёт. Мой дедушка, правоверный мусульманин, учил: «Если тебя даже бьют, не отвечай злом на зло!»

Однажды по телевизору показали российских ребят-контрактников. Они боевиков убивали, уши отрезали и для коллекции — в банку со спиртом. (Ельцин ещё хвастливо заявил: «Наши ребята себя в обиду не дадут!») Хаттаб, на следующий день после злополучного репортажа, отправил людей к российскому командиру: «Продай мне этих телезвёзд. За цену дело не станет. Сколько хочешь?..» Командир назвал цену. Договорились: он отправит их завтра, как бы в поиск, по согласованному маршруту. Надо было видеть, с каким слащавым удовольствием и горящими глазами Хаттаб рассказывал:

— На следующий день ждём, эти двое идут... Мы их не убили... уби-ваааа-ли. Аллах-акбар!

И подарил мне видеокассету на память.

Правда! Аллах велик!

Только Аллах у нас с Хаттабом разный! Вера — если умирают с именем Бога на устах, а если, прикрываясь именем Его, режут — это обычный бандитизм! Но, как бы собака ни была погана, ей океан не испоганить.

Горит внутри!..

Не могу молчать...

Здоровых молодых ребят, спецназовцев, командир продал. Я в отделе кассету показывал, наши не могли смотреть.

Приказал:

— Нет, смотрите! Чтоб знали, что творят выродки...

Жгло в груди. И не было слёз...

Я выехал на берег грозного Каспия.

Море закипало, тучи слетались, откуда неведомо, ходили мрачной круговертью, словно боевой хоровод во время зикры [12]. Холодный ливень наотмашь хлестал землю и море. Каспий... почернел от горя!

А «молодой» из головы моей... сердца не выходил: «Хорош наставник... нечего сказать... Парня не уберёг!» Мысль эта нестерпимо терзала, мучила с каждым днём сильнее и сильнее: «Он-то и есть мне настоящий брат, истинный кунак. И вот сейчас мой кунак... в руках головорезов». Временами сознание норовило спрятаться от повседневности... Я вспоминал задушевные откровения лейтенанта: он всё мечтал сад возродить заброшенный... отцовский... У него крошечная дочурка, жена скоро второго должна родить. Был у них. Как мог, морально-материально поддержал...

Они-то молодцы... Ллле-е! А что делать мне?.. Мне-то... что?!!

Не отдавая себе отчёта, с какой целью, поехал вечером в родное село. Ноги сами вели... Гладкие каменные ступени указывали путь. Тесная улочка побежала вверх, изогнулась, пропала во мрак и снова, по ту сторону мечети, вынырнула на жёлтую луну.

Вот и низкая тёмная сакля алима... [13]

Абусаид-Хаджи...

...Ночные звёзды гасли, зарождался новый день.

С минарета муэдзин [14] пропел азан [15] к молитве. Начальник УГРО вышел в сад, совершил омовение, поднялся на глинобитную крышу родительской сакли, расстелил старый дедовский коврик и впервые опустился на колени. Закрыв глаза. Земное отступило. Он остался наедине с Аллахом. Никогда прежде не доводилось ему читать Коран. Не хватало свободного времени, знаний... а скорее — внутренней потребности. Не знал ни одной суры и сейчас лишь иступлённо, как клятву, повторял:

— Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Фото редакция газеты «Буйнакские известия»

В мозгу его, слово за словом, пульсировало услышанное ночью от алима: «Человеку без веры холодно... Зажги в душе огонь и согрей им своего кунака». Снова и снова всплывали в сознании герои старинной легенды, поведенной мудрым аксакалом.

Был у хунзахского хана заведён для пленников коварный метод расправы. Он приказывал раздеть непокорного, нагим отправлял на скалистую вершину и там оставлял на всю долгую ночь. Холод, вьюга, ветер злостный налетали на одинокого беззащитного человека, обрекая на мучительную верную смерть. «А тот преступник, — ядовито усмехался хан, — который увидит восход солнца, получит в награду свободу».

И жили в те далёкие времена два мужественных юноши. Одна судьба была у них, и они, как левое и правое крыло орла, неразлучно парили над жизнью. Не было во всей округе горцев более преданных священной дружбе. И когда один из кунаков стал жертвою хана, когда стражники сорвали с него одежду и повели крутой узкой тропой к месту казни, другой крикнул ему вслед: «Держись, друг! Обязательно держись! Я на соседней вершине разожгу костёр, он согреет тебя!»

Юноша замерзал на ледяной скале, прощаясь с родным аулом, нечем было ему укрыться от злой стужи, и вдруг сквозь чёрную тьму увидел он далёкий огонь. Жар от него дотянулся до иззябшего тела, до его замерзающей души и согрел. Всю ночь до самого рассвета, ни на миг не погаснув, горел костёр дружбы.

Утром изумлённый... смирившийся хан освободил стойкого горца...

Абусаид-Хаджи учил:

— Пусть вспыхнет в сердце твоём нур-джан — свет души, пусть освещает тебе путь нур-эд-дин — свет веры. Зажги пламя в душе и согрей им своего кунака.

Мы ещё целый месяц искали парня. Без сна, без роздыха. С его братом ездили. Пусто. А потом один чеченец мне шепнул:

— Его сразу, на второй день, взорвали... Хаттаб приказал.

— Как взорвали?..
— Под утро скончался раненый — племянник полевого командира. Вашего привязали к дереву, сорвали чеку и — гранату в карман...
У-уффф... фуууу...
Я спешил согреть... не успел.
Вот так...
Но мы... мы слово своё скажем...
Сердце дагестанца закалили, как амузгинский клинок.

К девяносто девятому году, благодаря «воспитанию» Хаттаба, и я, и работники нашего отдела милиции стали... сильно другими. Мы уже не считали отморожков, которые с оружием в руках вламывались в наши дома, братьями.

لَا يَشْرَبُ الْمَاءَ إِلَّا بِدَمٍ

Кто пьёт только окровавленную воду.

И оказалось, национальность здесь ни при чём. Когда в западной и центральной части Дагестана радикалы подняли ваххабистский мятеж — народ их не поддержал. А чеченских сепаратистов, вторгшихся на землю узденей [16], разгромили. Мятежники ослушались легендарного Шамиля, который завещал потомкам «быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему Отечеству.

Воля народов сильнее оружия. Земле нужен мир.

لَيْسَ مَعَ السَّيْفِ بُقْيَا

У меча нет будущего.

В тех жарких боях вместе с жителями Дагестана бок о бок сражались и мирные чеченцы, и русские... и Аллах! Потому победили. Тогда я усвоил для себя, что Дагестан и Чечня — тоже Россия. И этот урок географии я не забуду никогда.

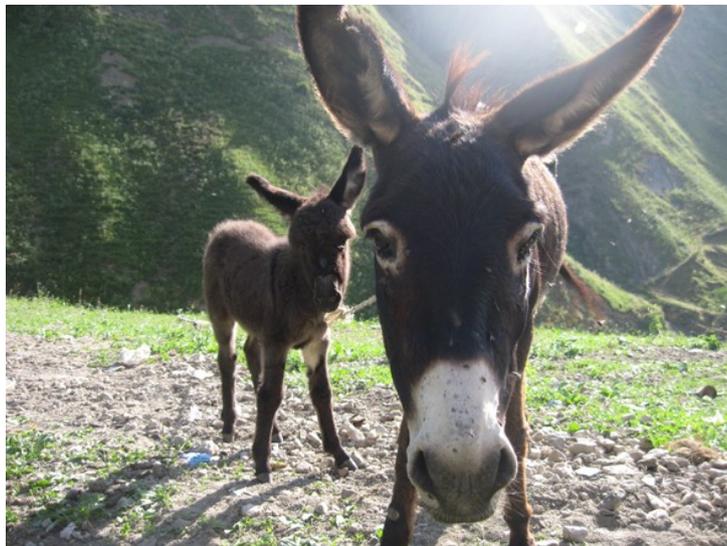
Аллах-у акбар! [17]

*

Примечания:

- [1] Хабар — рассказ, молва, слух;
- [2] Ёк — нет;
- [3] ЧРИ — Чеченская Республика Ичкерия;
- [4] Ясыри — пленные;
- [5] Гяур (араб. аль-кяфирун) — неверные, кафиры — понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама;
- [6] Якши — нареч. татарск. ладно, хорошо;
- [7] Магар (арабск.) — обязательный мусульманский ритуал «венчания», который проводит мулла до свадьбы;
- [8] Зина (арабск.) — изнасилование, прелюбодеяние.
- [9] «Обезьянник» — спецприёмник или изолятор временного содержания;
- [10] Нукер — оруженосец, телохранитель при дворе горского феодала;
- [11] Зиндан (персидск. — «тюрьма») — традиционная подземная тюрьма-темница в средней Азии;
- [12] Зикр — боевой общинный хоровод, составляющая часть исламского молитвенного обряда. Сакральный смысл: протуберанцы на кромке Солнца.
- [13] Алим — (араб.) высокообразованный, обладающий большими знаниями, ученый;
- [14] Муэдзин — читающий азан;
- [15] Азан (араб.) — в исламе призыв к молитве;
- [16] Уздень (татарск.) — свободный, зависящий только от себя, живущий по себе;
- [17] Аллах-акбар! — Аллах велик;

Дагестан — фотовзгляд

Оставляя на земле след

Хабарик [1]

*Если человеку судьба рисовать, он будет
рисовать даже ложкой по воде.*

NN

Если человек закончил художественную школу — это навсегда!

Я тоже в детстве посещал художку. (Отсюда и вечный интерес к альма-матер.)

Детская художественная школа в посёлке Мамедкала — именитое учебное заведение. Работы учащихся экспонировались в восьмидесяти странах мира, неоднократно становились победителями, дипломантами республиканских, российских, союзных и международных выставок детского творчества. Несли благую весть о родном Дагестане. Недавно коллективу выделили новое, отдельно стоящее помещение — подарок ко дню рождения. Мой друг, начальник Управления образования Дербентского района Мугутдин Кахриманов, первым делом повёз туда.

Не скрывая гордости, директор Гамзат Гусейнов водил по светлым просторным помещениям:

— Нам исполнилось тридцать восемь лет. Здесь приобщаем ребят к искусству, развиваем особый дар: видеть обыденное — красивым. Тут каждого ребёнка подведут к мольберту, научат грамотной композиции, правильному рисунку, фантазировать научат! помогут обрести свободу мысли, уверенность в себе. Наша главная задача — разбудить творческие начала. Это всё равно, что посадить дерево, которое со временем даст плоды. Дети все без исключения талантливы, но одни раскрываются раньше, другие — позже. Главное: развить личность, творящую невидимым инструментом — душой.

Мы неспешно переходим из класса в класс, любуемся искусными витражами, карандашными рисунками, акварелями.

— Дети не терпят фальши. Учитель принимает условия игр и возвращается в чудную страну под названием «Детство», тогда рождается чудо... Задача художественной школы — не ремесленников выпустить, штампующих программный материал. Мы стремимся сформировать живую непосредственную личность творца, способного удивляться и восхищаться прекрасным.

Лето — пора каникул. Время, когда девчонки, мальчишки обогащаются новыми впечатлениями в беззаботном мире веселья, игр, дворового счастья, чтобы, повзрослев, вернуться осенью и перенести краски июля на холсты. Я рассматривал чеканку, натюрморты, пейзажи: рассвет в горах, горный аул с саклями-сотами, портрет зурнача в папахе, юная горянка идёт с мучалом [2] к роднику. Ребята действительно кудесники! Они стремятся каждый по-своему открывать законы мироздания!

И вспомнились законы шариата...

Шариат, в переводе с арабского, означает «правильный путь». Шариат — свод исламских законов. Они не запрещают изображать цветы, деревья и даже горы. Это подпадает под «мубах» — действие, которое можно совершать или не совершать. За исполнение-неисполнение нет награды, нет и греха. Всё то, что шариат не обязывает и не осуждает, входит в мубах. Например, «36. Рисовать неодушевлённые предметы». А вот «петь, рисовать людей, животных» по законам шариата — харам гайри зулми — «запрещено, поскольку совершение приносит вред производящему его».

Тем сильнее поразил меня художник из Кулинского района. Он не только живописует людей, но и рамками академических худсредств себя не ограничивает.

Рашид, мой кунак, заинтриговал одной фразой:

— В селе Кули есть уникум, рисует Ленина... струёй мочи! Вах!

Я недоверчиво промолчал.

— Обычно сделаем по пять грамм, джамаат подначивает: «Серажутин, изобрази!» Орлом плечи расправит, ноги пошире, сосредоточится и — выдаст на пыльном асфальте чёткий силуэт

вождя мирового пролетариата. А последней каплей откроет глаз. Ильич ехидный-ехидный!
Смотрит на нас с прищуром. Вот это, я понимаю, — оставить след на земле!

— Получается как у Владимира Маяковского:

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

Все плановые встречи — коту под хвост!

Весь график — скомкан...

И вот мы в гостях у художника-авангардиста.

— Надо понимать Лениниана — Ваш конёк?

— Да! — гордо произнёс Серажутин. — Ленин — живее всех живых. С первого класса его рисовал, рисовал, рисовал. Картины копировал: «В Смольном», «В шалаше», «Ходоки»... А в девяносто втором профиль Ильича из ручного пулемёта трассером в воздухе очертил. Смутное было время, разгул преступности.

— У Вас что... пулемёт?..

— Не-еее, у соседа. Баловались просто. Обычный пулемёт Калашникова, ничего там такого особенного. И цинков с трассирующими патронами — арба... Баловались, баловались... Я беру: та-та-та-та-та — светящийся контур вождя в ночном небе.

Творческие способности у меня — от отца. Он чабанил, а на отдыхе лепил из овечьей брынзы барашков, осликов, соседей, директора колхоза. Кто не нравится, можно съесть. После обучения я не захотел оставаться в Махачкале, вернулся в родное село: работал учителем, много рисовал, участвовал в выставках, занимался оформительством. Советское время — бум плакатов. С ума посходили! Тема одна: «Слава КПСС!» Каких только плакатов ни ляпал. Тыщу транспарантов, наверно... Семиметровые панно: Брежнев такой густобровый стоит. Зато после его смерти еле успевал рисовать вождей, быстро умирали. Я старую голову замазывал, из журнала пририсовывал другую. Иногда туловище прежнего хозяина в пол-оборота, а голова нового — в фас. Ничего, всем нравилось. Масляными красками на ДВП. Загрунтую белилами и — вперёд.

Мы собрались было уходить, но хозяйка уже накрыла на стол.

— Не останетесь добровольно, готов применить силу, — радушно пригласил хозяин.

Довод оказался убедительным, а Кизлярский коньяк и хинкал — отменными. Вечер за хабарами пролетел незаметно. Вышли за ворота. На прощанье я попросил мастера изобразить, в привычной для него манере, мой портрет. Серажутин ломаться не стал и в несколько секунд уверенной струёй начертил на утоптанной земле дружеский шарж. (Полезно знать, как выглядишь со стороны, к тому же не люблю поднимать на смех богов, которым сам недавно поклонялся.)

Я рассыпался в благодарностях.

А что касается желания оставить на земле свой след...

Хочется... добрый.

*

Примечания:

[1] Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);

[2] Мучал — большой водоносный металлический кувшин;

Солнце и Луна

إِنَّ النِّسَاءَ لَخَمٌ عَلَى وَضْمٍ

Женщины — мясо на чурбане мясника.

Абдула устало посмотрел в сторону дымчатых гор, припоминая подробности свадьбы.

— Я женился поздно, в двадцать девять. Был момент, думал: «Зачем это?»

Но родители гнули своё: «Давай, давай, давай!..»

Наконец, принимаю решение: «Кого подберёте в жёны, ту и возьму. Мне всё равно». Пять лет учился в Самаре, в университете, — в глазах Абдулы вспыхнул далёкий озорной отблеск. — Знал, такое не испытать вновь. Женился. Тёща часто у нас в гостях. Стал замечать: она дочке советы даёт, нашёптывает: как держать себя при муже. Несколько раз так.

Фото редакция газеты, Гергелбский район

Тянуть не стал. Построил их во дворе:

— ...ябывайте обе отсюда. Пять минут на сборы. Время пошло!

На другой день тесть приходит:

— Салам алейкум!

— Алейкум ассалам!

— Что случилось, Абдула?

— Твоя женщина суётся в наши отношения.

— И всё?

— Да.

— Клянусь, такого больше не повторится. Прими мою дочь обратно, прошу. А если будет вести нехорошо, не отправляй домой. Тут, во дворе, закопай!

إِذَا صَاخَتِ الدَّجَاجَةُ صِيَاخَ الدِّيَكِ فَتُذَبِّحُ

Когда курица кукарекает как петух, её режут!

Истинные чувства молодых — дело тёмное...

Сладко живут или нет — со стороны трудно судить. И на слова в таких вопросах объективно полагаться нельзя. Слова лгут! Пожалуй, существует лишь одно верное средство заглянуть за кулисы чужого счастья — оценить плоды жизни. Внутреннее содержание и внешнюю красоту амурного яблока не утаить от людей. Я видел детей Абдулы и Джамили... Сыну

исполнилось двадцать три года: высокий, стройный джигит с горячим взором. Две девочки помладше: застенчивые, уважительные... И красавицы, каких мало.

Только жаркий, неземной огонь способен зажигать новые звёзды.

Взаимное притяжение — тайна. Тайна, скрытая для всех...

Как в восточной притче, что поведал мне Мгутдин:

— Бог создал Солнце и Луну, дабы светили они людям и помогали найти своё счастье. Луна царила ночью, освещая путь влюбленным, Солнце сияло днём, чтоб те, кто нашёл свою судьбу, жили светло и счастливо. Долгие годы Луна и Солнце сменяли друг друга на посту и однажды поняли: жить друг без друга больше не могут, они полюбили... И вместе им быть невозможно — нельзя оставить мир людей без света. Обратились они с мольбой к Богу, и Бог решил вознаградить светила за преданность Ему и людям. С тех пор они встречаются два раза в сутки: на рассвете, когда восходит Солнце, и на закате, когда поднимается Луна на сумеречное небо. Они встречаются взглядами-лучами — и всё замирает. Наступает самое романтическое время. После этих свиданий рождаются на небе звёзды. Вот такая любовь у Солнца и Луны...

А с виду как будто неродные.

*

Исповедь

*Если из моря зачерпнуть кувшином,
солёной воды не убавится.*

Арабская пословица

Когда заселялся, хозяин сообщил:

— Александр, завтра у племянницы в Махачкале свадьба, нас с женой пригласили, но если хочешь, останемся.

— Свадьба — святое.

— А то смотри. Если что — не поеду.

— Поезжайте!

— Будешь за хозяина. Да... тут ещё живёт моя тётя...

Они уехали, я залез в компьютер.

Неожиданно над низким подоконником бесшумно проплыла макушка. Приподнялся, выглянул в окно: никого. Опять голова. Справа — налево. Вышел в сад, обходя свисающие ветви спелой алычи, отправился по тропинке, выложенной камнем. Тропка привела к низкой двери... Постучал: тишина... За дверью каморка, у окна крохотная, невозможно-махонькая опрятная старушка.

— Здравствуйте. Не знаю почему, но у меня возникло чувство, если не познакомлюсь с Вами и завтра уеду, то не узнаю чего-то очень важного.

Она молчала, глядя на меня усталыми глазами и, наконец, спросила:

— Чего ты хотел узнать?

Я не нашёл ничего более умного и спросил:

— Вы бы хотели прожить жизнь заново?..

— Нет! Не-еет, не надо! Не надо! — взволнованно запричитала она. — Ради Бога, не надо. Хоть завтра умру, рада. Не надо больше жизни. Надоел жизнь. Сколько видела, сколько я видела... Хватит мне. Мне хватит. Мно-оого горя я видел. Хватит мне этого. Сына два били. Дочка умерла, мне было двадцать четыре года. Заболела — умерла.

Она тяжело сипло задышала.

— Работала сорок лет в одном месте — РАЙПО. Трудилась... Тихило било тогда...

Я труд делала там, сколько работала — Бог знает. Цены небили, вот пенсия маленький сейчас получаю. Я хорошо русский разговаривать не умею. Если умела би, сказала би, сколько работала, как работала...

С трудом сдерживаясь, я попросил:

— Расскажите!.. Кто знает, может, я для этого и приехал в Дагестан, чтоб с Вами встретиться. Ведь, по причине, непонятной мне, я оказался здесь, сейчас.

— Столовый там биль внизу, вон там столовый били. — Она устало подняла иссохшую руку в сторону оконца. — На базари, там керосин продавал баки. Сегодня тоже есть эти баки. Оттуда-туда четыреста, пятьсот литров бочки, зимой! катали полные. Нефть, чтобы обед готовить. Смотри, я была восемнадцать лет тогда. Эти бочки нам так тяжело било... Только проданные блюда начисляли нам деньги. Эта работа нам тижёлая... Это не считали. Привезли густой чёрный, десять бочков. Как называть не знаю. Зимой это густой били. Не могли сильно лить. Потом яму делали, там огонь. Верх бочку ставиль, чтоб вилили. Одежда чёрный били, сами чёрный били. Это тоже не считали нам. В общем, трудно било. Труд делали ми. Со мной другие тоже били. Если хорошо владел би русский, не могу же... Потом это тоже кончили, углём начали топить. Не спали ми вообще. В три часа встали, чтобы топить печку, греть. Пока повар придёт, нам надо било, чтобы печка хорошо топила, кастрюли кипели. Вот так работали...

Она безвольно опустила руки на колени.

— Обрато поваром работала в кафе, одна была: и вода таскала, и уборку делала, и официанткой, и варила. Одна! Четыре года работа одна сама всё делала. Мне в конторе сказал: «За официантки денег дадим, вода таскать не дадим». Только 70 рублей получил. Пошла к Председателю я. Тогда Председатель мне сказал: «Если не хочешь, оставь, уходи!» Как уходить? У меня дети били, надо кормить. Уходить тоже не могла. Пришла обратно, работала там, эта

слишля, Абдурахман, исполкоме работал... Он услышал вот это, который сказал мне слово. Он Председателю сказал: «Когда я маленький такой биль, она столовая работал. Если она неграмотная, у неё практика имеется. Тебе не надо было такое плохое слово сказать ей. Если ты не можешь своим работникам обращаться, уходи сам». Он отказался: «Я так не сказал ему...»

Чего сказать у меня... Если ты по-лакски знал би, хорошо-оо сказала би тебе. По-русски не умею. Обидно, канэщно. Спасибо, что пришёл ко мне. Трудно било. Деньги не защитали за труд. Слищишь, ты?

— Слышу... — в глазах моих, как ни проитивился, стояли слёзы. — Почему мир так устроен?

Вопрос этот, скорее, риторический, я задал не ей — себе...

Он висит в воздухе поныне.

Висит неприкаянный, без ответа...

*

Время — возрождать!

Малумат [1]

*Всему своё время, и время всякой вещи под небом.
Время насаждать, и время вырывать посаженное.
Время убивать, и время врачевать.
Время разрушать, и время строить.*

Екклесиаст

В Ахтынском районе идёт восстановление фруктовых садов.
Тема показалась мне символичной.

Не заброшенный — цветущий сад!

Уже от одного словосочетания идёт чарующий аромат весны, любви, надежды на лучшее. Восстановление запустевших садов — это и символ сегодняшнего Дагестана. По всей территории, от глухих горных аулов до побережья Каспия, республика строится, возрождается, прихорашивается, преодолев период разрухи девяностых годов двадцатого столетия.

Агаев Агаверди — год рождения тысяча девятьсот тридцать девятый. Молодых умельцев нет, вот и вернулся в строй авторитетный специалист-аксакал.

— Сельская администрация пригласила — я и пошёл. А что? Даст Аллах, думаю, всё у нас будет нормально. Для меня это не просто приработок к пенсии. Сады — былая слава Ахтынского района. Теперь деревья состарились — всё стареет на свете — перестали плодоносить. Они отдали людям цвет, красоту, богатые урожаи, выполнив своё предназначение на земле. На сотне гектаров плодородной долины выкорчёвываем старые деревья, на их место — молодые саженцы. Ещё мой отец Агаев Малик Агавердиевич, известный садовод, перед Великой Отечественной работал здесь бригадиром. Тогда выращивали и черешню, и грушу, и сливу, но больше всего — яблоки. Каждое деревце отец в стужу пестовал, в засуху поил и оберегал от вредителей. В военные годы, благодаря садоводству, люди выжили: выращивали яблоки, табак и меняли на пшеницу. Отец не вернулся с фронта, погиб. А в шестьдесят седьмом, после окончания дербентского сельхозтехникума, я заменил его на должности бригадира. Отец в детстве учил: «Каждый мужчина должен сначала построить дом, посадить сад, а потом жениться». Его слова для меня закон! В Дагестане отец для сына после Аллаха — второй человек.

Наш традиционный сорт яблок — ранет ахтынский. В былые времена получали по сто сорок центнеров с гектара. Отовсюду приезжали в Ахты за яблоками. Яблоки на ветках висели, как нарисованные. Любо посмотреть, а сейчас... Перекопки, опрыскивания — всё делали вовремя. (Требования были жёсткими.) И отправляли фрукты в промышленные центры, в основном, в Москву. В четырёх котлованах хранили ахтынский ранет до самой весны. В марте открывали и реализовывали. Очень прибыльное дело. Совхоз был миллионером. Единственное, что порой мешало — заморозки. Ночами не спали, жгли костры в садах, делали задымления. От морозов сады смогли уберечь, от перестройки — нет. Она оказалась безжалостней стихии. Раньше и свой питомник был, обеспечивали Юждаг саженцами. При развале Советского Союза рассыпалось хозяйство, как карточный домик.

Всё от Аллаха. Аллах проверял: выдержит народ или нет. Народ выдержал!

Главное, не падать духом! Всё вернётся, если не сидеть сложа руки. Год назад из Гергебеля, аварского села, завезли саженцы нового сорта. Зимний шафран называется. Ему лет восемь нужно, чтобы начал плодоносить, зависит от того, как приживётся. Старший сын Малик всё время со мной, помогает. Яблоко от яблони недалеко падает. Самое главное сейчас и для района, и для меня лично — вернуть наши сады к жизни.

Фото

Чтобы завтра вся планета превратилась в благоухающий сад, нужно сажать деревья сегодня.

Перед тем, как уйти...

Как не будет меня... хочу оставить потомкам не разруху, а рай. (По Библии первым плодом в раю было яблоко.) Молодёжь скажет: «Это всё дедушка Агаев. Пусть будет рахмат [2] ему!»

*

Примечания:

[1] Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;

[2] Рахмат (араб.) — милость.

Белая птица

Хабар режиссёра народного театра

*...Весильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашей игрой!*

Пьер де Ронсар

Фото редакция газеты «Буйнакские известия»

К лику «Народных» театр был причислен задолго до рождения.

Вышло как... Начальнику нашей районной культуры-мультикультуры в Махачкале удалось договориться: красавчикам его за песни задорные и танцы яростные присвоили звание «Народный ансамбль». Но бланков на все коллективы не хватило, вручили, что осталось, — «Народный театр». Танцоры со временем разбежались, и почётное звание перешло спустя три года нам — по наследству.

Как-то вечером, незадолго до премьеры спектакля «Божественная комедия», возмись с реквизитом, подгоняем костюмы, и тут Айшат (она Еву играла) спрашивает:

— Ниям Алиевич, как мы свой театр назовём? Неужели останется «безымянным»?

Актёры, в предвкушении таинства, притихли.

— Хм-м... Имя — это слишком серьёзно, чтоб сочинять на ходу. Имя театра — горное эхо, отклик сердца на пылкое чувство. Название должно вызреть. А ты... как бы назвала?

— Я бы... «Белая птица», — Айшат мечтательно подошла к окну.

Все молчали.

Настоящий спектакль я видел ещё будучи школьником в Махачкале. Аварский театр поставил пьесу «Ленин в октябре». Отец достал билеты. Пришли заранее, долго не могли найти свои места в... «партере»?! Наконец угнездились, сидим, глазеем по сторонам. Публика в нарядной одежде плывёт, до потолка заполняет высокий зал. Почему-то редко кто в папахе. Люстра над головой огромная, сверкучая. Раздался звонок, второй... Приглушили свет. Так загадочно... Я крепче вжался в бархатное кресло.

Широко раздвигается багровый, золотом шитый занавес.

Прямо передо мной на сцене — Ленин... Живой! Из-за кулис выбегает ликующий Бонч-Бруевич:

— Ворчъами [1], Владимир Ильич! — здороваётся по-аварски.

Ленин в ответ:

— Ворчъами!

Как принялись все смеяться: «Ворчъами, Владимир Ильич!.. Уааа-ха! Ленин, оказывается, аварец!» Минут десять зал не мог угомониться. Пришлось закрывать занавес. Кое-как успокоились. Открывают занавес повторно: сидит мрачный вождь, заходит Бонч-Бруевич, уже не здороваётся, виновато разводит руками:

— Революция.

Ленин хватается за голову:

— У-вах!

Зрители согнулись пополам. За животы держатся, ржут в голос. Артисты пытаются перекричать, взывают к светлomu, но их не слышит никто...

Отец не стал дожидаться развязки. Почти на весу он тащил меня за руку к автобусной станции:

— Э, бараны! Не дали насладиться взору.

А в армии моё знакомство с театром продолжилось...

Волею судьбы к нам в отделение попал служить русский товарищ, после театрального училища. Приметил меня. Я несколько раз прикидывался пьяным, старшина, разумеется, ловил, начинал костерить.

— Да трезвый я! — выдыхаю во все лёгкие.

Урус подивился:

— Для чего комедь ломаешь, Ниям?

— Когда на самом деле выпью, старшина внимания не обратит.

С этого наше знакомство и завязалось. Он был настолько увлечён Мельпоменой, что и мне голову вскружил. Труды Станиславского подсовывал, рассказывал много. Этюды понуждал делать:

— Садись на стул, изобрази «холодно».

Я садился, потирал руки, как над костром...

— Нет. Руки, если замёрз, будут двигаться по-другому, — и показывал.

Баловались просто. Разные сценки демонстрировал, изображал то одно, то другое. Нашёл в молодёжно-эстрадном журнале сценическую композицию:

— Всего-навсего про берёзку, а сколько сказано. Вот послушай!

И — ну читать. Я жадно внимал.

Неужто про берёзу можно столько всего знать? Там и Ленин в эмиграции, сидя в далёком Лондоне, рисует на полях рукописи берёзку — трепетный символ русской красоты. Затем война. Великая Отечественная. Радистка. Во время жаркого боя открытым текстом по всему фронту летит тревожный девичий голос: «Я — Берёзка! Я — Берёзка! Я — Берёзка! Отвечайте. Дайте огонь на меня! Не успею сжечь документы, огонь на...»

Прерывается. У самого глаза блестят...

Так меня растрогало... Читал он необыкновенно, с интонацией. А я буквально видел все картины. Что меня особенно поразило? О чём говорил, всё — перед глазами: Ленин, стопка рукописей, как берёзку рисовал на полях — скучал. Я будто бы рядом. И войну видел. Занозил он меня театром и сагитировал ехать после службы во Владивосток учиться на театрального художника. Я до последнего отнекивался: «Не получится, всё-таки дагестанец! Там ни родителей, ни родственников».

Против романтики не устоял...

Демобилизовались, повёз он меня к себе. Сводил в приёмную комиссию училища. Я загадал: получу двойку на вступительном — судьба уехать. (Поступал-то чисто из уважения к нему.) Что ты думаешь — одни пятёрки. Приняли. Ну, коли так, надо учиться. Пошёл одновременно в театральный кружок при заводе «Радиоприбор». Тоже он насоветовал. Коллектив восемьдесят человек. Казалось бы, самодеятельность, кружок, но какие люди преданные искусству. Режиссёр Зоя Петровна. Таких людей редко встретишь... Знающих своё дело, влюблённых. Сперва на меня внимания не обратили: «Ну, пожалуйста, приходите, массовки много. Будете маршировать за сценой». Потом доверили эпизодическую роль. Одну, другую... Я с

таким удовольствием, таким рвением брался за них. Меня начали подтягивать. Год проходит, предлагают главную роль. Пьеса испанского драматурга Лопе де Вега «Изобретательная влюблённая». Роль капитана Бернардо. Шляпа, шпага, сеньоры. Действие происходит в Мадрииде!

— Любофь мая, прашупащады!

До сих пор от стыда сгораю, режиссёр мне замечание сделала: «Николай, акцент убрать!» Я-то полагал, никто не замечает.

Играл в дублирующем составе. Потом ведущий актёр бросил репетиции. Сам по себе красивый парень, комсомолец такой, высокий, статный, а там танцы-реверансы. Платок упавший нужно поднять элегантно: нагибается, шпага халат задирает, тыкает в живот. Он до этого своей красотой играл. Себя играл. Танцульки, поклоны, паясничанье недолго любил. Тем более в стихах. Опять же по комсомольской работе сильно загружен, освобождённый секретарь... Пришлось мне и в основном, и в дублирующем составе играть. Премьеру ждал с нетерпением, в страхе... Но опытные коллеги, готовые поддержать, всегда рядом. Вспомнили быть.

Накануне спектакля дебютант пригласил знакомого:

— У меня бенефис.

— Кого играешь?

— Оруженосца. Говорю положительному герою: «Валабуев, вот Вам меч!»

— Давай поспорим: ты вместо «Валабуев», скажешь «Валах...ев».

— Не может быть...

— Точно.

Всю ночь актёр в панике зубрил проклятую роль. Не спал, ходил по комнате, твердил, как заклинание: «Валабуев, Валабуев, Валабуев». Еле дождался утра. Премьера. Его выход. Весь бледный, в холодном поту, появился из-за кулис, решительно шагнул с мечом к главному герою:

— Валабуев! Ф-фуу... Вот Вам ...уй!

В отличие от былинного героя у меня, на счастье, всё прошло гладко.

По благу на завод устроили фрезеровщиком, чтоб вечером мог подхалтурить. Дали разряд, выше, выше. Коллектив прекрасный. Зарплата под конец — четыреста. Какие-то премии, чуть не каждый месяц. В местком уговаривают:

— Пиши заявление.

— Какое заявление?

— На материальную помощь.

— Не буду.

— Пиши-пиши.

Пятьдесят рублей, семьдесят рублей плюс к основной. Как-то интересно было, хотелось жить, такой добродушный народ. Чуть не женился там. Родители письма слали: «Когда домой? сколько будешь пропадать?» Всё такое. А надо было жениться, остаться... Квартиру предлагали, парням выделяли охотнее. Одно условие: «Делай фиктивный брак!» Для меня это было очень странно — «фиктивный брак». И я свою очередь уступил. Мне в общежитии нравилось. Там ребята весёлые, компанейские. Умные ребята. Любят труд. Понимаешь? Девять лет с ними прожил. В то время у меня другие полушария «функционализовали», так думаю.

В России совсем-совсем другой народ... Открытый, добродушный.

Позавчера по Интернету отыскал родной Владивосток. Так далеко. Чуть не расплакался. Возвратиться бы..... Театр — оттуда. Вьелся он в меня!

Домой в Дагестан судьба вернула в восемьдесят пятом. Сразу же, как в отдел культуры оформился, стал организовывать театральный кружок. Я знал своих учителей, даровитые люди, некоторые из них... Помню, как вели уроки, действительно могли бы прекрасно играть. Приехал, они постаревшие, с сердечными болезнями. Преподаватель истории с горечью: «Чуть бы пораньше». Сперва я декламировал со сцены рассказы. Затем куклу-ослика сделал. Смотрел, смотрел по телевизору Никулина в цирке. У него лошадка была, я сделал ослика, получилось гораздо интереснее. Ослик, глазастый такой, забавно фыркал. На празднике Первой борозды устроили скачки. Я решил: пристроюсь в конец, побегу сзади, порадую народ.

Анекдот есть такой, мужик рассказывает приятелю:

— Ходил вчера на ипподром. В толпе развязался шнурок, нагнулся поправить, кто-то положил на спину седло.

— И что?

— Первым пришёл.

Здесь, конечно, было совсем не так. Не дали мне даже до трассы дойти, на скачки никто не смотрел. Обступили, облепили, будто пчёлы. Дети уставились на ослика, угощают его, заглядывают вниз: как ходит? Все желают сфотографироваться верхом. Две попытки сделал пробиться, не удалось. Пришлось костюм скидывать и спасаться бегством.

Мне сразу прозвище дали — Клоун.

А мечта о создании театра не отпускала.

У нас в горах всегда танцы красивые были, но чтобы вам выразительные монологи, сценки... Не принято. Ничего драматического. И хотелось привнести.

Театр — это ж такая культура... Целый мир.

Бурная река — в кувшине!

Рай — на земле.

Репетировали то у меня дома, то в сарае. Реквизит?.. Жена бухтела: «Не знаю, куда от тебя вещи прятать?» Простыня ли, колготки, шарф, старый чемодан — всё уходило в театр. Поехал в город, в русский драмтеатр, у них там склад огромный: парики, грим, декорации, причиндалы. Всегда есть что-то списанное, на базаре таких вещей не бывает. Уговорил художников по свету: уступили прожектора, плёнки всякие — свет-тень делать, иллюминацию. Ну, вот так с миру по ниточке... Глава района дал добро, проникся: «Дело хорошее!» Клуба в селе нет, так мы договорились, что представления будут в зале администрации.

Начал с деревенских рассказов Шукшина, объединил их... несколько сюжетов. Там герои схожие, ситуации. Они как бы из образа в образ переходили. Постановка на русском языке. Иначе никак! В районе шесть национальностей, жители соседних сёл друг друга не понимают, когда говорят на родном, поэтому текст приводил к общему «знаменателю». Тут ясно, а вот... с «актёрским материалом» было тяжко. Лицедействовать люди не привыкли, понятия не имели что такое «интонация», «тембр голоса», «мимика»... На Чехова пытался замахнуться... Нет. Бесполезно. Не осмыслить образы до конца — скрыта глубина. Не удаётся довести идею, зыбкую грань чувств до исполнителей. Приходилось учиться на этюдах... Один плюс: все поголовно стали читать. Сами поразились: «Вроде бы Чехова в школе проходили, а ощущение такое, словно знакомимся впервые».

Я продолжал искать близкий по духу материал, агитировать соратников. Театр — творчество коллективное. В одиночку можно только мечтать. И вот однажды в библиотеке попала на глаза книга Иссидора Штока «Божественная комедия» с весёлыми рисунками французского художника Жана Эффеляса, с подзаголовком: «подробная история сотворения мира, создания природы и человека, первого грехопадения, изгнания из рая и того, что из этого вышло». Пьеса в двух актах. Вообще-то, она написана для кукол... Думаю, что если её самому перевести на местный материал? Не требуется большой фантазии, чтобы представить: жизнь на земле пошла именно отсюда, из Дагестана. И где, как не здесь, строили Вавилонскую башню люди, возомнившие себя богами? (Не зря уверяют: если бы «понты» светились, в Дагестане ночью было б светло как днём!) Где ещё живут на крохотном пятячке более тридцати национальностей, которые говорят на своих, непохожих языках? Где ещё отыщешь древние следы четырёх мировых религий сразу... Мне один старожил, по великому секрету, издала показал на высокогорном склоне остатки Ноева ковчега, причём с отметкой Российского морского регистра на борту.

Самое трудное было написать первую страницу пьесы, но я не отчаивался. Ведь даже Бог не смог создать всё за один присест. В первый день он сотворил лишь небо и землю.

Итак, порешил Бог создать землю...

Ангелы по команде стали сбрасывать камни вниз. Накидали целые горы. Красиво получилось. Да вот напасть — зимой холодрыга... Непрístupные ледяные вершины, и по ним дикие туры носятся, как угорелые. Нет там ни кустика, ни травинки.

Бог часть вершин раздробил, сдвинул вниз, разгладил. Ангелам дал указания, вручил проектно-сметную документацию, всякое такое, но к сроку они не успели с благоустройством. Бог постановил: пусть люди сами проложат шоссейные дороги, проведут газ, воду. А то — всё наготово! Хоть что-то они умеют делать самостоятельно или только воевать друг с другом? Организовали ангелы силами горцев гвай, типа субботника: понасажали деревья, кустарники,

устроили водопады, развели сады с абрикосами и черешней; загодя выпустили на душистые цветочные луга тучные стада спортивных коров, отары овец. Всё — на благо человека! Днём в этих местах тепло, ночью — прохлада. И главное — комаров нет. Спится хорошо. Рай Господь как раз и наметил сотворить здесь: на высоте тысячи метров над уровнем моря, с филиалами в Ахтынском, Хивском, Шамильском (одно время его будут именовать «Советским») Хунзахском и Левашинском районах. И чтобы рай был похож на рай, Бог оставил на видном месте рецепт бузы [2]. Говорят, что алкоголь в умеренных дозах полезен. Не могут ошибаться миллионы мужчин! А для туристов Бог распорядился наполнить Каспийское озеро морской водой, отсыпать золотым песком побережье. Чтобы гости могли хотя бы на пляже не париться в штанищах, а разгуливать в шортах, купаться и, разъехавшись по домам, прославлять солнечный Дагестан. Да ещё виноградников повелел развести видимо-невидимо: дабы за марочным вином и коньяком не бегать к соседям, чтобы лучше слагались песни у Расула Гамзатова, ну и чтоб свадьбы отличались от похорон. А один вредный падший ангел втихаря слепил плохиша с багровой кляксой на лбу. Он виноградники те — под трактор. Ну, чтоб людям заново возрождать, на земле чтоб жилось нескучно...

Не было тогда ни ночи, ни дня... Одни серые будни. Неба нет. Солнца нет. Создатель и ангелы лежали на мягких белых облаках, скучали и от нечего делать хабарничали. (Почему-то все забыли, что слово «хабар» — рассказ, молва, слух — пошло именно из Дагестана. Город болтунов на Дальнем Востоке так и называли — Хабаровск.)

Работа над пьесой заняла у меня целое лето.

Подобрал несколько артистов. Все разные.

Айшат — ученица десятого класса. Она Еву играла. Такая стеснительная, до невозможности. Когда по сценарию они с Адамом уже ВСЁ... Там есть диалог: «Адам, ты идёшь на рыбалку?» — «Да». — «Поймай мне селёдку».

Она бездумно произносила этот текст. Спрашиваю её:

— Ты понимаешь, что именно говоришь?

— Ну, «селёдку».

— А зачем тебе селёдка?

— Не знаю, здесь так написано.

— Речь идёт о том, что ты беременна, тебе захотелось солёного.

Она вообще перестала эту фразу произносить. Чуть совершенно не замкнулась... Начали с ней со стихов из школьной программы, чтобы правильно могла читать. Постепенно страх преодолела. Втянулась. Понравилось. Расправила крылья! И однажды откровенно призналась:

— Ниям Алиевич, оказывается сцена — космический корабль!

Тимур. На год постарше её, смыслённый такой, Адама играл. На волейбольной площадке его нашёл. Говорю:

— Приходи!

— А кто ещё будет?

Ему же интересно.

Учителя поначалу ревновали, что я детей на репетицию заманиваю, а потом, когда заметили, что дети стали другими, — открытыми, приветливыми, — успокоились. Некоторые даже сами записались.

Физрук Мизам Гаджиевич. Набожный человек, с такими строгими принципами... А ему нужно было играть падшего ангела. Для него придумали короткие панталоны, шарф оранжевый длинный, словно комета.

— Неужели выйду к людям в этом наряде?

Вышел.

Ещё согласились работники Дома детского творчества, врачи. Среди них культработник один я. Таланты выискивал по всему селу, уговаривал, приводил. Они не подозревали в себе артистических способностей. Случались, конечно, и добровольцы. Но с ними без толку работать. Они где-то что-то перед зеркалом намудрят себе. Всё время роль изображают. Просто хотят покрасоваться у всех на виду. Я много бывал с ребятами в походах, на соревнованиях. Там хорошо люди познаются. Смотришь, как они общаются друг с другом, шутят. Отмечаешь, у кого получается оригинально.

Самого Бога играл я. Он реже всех появляется на сцене, и это позволяет наблюдать за игрой всей труппы. Костюм для Творца сделал балахонистый, из золотистой парчи. Падшему ангелу — из синего велюра, немаркий. Ведь по сюжету он между небом и землёй. Трудно ему живётся, вечно в командировках. А правильному ангелу пошил воздушные пинетки из ваты и спецодежду с крылышками. Сочетание жёлтого, голубого с белым. Чисто белое у нас воспринимается не как внизу... Полностью белый — лишь саван. Когда Айшат назвала театр «Белая птица», я так и объяснил ей: белый цвет в горах — символ смерти.

В Махачкале профессиональный режиссёр заявила: «Вы эту пьесу поставить не сможете. Адам и Ева голые. Что будете делать? Да вас засмеют». Я всё продумал: нашёл для них байбак, такой плотный материал. Сначала Создатель как бы лепит «пионера». Из-под стола появляются руки, какие-то детали, — идёт создание первого человека. Потом Господь вдыхает жизнь в плоть. Тело оживает. Ну, понятно, Адам совсем налегке, и в то же время необнажённый. Условность. Дело совсем не в этом. Главное, что потом ему операцию сделали, ребро вынули. Из ребра состряпали Еву. Они влюбились, стали едина плоть, и пошли на земле люди...

Мне показалось, к началу премьеры главные герои сами стали равнодушны друг к другу. Во всяком случае, Тимур старался, как мог, не смотреть на Айшат, не замечать её, реплики отрывисто произносил в сторону... Она смущённо адела.

Представление назначили на пятницу. Через два часа после общего намаза в джума-мечети [3] селяне стали подтягиваться к администрации. Занавеса в зале заседаний нет, поэтому весь реквизит мы расставили на сцене заранее. А для того, чтобы актёрам выходить, менять по ходу пьесы картины, условились выключать общий свет. Участники спектакля собрались в боковой комнатке и, кажется, не дышали. Через приоткрытую дверь доносился нарастающий гул. Зал набился битком, человек триста. Кто сидел-стоял, кто висел на подоконниках, на двери. Никто, что такое театр, не знает. Гвалт стоит. Нужно представление начинать, а публика не может утихомириться...

Мизам Гаджиевич сквозь зубы процедил:

— Сейчас оторву ножку стула, начну усмирять...

— Пора! Шум не замечайте и, главное, не смотрите в зал.

А сам боюсь: микрофонов нет. Мизансцены разные. Ведь иногда нужно, чтобы шёпот до последнего ряда слышен был. Стараясь занять свои мысли, я принялся осматривать у всех костюмы, поправлять головные уборы, причёски...

Тимур украдкой сунул в руку Айшат сложенную из тетрадной страницы белую птицу...

Всё. Пора. Я включил магнитофон. Из выносных динамиков полилась волшебная музыка, по моему сигналу погасили свет, я торжественно вышел на сцену, плавно поднял руки, свет включили, представление началось...

Зал затих.

— Акт первый! Не было ни ночи, ни дня... Серые сумерки. Неба нет. Солнца нет. Создатель и ангелы лежали на мягких белых облаках и скучали...

Пока я говорил, Айшат и Тимур на четвереньках, чтобы зрители не увидели, пробрались из боковой комнатки на сцену, спрятались под тканью.

— Пее-рвый а-ангел! — патетично, нараспев воззвал я.

Мизам Гаджиевич явно нехотя, как-то бочком, вылез на сцену.

— И физкультурник туда же! — в зале радостно загудели, потом кто-то грозно шикнул, опять стало тихо.

— Расскажи-ка нам, любезный, что творится в нашей и соседних галактиках?

Я дважды на разные лады, настойчиво повторил вопрос. Мизам Гаджиевич, неприлично бледный, молчал по-мхатовски.

— Ле!!! Зачем выпустили немого?

Пришлось выкручиваться:

— Не знаешь что сказать? Это потому, что ни единой души, кроме нас, нет кругом. Откуда же быть новостям. А вот мы сейчас создадим человека.

Я тихонько обошёл Мизама Гаджиевича, боясь спугнуть его, навис над кучей ткани, точно хирург, и начал колдовать, делать руками пассы, тихонько невнятно бормотать себе под нос таблицу умножения... Из складок появилась рука, потом голова...

— Смотри, смотри, кукла глазами моргает!

В зале стало невыносимо душно, открыли настежь дверь, окна.

Когда Ева по сценарию должна была поцеловать Адама, чувствовалось по всему, спектакль достиг высшей точки напряжения. Кто-то, давясь от смеха, крикнул отцу Айшат на весь зал:

— Мирзабек, твоя дочь сама полезла целоваться с сыном Раджабова.

— Харам! Кто возьмёт такую замуж? Она опозорена навсегда! — змеёй шипела из первого ряда тётка Айшат.

Я видел: Мирзабек горделиво вскинулся, взгляд его иглой репейника уколол дочь; он зло хлопнул сиденьем и, опустив голову, стал пробираться к выходу. Я внутри дрожал: по адатам села девушка-горянка не смеет подойти к мужчине ближе, чем на три шага, посмотреть прямо в глаза. А поцеловать...

Но, ведь это театр!

Не знаю, чем бы всё кончилось, но тут раздалась настойчивые голоса:

— Дайте посмотреть.

— Не мешайте!

— Не нравится — уходите!

Подбадривающих, заинтересованных горцев оказалось значительно больше.

В конце пьесы они одарили артистов дружелюбным смехом, возгласами и щедрыми аплодисментами. Односельчане горячо уверяли, что понравилось, однако какое-то беспокойство... червоточинка... остались у меня в душе.

На следующий день Айшат не пришла. Через школьную подругу узнали: отец ей на улицу показываться запретил. Впереди было лето, хотелось верить — к осени всё утихнет, забудется. А спустя месяц на годекане расхабарничались, что к Айшат приезжали свататься из соседнего аула. «Ударь дочь со всей силы папайхой, если устоит на ногах, значит, пора выдавать замуж», — такова дагестанская народная мудрость, которой на протяжении столетий руководствуются отцы в горных селениях. Сейчас, когда Советская власть кончилась, старику, по слухам, обещали за Айшат ещё и богатый калым. Жених посватался из семьи почтенной, состоятельной.

А в сентябре, за два месяца до свадьбы, случилась беда...

Тётка Айшат, переваливаясь с боку на бок, чёрным вороном ходила по людям от одной сакли к другой, поджидала женщин у родника, каркала вслед:

— Забрюхатила потаскуха. От сына Раджабова. Скрыла от матери. Не углядел за ней Мирзабек. Вай, всему нашему роду горе!

Старики на годекане живо обсуждали происшествие. Сначала между собой. Затем послали за старым Мирзабеком, призвали к ответу. Веками, из поколения в поколение, горцы неукоснительно исполняли адаты, потому и сохранились в этом изменчивом кипучем мире. Законы гор требовали: виновным — смерть!

И тётка Айшат не унималась, натравливала:

— Дочь опозорила тухум... Надо отомстить. Паршивца убей или её. Смерть!

Старик, опершись на посох, стоял, ожидая приговор аксакалов. За всех сказал самый почтенный:

— Мирзабек, убить Тимура — значит развязать кровную месть. Его и так накажет Аллах. Смой позор со своих седин, со всего аула, убей дочь!

Айшат сидела запертая в тёмном пыльном чулане...

Свет едва пробивался через крохотную щёлку плотно закрытых ставней. «Совсем как человеческая жизнь, — грустно думала она. — Лучик света, стиснутый двумя чёрными бесконечностями». Старалась заснуть. Не могла. Чувствовала: один раз к двери подкралась мать, долго стояла, также крадучись ушла. Временами Айшат гладила свой живот, пытаясь угадать новую жизнь, и тогда счастливая улыбка пробежала по её лицу. Потревожив налитую грудь, она достала бумажную птицу, приложила к сухим губам.

Айшат понимала, что её ждёт, но ни о чём не жалела. Любила, как прежде.

Папу и маму просила в мыслях о прощении и почему-то была уверена, что ещё увидится с ними... там... И они уже не расстанутся никогда.

Стемнело. Она слышала: вернулся отец. Отбивая на каждом шагу коваными сапогами отрывистый бой, он подошёл к чулану, долго... нестерпимо долго гремел стальной цепью, замкнутой висячим замком.

Айшат укрыла на груди белую птицу.

— В горы пойдём, дочка, собирайся.

Дада [4] вывел из сарая ишака, накинул грязную попону.

Луна поднялась над саклей.

Фото [5]

Круглая, яркая, жёлтая, словно овечья брынза. Айшат смотрела на неё с интересом, будто видела впервые... За спиной раздались быстрые шаги. Рот крепко зажала мозолистая рука отца. Сверкнул кинжал...

Последнее, что Айшат увидела, была красивая белая птица.

Она тихо летела к луне, с каждым взмахом делаясь всё меньше, меньше, пока не растворилась совсем.

Эпилог

Свои попытки создать театр я на этом прекратил.

А лет через десять в Каякентском районе создали. И назвали... Почти, как мечтала Айшат: театр «Синяя птица».

Удачи и высокого полёта райской птице счастья!

*

Примечания:

[1] Ворчъами! (авар. к мужчине) — Здравствуй! Доброе утро!

[2] Буза — национальный божественный спиртной напиток;

[3] Джума-мечеть — соборная мечеть для коллективной молитвы, совершаемой всей мусульманской общиной в полдень пятницы;

[4] Дада (авар.) — папа;

[5] Фото участников литературного конкурса «Купель» — иллюстрации к рассказу «Белая птица»:

Потяженко Анастасия Николаевна (Куратор: Калинин Виктор Владимирович, учитель ИЗО) МБОУ СОШ с.Хмелинец Задонского р-на Липецкой области.

Дагестан — фотовзгляд

Азан

*Угостила собака шиака мясом, а шиак
собаку сеном, — оба голодные остались. —
Всякому народу свой обычай хорош.*

Лев Толстой, «Хаджи-Мурат»

Азан в Дагестане слышен из любой точки.

Азан — это зов будуна с минарета, призыв к молитве. В обычные месяцы пять раз в сутки: днём, вечером, глухой ночью. В период двух самых главных мусульманских праздников чаще: в месяц Ид уль-Фитр (Ураза-байрам — праздник разговения) и Ид уль-Адха (Курбан-байрам — праздник жертвоприношения). Обращается будун к правоверным мусульманам — слышат все. От крика, многократно усиленного современной акустической аппаратурой, не скрыться никуда. (Покрытие лучше, чем сигнал любого из дагестанских операторов сотовой связи.)

Азан — это призыв-крик!

Фото

Днём, в сутолоке, гаме, на призыв будуна не обратил особого внимания... Даже сказал бы, он гармонично вплетается в восточный колорит, но в первую ночь откуда ж знал?.. Дом, где остановился, вплотную к мечети. Сквозь сон слышу: тревожный ор. Спросонья вылетаю на улицу, в чём есть... С документами, ложкой, кружкой, томиком Расула Гамзатова... Речитатив не смолкает. (У нас подобным образом объявляют сигналы гражданской обороны: «Внимание!!! Воздушная тревога! Война!») (Не приведи, Господи!) Смотрю: всё мирно. Люди кругом... Под укоризненными взглядами правоверных мусульман виновато побрёл обратно в постель, долго не мог заснуть.

В суровую строгость Кавказских гор азан вписывается логично. Хотя у нас, в православной Карелии... в тонкой тишине белых ночей, мне вообразить его не удалось. От этого сделалось как-то особенно ласково, тепло на душе.

Фото: Картина Исаака Левитана «Над вечным покоем»

Православие — тлеющие угли, ислам — пылающий огонь!
Пусть всё остаётся на своих местах.
Север и Восток.
Пусть солнце и полумесяц светят по очереди, не затмевая друг друга.

В Дагестане сверхрадушно встречают гостей.

По местным адатам незнакомца в любом селе три дня будут угощать, ублажать, не спрашивая имени... (Лично я не встречал более хлебосольного края, чем Дагестан.) Но после того как три дня истекут, гость обязан принимать и соблюдать нравы, обычаи, законы этого тухума, джамаата. Боже вас упаси устанавливать в горском селении свои порядки, «быковать»... Процедура воспитания будет короткой, болезненной. И никакого смысла нет предъявлять паспорт, объясняя, что вы «хозяин», в своей стране... Вы — гость! Восклицательный знак. Это справедливо. Как справедливо и «алаверды»: проявлять ответное гостеприимство в исконно-русских городах, в строгих рамках православного приличия. Тогда коренное славянское население никогда не достигнет «точки кипения», и, значит, повода не будет присваивать Кондопоге звание «Город — герой». Мудрые дагестанские традиции — залог успеха, залог мира и дружбы между народами. Ведь нет плохих наций, народов, вероисповеданий. Нет идеальных. Они как раз и хороши своей неповторимостью, самобытностью. Разница лишь в том, что кому-то они родные, кому-то нет. Если радугу смешать, получится однообразный белый свет, но первозданные цвета исчезнут. Пусть сохраняются истоки. Родники хороши, когда они прозрачные, чистые. Не стоит переливать воду из одного в другой, муть поднимать, превращая всё в одно болотце.

Пусть кристальные воды их, не смешиваясь, проходят именно свой путь, предначертанный Богом, и вливаются в общий океан, именуемый — Россия.

Хамид рассказал восточную притчу:

У ворот древнего города сидел аксакал. К нему подходит юноша:

— Я ни разу не бывал здесь, какие люди живут в этом городе?

Старик ответил вопросом:

— А какие люди у тебя на родине?

— О! Там эгоистичные, злые. Именно поэтому я с радостью уехал оттуда.

— Здесь ты встретишь точно таких же, — ответил ему старик.

Немного погодя, другой путник приблизился к аксакалу и задал тот же вопрос:

— Я только что приехал. Скажи, уважаемый, какие в городе люди?

Старик ответил тем же:

— А что за люди в том городе, откуда ты пришел?

— Добрые, гостеприимные и благородные граждане! У меня там осталось много друзей, мне было нелегко с ними расставаться.

— Ты найдешь таких же и здесь.

Купец, что неподалеку поил верблюдов, слышал эти речи и упрекнул старика:

— Почему ты дал путникам разные ответы на один вопрос?

— Сынок, каждый носит мир в своём сердце. Тот, кто не нашёл ничего хорошего в родном краю, не найдет и в чужом. У кого есть верные товарищи, везде найдёт верных и преданных друзей. Ибо окружающие нас люди становятся тем, что мы ищем в них.

«Надо быть патриотом, а не националистом. Нет необходимости ненавидеть каждую чужую семью, потому что любишь свою. Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим. Слепой восторг перед Германией («Германия превыше всего!») привёл к нацизму, слепой восторг перед Италией — к фашизму». Согласен полностью. Автора этих слов одни называют «безродным космополитом», другие «истинным патриотом». Это — Дмитрий Лихачёв. В районной библиотеке Магарамкента я наткнулся на стенд с его «Десятью заповедями человечности»:

1. Не убий и не начинай войны.
2. Не помысли народ свой врагом других народов.
3. Не укради и не присваивай труда брата своего.
4. Ищи в науке только истину. Не пользуйся ею во зло или ради корысти.
5. Уважай мысли и чувства братьев своих.
6. Чти родителей и прародителей своих, всё сотворённое ими сохраняй и почитай.
7. Чти природу как мать свою и помощницу.
8. Пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба.
9. Пусть живёт всё живое, мыслится мыслимое.
10. Пусть свободными будут все, ибо все рождаются свободными.

*

Примечания:

[1] Д.С.Лихачёв «Письма к молодым читателям»

Лезгинка

Гимн

*Чтоб лезгинку плясал
На парче седла.
Чтобы к звездам взлетал
На спине орла...*

Расул Гамзатов

Горцы говорят, что танец — душа народа.

Былинный Дагестан. Здесь музыка во всём: в рокоте волн Каспия, в журчанье хрустального родника, в цокоте копыт горячего скакуна. Даже эхо снеговых вершин и туманы ущелий воспевают гимны прекрасной родной стороне.

Для меня Дагестан — неразрывная цепочка символов: папаха, посох, кинжал, урбеч, гвай, зурна, Расул Гамзатов и лезгинка...

Фото

Да, лезгинка.

Не зря эта музыка чётким ритмом, молнией движений привлекала к себе внимание композиторов: Глинка в опере «Руслан и Людмила», Рубинштейн в «Демоне» не смогли обойтись без бурной, полной стихийной силы, страсти хореографической феерии. Белый свет богат самобытными культурами, но танцев-символов, танцев знаковых — на пальцах двух рук на планете пересчитать. По танцу почти безошибочно можно определить нравы, устремления народа. Лезгинка — такая же визитная карточка Северного Кавказа, как яблочко и калинка — у русских, канкан и летка-енка — у европейцев, цыганочка — у вечнокочевого бесшабашного люда — древних выходцев из Индии...

О лезгинке мне поведал Демир Шерифалиев из Ахтынского района, лезгин по национальности. А как иначе, ведь сказ-то о лезгинке:

— Это древнейший ритуальный обряд гордого, свободолюбивого Кавказа. Танец — отголосок языческих верований, воспевающих образ орла, который охотится на лань. Орёл полезгински «лекь». Где летают орлы — волкам делать нечего.

Что же такое лезгинка?

Лезгинка — преимущественно мужской танец с кинжалами. Невозможно представить, чтобы лезгинку танцевали одни девушки, в свою очередь, танец без их участия — обычное дело.

Лезгинка — своеобразный танец-соревнование между танцорами — быстрый, темпераментный, требующий большой силы, ловкости, неутомимости от юноши и плавности, изящества от девушки.

Лезгинка не отнимает силы, а придает их, умножает... Это положительный заряд огромной мощности, духовная настройка перед тяжёлой охотой, кровавой битвой, — настолько сильна в ней энергетика.

Лезгинка — не просто прыжки под музыку. Это выброс настроения, состояния души посредством слаженных движений тела...

Лезгинка — бокал хмельной бузы, после которого можно смело дуть в трубку ГАИ.

Лезгинка — гремучая смесь. В ней смех и слёзы, радость и страдания, настоящая любовь и лютая ненависть, крепкая дружба и непримиримая вражда.

Лезгинка бывает разной. Есть аварская, чеченская, грузинская... но суть одна: для тех, кто впускает танец в свою жизнь, он становится Вселенной, движущей силой, не позволяющей ни на секунду остановиться... Окрашивает мир вокруг в неопишимо яркие волшебные краски.

Родиной лезгинки по праву считается Лезгистан, где впервые и появилось название удивительного, столь почитаемого на Кавказе танца, а дагестанская лезгинка, в свою очередь, самая зрелищная и интересная. Имя собственное танец получил во время нашествия войск Арабского Халифата. Арабы горцев называли лезгами или леками, что в переводе означает «горные бандиты». Это были бесстрашные воины, которые мечом защищали свободу и независимость.

Ратные победы лезги отмечали ритуальным танцем: по краям долины разводили огонь и в центре — общий костёр. Вокруг располагались главные воины, отличившиеся на охоте или в бою.

В те далёкие стародавние века народы Кавказа свято чтит традиции, соблюдают обычаи предков. Одним из таких обычаев было особое отношение к даме. Женщина, будь то мать, жена, дочь или сестра, воспринималась как хранительница домашнего очага. Более трепетного, ревностного отношения к слабой половине, чем на Кавказе, не встретишь нигде. Оскорбление женщины — оскорбление всего тухума. Позор можно смыть только кровью. Суровые законы гор не позволяли юным горянкам появляться на улице одним и разговаривать с чужими мужчинами. Молодая девушка выходила из дома лишь в сопровождении отца или брата. Постороннему мужчине нельзя было подойти или заговорить с ней без согласия родственников. По многовековым кавказским традициям, где целомудренность и уважение юноши к девушке сохраняются до сих пор, считалось неприличным выражать свои чувства, говорить о них публично. Поэтому симпатии молодые выражали в танце.

Главным праздником, на который собирались люди разных народов, зачастую враждующих между собой, была свадьба. Легенда, дошедшая до наших дней, гласит: на одной из таких свадеб молодого джигита сразила неопишимо красота девушка в окружении братьев. Она была похожа на лебедь, охраняемую соколами. Сердце юноши вырвалось из груди и полетело к ней. Вспыхнула искромётная музыка. Джигит отчаянно сорвался с места в зажигательном танце. Поднявшись на носки, горделиво раскинув руки-крылья, он плавно описывал круги, то преклонял колено, то вскакивал вновь, будто собираясь взлететь. Все чувства свои, свою любовь джигит явил в безумном вихре экстаза!

Так родился этот благородный танец.

Позднее лезгинку стали танцевать парой. Юноша и девушка держатся на некотором расстоянии друг от друга, они двигаются по кругу, выполняя сложные линии того или иного рисунка. Взгляд юноши горящий, весь танец он старается заглянуть девушке в глаза. Девушка же не смеет поднять взор, оценивая храбреца исподволь, движения её выражают неприступность. Словно белая лебедь плывёт горянка по кругу, изящно изгибая стан и плавно ведя рукой. Джигит — то покорно вслед за ней, то стремительным броском преграждая путь. Ритм становится все более экспрессивным, огнём сверкают глаза. Воздух разорван криком: Оп-па! Оп-па! Хюрс! Волчком вьётся парень возле девушки: Орс-тох! Ас-са! В танце происходит своего рода игра: девушка убегает, парень устремляется за ней, однако она своевольна, ему приходится загонять её в свой рисунок; юноша старается удержать волнительное видение, но при этом ни в коем случае не смеет коснуться беглянки. За это — смерть!

... Друг друга взглядом лишь касаясь,
Их танец в музыке парит,
Дуэт, в поэму превращаясь,
Как славный диалог звучит...

Сейчас иные времена. Теперь лезгинка по праву считается танцем дружбы, любви и счастья. Если юноша приглянулся девушке, она послушно плывёт впереди, завлекая его за собой. Заканчивается танец обоюдным поклоном друг другу. После проводов партнерши танцор темпераментно, под задорные крики кунаков, исполняет ликующий аккорд победы... Мягкой девичьей грациозностью, резкими, аффектными и эффектными, заряжающими мужскими ритмами лезгинка завораживает и одновременно заводит танцующих и наблюдающих. Зритель готов сорваться с места и пуститься в пляс и припляс!

Танцевать в Дагестане умеют и любят! Ни один праздник не обходится без лезгинки. Стремительный, огневой, крылатый танец дагестанцев — истинно народный. И плох тот горец, который не умеет отплясывать его. Интересно, что лезгинку танцуют везде. Для аккомпанемента не нужно много инструментов. Порой обходятся простыми хлопками рук, задавая ритм, лишь бы настроение било через край...

Однажды, по дороге из Ахты в Дербент, радиоволна окатила нас неуёмным ритмом лезгинки. Абдула резко притормозил на краю ночной обочины и под светом фар вместе с Мугутдином, Рамизом, Магарамом пустился в припляс.

Глядя на них, интерес, восторг, зависть!..

«Они так... самые интересные коленца... без меня!.. сбцают!» — кровь в моих жилах закипела, и с ликующим криком:

— Хочу то-ооже! — прищёлкывая пальцами, я закрутился в диком заразительном танце. — Ас-са! Ас-са!!!

Джигиты, если увидите нас танцующими лезгинку на дороге, не проезжайте мимо.
Присоединяйтесь!

P. S.

Рамиз сбросил СМС-ку:

«Дагестанские блохи, услышав лезгинку, затоптали кошку насмерть».

*

Когда кабан выходит на сопку

*Пьяный вином — протрезвится,
пьяный казной — никогда.*

Аварская пословица

Восток — это аксакалы, старейшины.

Мне довелось побывать в гостях у Ферзулы Расулова — председателя совета старейшин при администрации Дербентского района.

Ферзула с порога пригласил к столу:

— Даже трапеза — искусство. Вот понаблюдай, как хорошо я кушаю... Это потому, что я хороший человек. Учись!..

Сегодня многие вспоминают советский строй, как «временный комшмар», «вынужденный ужас», «тюрьму народов»... Напрасно. Раньше, пока Сталин сидел в кабинете, ни один первый секретарь обкома домой не уходил: «хозяин на работе!» Когда земля без хозяина, кабан выходит на сопку. Сейчас на видное место вышли бандиты. Беда! Народ, который не может отличить добро от зла, пропащий. Раньше в каждом селе, в каждом коллективе были звёздочки, уважаемые люди! — раздосадованно бросил Ферзула. — Их уважали. Теперь нет. Фарфоровая посуда осталась в тени, вперёд выставили глиняные чашки. Мы, старейшины, может, и помогли бы...

Есть такая восточная притча: «Верблюд умирает. Его хозяин спрашивает: «Обидел ли тебя когда-нибудь?» — «Обидел вчера. Когда я поднимался с грузом в гору, ты привязал мою узду к хвосту ишака». Нужно поднять с земли брошенные старинные традиции, почистить и придерживаться их.

Ферзула Дадашбаевич с трудом сдерживал негодование.

— Я Вам скажу, как нам дадут Президента республики: возьмут из одной кучи навоза кусок, поделят на две части и — выбирайте. Когда здание дало трещину, его устойчивость — вопрос только времени: пока климатические условия благоприятные, дом будет стоять. При всём том даже ребенок знает, что после лета приходит осень, потом зима. Если мы не уничтожим взятки, о серьёзной политике можно не мечтать. Вспомните Карла Маркса: «Капиталист продаст мать родную за 100% прибыли, за 300% узаконит это дело». Не нужно бороться со всем воровством. Нужно бороться с крупным, когда тянут машинами, составами, приторговывают из-под полы отраслями, страной... Я очень хочу, чтобы наша страна выпрямилась.

По законам гор я продолжал молчать и слушать уважаемого.

— Пачаму члены партии Единой России не идут в народ? Они боятся народа?!

— Разве боятся? Например, я из «Единой России», член регионального политсовета...

— ?!!!!!!!!!!!!....

Боюсь, дальше вам неинтересно.

*

Фигурант

— Гамзат, по части вставания ты кто — жаваранак ыли сава?
— Вай, зачэм такие вэци гавариц?
По этой части я — арал.

NN

Он медленно приближался, хмуро, по-милицейски, уставившись на меня.
Желая с ходу расположить собеседника, я промурлыкал медовым фимиамом:
— Сала-ааам алейкум!
— От такого слышу.
— ?..

Мы зашли в придорожное кафе, выбрали столик. Магомед тщательно, с особым шиком и показным цинизмом затушил сигарету и, не поднимая глаз, спросил:

— Значит, я тоже буду «фигурантом» вашего дела?
— Книги.
— Я и говорю... Ну, тогда записывай: в Дагестане авторитет старших непререкаем.

В колхозе после войны у нас председателем был отставной начальник НКВД Ахмед. Он ослеп, плохо себя чувствовал, но должность не покидал. На одном из собраний встаёт колхозник, заводит речь: «Время сейчас тяжёлое, земли колхоза разбросаны, отгонные пастбища далеко, и нам нужен другой председатель, который лучше видит». Ахмед, не поднимаясь с места, проскрипел: «Даже если у тебя будет такое острое зрение, что сможешь разглядеть, сколько кукурузы в Америке сыплют хозяйки своим курицам, всё одно председателем буду я».

— Что желаете, — поинтересовалась у нас миловидная горянка, и тоже, как я, достала блокнот, приготовилась записывать.

— Давай, как вчера: яблоко, ящик водки и десять женщин... Асият, ты же лучше меня знаешь, чем угостить гостя, — упрекнул официантку Магомед.

Та понимающе кивнула и удалилась.

— В Дагестане мужчина всегда прав, старший прав вдвойне, и никакие шуточки на эту тему не допускаются... Зато «по горизонтали» поощряются любые приколы.

Между Кизилюртом и посёлком Сулак, прямо на дороге, сотрудники соседнего райотдела обнаружили труп мужчины. А граница между горотделом и райотделом проходила по осевой линии дороги. Выезжаю туда. Вижу свежие следы волочения трупа на нашу сторону, кое-где в спешке затёртые. Ясно: коллегам из райотдела не хочется вешать мертвяка на свою отчётность. Кому охота? Проявили смекалку, подкинули нам. Все анекдоты у нас из жизни. А бывает, что вроде находчивость проявил, не растерялся в сложной ситуации, всё равно от начальства попадает по фуражке. Одно время у нас в МВД был министр по фамилии Абдуразаков. А в горотделе инспектором ГАИ его однофамилец — сержант Абдуразаков. За Кизилюртом железнодорожный переезд, сломалась там у него машина, не может разобраться. Четыре утра. Что делать?.. Мобильников-то не было. На переезде — дежурный путеец, он к нему поднимается: «Позвони срочно в милицию, скажи, тут стоит Абдуразаков. У него машина сломалась».

Дежурный решил, что это министр Абдуразаков. Будит начальника милиции, тот поднимает по тревоге ГАИ, всех... Сразу один побежал забивать барашка, другой готовить хинкал, третий начал вспоминать тосты... Начальник лично прилетает к переезду: сержант Абдуразаков лежит в машине в дрободан пьяный... не узнаёт никого.

Полковник неделю рвал и метал:

— Из-за этого ишака подняли ночью весь отдел.
Дай, Аллах, здоровья операторам сотовой и мобильной связи.

Звякнули бокалы.

— Эх, жалко, что я сам не писатель!.. Когда работал в следствии, можно было не один бестселлер наваять. В уголовном розыске частенько приходилось делать рейды по злочным

местам, общежитиям, притонам. Мы старались, как учили нас старшие товарищи, «опираться в своей работе на помощь общественности». И там мои сотрудники нашли одну интересную даму, допрашивали её и, судя по всему, тайком друг от друга, установили с ней доверительный контакт. Четверо заболело гонореей. Стыд и позор! Офицеры милиции. Мечутся!.. Каждый наивно полагает, что заболел только он. Втихаря приходят ко мне и шепотком:

- У тебя в боль-ни-це есть кто-оо?
- Есть. Вся больница моя.
- Тише ты! На-до посмотреть... шш-шу... мне.
- Пойдём, посмотрим.

Веду их к венерологу, по графику, в разные дни. Мазки на пробу. Иду сам за ответами, оглашают нам «приговор»: диагноз единый — «гонококки».

— Пусть приходят, схему назначим, прокалем укольчики...
— Это что, капитан, старший лейтенант будут ходить сюда, на виду у всего города, делать уколы? Чтобы медсестра потом на каждом углу в картинках рассказывала?.. Чтоб на всю округу опозорить ребят? Так нельзя. Давай мне, сам буду колоть. Принцип знаю — жена медик.

На бумажке написал фамилии своих орлов: Магомедову — это, Гитинову — это, дозу, количество уколов, в разные пакетики разложил, дабы не перепутать, и начал. Шприц один на всех — зараза к заразе не пристаёт. Поставил за занавеской электроплитку, на гвоздик — свежее вафельное полотенце. По очереди приходят, дверь закрываю на ключ, каждому вручаю пакетик... Кабинет начальника УГРО: пар идёт, разобранный шприц в кастрюльке побрякивает — красота! А заодно приклеил на стенку — агитационные плакаты. (Некогда мне политинформации читать!)

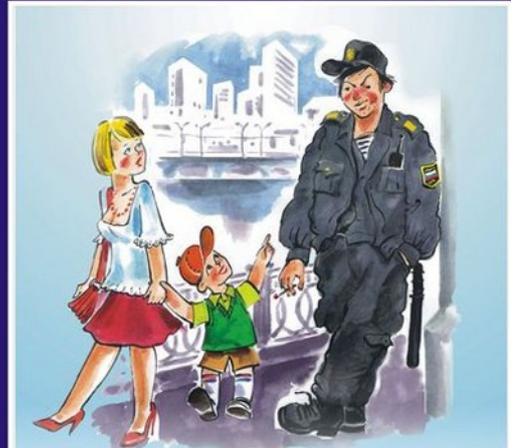
Фото: агитационные плакаты МВД

РАБОТНИК МИЛИЦИИ!
 ТЫ НИ НА МИНУТУ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ОСЛАБЛЯТЬ СВОЮ НАСТОРОЖЕННОСТЬ!

БУДЬ БДИТЕЛЕН!

**Будь всегда подтянут, постовой,
 Каждое оттачивай движенье,
 Должен безупречный облик твой
 Вызывать не смех,
 а уваженье!**

«Достоинственный внешний вид сотрудника обеспечивает моральное право на самоуважение, способствует укреплению доверия граждан к органам внутренних дел, оказывает влияние на поведение и поступки людей...»

Утверждено МВД России № 1138 от 24 декабря 2008 г.
 Об утверждении Кодекса профессионального этикета сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»

**Верность
 милиционерскому единству
 Сохраним
 и отстоим с тобой!
 Пьянству,
 равнодушию,
 издоимству**

**Мы даем открытый
 честный бой!**

Выпуск ГУВД по Кемеровской области

**НЕ ВАШИ ЛИ
 ДЕТИ?**

СИЗНИНГ БОЛАЛАРИНГИЗ ЭМАСМИ?

Стоят, уткнувшись лицом в лозунги, постанывают... (Стена плача.) Получают порцию — следующий. Весь курс прокол. Помогло. Но, видно, в милиции тоже утекает информация. Слышу в коридоре, у двери моего кабинета ржут мужики. Пока думал идти-неидти, пока выходил — нет никого. Хотел дверь захлопнуть, смотрю на ней табличка: «Амбулатория Кизилюртовского ГОВД»...

В кафе мы посидели славно. Блокнот мой распухал на глазах...

— Магомед, а назавтра какая программа?

— Утром напьемся, видно будет.

В лёгком хламе он позвонил знакомой:

— Танюша, можно, к вам в гости-иии?..

— Приезжай, Магомед.

— А ничего, что вы все пьяные, а я трезвый?

P. S.

В Дагестане любимая поговорка: «Чему научили русские дагестанцев? Магомеда — водку пить, Патимат — гулять». Я от души посмеялся, записал и этот комичный миф. А позже в Махачкале доктор медицинских наук, профессор Ибрагим Ахмедханович Шамов мне всё объяснил популярно, с исторической и медицинской точки зрения:

— По документальным свидетельствам в Кюринском округе Дагестана к 1890 году 24% от всех обратившихся за медицинской помощью составляли больные сифилисом, а что касается выпивки... отец легендарного имама Денгау Магомед так любил прикладываться к спиртному, что Шамиль пригрозил покончить жизнь самоубийством, если не умерит свой пыл. [1] Так что, очень-то не зазнавайтесь: откуда берутся дети и как открывать бутылку, горцы узнали не от русских.

*

Примечания:

[1] X. Г. Магомедсалихов, «Культура и традиции народов Дагестана»;

Беседка Шамиля

*Орёл, перед тем, как проглотить кость,
прикидывает, сможет она выйти или нет.*

Гусейн Гусейнов

«Живая краса Дагестана», — окрестил Гуниб Расул Гамзатов.

Фото

Гуниб.

25 августа 1859 года здесь разыгрался последний акт пятидесятилетней драмы. «Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург» — донесение лапидарного стиля было послано главнокомандующим князем Барятинским императору Александру II. Это означало, что сложил оружие человек, который четверть века возглавлял борьбу народов Дагестана и Чечни против царской России.

Гуниб-гора.

Она воспета в прозе и поэзии своего народа, через предполагаемую скорбь Шамиля:

Небесный знак во сне глубоком
Послала нынче мне судьба —
Раздался вещий глас пророка:
«Состарилась твоя борьба...

Спаси израненных и слабых,
И тех, кто держится едва.
Пускай Гуниб — твоя Кааба,
Аллаха воля такова».

Не мне Всевышнему перечить.
Гроза врагов, я — раб его...
Хоть бурка лет сдавила плечи,
Мне всё равно под ней легко.

Пусть ритм торжественно-тревожный
Бубнит походный барабан,
Кинжал войны я прячу в ножны —
Прощай, мой бедный Дагестан. [1]

Фото

Имам Шамиль — один из самых ярких, самых дальновидных горцев Кавказа, ставший символом мужества, мудрости, гордости. И чем жарче потомки хвалят Шамиля, тем отчётливее предстаёт перед нами его могущественный Победитель. Клинком можно разрубить сталь, но им нельзя разрубить воздух. Беседку в Гунибе, построенную на месте пленения Шамиля русскими войсками, в последние годы неоднократно взрывали, однако люди не властны над прошлым. В Кавказской войне легендарный имам не мог потерпеть поражение перед людьми, но пред волей Всевышнего оказался бессилён даже он. И бездушное строение — лишь напоминание о выборе, который сделали небеса. Сделали навсегда.

Стараясь любой ценой выставить Шамиля непримиримым борцом с Россией, потомки-поэты сильно сгущают чёрные краски, излишне драматизируют ситуацию в угоду литературной коллизии. Описывая воображаемые чувства Великого имама, они забывают важное обстоятельство: Шамиль не покончил с собой, не был ранен в бою, не посвятил остаток жизни джихаду. Духовный правитель Кавказа осознанно, добровольно сдался на милость Победителя. Более того, он завещал потомкам: «Быть верноподданными царям России и полезными слугами новому нашему отечеству». В России по православной традиции не мстили ни ему, ни его близким... (В этом, наверно, и есть наша сила.) Он в довольстве жил вместе с семьёй до глубокой старости в живописном уголке средней полосы (не в Сибири в кандалах!), читал книжки (у него была богатейшая библиотека!) и миловался с любимой женой-христианкой.

Естественная человеческая жизнь слишком коротка...

А если бы Великий имам дожил до наших дней, я думаю, он ходил бы сейчас вместе со мной из школы в школу на пионерские сборы (по линии общества «Знание»), встречался с ребятами, рассказывал им о красотах Дагестана, о необходимости борьбы за мир во всём мире.

Потому как нет рая под тенью сабель!

Если б только он был жив...

На почётный пост руководителя дагестанской диаспоры в Москве даже не раздумывали бы, кого ставить...

*

Примечания:

[1] Расул Гамзатов «Сказание о двуглавом орле»;

Осторожно: дикий камень!

— Бамбарбия, кегуду.
— Что он сказал?
— Он говорит, если Вы откажетесь, они Вас зарежут.
— !
— Шютка.

Фильм «Кавказская пленница»

Не отвлекаясь от управления машиной, Халид рассказывал:
— ...Природа у нас первозданная, сам видишь: первобытные альпийские луга, дикое море, дикие пляжи, водопады, ущелья, горы... Природа дикая!
У карьера по добыче Мекегинского камня, висел самодельный аншлаг:

Дикий камень

Халид увидел объявление и, словно наткнувшись на невидимую преграду, резко затормозил, сложил руки в священном поклоне:

— Александр, умоляю, только не пиши, что «в Дагестане и природа дикая, и люди дикие, и все до одного камни дикие». В сетях Интернета лишь такую информацию и найдёшь. Раздувают миф: кавказец — зверь. Да нет тут зверей. Никого не кусают. Сам видишь!.. А идиоты, бандиты есть везде.

— «Ответит он: — Не верь молве./Их там не больше, чем в Москве...» [1]

— Вот, вот... Мы бандитов сами ненавидим. И с оружием в руках боремся против них.

— Халид, о чём разговор...

— Ты не подумай, мы тоже любим над собой иронизировать... Анекдоты про себя сочиняем. Вот тебе три древних, но, на мой взгляд, остроумных:

Приходит кавказец к врачу, выкладывает на стол своё хозяйство:

— Пасматры. А!

Врач:

— Ну, что могу сказать? Внешне — нормальный.

Мужик:

— Какой «нормальный»? Зачем, обижаешь, слюшай?! Палюбойся, какой красавец!

Или такой:

Гость из России заходит в дагестанский ресторан, садится за столик.

Подбегает официант:

— Чэго желаете?

— Мне чего-нибудь остренького, национального.

— Кынжал ...опа хочэш?

И ещё:

Заспорили горцы, кто из народов Дагестана самый смелый.

Даргинцы:

— Мы! Даргинец один с кинжалом выйдет против толпы и победит!

Аварцы:

— Нет, мы! Нам кинжала не нужно: железо зубами перекусываем.
Лезгины:
— Самые смелые — мы! На канате над пропастью спляшем лезгинку, а потом голыми руками порвём любого.
Кумык сокрушённо покачал головой:
— Нет, пожалуй, самые смелые русские.
— Вай! Почему?!!
— Потому, что среди таких зверей живут.

Фото редакция газеты «Буйнакские известия»: Омар Ханапиев, родом из Хунзаха

Фото

Фото

Мы летели по горному серпантину в небо.

Я поглядывал по сторонам, изумляясь волшебным пейзажам, вспоминая радушные встречи с кунаками. Перебирал в уме наши традиции, привычки, отличные от дагестанских, и зачастую становилось неловко... Даже мысленно. Здесь совсем не сквернословят, мат-перемат не услышишь (я даже соскучился!), уважают старших... Да взять хотя бы «живые дорожные знаки»: мужиков, справляющих малую нужду вдоль трасс, — такого в Дагестане нет. «Как устойчивы кривые психологические штампы!» Оказывается, не нужно даже врать. Достаточно, рассказывая по TV об этом уникальном крае, замалчивать положительное, хорошее, доброе... И — картинка готова. Прямо как в стишке у Корнея Чуковского:

Закаляка

Дали Мурочке тетрадь,
Стала Мура рисовать.
«Это — ёлочка мохнатая.
Это — козочка рогатая.
Это — дядя с бородой.
Это — дом с трубой».
«Ну, а это что такое,
Непонятное, чудное,
С десятью ногами,
С десятью рогами?»
«Это Бяка-Закаляка Кусачая,
Я сама из головы её выдумала».

«Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?»

«Я её боюсь!»

«Боюсь!»

Понятное дело, страшно, коль рисовать одной чёрной краской.

А кроме того, существует ещё такое понятие «пропаганда»: скажи человеку сто раз «свинья», он захрюкает. И кто от этого выиграет?..

Был такой Джон Хеджкоу, профессор Королевского колледжа искусств, поэт в сфере фото. Имя его знакомо каждому профессиональному фотографу: Джон — автор знаменитой книги «Искусство цветной фотографии». Большинство положений, наблюдений, выводов скучны для массовой публики. Но есть один закон, открытый Джоном, он касается каждого. Постулат гласит: цвет любого предмета меняется от угла зрения, и, следовательно, от освещения, при котором мы

его рассматриваем. Памятуя об этом, я описываю Дагестан, наблюдая за жизнью горцев при реальном свете: розовых и чёрных очков у меня на глазах нет. Я не использую кривое зеркало СМИ. (Верблюд, рассказывая о скакуне, непременно изобразит его горбатым.) Это дружеский взор не со стороны из-за угла — изнутри. Неверно писать о Дагестане, сидя в уютном и безопасном московском кабинете.

Понятно, когда в 90-х на Кавказе шла полным ходом война, когда нельзя было даже предположить, чем всё закончится, старались не хвалить «потенциального противника». Любой командир старается не допускать, чтоб солдаты выходили из окопов «брататься».

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает! [3]

Отдавая должное пророческому дару Редьярда Киплинга, я бесконечно рад: это трагичное, страшное время позади. Теперь мы стоим не «лицом к лицу», вместе смотрим в будущее.

Рад, что наш общий дом — Российская Федерация.

Обязательно расскажу на страницах своей книги всем, кому не улыбнулось счастье побывать в Стране Гор, что в Дагестане дикая первобытная природа и цивилизованные гостеприимные люди. А не наоборот...

*

Примечания:

[1] В. С. Высоцкий, «Мой друг уехал в Магадан».

[2] Корней Чуковский. Стихи и сказки. «От двух до пяти».

[3] Редьярд Киплинг.

Узелки дагестанского ковра

Хабар Мугутдина

*Если Дагестан разгладить утюгом —
получится пол-России.*

Аварская поговорка

На богатом столе хинкал, фрукты, розовое сухое вино... и прочия, прочия, прочия... Хозяин налил по бокалу, предложил тост за «дорогого гостя». Я для виду поломался, смущение изобразить не удалось, потому с большим удовольствием выпил (кстати, советую попробовать всем именно дербентское розовое сухое вино).

— Раньше холодильников не было, мясо, молоко, сыр хранили в колодцах глубиной до сорока метров. За питьевой водой женщины с кувшинами ходили за километр на ключ. Техническую воду брали в речке: мутную, грязную... В ней стирали, затем в огромной корзине тащили бельё на голове. В некоторых семьях горянка должна была обстирать, накормить, обслужить десять-двенадцать человек. Сейчас кран открыл — вода бежит, туалет, ванна; на кухню зашёл, тут тебе и плита, и свет, и холодильник тот же. А детей двое-трое.

— И всё-таки лучше жить сегодня или тогда?

— Тогда. Раньше начинаешь строительство, не успеешь ударить в землю лопатой, соседи услышат — бегут на подмогу: «Что-то Магомед строит, пойдём поможем!» Всем миром. Копают траншею под фундамент, носят камни... Дальше уже строят мастера. Теперь такого близко нет. Раньше пацаном один раз без дела прошёл по улице, два прошёл, если тебя увидели, затрещину имел право вклеить любой посторонний: «Нечего слоняться!» Воспитывали детей сообща. Отправят чистить речку от зарослей, яму копать. Сейчас сыну скажешь: «Полей пару грядок. Для всех выращиваем!» — «Ага, ага...» Сам — боком, боком... Раньше ребёнок провинится в школе — накажут, дома — отец добавит. Сейчас попробуй отругай ученика: родители сразу напишут на учителя заявку, посадят в тюрьму. Каждый отец чувствует, когда сын болтается без дела, однако в цивилизованном обществе у него нет властных рычагов. А сын сперва болтается, потом начинает покуривать, выпивать, покальваться, подворовывать, постреливать... На все проделки отпрыска отец в городе вынужден смотреть безучастно.

У нас директор школы на перемене сделал замечание ученику. Тот в ответ:

— Петух!

Директор погнался за ним, на третьем этаже догнал:

— Что ты ска-заал?

— Я сказал «петух», но не зоновский... домашний.

В горах — по сию пору не так. Раньше чувство локтя было, отношения теплее... Друг к другу ходили в гости, оставались на день, на два, вместе работали, сообща кулинарией занимались. Сейчас время летит на бешеной скорости, что-либо планировать невозможно. У всех транспорт: приедут на час-два и назад. Всё бегом, на ходу. Темп жизни совсем другой.

— Люди не довольны всегда.

— ...Задница была одинаково голая у всех. Делить нечего! — настойчиво продолжал гнуть свою линию Мугутдин. Зачем сейчас вурдалаков по телевидению показывают, как в Древнем Риме при Нероне незадолго до крушения империи? Помнишь: «Хлеба и зрелищ!» Несправедливости стало больше в жизни. Раньше если он партийный, агроном, бригадир, управляющий отделением, его вызывали на ковёр в райком партии — это ЧП вселенского масштаба. Такую чувствовал ответственность: «Дадут нагоняй! Он не вовремя опрыскивал виноградники, урожай погиб...» Сейчас ответственности нет. Люди стали какие-то... Моя хата с краю! Завтра кто-нибудь исправит. Но жизнь-то уходит сегодня, второй раз не дадут попробовать. Все закрылись, друг другу не доверяют. Говорят, равенства не достигнуть, поскольку каждый стремится стать равным с тем, кто выше.

— В итоге все тянутся к Богу.

— ...Люди на Кавказе знают себе цену. Мы можем грабить, убивать, резать, но никогда не пойдём просить милостыню с протянутой рукой, попрошайничать по вокзалам. Нам гордость не позволит. Это считается позором, как и пьянство. Студентом я два года работал в стройотряде. Ну, как это можно? Деревянная деревня в Сибири, Тюменская область, лето. Не поверишь... Дом по крышу зарос травой, крапивой, тропиночка к сеним... Прямо пройти невозможно: бочком, бочком пробирался. Но он не возьмёт серп, косу... Бездельник! бухает круглые сутки, шляется по деревне с синяком-фингалом. Такого у нас не встретишь: упиться-забыться, носом под стол... Это тоже национальная традиция. Узелки нашего дагестанского ковра. Ответственность, страх перед публичным позором — сильный сдерживающий фактор. Родственники не смолчат, принудят остановиться. Мы стараемся быть красивыми во всём: в отношениях к старшим, к женщине... Абдула установил дома «тревожную» кнопку: нажимает, на кухне — сигнал. Жена, домочадцы, кто дежурит, несутся к столу: «Что прикажете, мой господин?»

Я выбросил сигнал в окно. Он оценил:

— Как ты красиво поступил!

— А потом, небось, жену отправил на улицу кнопку искать.

— Не, не...

— Про кнопку запишу, идея хорошая.

— Алек-саандр!..

— Это так, о своём... В прошлой жизни, теперь точно знаю, — я был дагестанцем.

— ...Хотя, бывает, и мы любим пошалить. В студенчестве пришли к другу в Махачкале в общежитие. Его нет. Наудачу вставил ключ от своей комнаты, замок открылся. Заходим. Ну, нагадить как-то надо, мы ведь живые люди: всё перевернули вверх дном, ничего не взяли. Дождались на улице его, заходит впереди нас: «Обокрали! Обокрали!!!» Какой обокрали?.. Кому нужно?! Не скажу, что у нас совсем не воруют... Просто это «не принято». И вот тебе притча. Вор схватил папаху с головы аксакала и убежал. Старику не догнать, он побрёл на кладбище и там стал ждать вора: «Это место он не минует». Шалости в детстве, в юности допустимы. И педагог не должен забывать детство своё, тогда легче понять учеников, и школьникам — учителя. Это как тест на профпригодность. На сельском празднике парень стрельнул из автомата, выпускник нашей школы. Наутро милиция к нему: «Отдай ствол!» — «Буду разговаривать только со своим учителем». Я работал в ту пору директором школы, поехал к нему. Он послушался моих слов, отдал автомат.

— Записано.

— Я рад, что ты посетил мой дом. И это тоже наша святая традиция... У нас верят: гость — от Бога. Он не объедает тебя, своё несёт, свой баракат. То, что он кушает, Аллах тебе специально дал для встречи гостя. Во время душевной беседы двух близких людей за ночь можно незаметно целого быка съесть. Притчу записывай!

Сидят кунаки в гостях у своего друга в Дагестане. Кушают, отдыхают, поднимают бокалы, говорят красивые слова. В этот момент прибегает соседский мальчик:

— Напали на дом твоего отца!

Хозяин сначала хотел подняться, но потом передумал, у него в гостях за столом кунаки.

Второй раз прибегает соседский мальчик:

— Украла твою невесту.

Хозяин опять порывался встать из-за стола и снова передумал. А даты нарушать нельзя.

Третий раз прибегает мальчик:

— Украла твоего вороного коня!

Настроения пировать у хозяина уже не было, хотя виду не подал, поддерживал беседу, смеялся, оказывал радушие. Наконец друзья пожелали прилечь отдохнуть. Хозяин отправился готовить им постель и решил, едва только они лягут отдыхать, он займётся своими проблемами: сначала — родительский дом, потом — невеста, затем — конь. Но едва он успел приготовить гостям ночлег, как зашёл кунак:

— С обидчиками твоего отца я разобрался и наказал их по закону гор.

Только сообщил, заходит второй кунак с украденной невестой. Не успел он обнять невесту, во дворе послышался конский топот. Все глянули в окно: третий кунак держал под уздцы вороного коня. Тогда хозяин дома поднял полный бокал бузы, и произнёс:

— Слава Аллаху, есть законы гор и у меня верные кунаки, которые без слов понимают, что у меня на душе и помогают в трудную минуту.

И мне не дай, Аллах, столько денег, столько власти, чтоб я забыл своих друзей, своих родственников. Раньше кунаком становился каждый, кто приглашал путника к себе в дом, а люди разные... Жил в стародавние времена в горном селе Дагестана Молла Насреддин, бедного достатка, но хохмач неунывающий. Особым гостеприимством на селе не славился, в радушии замечен не был. И вот однажды пришёл в село путник. Все сельчане наперебой приглашали странника к себе. Тот отказывался наотрез. Молла смекнул: «Удачный случай продемонстрировать своё кавказское гостеприимство на людях! Раз он ни к кому не идёт, значит, не пойдёт и ко мне». И давай звать пришельца к себе в гости.

— Пойдём ко мне! Пойдём ко мне! Пойдём ко мне!

Он перестарался, приглашая. Тот устал от навязчивого Моллы и согласился:

— Ну, ладно, пойдём!

Деваться некуда, сельчане смотрят, пришлось вести незнакомца к себе домой. Молла в мыслях ругает себя самыми грязными словами: «Шайтан дёрнул меня за язык! Надо было молчать. Сунулся со своей добротой, щедростью, теперь придётся кормить, поить».

Подходят к дому. Молла привязывает своего ишака, путник спрашивает:

— А мне куда привязать коня?

Молла сорвался:

— К языку моему привяжи!

Да, бывает и так, но редко. Месяц назад я ездил в Левашинский район к однокласснику. Давно планировали встретиться, созванивались... Запланировали дату. Приехал на подъёме, с шутками прибаутками... Он принял, накормил, а через несколько часов во дворе я случайно от соседей узнал... Гляжу, все тихие, не по-праздничному кучкуются, лица траурные... Сын у него умер. Пока мы кушали, его тело, оказывается, лежало в соседней комнате. Друг важнее! Гость важнее!!!

(Сознаюсь, мне стало внезапно холодно.)

— Притчу записывай! Жил в горах аксакал и было у него три женатых сына. Решил он пойти посмотреть, как им живётся. Высоко в горах морозы, снег, слякоть, ветер студёный. Зашёл в гости к одному: тот сидит вдвоём с женой, у них холодно, неудобно. Кое-как живут. Отправился ко второму — там ещё хуже. Пошёл к младшему сыну — там уютно, тепло. «В чём секрет?» — спрашивает он. — «Отец, в моём доме постоянно друзья». А теперь за это выпьем. Да ты не держи подолгу бокал, пей. За задержку тары Кутузову глаз выкололи...

— Серьёзно!? Тоже запишу... У нас историки об этом умалчивают, а ведь люди должны знать правду.

— Вот тебе ещё притча: «Бравый джигит за столом разгордился, раздухарился: «Хоть Бог позволит, хоть нет, съем этот хинкал». Не успел кусок до рта донести, залетают в саклю нукеры, хватают его, сажают в тюрьму. Не удалось джигиту попробовать хинкал... Через несколько лет освободили, он стучится в дверь родного дома: «Жена, если Бог позволит, твой муж вернулся».

— Жванецкий считает, что воробей — это орёл, выросший в неволе.

— ...Дагестанцы сейчас повернулись лицом к своей традиционной вере — исламу.

— Вижу. Только скажи мне, почему сто лет назад на православной Руси и в исламском Дагестане Бог позволил крещёным и правоверным чадам разрушить церкви и мечети, расстрелять священнослужителей, духовных отцов? Не пришлым завоевателям — своим!

— ?..

Ответ на этот, один из самых важных для меня вопросов, я нашёл... не поверите: в Библии, в Ветхом Завете, лишь на четвёртый раз внимательного, вдумчивого чтения. По аналогичной схеме Господь наказывал египетского фараона: умышленно многократно подстраивал, чтобы раз за разом, несмотря на бедствия, тот отказывался поверить в НЕГО. Отказывался поверить, и за это щедро огребал для своей страны, своего народа, новые и новые наказания, беды... Ещё и ещё... И снова... И опять... Из года в год, из десятилетия в десятилетие. Пока, наконец, последний самый тупой-слабоверующий не поверил искренне в существование ЕДИНОГО. Один Бог знает, сколько ещё бед обрушится на человеческий род, пока на планете Земля это не поймут все и каждый!

И вот так, узелок за узелком, я ткал свой дагестанский ковёр. Ткал, как умел.

ИВАНОВНЫ

*Русская женщина в Хучни:
Нюра, Нура, Нурджаган.*

Эффенди Капиев «Поэт»

Меджид спрятал обрез под полой гужгата, [1] украдкой оглянулся и проскочил безлюдным переулком. По обломкам саманных кирпичей, упираясь ногой в выбоины стены, цепкой кошкой забрался на крышу сеного сарая, лёг на спину, передёрнул затвор, загнав патрон в патронник, поставил карабин на предохранитель. Осторожно приподнял голову... С крыши хорошо простреливался весь переулок и подход к дому Ильяса: горянка, согнувшись в три погибели, тащила копёшку сена; два юнца в мохнатых папахх промчались с гиканьем. Солнце устало клонилось к земле и — Меджид мог поручиться — опускалось за дальнюю саклю на краю села, прямо к нему во двор. Сладко пахло зрелыми яблоками. Воздух был свежим, чистым, каким бывает только в горах в начале осени после череды дождей. Он напряжённо вслушивался... Из дома Ильяса доносилась приглушённая музыка, потом стихла. Меджид нежно, как холку верного коня, огладил полированный затвор, ребристую рукоять приклада, словно успокаивая их, сам внутренне группируясь, концентрируясь. Скрипнула дверь... вышли два парня, за ними девушки и неспешно разными улочками направились в сторону годекана. «Теперь дождусь...» — Меджид успокоенно лёг на спину, не выпуская карабина из рук. Прошло не меньше часа, ещё столько же — Ильяс не возвращался. Стемнело. Меджид окоченел и, чтоб немного согреться, по очереди напрягал, расслаблял мышцы рук, ног. Он ждал. На небо бесшумно выкатилась половинка ночного светила, разрубленного саблей, и осветила холодным голубым светом крыши домов, верхушки деревьев, отразившись, как в зеркальце, в окошке старой лачуги. Длинные ломаные тени от садовых деревьев стрелками лунных часов отмеряли томительное время.

Вдалеке забрехала собака...

Лай недружно подхватила пара цепных псов... уже ближе.

Меджид повернулся набок, притираясь небритой щекой к карабину. В ярком свете луны отчётливо выделялся чёрный силуэт человека. «Ильяс», — облегчённо выдохнул он. Спокойно выцелил, вёл его на мушке, пока тот не потянул на себя входную дверь, и плавно нажал на курок.

Август на Кавказе дышал нестерпимой жарой, будто в небе палило семь солнц.

Раскалённый, битком набитый тряский автобус закручивал на дороге пыль вьюном. Пока добирались от столицы до Унцукульского района, несколько раз останавливались. У родника встали надолго: водитель набирал воду в канистру, в армейскую флягу, потом не спеша потягивал из неё; две юные девушки — по виду не местные — искристую студёную воду тянули жадно, погрузившись лицом в струю, умывались, плескались, брызгались, смеялись и опять пили, куда не напились вволю... Горцы степенно дожидались, давая гостям утолить жажду, затем сами по очереди приникали к живительной влаге, истекающей на поверхность из неведанной глубины гор. Приникали с почтением, с молитвами... Пассажиры разбрелись по обочине. Горянки были одеты, точно из музея, во всепогодные длинные платья от запястья до лодыжек, национальные головные уборы «чохта» или платки до бровей. Трое мужчин — в запylённых габардиновых костюмах, блестящих хромовых сапогах и все, как один, в смушковых папахх. Местные хмуро поглядывали на девчат-хохотушек с непокрытыми головами, изредка буркая что-то на своём. Света — низенькая пышечка, Аня — хрупкая тростинка на ветру. Среди однообразных сумрачных горцев они смотрелись ярким весёлым миражом. Поминутно одёргивая короткие платьица с оборками, девушки присели на прохладные камни в тени у дороги. Стараясь не замечать нацеленных на них откровенно-колючих, изучающих взглядов, всматривались вдаль:

— Неужели село там... за облаками?

— Такое чувство, будто очутилась на другой планете. Как они по этим горам лазают в вечерних платьях? Как живут тут, на этих камнях? Везде жарница. Одно успокаивает: мы сюда не навек, отработаем три года — и домой, — Аня крепче прижала к груди томик Лермонтова.

— Но какая красота вокруг! Дух захватывает...

Они смолкли, покорённые величественной симфонией гор, примеряя свою судьбу к этому незнакомому и потому чужому для них надоблачному, надзвёздному, орлиному краю.

Шофёр призывно сигналил...

Дорога, выписывая арабский алфавит, стала уходить в горы, выше и выше взвиваясь к нещадно палящему белому солнцу. Каждый раз перед очередным подъёмом, когда водитель переключал рычаг скоростей, в механизме начинало болезненно «кры-крыкать», словно грецкий орех между шестерён. Автобус, как слон-туберкулёзник, принимался кашлять через все отверстия, дрожать корпусом. Временами Ане казалось, что вот... сейчас! — не возьмёт высоту, не разбирая пути, попятится назад и тогда... с краю — в бездонную пропасть. От страха она зажмурилась, во рту пересохло, кровь, отхлынув, уходила из головы:

— Анька, ты белая, как полотно! На воды!

Липкими от пота руками она приняла стылую бутылку и, стараясь не глядеть на километры обрывов, сделала несколько мелких глотков: «Когда всё это кончится?»

В районный центр — селение Унцукуль — добрались под вечер. Из автобуса девушки выбирались чуть живы, затёкшими руками вытаскивая чемоданы. Их с нетерпением поджидали: шумная стайка чернявых босоногих мальчишек, припрыгивая, окружила, и самый бойкий, сверкнув карими глазёнками, спросил:

— Учительницы? Вай!.. Мы поможем. Я — Гасан.

Мальчишки весело подхватили и, по очереди меняясь, потащили пожитки в серый узкий проулок, мимо лачуг из дикого камня, под изучающе-пристальными взглядами прохожих, прямо к дому директора школы. Краткое знакомство... С порога — глиняный кувшин холодной ключевой воды... Девчатам показали, где можно умыться, накормили досыта хинкалом из молодой баранины с домашней сметаной и отвели комнату с прохладной мягкой постелью. Опьяняющий вкус горной воды вплетался в сытую дрему, сглаживая все страхи, успокаивая тревожные ожидания, умиротворяя молодое естество. «Какой он будет... первый рабочий день?» — эта последняя мысль почему-то совсем не тревогой — сладкой истомой погрузила Аню в глубокий сон.

Проснулись, когда первый луч солнца заглянул в тусклое окно. Помылись, «причепурились». На улице их поджидал всё тот же Гасан:

— Йорчъами! — радостно выпалил он. — По-аварски это — «зйд-рассьте! добры утра!» Так у нас для женщин.

С нескрываемой гордостью Гасан повёл учительниц к школе.

Хижины селения осиными гнёздами густо облепили гору, дорога между ними — то вверх, то вниз, ни одного шага не сделаешь по прямой. Того и гляди сломаешь каблук! А по самой крутизне травянистого косогора, вслед за большерогим козлом, текла с разноголосым бляньем отара овец. Как они не падали?..

До начала учебного года оставалось четыре дня, стояла краткая тихая пора безученичества. В школе приторно пахло свежей краской, не гулял по коридорам счастливый гул, не заливался колокольчиком детский смех. В учительской молодых специалистов радушно встретила русская женщина, укутанная с головы до ног:

— Заждались мы вас, здравствуйте! Давайте знакомиться. Я заведующая учебной частью Нурджаган Ивановна.

— Света, — пышечка задорно тряхнула мальчишеской стрижкой.

— Аня.

— Ну и славно, — завуч по-доброму, как-то даже по-матерински улыбнулась, поймав на себе вопросительный взгляд девушки. — А лёгкий прозрачный платок на моей голове называется «гурмендо». Таковы мусульманские традиции...

«И она туда же, — с неприязнью подумала Аня, несогласно мотнув рыжим хвостиком. — Зачем унижаться перед бусурманами?! Она же русская! Неужели забыла?»

В кабинет степенно прошагал пожилой усатый горец в чёрной суконной кепке.

— Махмуд Абасович — преподаватель математики, ветеран, заслуженный человек.

Юные учительки, как на школьном выпускном, встали в линейчку. Старик окинул взглядом неприлично-открытые девичьи коленки, лукаво ухмыльнулся в усы, затем долго расспрашивал, из каких краёв, кто мать-отец, нравится ли в Дагестане? Света охотно выбалтывала разные подробности, Аня отвечала сдержанно. Дверь с лёгким скрипом то открывалась, то закрывалась, впуская эхо гулкового коридора. Учительская оживала. Девчата понемногу осваивались с

незнакомой обстановкой, когда в кабинет зашёл стройный молодой человек в безукоризненно-белой сорочке и отутюженных брюках. Лучистый открытый взгляд его вежливо скользнул по лицам коллег... остановился на Ане. Приятная горячая волна окатила её.

— Вот и наш Ильяс! Окончил Дагестанский университет, филолог. Прошу любить и жаловать.

— Лучше... любить, — смущаясь, произнёс он.

Для девчат это был день встреч, знакомств, новых впечатлений...

Аня чувствовала, что они переступили порог какого-то неведомого, чужого, зеркально другого мира, лишь отдалённо напоминающего привычный с детства.

— И завуч тоже хороша... гурмендо напялила, в монашки записалась. Мракобесие какое-то. Ведь образованная, советская. Как ей не стыдно?..

— А встретила по-доброму, — не согласилась пышечка.

Первого сентября заведующая учебной частью пришла с Аней на урок и официально представила её детям:

— Это ваша новая учительница русского языка и литературы Анна Ивановна.

Гасан с задней парты не утерпел:

— Мы знаем! Зыд-расьте!

— Здрав-ствуй-те! — чётко поправила Аня.

Все засмеялись, услышав слово на чудном непонятном говоре, смысл которого понимали не все. Ане достались три класса: мальчишки, девчонки — как везде, неугомонные, общительные, любознательные. С чего начинала? Читала на уроках литературы повести Пушкина, стихи. Ребята, в свою очередь, знакомили её с аварским. Ахмед на одном из уроков, дабы продемонстрировать певучесть, красоту родного языка, выразительно прочёл скороговорку:

Микъазаралда микънусиялда ункъоялда микъго
Къверкъ къода гъоркъ къвакъвадулеул руклана.

Чужая речь остро ранила слух. Там, где согласная буква вцепилась в твёрдый знак или армиатуруну, звук со всего маху налетал на преграду, раздавался треск, как в ломаной коробке передач: «к-кrrrr, к-кrrrr». Точно рыба кость в горле никак не отхаркивалась... Ахмед успокоил, что своим гортанным клёкотом, орлиному сродни, он не хотел напугать и ни о чём таком страшном не вещал. Всего-то навсего:

Восемь тысяч восемьсот восемьдесят восемь
Лягушек квакали под мостом.

Да. Из уст матери для любого дитя нет слаще, ласковее, желанней этих трелей.

А сама аварская речь, оказывается, и есть тот дивный певучий язык великого Расула. Волшебный родник его поэзии.

Появление в школе, в глухом горном селении юных девушек, одетых шокирующе модно, стало событием. Одна стройная, воздушная, интересная... светло-рыжие волосы собраны на затылке в соблазнительный хвостик, другая — полненькая блондинка, стриженная под мальчишку. Что-то новое, восхитительное исходило от каждого их слова, жеста. Они для горцев — инопланетяне. На перемене мальчишки то и дело заглядывали в учительскую, желая полюбоваться на нездешнюю красу. Восхищались, однако, не все... Махмуд Абасович пристально наблюдал за молодыми коллегами день, два, неделю, покашливал в сухой кулачок и в конце концов не стерпел:

— Девочки! Вы думаете, обрезали себе наряды и стали интересны? Абсолютно вы нам, мужчинам, неинтересны в таком виде.

— Почему? — оторопела Аня.

— Когда женщина в длинном платье, когда у неё при ходьбе лишь лодыжки мелькают, женщина — загадка. Не терпится узнать: что же там, выше?

Однако проблемы насущные длиной платья не ограничились...

Другая сложность — где помыться по-людски? Бани-то нет!

В первое же воскресенье девчата пошли на речку, подальше за село. За ними, крадучись, ватага мальчишек: подглядеть — куда? что? как? Для них кино: девушки разденутся до купальника! Оказывается, в Дагестане позволено купаться только мужчинам. Здесь буквально на всё имелись свои вековые национальные традиции, свои адаты, ограничения. Девушки осторожно помыли лицо, руки, ноги, вернулись. Ещё раз два пытались незаметно улизнуть из аула — бесполезно. «Каникулы Бонифация!» Детвора бдительно караулила каждый их шаг.

— Придётся таскать воду с родника, — Аня раздражённо вышла в коридор и вернулась с медным кувшином в руках. — Теперь я точно знаю: Бог — мужского пола! Только мужик мог выдумать такие правила. Пошли! Некрасиво на уроках смердеть и чесаться.

Изящно, с видимой лёгкостью, нести мучал [2] на плече, как это делают местные женщины, не получалось. Таранили вдвоём, уцепившись одна за ручку, другая — за носик. Горянки ухохатывались до слёз... Воду грели в кастрюле, занимали у хозяйки тазик: экономно наливали — смывали, наливали — смывали. «Как можно к этому привыкнуть?» — с тоской думала Аня.

— Не нравится мне здесь, чужое всё. Вот послушай Лермонтова, — Аня раскрыла томик на закладке и с выражением прочитала:

И дики тех ущелий племена,
Им Бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.
Темны преданья их...

— И сам признавался: «Люблю я Кавказ».

— Не хочу оставаться...

— Это просто баловь и блажь. Аня, ты же сама говорила: мы советские. Как в песне:

Наш адрес — не дом и не улица,
Наш адрес — Советский Союз.

Бесстрастный отрывной календарь тем временем сбрасывал, словно осенний тополь, свои листки. У Ани со всеми коллегами вроде бы складывались ровные отношения, за исключением Ильяса... При его появлении она как-то вся напрягалась, на редкие вопросы отвечала колко, едко. Ильяс в ответ терялся, замолкал.

— Анька, он к тебе равнодушен, — нашёптывала перед сном пышечка.

— Пускай!

— А, по-моему, хороший парень.

День уходил за днём, одни уроки заканчивались, другие начинались.

Вот уже сентябрь отпылал золотой листвой, октябрь встретил знобкими дождями... Вспыхнула белым цветом назло осени ароматная мушмула, обтрясли с веток урожай хурмы. Семнадцатого ноября у Ильяса день рождения. Утром в учительской, как и положено, коллеги его хором поздравили. Дождавшись, когда учителя разойдутся по классам, он подошёл к девочкам — у них было «окно» — и, с трудом подбирая слова, рассеянно произнёс:

— Света, Аня, приходите вечером... ко мне в гости... домой. Я буду ждать, — и вышел.

— Ань, ты как?

— Говорят, он давно помолвлен.

— Мы ж не под венец!

Дом Ильяса, сложенный из битого камня, располагался рядом с мечетью. Мама с сёстрами накрыли на стол и удалились. Ильяс с приятелем затворили плотнее дверь, включили негромко магнитофон и пригласили девушек танцевать. В Дагестане медленные танцы запрещены и поэтому — не-ле-галь-но! — под музыку из передачи «В мире животных», песни Ободзинского, Эдиты Пьехи, пары, едва обнявшись, плавно заскользили по кругу. Разыгрался аппетит — присели за стол. По центру стола дышал горячим ароматом знаменитый хинкал — отварные крупные куски баранины с варёными ломтиками теста, чесночным соусом и бульоном; чуду — по-нашему блины с начинкой из творога, крапивы, черемши (правда чудные!); а ещё овечья брынза, домашняя сушёная колбаса, и мёд, и халва... Ильяс выставил бутылку сухого вина. Приятель сразу оживился, бесенята в его глазках заигра-аали:

— Девушки, помните у Александра Сергеича:

Лучше отдавайтесь этим усачам,
Чем слюнтяям-ленинградцам
Или москвичам.

Аня от возмущения вспыхнула ресницами...

— Это он так неуклюже шутит, — смутился Ильяс.

— Проводите нас!

Яств так и не вкусили...

Светлана с приятелем отправились домой напрямки, а Ильяс накинул на плечи Ане пиджак и повёл окольным путём нескончаемыми тропками, сам всё рассказывал про детство, учёбу в школе, ДГУ, про родное село... Ночь была прекрасная... лунная, тихая-тихая. Расставались за полночь. Аня шагнула к дому, закрыла за собой дверь, переступила порог в кунацкую, разделась. С улицы донёсся сухой щелчок, словно калиткой хлопнули. Мимолётная тревога рассеялась, Аня легла и забылась сном.

Утром Ильяс в школу не пришёл. Не появился он и на следующий день. В коллективе все молчали, как-то особенно поглядывая на Аню. «Не успел познакомиться и уже видеть не хочет! — с неприязнью думала она». Вечером не находила себе места, машинально проверяла тетрадки, бесцельно переключивала книги... Безмятежный вид Светланы начинал раздражать. Ночью не сомкнула глаз. Сладко сопела пышечка, сонно разметавшись по кровати, давно угомонились все в доме, стихли звуки улицы, а она беспокойно ворочалась: «Не привыкну я здесь... Может, домой уехать? Завтра же откровенно поговорю обо всём с этой Ивановной».

Завуч была в кабинете одна.

На Аню посмотрела внимательно, отложила в сторону ученическую тетрадь с красными пометками.

— Нурджаган... Ивановна, мне необходимо с вами объясниться... Я, наверно, не смогу работать в вашей школе.

— Понимаю. Мне бы сразу с вами побеседовать, но всё как-то недосуг.

Она задумчиво встала, подошла к окну, открыла створку... С улицы долетал требовательный крик ишака да лениво брехали собаки.

— В юности я сама, как и ты, не могла подумать, что судьба забросит меня за тридевять земель сюда, в Дагестан. Видно, правду говорят: человек предполагает, а Господь располагает... Я расскажу тебе свою судьбу, а там решай...

Хабар русской учительницы

Родилась я в Курской области, рано осталась круглой сиротой. День тот перед глазами стоит... Случилась страшная гроза — Илья Пророк на колеснице мчался по небу, не разбирая пути, грохотал! Молнии метал! Мама с братом Федей — на три годочка меня постарше — выскочили загнать гусят с речки. Слышу вопль с улицы, соседка опрометью летит:

— Настя-аа!.. Мамку твою... гроза убила!

Федю отбросило на несколько метров, он выжил. В себя пришёл, сразу — к мамочке. Подбежал, жива ещё, волосы у неё растрепались, липли к рукам. Он в рёв! Соседка — на подмогу. Маму забросали землёй, думали, электричество в землю уйдёт, успеют спасти. Не спасли... Отец без хозяйки помыкался, женился на молодой. В доме появилась мачеха. Год вместе успели прожить, война началась. Мне в аккурат минуло девять лет. Отца забрали на фронт, и — ни письма, ни весточки, ничего. Так и сгинул! Помню первую бомбёжку. Ужас один!.. Мы ж не знали, что такое война. Глядим: самолёты с чёрными крестами летят. Никогда не видели, чтобы сразу несколько самолётов летело. Кто просто выбежал на улицу, кто забрался на крышу сарая, чтоб ближе разглядеть... Интересно ведь! И тут гул такой тяжёлый: из самолётов что-то посыпалось. Федька смеётся:

— Картошка!

Нет, это была не картошка. Вой. Свист. Как рванёт за домом... Бомбы! И пошло всё плавиться, гореть. Крик, шум, разруха, стоны, кровь, плач, раненые, убитые... Горят земля и небо. И бомбят самолёты. И пушки. То ли наши, то ли немцы. Мы — врассыпную. Люди скотину гонят, сами бегут в конец деревни, дети за ними. А куда податься нам с братом? Присели на корточки в тени за сараем, вроде нас не видно. Федя меня за руку держит, крепко-крепко. Вдруг, как подпрыгнет:

— Айда в погреб!

Там и спрятались. Собачонка наша первой туда — шмыг! Следом мы. Над нами родные стены, образа. В подполе дрожим и плачем, не знаем, что делается на земле. Гарью едко тянет... Федя вылез тишком, тут же мчит назад:

— Иконниковых крыша пылает!

Хаты соломой покрыты, пули трассирующие как пустят — займутся огнём.

Тогда мы узнали, что такое война.

На себе узнали.

К утру позатихло.

Сначала появились одиночные немцы: искали партизан, коммунистов, уж после, как проверили, полным-полно наехало. Брата, хотя и малолетка, угнали в Германию. Я осталась с мачехой на чёрные годы бесконечной войны. Мачеха была взята из соседней деревни, она частенько бросала меня, уходила к своим. Я оставалась в холодной, пустой хате одна. И днём одна, и ночью одна.

Страх божий!

Не было у меня юности.

Сразу после детства, кажется, и постарела.

Немцы хозяйничали как у себя дома. Сначала переловили всю птицу: гусей, уток, кур. Когда птицы не стало, добрались до скотины: коров, поросят. Похлёбку варили прямо во дворе. Если дров нет, берут стол, тащат лавки, рубят и — в костёр. Мы старались не попадаться им на глаза. Летом прятались по щелям, зимой — в уголке на печке. Не смели ни спорить, ни возражать, ни спрашивать... Соседка кинулась на немца, у неё пятеро малых детей, а тот корову уводил со двора: «Не отдам!» Достал пистолет и — в голову.

После войны брат вернулся. Фёдор никогда не рассказывал про ту жизнь. Ни словечком не обмолвился. Где работал? На заводе ли, у бюргера какого — не смели спросить. Боялись даже разговор заводить на эту тему. После плена выбор у него оставался небогатый — разнорабочим в колхоз.

А я с детства мечтала стать учительницей, любила читать и после школы поступила в педучилище. В сорок восьмом окончила. К нам за месяц до выпуска приехал представитель из Минпроса Дагестана. Бравый такой: орлиный нос, чёрные брови, сросшиеся на переносице, порусски смешно говорил: «Ми вас хатым...» Повесил на школьную доску карту СССР, показал, где находится Дагестан. Начал расхваливать страну гор, языков, национальностей... Для меня этот край тогда — белое пятно. Сдаём мы Госэкзамены, и наш выпуск целиком — в одну кавказскую республику. Желания никто не спрашивал: «Государство учило вас, теперь вы поезжайте учить дагестанцев». В те годы строгость держали. Девчонка из группы отказалась ехать — её судили.

Дагестану требовались специалисты не только по русскому. Не хватало врачей, финансовых работников, по сельскому хозяйству. Своих дочерей горцы учиться не отпускали,

сыновья с фронта многие не вернулись... Что там осталось? Молодых специалистов организованно направляли в столицу, в Махачкалу. Мы группой добрались туда, ходим по улицам, глазеем... Встретилась русская женщина, мы с радостным визгом, расспросами — к ней. Та вся в лице изменилась: «Милые, куда вы попали, куда едете? В горы!.. Там убьют, украдут, изнасилуют». Нагнала таких страхов! Мы в ужасе... А куда деваться? Стали распределять по районам. Для нас они все одинаковые, нет разницы, в какой. Вот по одной ехать — боязно. И четверо из нашего выпуска записались сюда, в Унцукульский район. Заведующий РОНО троих девочек направил в детдом, а меня — в семилетнюю школу в аул Ашильта преподавателем русского и литературы. Девчат до места повезли на арбе, запряжённой двумя быками, а мне завроно говорит:

— Сегодня тут представитель из Ашильтинской школы — Мирзабеков, завхоз — можете до аула вместе с ним.

А «вместе», это значит топтать своими ножками. Из Унцукуля до Ашильта восемнадцать километров, да с поклажей — одеяло солдатское перетянуто бельевыми верёвками и сделана деревянная ручка. В бауле самое ценное: любимые книжки, постель, платье, туфли... Хотелось выглядеть современно, мы ведь совсем молодые были. В одной руке узел понесу-понесу, устану, руку сменю. Мирзабеков рядом идёт, простой, — балагурит, развлекает. По дороге встретилась ледяная речка, разулись и — вброд... К вечеру добрались до аула, меня из стороны в сторону шатало. Женщины у родника увидели, примолкли и осуждающе глядели вслед... Завхоз отвёл на квартиру: хозяйка, старушка Сакинат, по-русски ни полслова; у неё уже квартировала Валя, москвичка — русская учительница, на год постарше меня, преподавала в начальных классах — она и помогла обустроиться. Я от усталости языком ворочать не могла, кусок в горло не лез. Едва разделась, провалилась в сон. А утром достала из заветного узелка наряд и, благословясь, шагнула за порог сакли.

Аул Ашильта висит над знаменитой горой Ахульго, внизу беснуется зажатая скалами река Андийское Койсу, [3] на ржавых склонах каменные террасы с крошечными наделами земли, кругом высоченные серые стены (как в тюрьме), дома с глинобитными крышами, узкие тропы, крутые обрывы, водопады. Дикая красота эта вызывала восторг и беспокойство. Мне отчего-то так жалко себя стало... чуть не расплакалась. Прихожу в школу, а дурная новость вперёд меня добралась: «Вчера в аул заявилась русская пьяная учительница». Мало того, оказывается, я прикатила незваная. Жена директора, без педагогического образования, вела и математику, и русский с литературой, а тут с бухты-барахты у неё часы отбирают. Директор было заартачился, но остальные учителя — в коллективе работали в основном мужчины — за меня вступились. И он не посмел меня завернуть, тем более с бумагой из РОНО.

Стала я преподавать дивный русский язык.

Объясняться с учениками приходилось на пальцах, мимикой... Таскала в класс соль, хлеб, какую тему изучаем — то и несла. Дети любят наглядность. Рассказывала, как что называется по-русски. Инспектор РОНО посоветовал:

— Настя, если гора не идёт к Магомеду, Магомед идёт к горе. Попробуй сама учить аварский. Аксакалы говорят: «Сколько языков знаешь, столько раз ты человек».

Так и учились вместе: я — их, они — меня. Завхоз Мирзабеков, бывало, подойдёт, что-нибудь спросит, выслушает ответ и уйдёт озадаченный. Весной, к концу учебного года он откровенно признался: «Раньше я считал, что “настя” — хороший погода, “ненастя” — плохой». Мы от души смеялись, и после частенько вспоминали это. Аварский я усваивала из разговоров. Сначала запомнились отдельные слова, потом стала понимать, когда меня ругали. Уже немало! Но у них есть свои ударения, свои произношения, которые труднодоступны.

В зимнее время занимались при керосиновых лампах, подвешенных к потолку. Сначала настоящих чернил не было — сажу, накопившуюся под лампой, разбавляли тёплой водой, тем и писали. Зимой в классах было холодно, железные печки, которые топились кизяком, [4] спасали отчасти. Ребята занимались в овечьих шубах. Но, когда ученики прогуливали уроки, не холод служил причиной. Многие родители не пускали детей учиться, особенно девочек. Дочь в семье горца с малолетства до замужества выполняла по дому всю работу: кормила-доила коров, убирала навоз, носила воду... Мальчишки сутки напролёт пасли овец. Ребята признавались: школу любят за то, что здесь можно отдохнуть. Если ученик прогуливал уроки, администрация школы докладывала в сельсовет, там принимали меры. Чаще всего в наказание забирали необходимую

домашнюю утварь. Директор школы организовывал подворные обходы, проводил разъяснительные беседы с родителями.

— Какая нашим детям польза от урока? — возмущалась хозяйка Сакинат. — Выучат три суры курана и — лъик! [5]. Ты князь и я князь, а кто лошадям сено даст?

У неё правда своя, однако была и другая правда...

В седьмом классе у меня учился Ахмед, сын Муталиба, трудный мальчишка. Вызываю его к доске:

— Я не учил.

— Два.

Через урок сызнава поднимаю, надо же исправлять двойку.

— Не учил...

— Как же так, Ахмед? Остаешься после уроков.

Все идут по домам, мы сидим, разбираемся. Никак не давался ему чужой язык, но он корпел над учебником, старался овладеть знаниями, и удалось: исправил двойку, стал получать пятёрки. Ахмед окончил школу, выучился, стал профессором, знаменитым на всю страну. Он до сих пор с благодарностью называет меня второй матерью... У него — такая правда. Налитый созревший колос всегда смиренно клонится, лишь пустой держится горделиво и заносчиво.

Вот только с дисциплиной у Ахмеда не всегда было гладко, как, впрочем, у любого нормального мальчишки. Однажды смотрю, шпионит за учительским туалетом.

— Ахмед, ты чего? — удрал проказник...

Через минуту слышу из уборной львиный рык: выходит наш педагог истории — высокий, сухой, степенный старик... строгий такой, немногословный. Выходит: в правой руке кумган, [6] левая — в чернилах... Наверное, не только рука... Он брёл в учительскую, неестественно широко расставляя ноги, и матом крыл смущённых, ничего не понимающих детей на языке Пушкина и Лермонтова...

Я мигом в класс:

— Ахмед, рассказывай, что натворил?!

Тогда вот только-только появились сухие чернила. Из Азербайджана начали привозить тёмные шарики «Термиз», мы растворяли их в воде и заливали каждому в чернильницу. Мусульмане в туалете бумагой не пользуются, подмываются водой из кувшина. Ахмед не пожалел двадцати копеек, купил один шарик сухих чернил, кинул в учительский кумган и выжидал: что будет? Интересно же!

— Настя Ивановна, не выдавай. Убьют меня!

Я никому не рассказала. Да и сам историк помалкивал. В райкоме партии как считали: раз омовение совершают, значит, молятся, а раз мооо-лятся... О! За соблюдение религиозных обрядов из школы могли запросто турнуть.

Брат, когда в Дагестан провожал, наказывал мне строго-настрою:

— Ты смотри там, нашу фамилию не позорь, блюди себя!

И я, как могла, старалась ни с кем не встречаться, ни с кем не знакомиться. Но после окончания университета в село на работу вернулся прекрасный юноша Джалил. Наверно, полюбились... Два года мы встречались. Хвостиком за мной ходил, ходил, а в один прекрасный день отрядил двух сватов: дядю своего, Мирзабекова, нашего школьного завхоза, с женой Рахинат. Хозяйка и Валюша помогли накрыть на стол.

Уселись мы, начали договариваться о свадьбе. Они предлагают:

— Давай, на март.

Я стою на своём:

— На июнь!

Если честно, свадьбы я боялась. Сама думаю, учебный год доведу, положенный трёхлетний срок доработаю, отказывать не стану и соглашаться не буду — тихонько сяду на попутку и уеду. Боялась я его. Он человек хороший, но не своя нация, не свои люди... Этого боялась. Хотя ехать-то мне толком было некуда, да и не к кому...

Я в слёзы. Мирзабеков на Джалила сердито закричал:

— Ты нас пачему привёл? Сам не договорился... Пайдём засватаем другую...

И мне сурово:

— Настя, гавари «да» или сэйчас уйдём...

— Идите, куда хотите.

Подались... Там у них тоже не выгорело: отец за дочку большой калым запросил. Они разругались в пух и прах. Джалил вернулся:

— Настя... Неужели опозоришь меня?

Джалил тоже был сирота: у него мать, отец погибли в аварии. Он остался из мужчин старшим в семье. Его сестра Эспет поклялась мне: «Пока я жива, тебя никто не обидит, только соглашайся. Если уедешь, он бросит всё — помчится за тобой. Дом, семья, дети маленькие пропадут». Тогда я согласилась и ни минуточки не пожалела. Таких заботливых мужей, как мой Джалил, ещё поискать...

Денег особых не было, но «бахIаралгул партал» [7] справили мне, как полагается.

— Это «обмундирование невесты», — пояснил Джалил. — От нижнего белья и особого свадебного платья «хъабало» [8] до белой шали из крепдешина.

Свадьбу играли в Ашильта. Гости съехались из всех окрестных сёл. Вино из кумторкалинского винограда текло рекой, тост «Сахли!» [9], зурна и бубен не смолкали три дня, а танцующие, как вначале три круга образовали, так потом просто по составу менялись. Раздавались, конечно, исподтишка ахи-охи: «Как это так: русс-каая?!». После свадьбы Эспет накрыла стол, собрала всю родню, обняла меня за плечи и во всеуслышание заявила и по-аварски, и по-русски:

— Настя — жена моего брата. Кто хочет любить, уважать меня — должны уважать, любить её.

И с тех пор перестала я быть сиротой.

Говорю — у самой комок в горле...

Слово своё Эспет сдержала, и никто никогда меня, вот столечко, не обидел.

Здесь такой закон: в течение месяца после свадьбы приглашают молодых по очереди к себе домой, делают угощение, подарочки. Я счастлива, что попала в их тухум. Они меня берегли, уважали, жалели. Я его младших сестёр, брата выучила... Они все меня звали не иначе, как «Настя-Эбел!» [10]. Это большое уважение. Все забыли моё отчество — Ивановна. Везде я для них — Настя-Эбел. Никто за всё время не бросил в лицо: «Уезжай! Зачем приехала?» А через год меня перевели на работу сюда, в среднюю школу села Унцукуль.

Брат в Дагестан приезжал пять раз. Когда навестил впервые, ещё молодой неженатый был. Муж его вниманием окружил, водил по гостям, резали барашка, ездили на природу, в рощу. Ну, конечно, Фёдор мне один на один:

— Как ты живёшь в этом каменном мешке? От своих отбилась, к чужим не пристала. Сделают наложницей!

— Здесь я своя.

— Брось! Что я, не вижу... С нами за стол не присела, не выпила, не спела.

Да разве это главное — «выпила»? Тут взаимопомощь, какая-то особая доброта. Что случись, люди бегом бегут. Нет нужды зазывать. Идёшь по улице, тебе прохожий:

— Иш кин бугеб? [11]

— Баркалла, лъикI буго! [12]

Как могу, так и отвечаю. Аварский не стал родным, хотя по-русски уже говорю с акцентом.

Я хоть крещёная в детстве, но всё сладили по шариату и местным адатам: сватовство, магар, [13] свадьбу. Нарекли меня мусульманским именем Нурджаган — по-тюркски «свет вселенной». С тех пор соблюдаю здешние порядки. Как иначе? В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Тоже задираю вверх руки, хотя не знаю ничего, кроме слова «бисмилля». И к платку до того привыкла, с непокрытой головой — будто лысая. В православной церкви в Махачкале два или три раза была, а так посещаю мечеть. Мой Бог всегда со мной в душе! У нас в Новом Завете какое главное слово? Любовь!.. Нельзя нам душой черстветь и ожесточаться в ответ на зло, иначе между нами разницы не заметят. Мы ведь люди-то православные...

Любовь сильнее, чем ненависть!

Это я теперь точно знаю.

Аня слушала Ивановну и невольно примеряла её судьбу на себя.

— Может, ты ещё хочешь о чём-нибудь спросить, — завуч проникновенно смотрела Ане в глаза.

— Спросить?..

— ...Об Ильесе.

— Нет, не хочу.

— ...В Ильеса стреляли... когда он тебя проводил. Говорят, Меджид, старший брат наречённой.

— Что-оо?!.

— Да, такое здесь бывает. Ильяс засватан к троюродной сестре, моей ученице. В прошлом году школу окончила: две чёрные косы-смоль до пояса... покорная. Его родители давно калым уплатили...

— Где Ильяс?

— Дома уже, обошлось. Он с самого начала знал, на что идёт... Я думаю, Ильяс и есть твоя любовь. Решай сама...

Дни и часы теперь едва тянулись... время почти остановилось. Проведать Ильеса Аня не смела, но думала лишь о нём. Каждый миг, каждую секунду в учительской, в классе, дома, ждала, что вот сейчас откроется дверь, и... она увидит его. Хотела этого, страшилась... И жаждала! Ей чудился тихий голос с хрипотцой. Аня ловила себя на мысли, что разговаривает с ним... и боялась во сне назвать его имя.

Наступил однообразный серый декабрь. Низкие ватные тучи укрывали вершины гор, прижимали к талой земле печной сизый дым с запахом кизяка, вынуждая его стелиться по аулу пряным ковром. Крупными ошмётками валил липкий снег. Она тянулась из школы, задумчиво бороздя пальчиком по мёрзлой саманной стене, стряхивая тяжёлым портфелем снег с уснувших веток кизила, переворачивая носком сапожка снежные комья. Мокрые хлопья снега иступлённо целовали её лицо, руки и таяли. Зелёная вязаная шапочка и ворсистое суконное пальто были усыпаны алмазными каплями...

Он стоял на дороге и ждал, когда она заметит его.

Аня подняла глаза и... от неожиданности сладко замерло сердце:

— Ильяс?!

— Ты вся в снегу...

— Ильяс...

— Я ждал тебя.

Они смотрели друг на друга и... мир исчез.

— Аня...

— Ильяс...

Холодный снег заметал их одинокие следы...

Летом Аня уехала в отпуск на Кубань.

Маме рассказала, что полюбила аварца, выходит замуж. Мама поплакала и благословила. Ковёр дала, деньгами помогла: «Тебе видней. Если человек хороший, что ж...» Они месяц забрасывали друг дружку страстными весточками, а потом Ильяс приехал к ней. Расписали их в сельсовете станицы Староминской. Устроили небольшую свадьбу. В Дагестан они вернулись мужем и женой, но свекровь по традиции встретила мёдом и заявила:

— Ильяс, ступай в дальнюю комнату, она — с нами, пока махары не будет.

Мула торжественно произносил суры, а молодые за ним повторяли...

Свекровь ещё долго причитала: «Вай, богатый калым пропал: платки цветастые, отрезы на платье, золото». Потом смирилась... Свекруху Аня сразу назвала мамой. Пришлось аварской родне принять и это.

Отпуск закончился, начинался новый учебный год. Утром первого сентября Аня спрятала рыжий хвостик под гурмендо, Ильяс взял её за руку (хотя здесь это тоже не принято) и они направились к школе:

— Ты, главное, не волнуйся и ни на что плохое внимания не обращай, — Ильяс успокаивал Аню, а сам переживал, чувствовалось по всему.

Неожиданно из ворот вышла страшная чёрная женщина с клюкой.

Он сжал её руку:

— Это мать моей невесты. Терпи!

Когда приблизились, старуха сорвала с головы чёрный платок, дико завывала, стала рвать на себе седые волосы, злобно проклинать весь свет, плевать на дорогу перед ними, грозить иссохшими кулаками коварному небу. Ильяс, бледный, по-своему что-то резко бросил ей, она осеклась... лицо посерело, разом вся обмякла и побрела прочь.

А он крепче сжал руку молодой жены, и они пошли вперёд, не оглядываясь.

Так они и шагают по жизни до сих пор рука об руку. У них родилось семеро детей: три девочки и четыре мальчика. Они счастливы, потому что любят друг друга.

За годы Советской власти в Дагестан по распределению Министерства просвещения РСФСР были направлены на работу тысячи молодых специалистов.

Нет такого аула, где бы не обучала грамоте русская женщина.

В 2006 году, по решению администрации города Махачкалы, в столице Дагестана установлен памятник русским специалистам от благодарных горцев. Монумент увековечил образ русской учительницы, которая в далёкие послевоенные годы несла дагестанцам свет и любовь братских народов России.

Фото

*

Примечания:

[1] Гужгат — разновидность мужской одежды аварцев из темных плотных тканей и домотканого сукна, на подкладке;

[2] Мучал — большой водоносный металлический кувшин;

[3] Андийское Койсу — река;

[4] Кизяк (от тюрк. *Täzäk*) — спрессованный кирпичиками и подсушенный навоз, идущий на отопление;

[5] ЛъикI! (авар.) — нареч. Хорошо!

[6] Кумган (тюркск.) — узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, для умывания и мытья рук, а так же подмывания, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла (латуни, серебра).

[7] БахIаралъул партал (авар.) — свадебный наряд невесты: от нижнего белья и свадебного платья до белой шали из крепдешина;

[8] Хъабало» (авар.) — свадебное платье;

[9] Сахли! — тост на аварском языке с пожеланиями здоровья и всего хорошего;

[10] Настя-Эбел! (авар.) — Мать Настя!

[11] Иш кин бугеб? (авар.) — Как дела?

[12] Баркалла, лъикI буго! (авар.) — Спасибо, хорошо!

[13] Магар (арабск.) — обязательный мусульманский ритуал «венчания», который проводит мулла до свадьбы;

Расстрелянные встречи

*В дерево, которое не даёт плодов,
никто не бросает камней.*

Азербайджанская пословица

С ними у меня были назначены встречи...

- Начальник управления по информационной политике администрации президента РД, Курбанов Гарун Магомедович. Авторитетный порядочный человек. Его убили ваххабиты.
- Ахмед Абдуллаев, подполковник, начальник отделения ФСБ РФ по Цумадинскому району РД. Террористы подорвали его в служебной «Ниве» по дороге на работу. Остались жена, трое ребятишек...

Время такое... военное.

Предлагаю помянуть их, выпив стоя и молча.

*

Руслан Керимханов

Над головой мужчины всегда должен быть дым — либо табачный, либо пороховой, иначе какой же это мужчина!

Ахмедхан Абу-Бакар

— Традиции?.. Ну, вот сейчас скажу, может, Вам покажется мелочью: когда въезжаю в село, хоть чужое, хоть своё, магнитола выключаю, чтобы даже случайно не попасть в неловкую ситуацию. Вдруг там кто-нибудь умер, хоронят кого... Чтобы не обидеть. Некрасиво радоваться, когда у людей горе.

— Это не мелочь.

— Машины стало модно тонировать, и люди не видят лица друг друга, не могут поприветствовать, кивнуть головой. Машина едет, но что я должен с машиной саламкаться? Может там какой негодяй. Начинают сигналить: это уже издевательство. А ведь у нас принято здороваться друг с другом, и человек, который сидит, должен хотя бы привстать. Это древний-предревний обычай... Из молодёжи сейчас его почти никто не соблюдает. Школьник младших классов может запросто подойти, первым протянуть руку: «Салам аллейкум!» Раньше такого близко не было. Дети должны знать своё место, взрослые своё. Всё связано. Забудешь традиции — забудешь предков. Забудешь предков — забудешь своё имя.

Ругать напрямую в Дагестане не принято, неприлично. Но как-то пожелать проклятия ближнему тоже хочется, люди всё-таки... Использовали иносказательные формы. Раньше в саклях печку топили кто кизяком, кто дровами, кто углем, и обязательно из дымохода валил дым. Если дым не шёл, все знали, в этой сакле нет очага, нет тепла, нет семьи. И поэтому, ругаясь, желали недругу: «Чтоб у тебя дым не шёл из трубы!» По-лезгински звучит красиво: «Гурмадим ьбр атуй!» «Гурма» — дымоход, «гум» — дым, «атуй» — срезать, отключить. (Чтобы у тебя дым над саклей исчез!) По сути, это мелодичное пожелание означало: «Чтоб твой род исчез! Чтоб твоя семья вымерла!» Сейчас над саклями дым не поднимается, в дома пришёл газ. Вот и думай, как хочешь... Мы все изменились. Спроси у молодых, что такое «маша»? Не скажут. А раньше в каждом доме были. Это такие металлические щипцы, ими доставали из печки угли, головни. Раньше девушки ходили с косами. Если горянка нарушала адаты, вела себя не должным образом, ей косу отрезали. Позор, стыд на всю округу. К чему мы сейчас пришли: девушки с косой редко ходят... Конечно, это не означает, что все стали распутными, но и ни о чём хорошем это тоже не говорит. Девушки ходят без кос, может, потому, что все мы согрешили в чём-то серьёзном. Забыли дедовские обычаи, традиции, заветы... Потому, что отступили, переступили через что-то важное... Отказались от него.

Фото

У нас коровы на дорогах, хотя их не считают, как в Индии, священными животными: государство развалилось, вот скот и оказался на улице... Ну, мусор выбрасывают везде, это общефедеральная черта. А ведь ещё выдающийся врач, профессор медицины Николай Семашко, уверял: «Без санитарной культуры нет культуры вообще».

Напоследок покажу тебе святое место — пир. Здесь похоронен святой человек. Здесь нельзя не только мусорить, плохо думать. Всё должно быть светло. Загадай сейчас какую-нибудь чистую, словно роса, мечту, она обязательно сбудется.

Моя мечта — написать о Дагестане достойную книгу.
Пусть будет так!

*

Пехлеван-канатоходец

أَرْفَعُ مِنَ السَّمَاءِ
Выше неба.

А ещё я полюбовался искусством канатоходцев Ямудина Эхмедханова ...

Ни где-то там, под куполом цирка, а живьём, на природе. На опушке реликтового самурского леса.

— Я с детства любил это искусство. Мне лет девять было, когда во сне увидел: с одного большого дерева на другое протянута нитка, и я по ней иду. Такой сон. Проснулся весь возбуждённый, не могу заснуть, хотелось тут же в темноте начать по канату ходить. Еле дождался рассвета. Тянуло сердце, без этого невозможно. Утром давай искать шест, верёвку натягивать. Сначала на верёвке и занимался, она часто рвалась, падал, получал травмы. У нашего тракториста Серажутдина нашёлся стальной трос, он и закрепить помог. Стойки делали на высоте двух метров над землёй, шест из длинной чинары. Пока не научился, падал много, ревел. Отец не хотел, чтобы я играл на канате, думал, разобьюсь. Я — единственный сын. Взял мой канат, оторвал, спрятал. Мне приходилось тайком, в лесу... Мама ничего не сказала: здесь в Дагестане мамы ничего сыновьям поперёк не говорят. «Что хочешь, сынок, делай! Сохрани себя и старайся быть хорошим канатоходцем. Если плохим — лучше не надо».

— Значит, всё-таки говорила...

— Как свободное время — я сразу на канат. На ногах кеды, мать сшила ватные штаны, чтобы не так больно падать. Сначала тренировался во дворе год, два, три. Затем решил на празднике показать перед всем селом. На площади перед клубом натянули канат, заиграл бубен, зурна, народу собралось... Вот это был успех, так успех... До этого в нашем селе пехлеванов не было, друзья тоже пробовали — ушли. Дагестан объединяют хинкал, зурна и канатоходцы. Канатоходцы — традиционное древнее искусство Дагестана, им от джамаата отдельное уважение бывает. Пред высотой у нас нет страха. Если страх заползёт в душу, на канате невозможно работать. Мы, даже если падаем, нам не больно, честное слово. Как железный становишься. Мне шестьдесят лет, обучаю молодых: так хорошо, так делай, так красиво. Кто не умеет, поставит ногу на канат — трясётся канат. Кто знает, поставит — не шелохнётся. Если Бог даст, только тогда можно стать канатоходцем. Научиться этому нельзя.

А потом Ренат показал мне, как танцевать лезгинку на канате.

Не знаю, почему-то меня не манило даже попробовать... Да и троса такого, чтоб выдержал мой тяжело-вес, пока не изобрели.

P. S.

А всё же прародительницей канатоходства в Дагестане считается женщина, которая таким способом приспособилась к ведению хозяйства в труднодоступных горных условиях. [1] Допускаю, что и сегодня где-нибудь в глухих отдалённых аулах горянки переносят через пропасти вязанки сена, кувшины с водой, детей, балансируя на канате. Просто никому в голову не придёт их назвать «пехлеванами», аплодировать им. Ведь всё это обычные женские заботы, заурядная хозяйственная деятельность...

*

Примечания:

[1] X. Г. Магомедсалихов, «Культура и традиции народов Дагестана»;

Дорожные адаты

— Панымаэи, да: машину купиль, права купиль. А вот как купить, чтобы ездит на ней умэт???

NN

О дорожных адатах Дагестана мне скупко поведал Ибрагим, водитель попутного грузовика. В кабине я обратил внимание на потёртую, местами поцарапанную бейсбольную биту:

— У вас все с такими ездят?

— Да. Это нужней аптечки. — Ибрагим бережно переложил биту с сиденья на пол. — Своя у меня «Приора», без «волшебной палочки» в неё не сяду. Вы, наверно, слышали, у нас много разных народов, язык у каждого свой... Не все понимают лезгинский.

— Так это и есть хвалёный «эсперанто»?

— ...Универсальный переводчик, язык межнационального общения. ГАИ не вызывают, сами разбираются. В Каспийске железнодорожный переезд, перед ним «стоп-знак»: «Проезд без остановки запрещён». Из России приехал ко мне приятель на машине, законопослушный весь, перед знаком тормозит. Чайник! По правилам хотел проехать, забыл, где находится... Смотрю: за нами джигиты летят, вот-вот припечатают. Кричу: «Газу!» Поздно: тук сзади. И орут: «Ле! Чё встали?» А у приятеля машина не оборудована: с собой ни пистолета, ни бит. «Пусть едут». Джип сдал назад, объехал нас и пролетел перед поездом, метрах в трёх. Машинист загудел: «Ва-aaa!». Там шлагбаум дня три держится, затем пацаны отпиливают. На дорогах, когда видят российские номера, джигиты прижимают его: вот так, вот так. Начинают, короче, веселиться. Знают, что из России, наших дорожных адатов не знает. Они там себе законы придумали и нас тоже хотят приручить!.. Не курицам устанавливать правила движения для орлов! Ну, переехал я сплошную линию, поломал её что ли?

Ибрагим аж заёрзал от удовольствия сказанного.

Фото: Дорожный знак «Конец всех ограничений»

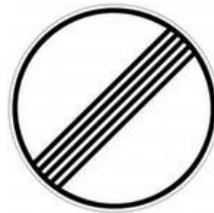

Фото редакция газеты, Гуниб

— В Дагестане смотрят не на правила — на шею. Если у тебя тачка навороченная, значит спина хорошая, шея толстая: можешь за себя постоять, с тобой лучше не связываться. Если у тебя велик, значит шея цыплячья: «Ату его!!!» У нас, если пахан начальник, сын может ехать, как заблагорассудится.

— Хотя бы начальник почты?

— Да. На газ давить уже можно без оглядки.

— Какой русский не любит быстрой езды?

— Вчера в селе похороны были, народу собралось... И земляк приехал из Эстонии, рассказывает: «Министр юстиции Эстонии превысил скорость на 20 км, был остановлен инспектором, получил штраф. Наутро подал Премьер-министру прошение об отставке, типа: “Не имею права исполнять обязанности Министра юстиции, раз сам нарушил закон!”»

— Дети.

— ...Похороны, горе кругом, мула причитает, родным-близким соболезнование, он такое рассказывает... Мужикам нести покойника на кладбище, а их смех распирает... краснеют, синеют от натуги. Шайтан!

В Избере сын «бобра» сидел за рулём. Ему бригада на перекрёстке: «Братан, куда прёшь? Дай проехать по главной». У них пять человек в машине, мастера спорта, отметили его. Он достаёт пистолет, уложил всех. Короче, самый культурный водитель — это я, — с гордостью сообщил мой возница.

За всю дорогу Ибрагим ни разу не включил сигнал поворота. А водила на «Семёре» нас обогнал и ни с того ни с сего включил поворотник:

— Он чё, больной? — поинтересовался я.

— Нет, здороваётся — ослабился Ибрагим. У нас покупают новую «Приору», сразу амортизаторные пружины режут пополам. Мода такая. Хвастаются: «Трассу держит после этого хорошо». Меняют колёса на большие, чтобы подкрылки задевали. Делают подачу топлива обильнее, чтоб красавица летела. Моя машина девушкам не нравится, в ней всё заводское. Стёкла не затонированы: ни боковые, ни лобовое. Нет загадки, видно, куда едешь. У нас обычно чёрные делают, чтоб днём — ночь. Вслепую рулят, по памяти.

— Воображение развивают?

— Кошмар! — Ибрагим, изумлённо мотнув головой. — Сегодня утром тормозят на посту, права подаю: «Ле!!! Зачем мне твои документы? Делай, как надо!» — «Что делать?» — «Делай почин! Твоя машина — первая. Если ты не дашь, потом весь день так и пойдёт наперекосяк». Да, ладно бы брали, лишь бы на дорогах порядок. Я сам водила со стажем, но в Махачкале машину ставлю на стоянку, по городу передвигаюсь на такси, на маршрутках. Если стукнулись, никто не вызывает никакую страховую компанию, ни ГАИ (таких сразу «валят»). Каждый начинает звонить в своё село: приезжают две бригады с одной и другой стороны. Если ГАИ случайно увидит, сначала тихонько подъедет, узнаёт, кто такие. Есть ли смысл составлять протокол, а то ещё самим придётся платить... Обрати внимание — у нас частенько на машинах надписи: «Не хочу в Махачкалу!» Якубович объявил в «Поле чудес»:

— Кто в Махачкале ездил за рулём?

— Я.

— Приз в студию!

Ибрагим выпустил руль и с хохотом схватился за живот...

Я молчал, переваривал: ведь по России — везде плюс-минус так...

Страна одна! Хотя дорожное движение в Дагестане, возможно, заслуживает отдельной песни, особой книги. (По статистике, каждая третья! свадьба в Дагестане заканчивается ДТП [1].)

В Кайтагском районе поинтересовался:

— Казимбек, почему у вас вместо ворот для автомобилей — двойные калитки.

— Чтобы не могли проехать грузовики. Один умный человек догадался, что мои земляки ни слова не понимают ни по-даргински, ни по-аварски, ни по-арабски. Язык дорожных знаков не понимают тоже. Не будет толку, если повесить, к примеру, знак «Проезд для грузовых автомобилей запрещён!» Он дагестанца лишь подстегнёт прогрохотать именно на «КАМАЗе», именно здесь. Каждый джигит посчитает, что государство таким образом берёт его на «слабо».

Фото

А Начальник РОВД г. Кизилюрта высказался ещё ярче:

— Если на красный свет остановишься, уступишь дорогу «Запорожцу», тебя «западло» посчитают. Любой ребёнок скажет, что ты «чмошник» и «лох». Хоть стой после этого, хоть падай, хоть гаишников наказывай. У нас такой менталитет: поставить сирену «Бэ!» на «Приору», воткнуть колонки, как этот стол, включить музыку погромче, открыть окна и заехать на рынок... Вот наше счастье.

P. S.

Байка от Саида.

Дагестанца спрашивают:

— Что б ты сделал, если бы у тебя была машина времени?

— Затонировал бы!

*

Примечания:

[1] <http://www.rgvktv.ru/news/10806>:

Творческий псевдоним «Тажидин Юхвари»

*Добрую душу хоть к ране
прикладывай.*

Аварская пословица

— У нас Магомедов слишком много. В зале клички «Магомед!» — половина обернётся. А я родился в селении Юхвари Сулейман-Стальского района, место рождения прилипло, словно второе имя. Так и зовут: Тажидин Юхвари. В детстве учился в интернате Каспийска. Все воспитанники обязаны были посещать какие-то кружки, по желанию — выбрал фото. Участвовал в городском конкурсе, занял первое место, подарили фотоаппарат «Зоркий» и целый ящик химикатов — это стало хорошим стимулом. Фотоаппарат до сих пор храню как память.

Выходит, фотографией я занимаюсь пятьдесят лет. Если в году случается три-четыре удачных снимка, считаю год удачным. Фото — остановленное мгновение. А если сумеешь вдохнуть в него жизнь — да здравствует высокое искусство.

Фото Тажидин Юхвари: Он и она

Я всем советую: фотографируйтесь хотя бы раз в году и берегите пожелтевшие снимки в семейных альбомах. Это наша история.

Успешный снимок — его не ждёшь, он как манна небесная падает. Ты заметил, щёлкнул, как подарок. Просто оказался в нужное время в нужном месте. Специально ходить, искать бесполезно. Я за снимками не гоняюсь. Вообще, не каждому это дано... Должно быть чутьё, внутреннее зрение. Нужно уметь замечать вокруг себя красоту. А просто статистом... щёлкать от пояса может всякий.

Мы беседовали и перебирали его архив фотографий.

Фото Тажидин Юхвари: Терракт. Г. Каспийск 11 мая 2002 г.

— В Каспийске во время праздничного парада, посвященного Дню Победы, совершили теракт. В результате взрыва погибли 43 человека, более 100 ранены. Я прибыл на третий день. Там, где кровь пролита, — красные гвоздики, венки. Невинные люди. Те, которые организовали, чего добились? Этому нет оправданий. Это дикость... Трагедия всего Дагестана, всей России. Фазу Алиева [1] тогда правильно сказала: «Милые, родные русские матери, молодые вдовы! Простите нас! Вы послали своих сыновей защитить нас, а вынуждены провожать их в гробах. Но знайте, что дагестанцы вас любят».

Фото Тажидин Юхвари

— Был в больнице. Ребёнок раненый. Глаза его... спрашивают: «За что?» У него ниже колен ноги перебиты осколками.

— Могила начальника погранзаставы Радима Халикова. Это его жена с сыном. Фактически малыш не видел отца, родился после его гибели, но внутренне он чувствует отца, тянется к нему... Жена в чёрном, памятник чёрный, а малыш в белом. Он — надежда. Радима я знал лично, хорошо знал... — Голос Юхвари задрожал. — Человек, творение Божие, должен нести людям добро. Это моё кредо, этим живу. Сейчас, к сожалению, наступили времена, когда мораль ушла в неизвестность, в тень; честность и порядочность остановились на перекрёстке, ожидая зелёный свет; дружба и братство буксуют, пропуская вперёд бартер, доллар, евро... Притча есть:

Слуга заработал у бая рубль и радуется:

— Теперь мы с тобой равны!

— Как так? — бай от удивления выпучил глаза.

— На этот рубль я куплю точно такой же саван, как у тебя. А больше мы в тот мир ничего не можем забрать.

Долгое время я был аккредитован в Народном собрании Дагестана. Когда длиннофокусный объектив наводишь на человека, ты словно просвечиваешь его. Очень легко определить: хороший — плохой. Как будто насквозь его видишь. Аура чувствуется, что-то внутреннее — не могу объяснить. Кто занимается фотографией, у них ощущения совсем другие. Это особые люди, очень ранимые, чувствительные. Обмануть их можно один раз. Если человек меня подвёл, я вырываю его из сердца.

Фото Тажидин Юхвари: Подвинься!

Жизнь — могучее дерево, смерть — могильный камень. Вечное противостояние. И неизвестно, чья возьмёт. Жизнь и смерть — вечная тема. Однажды в Каспийском море я утонул совсем. Успел крикнуть:

— Спасите!

Метров сорок от берега. Помню: ухожу, не за что цепляться. Глотаю солёную воду, опускаюсь. В сознании, но чувствую безвыходность... И внезапно мощные руки выталкивают меня наверх. Кадыр Кадыров спас. Он здоровый был, учился на три класса старше. Стал мне потом старшим братом. Тогда моя смерть была вынуждена отодвинуться...

Мне вообще по жизни везло. Я только сейчас, в старости, понял почему...

Есть такая легенда:

Умер старик. Но перед тем, как попасть в рай, увидел всю свою жизнь в виде песчаного берега моря, а на берегу следы ног: будто бы два человека шли рядом. И спросил он у Бога:

— Чьи следы рядом с моими?

Бог ответил:

— Это я иду рядом с тобой.

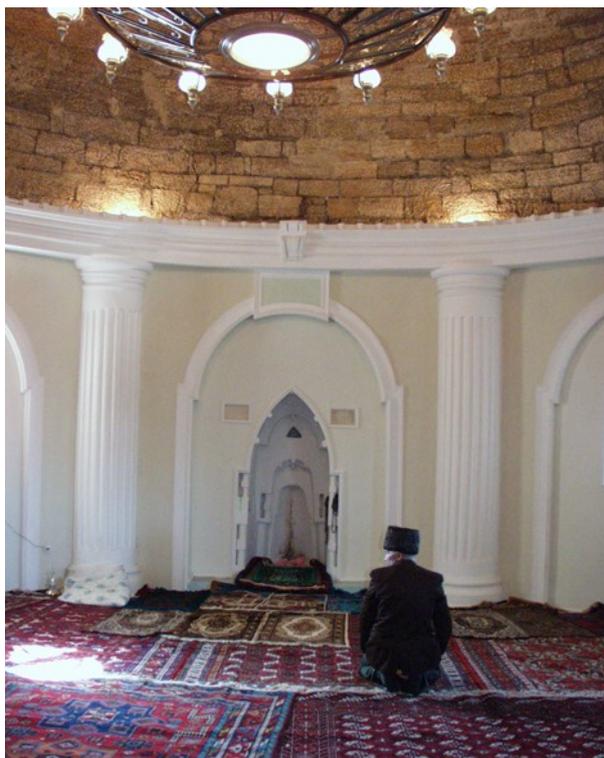
Тогда старик присмотрелся получше и заметил, что в счастливые моменты жизни он шёл рядом с Богом, а в тяжёлые дни оставался один. Укорил старик Бога:

— Почему ты покидал меня в трудные моменты жизни?

И ответил ему Бог:

— Ты всё неправильно понял, старик. В минуты счастья я шёл рядом, а в тяжёлые времена, нёс тебя на руках.

Фото Тажидин Юхвари: Пятничный намаз в одиночестве. Мула.

Чем бы я другим ни занимался, всё бросал. В итоге стал простым фотокорреспондентом в газете. Облазил весь Дагестан. Будь моложе, я бы непременно поехал с тобой по всем районам, столько ещё планов... — произнёс Тажидин с грустью. — Кто всего достиг — уже не человек!

*

Примечания:

[1] Фазу Гамзатовна Алиева — аварская поэтесса, народная поэтесса Дагестана.

Глава Республики Дагестан

أَجْفَى مِنَ الدَّهْرِ

Суровее, чем время.

Нынешний Глава Республики Дагестан Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов — да прославится его имя в веках! — высказал интересную мысль: «Если хотите иметь хорошего врага — лучшего врага, чем кавказец, вы не найдёте. Если хотите иметь хорошего друга — лучшего друга, чем кавказец, вы тоже не найдёте. Поэтому давайте искать в своём Отечестве друзей, а не врагов». [1] На этой странице хочу разместить материал о руководителе республики. Мы, простые смертные, встречаемся каждый день, Президенты принимают нас по строгой записи, по делам исключительной важности. Лишь Бог с нами не встречается никогда. Мне не раз давали понять, что написание книги о Дагестане — дело важности исключительной.

И...

22 июля 2014 года, по приглашению Управления по внутренней политике — пусть на небе все метеориты будут подобны ему — я прибыл в Дагестан... Но прошло шесть дней. Посетил Дербент, Левашинский район... а согласовать встречу с Главой РД так и не удалось.

Рамочка для портрета остаётся пустой...

Я вспомнил встречу с Саидом-Афанди:

— Ваша книга о Дагестане будет лучшая в мире, — заверил меня тогда Смотрящий на Востоке. Звёзды рухнут на Землю, если не так.

Значит, всё в итоге должно устроиться...

*

Примечания:

[1] Рамазан Абдулатипов, интервью центральным каналам ТВ 30 января 2013.

Рекрутские адаты

Армейский анекдот от Хамида:

Аварца призвали в армию. Лей-пей и отправили. Через полгода матери приходит конверт с фоткой. Мама открывает, смотрит: на фотографии танк. Она с испугом, вся в непонятках, а на обороте надпись: «Эбель, я в танке!»

Дагестан — уникальный край. Всё здесь зеркально иначе.

Например, в этой северокавказской республике молодые люди с особым желанием идут служить в вооружённые силы. «Особое желание» привело к тому, что в Хивском районе, по словам Главы МО Камиля Мустафаева, на одно призывное место претендуют десять желающих. Десять парней, жаждущих исполнить свой конституционный долг. Но на срочную службу удаётся проشمыгнуть одному из десяти... «Счастливики!», «Баловни судьбы!» — завидуют им сверстники и... нажимают на свои тухумы с просьбой «подключиться к решению вопроса». В ход, как при любом дефиците, будь то услуги, товары, — идут взятки.

Сын моего кунака, Хамид, разоткровенничался:

— Год ждал призыва. Не дождался. Подсказали: нужно сняться по месту жительства с прописки, с воинского учёта, прописаться у родственников в России и призываться уже оттуда. Вот на днях уезжаю к тётке в Тверь, другого варианта нет. Иначе ни на госслужбу, ни в милицию не поступить. Сейчас призыв в Дагестане практически приостановлен. Объясняют тем, что с горячими кавказскими джигитами в армии одна уголовщина.

Лично я бы так категорично заявлять не стал, хотя особенности у призывников из кавказского региона, безусловно, есть. В бытность работы на оборонном заводе я занимался ремонтом противоминных тральщиков. Весь период ремонта корабля часть команды живёт на борту, и постоянно, то на одном, то на другом военном корабле вспыхивал бунт. Офицеры ситуацией не управляли и матросов откровенно боялись. Директор докладывал мне: «Там, как в 17-м, главный не командир — революционный комитет». Мне стало интересно, чисто с писательской точки зрения. Я пригласил в свой кабинет «вождя» революционных матросов — Магомед из Дагестана. (Кто бы сомневался!..)

За чашкой чая мы откровенно расхабарились:

— Ле! От тяжёлой работы не отказываюсь, а таскать воду, драить палубу, галльон не стану.

И его можно понять: в родном ауле всё это — «женская работа». Причём, на службу в армию, на флот ни сестёр, ни жён, ни матерей, ни бабушку, в качестве прислуги, с собой брать не разрешают. В вооружённых силах все работы должны выполнять сами военнослужащие, призванные с Кавказа в том числе; либо заставлять русских, а это всегда уголовщина. К тому же, любая женщина при появлении горца обязана встать, подобострастно поприветствовать, но в армии женщины частенько по званию выше солдат срочной службы, и вековые, священные адаты Дагестана соблюдать не желают.

— Разве можно воинские Уставы вооружённых сил писать без учёта дагестанских адатов?! — возмущался Магомед.

Но ведь должен быть выход... В той же Российской империи добровольцы из числа горцев служили царю-батюшке в отдельных национальных подразделениях под командой русских офицеров. И, считают, прекрасно служили. Восток — дело тонкое!

Не скрою, «призывные адаты» Дагестана обескуражили меня...

Мы свыклись с тем, что чиновники берут мзду по всей необъятной стране, но «дача взятки должностному лицу за право исполнить свой конституционный долг» — изобретение здешнее. Не за «отмазку» от армии — за право служить России рядовым...

Это ещё один парадокс Дагестана. Ещё один узелок.

Такая вот, как говорил первый Президент России, «загогулина».

*

Рафик-Смерть

Хабар владельца футбольного клуба «Леки»

أَلْحَقِ الْجِسَّ بِالْإِسِّ

Ставь зло на место.

Он брёл по узкой каменной тропе, висящей над бездной.

Едва передвигал онемевшими ступнями...

Приходилось часто останавливаться — спутник впереди то и дело терял равновесие, отчаянно балансируя руками, извиваясь... на краю Тьмы и Света. Он отводил взгляд от его белого савана, тогой обвитого вокруг немощного тела, растерянно глядел по сторонам...

Каменистый гребень отклонился от прямой и, сколько хватало глаз, впереди себя Он видел длинную нескончаемую череду усталых людей в белом — затылок в затылок друг другу. Украдкой обернулся — и сзади непрерывная цепь: одни брели на заклятие, смиренно склонив голову, другие в страхе озирались. Среди белых одежд разноцветными вкраплениями тянулись люди в повседневной, мирской одежде, тоже застигнутые смертью врасплох... насильственно. Он ступал босыми ногами по острым камням и не чувствовал боли... Слева багровел ненасытным зевом пылающий кратер. «Преисподняя...» — сразу догадался он, и ледяной страх побежал по спине, пересохло во рту. Далеко внизу, у самой геенны огненной, толпилось обречённым гуртом несметное множество людей, точно песок в песочных часах. Временами сполох пламени из жерла слизывал часть уготовленных и, рассыпав искры над пеклом, сыто стихал...

Послесмерть. Час расплаты...

Буквально пару лет назад знакомство с владельцем футбольного клуба (любим! хоть того больше золотым!) меня заинтересовать не могло. К тому же имя такое необычное — Рафик-Смерть — с кавказским колоритом. Ладно, хоть провожатого звать Замир. За-мир! В сумме должно сложиться нормально.

О встрече Замир условился заранее. Мы тряслись туда на стареньком «Опеле» краем реликтового лианового леса, вдоль своенравно-кипящей пограничной реки Самур, через селение Яраг-Казмаляр. Замир успевал лихо рулить и как заправский комментатор вести репортаж:

— Гляди! — он восхищенно тыкал указательным пальцем по очереди в лобовое стекло, затем в боковое, заднее.

Проезжаем громадную новую мечеть, рядом восьмилетняя школа в здании бывшего скотника, ещё одна мечеть... третья, четвёртая, да сколько их тут? Посреди пыльной дороги одинокий ослик — дагестанская «Ока» — ну, тако-оой грустный!..

Я послушно вертел головой.

В Магарамкенте перед базарной площадью Замир резко притормозил. В полуденном мареве сказочным видением переходила дорогу томная красавица. Вслед ей гид мечтательно процокал бейт [1] восточного классика:

Дэвушка идёт, бёдрами качает,
Сумачку нэсёт — маладэц какая!

Чёрные с проседью роскошные усы его ожили...

Я тоже заценил девушку (ничего!), однако никакие строчки на память не пришли, думал о предстоящей встрече с Президентом клуба «Леки».

Игра «футбол»... Не знаю, не знаю... Сам в детстве мячик любил попинать, но следить, как мельтешат на голубом экране малюсенькие фигурки, «болеть» за них?! Увольте. А тут, два

года назад, очутился зимой в Испании, Барселоне... Стоим группой у трапа теплохода, обсуждаем варианты заморских утех:

— Подожди, «Барселона»... знакомое что-то... — стал вслух размышлять я.

Парни из соседней каюты ошалело запереглядывались.

— Крутится в голове, ну... О! Баски ЭТА [2].

— Ты что... футбол не смотришь?

— Я-аа?..

— Клуб «Барселона» — один из лучших в ми-ииире — «Барса»! Чемпионат Испании!..

Сегодня вечером матч: «Барселона» — «Эспаньол». Вы зачем сюда ехали?

— А-а-аа... Так, может, сходим?

— Мы точно идём. Вы — как хотите.

Говорю своей:

— Идём за компанию?

Отыскали по карте стадион, сориентировались. Я грешным делом думал, на трибуне одни будем торчать, как волоски на лысине... Куда там! На подходе за два-три квартала — толпы народа, конная полиция. Открытый стадионище на сто тысяч зрителей наполняется, наполняется... Неудержимо, как сель! Ещё и билетов нормальных нет: «распроданы». Места достались на самом верху за клеточным ограждением: сетка-рабица натянута, будто в зверинце; сидения — стылая бетонная скамья. Хотя вдаль на двух трибунах зияли свободные медежи-пустоты:

— А почему туда не пустили?

— Это для болельщиков «Эспаньол». Засса... испугались приехать, — скорчил злорадную гримасу фан.

За кого «болеть», вопроса не возникало: разумеется, за «Барсу», за своих, мы же в Барселоне. В начале первого тайма наши распечатали ворота противников. Гости почти сразу отыграли — 1:1. И два периода счёт ни туда ни сюда... Команды бьются насмерть и, как опасный момент, стадион стотысячным зевом... единым порывом вдыхает: «О-ох!» Парни нервозно грызут ногти:

— Мама мия, Санта Мария!

За двадцать секунд до конца матча форвард «барсов» забивает красивейший гол.

Счёт — 2:1. Наши! Победили!

Весь мир возрадовался. Ликующие трибуны! Дух праздника! Болельщики дико прыгают, скандируют не по-нашему. Я орал громче всех:

— Ура-ааа!!! — обнимал жену, растроганных парней, тряс клетку... охрип.

Видавшие виды фанаты заученно отдирали мои пальцы от решётки, умоляли-заклинали — «главное, не волнуйся»:

— ...Ты думаешь все футбольные матчи такие? Как же! Жди. У нас на стадионе можно и закемарить, и выспаться...

Не помню, как покидали трибуны... Улицы запружены возбуждённо-радостными людьми, в одночасье ставшими родными. Столкнулся нос к носу с полицейской лошастью, в избытке чувств расцеловал её в тёплые бархатные губы... Неизбалованная лаской испанская кобыла заржала от счастья.

Вот тебе и футбол... Групповой перепёх с мячиком на деле обернулся зрелищем грандиозным, ярким, каких в жизни видывал мало. Оказывается, тут понимать нечего. Не обязательно даже любить — достаточно просто попасть на такой чемпионат. Наяву, живём увидеть настоящую игру.

«Опель» вынырнул из тесной улочки. Перед нами, словно по воле джина, нарисовался евростадион под открытым небом: реют флаги Дагестана, футбольного клуба «Леки», государственный флаг России. Вот тебе и аул!

Замир заглушил двигатель:

— Приехали.

У ворот — улыбчивый крепкий горец, лет сорока, с мобильником, в китайских шлёпанцах. Южное кипящее солнце разморило, он с лентой вышел встречать нас:

— Салам алейкум!

— И Вам — салам!

«Не похож он на “смерть”!» — невольно подумалось мне. Нарочитая вялость не могла скрыть и лишь подчёркивала собранность, внутреннюю энергию. От него за версту веет удалью, напором, жизнью!

— С дороги пивка холодного? — радушно предложил хозяин.

— Не откажусь.

В прохладном ангаре, рядом с трибунами, размещалось кафе, где на всю стену — огромный монитор: транслировали, разумеется, футбол.

— Может, выключим телевизор? — несмело предложил я.

— ..? Выключить не надо, потише сделаем. Через десять минут чемпионат мира в Африке. Сюда пацаны приходят, на широком экране смотрят, балдеют. Аргентина с Южной Кореей играют. Вдобавок и Северная Корея участвует: те заранее объявили о своей победе в чемпионате, походу, с голодухи совсем очучели.

Принесли разливное пиво «Ячменный колос» — живое. В сорокоградусную жару холодное пиво с кутумом [3] — благодать.

Рафик сделал несколько неторопливых глотков из массивной стеклянной кружки:

— С чего начинать?

— С самого начала...

— И рад бы всё начать с начала, да где оно? — он ухмыльнулся какой-то своей потаённой мысли. — Ну, ладно. От русских не раз слышал: «Мужчина — что есмь?» Местные таких вопросов не задают. Помнишь старый анекдот?

Отец с сыном в зоопарке проходят мимо клетки с обезьяной. Сын дёргает за рукав: «Папа, эта обезьяна мужчина или женщина?» — «Это самец». У следующей клетки сын опять: «Пап, а это мужчина?» — «Запомни, мальчик, мужчина тот, у кого деньги! А это — самец!»

И ещё на Кавказе настоящий мужчина тот, кто... пожётче.

— Рафик, будь мужчиной! — призывал меня с детства буба [4], упрекая в малейшем проявлении доброты. — Зачем тебе футбол? Э-ээ!

Он подтаскивал меня к единоборствам, зрелищам острым... прививал культ силы. Мужчина, в понятии горцев, — воин, всегда готовый к смертному бою. Мужчинам-кавказцам не достойно таранить на себе, вместо женщин и ослов, копны сена за полтора десятка километров с дальних горных сенокосов, воду из родника. Допускается женщину сопровождать. По традиции, джигит идёт впереди, руки свободные, чтобы, в случае опасности первым выхватить кинжал. Горцу непристало и дома хвататься за работу: важнее отдохнуть, посидеть в тенёчке на годекане, наблюдая, как дочери, сёстры, жёны, бабушки проплывают мимо с изящными ичичалинскими [5] кувшинами на плече, негодными для переноски, но благостными для созерцания.

— Вдруг завтра война, а ты уставши! — грозно одёргивали аксакалы малодушных юношей, пытавшихся помочь матерям.

Однако войны всё не было и не было...

Жуткая мысль, что вдруг не доведётся озарить себя славой в ратных делах и жизнь пройдёт тихо, тускло... мирно, не давала покоя войнолюбивым джигитам. В томительном ожидании кровавой сечи утекало драгоценное время... А чтоб как-то скоротать скучные будни до прихода завоевателей, резались между собой за воду, за землю и воспитывали будущих воинов в духе бесстрашия, суровой выносливости, отваги. Буба, например, чтобы выковать твёрдость духа, отправлял меня ночью в дальний конец кладбища ставить папаху на могилу прадеда Сулеймана, племянник должен был принести её назад. Трусость, слабость, нежность осуждаются джамаатом [6] и строго наказываются.

И отдельное спасибо законам гор — не дают кинжалам ржаветь в ножнах.

В конце девятнадцатого века в селе Тпиг случай был: девушка шла к роднику с медным кувшином на плече, навстречу — всадник. Когда проезжал мимо, лошадь случайно коснулась головного покрывала горянки. По закону гор джигит этим обесчестил девушку и весь её род. Отец стал свидетелем позора дочери — из окна сакли всё видел. Наказание одно — смерть. Он выскочил с саблей и отрубил голову беспечному верховому. Весть о трагедии пулей долетела до родственников погибшего. Они вытащили клинки из ножен, чтобы наказать убийцу, на защиту которого тоже поднялся весь род. Сабельно-кинжальная резня растянулась на столетия, и уже в нашем веке, не так давно, юноша полюбил девушку из тухума [7] кровников [8]. Благо, отец поведал сыну богатую историю рода, свадьба не состоялась. Об этом писали [9].

В Дагестане мало укромных уголков, где сохранились эти дедушкины обычаи и бабушкины обряды. А в старину адаты были прикольные.

Вам и не снилось...

Меня, вопреки всем адатам, с малого детства тянуло к футболу, хотя игра командная, мирная...

Посреди Магарамкента — пустырь: коровы эти, барашки паслись. Власти решили сделать футбольное поле. Втайне я мечтал об этом больше других. Огородили участок железным забором, два дня трактор рокотал. «Неужели правда, настоящий стадион будет?» На третий день остыли, забросили. И тишина... Года ходят, ходят... Никаких движений. Пустырь стал колючками зарастать, народ — напрямки через поле бродить, барашки вернулись... В итоге чуть картошку не посадили.

Я уже вырос, занимался поставкой российских грузовых автомобилей в Баку. Появились деньги свободные. Думаю: «Свою мечту, наверно, придётся своими руками... Никто ведь не сделает». Давай прикидывать: как землю оформить, сколько нужно на всё?

Потом — бам! Очухался: «Выходит, на свои бабки буду строить общий стадион?.. Я чё, совсем?! Что люди скажут? Лично мне земли нужно немного. По-любому два метра дадут в конце». И успокоился. Что было, так тихо-тихо расходовал.

Однажды дома растянулся на полу — футбол смотрю... Вдруг — ба-баммм!!! В прихожей грохот: залетают амбалы в масках, с автоматами, в полной боевой. Думал, ОМОНЫ, маски-шоу. Вломились, встать не успел. Как начали рихтовать. Удары спортивные, грамотные... Профессионально: туда-сюда. И потом битуха такая... по затылку. Как свет вырубил.

Пока я на больничной койке в несознанке валялся, друзья этих шакалов переловили... По своим связям. Слухи были: они до этого кодлу собирали, в разговоре называли моё имя. На их волну подсели, выследили. Кого надо — посадили, кого надо — убрали. Оказывается, «наколку» дал мой сосед-ваххабист: «Деньги есть, туда-сюда». Другие — залётные с гор. Даже из банды Хаттаба один «дух». Дерзкие пацаны, но всех пятерых отыскали: и в Баку, и в горах. Одновременно брали. Иначе нельзя: стоит одному убежать, потом — всё, потом надолго. Я до этого думал: сосед молится, ну, и пусть себе молится. Чётки перебирает, Коран читает, глаза закатывает, в Аллаха верит — ведь здорово, правда? Вот как оказалось... Если б настоящие мужики были, пришли бы открыто, сели за стол: «Так, так и так?» А стрелять из-за угла... Детей, женщин. Это не горцы. Проститутки конченные — не мужчины. Ничего святого. Любого могут убить. Я смерти не боюсь. Коли суждено умереть, значит, так тому и быть.

В себя пришёл: весь в трубочках каких-то, в пластыре, бинтах, ломота по телу, голова кружится, гудит. Медсестра улыбается: «Жить будешь». Подлюги бросили меня, думали, мёртвый, но я выжил. Хорошо, сознание тогда потерял. Могли кончить. Редко кто от разбоя остаётся живым. Всё на изменах держится: «А вдруг узнает? Лучше уберём!» Считаю — повезло: заживо умер и повторно родился.

Пацаны толпой пришли навестить, фруктов натащили, мяса сушёного, красного вина... Гогочут, орут, руками размахивают... Для прикола кличку дали «Рафик-смерть». Ржут надо мной: — Бог его на том свете спрашивает: «Ты стадион сделал?» — «Нет» — «Ну, тогда ты здесь на х... не нужен!»

Ушли.

Я остался один.

Один на один с собой. Было время подумать, в душе покопаться. В голове сильно мысли меняются после такого. Человек сильно другим становится.

Ради чего жить стоит? Ради денег?! Ха-а...

Нужно исполнить дело своей жизни.

И никто меня этому не учил, не подсказал. Сам до всего дошёл.

Понятно, скажут «ненормальный»... Пускай! Теперь я уверен: на ненормальных людях мир держится!

Подкатываю к Главе администрации:

— Отдайте место мне, пустырь. Ничего там посадить не хочу, дом строить не буду. Хочу для людей сделать спортивный комплекс. Чтоб дети играли, народ футбол смотрел. Сколько можно другим завидовать? Если сами свой край не поднимем, со стороны никто не придёт, не сделает.

Он понял:

— Давай, сынок, забирай.

Оформил я аренду на сорок девять лет. Ближний конец поля в низине был, два-три метра, тот наверху. Скрепер нашёл, год выравнивал, нивелиром проверял, двести-триста машин грунта привёз. Где ямка, где чё... Думал так: чтобы твёрдое не было — слой чёрного песку: влагу держит и мягкий. Если упал, чтоб не больно. Посадил траву. Сначала большой возможности не было кому-то деньги давать, сам работал. Сам поливал, сам косил, ухаживал. Тихо, тихо... А потом деньжата посыпались, будто с неба. Хаа-а... Я — дальше. Люди под солнцем, под дождём сидят — навес соорудил. Раздевалки появились, душевые, гостиничные номера. Деревья фруктовые насадил. Смотри, какая красота! Черешню попробуй, ягоды спелые, сладкие. Траву газонокосилкой косим: шёлковая бывает, ровная, как бильярдный стол... В углу голубятня. Открываем турниры торжественно. Когда белые голуби взлетают в небо, над трибунами кружат, дух захватывает, как здорово! Такой красавчик-стадион вырос. Так тихо-тихо его построил.

Потом собирал команду. Тренера подтянул: знакомый пацан, футболист Кемран Нурахмедов. Большой спорт оставил, дома сидел, но человек футболом болеет...

Упирался поначалу:

— Тренером никогда не был.

— Ничего.

Пацанов набрали, команду назвали «Леки».

Раньше всех жителей нагорного Дагестана так звали. Джигиты были лихие. Грузины маленьких детей ими пугали: «Спи сынок, а то леки придут! Украдут тебя». Историческое название. Иначе ещё говорят — «лезгины». Произносишь — и слышится лязганье наточенных кинжалов...

В первый же год чемпионат Дагестана выиграли. Чем-пи-оонами стали! Люди отказывались верить. Лезгины ни разу так в футбол не играли. Потом перешли в третью лигу в ЮФО — Южный федеральный округ: Астрахань, Краснодар... и Магарамкент. Наше село на карте-то не найдёшь! Все команды приезжали сюда. Даже из Сочи. Те, правда, сперва побаивались... А как приехали, обзавидовались: «Стадион-сказка! Нам бы такой... потренироваться, поиграть». Встречали их, как принято на Кавказе, хлебосольно.

Короче, я доказал: желание будет — человеку всё по силам. Понимаешь?!

Раз негров из Ганы... позвал на Международный турнир. Не поверишь, приехали, — Рафик задорно рассмеялся. — Письмо через Махачкалу туда-сюда. Сам не ожидал, что придут. Смотрю... ба! Короче, тут играем... Они к началу не успели, на финал попали. Как раз перерыв был и, б... — живые негры заруливают! Все: «Смотри!..» Забыли про футбол, весь стадион на них уставился, аплодировать начали, гуртом повалили навстречу. Для народа — зрелище!

Детская спортивная школа здесь тренируется. Я их пускаю, ничего не беру, наоборот, сам помогаю. Только одному тяжело всё тянуть... Двадцать человек одеть, обуть, накормить, купить мячи, организовать поездку. Шесть-семь миллионов. Думал, кто поддержит... Никто копейки не дал. Хотят футбол смотреть, зрелище видеть и не платить. «Плохо играют», «хорошо играют» — такие слова ещё говорят. У нас в Магарамкенте богатых людей хватает. Предлагаю: ну пусть один дорогу возьмёт на себя, другой — парк, третий — больницу, четвёртый — воду. Всем джамаатом! Нет. Придут домой, закроются на все запоры, деньги с утра до вечера считают. Тихушники. Как я раньше. Собрать все бабки, что ушли сюда на строительство, я бы, наверное, в Майями мог дворец прикупить или где-то на машине хорошей кататься. Но у меня других планов — море...

— А что ещё? Вроде всё блестит, — искренне изумился я.

— Мечтаю выстроить рядом бассейн, благоустроить вокруг... Прикинь, районный центр, а воды в домах нет. Стадион — мой аккордный наряд. Живу заново, вторая попытка дана. Считаю: нельзя заднего ходу давать, раз не умер. Пойду вперёд, жизнь покажет. Хочется след оставить после себя. Имя. Чтобы дети говорили: «Наш буба строил!» Гордились чтоб. У меня два пацана растут и дочка-лапочка.

Говорят: «Бог помог». Причём здесь?... Что, землю лопатой за меня Бог кидал? А?! Всё я — лично своими руками. И ещё, если бы в своё время Глава администрации не отдал пустырь, ничего бы не было вообще. Глава, Абрек наш, — лезгин. Его убили... От души хороший человек был. За десять лет здесь третьего Главу администрации подряд валят, хоть в книгу Гиннеса включай.

Друг за другом в прохладное кафе вваливались с уличной жары спортивные парни, здоровались с нами, подсаживались к монитору, следили за матчем. Когда у ворот создавался опасный момент, Рафик прерывал рассказ, оживлялся, блестящим взором следил за игрой:

— У-ааа! Гол!!! Южная Корея — Аргентине. Марадонна! Вон, смотри: этот именитый Марадонна — тренер у них. Гляди, какой стал... колобок.

— Рафик, брат, ничего в этом не смыслу. Лучше пойду, снимаю твой рукотворный оазис — и в путь...

Мы попрощались.

Я увлечённо фотографировал нереально-красивый, как с глянцевой рекламной обложки, стадион, уютные вместительные трибуны, Замира в компании счастливых мальчишек, азартно гоняющих мяч на ярко-зелёном ухоженном поле...

Если б каждый человек, вот так на куске земли своей сделал всё, что ему по плечу, прекрасна была бы земля наша! Прямо как мечтал былинный Васька Буслаев [10]:

Эхма, кабы силы да поболее мне!
Жарко бы дохнул я — снега бы растопил,
Круг земли пошёл бы да всю распахал,
Век бы ходил — города городил,
Церкви бы строил да сады всё сажил!
Землю разукрасил бы — как девушку,
Обнял бы её — как невесту свою,
Поднял бы я землю ко своим грудям,
Поднял бы, понёс её ко Господу:
— Глянь-ко ты, Господи, земля-то какова, —
Сколько она Васькой изукрашена!
Ты вот её камнем пустил в небеса,
Я ж её сделал изумрудом дорогим!
Глянь-ко ты, Господи, порадуйся,
Как она зелено на солнышке горит!

...Он брёл, едва переставляя немые ступни, по узкому каменному гребню, висящему над бездной.

— Куда меня: в джаханнам [11] или джанет? [12] — острая, единственная мысль эта воспалённо стучала в мозг.

Часто приходилось останавливаться.

Спутник впереди терял временами равновесие, отчаянно балансируя на краю Тьмы и Света. Тогда Рафик отводил взгляд от его белого савана, свисающего тогой с плеч, потерянно оглядывался по сторонам...

Слева широко зиял огромный кратер, по склону серпантинном спускалась дорога. Бесконечный поток «рисовых зёрен» медленно стекал по ней к пыхающему жерлу — в столах, мольбах, в удушливом запахе палёного мяса. Время от времени огненный смерч с гулом вырывался из ненасытного чрева, слизывал часть грешников и, рассыпав веером искры, сыто стихал. Лишь сполохи багряного зарева продолжали тревожно реять над Вселенской преисподней, да густая жирная копоть тяжело оседала чёрным пеплом на дно...

А по другую сторону от каменного гребня...

Пропасть далеко внизу заканчивалась плавным подъёмом на высокую-превысокую гору, поросшую нежной сочной зеленью. Снежная макушка величавой горы терялась в белых кучевых облаках, золотое солнце плыло вокруг вершины, озаряя лесистые склоны и каскады жемчужных водопадов. Отвесные бурлящие реки впадали в тихие бирюзовые озёра. Временами ветер свежел и радужная водяная пыль долетала до Рафика, приятно щекоча лицо. На цветочных лугах паслись вальяжно-грациозные лани, наслаждаясь чистыми трелями волшебного-красивых птиц.

И вокруг ни души...

Наконец тропа уткнулась в каменное плато.

Люди неотвратимо приближались к судной черте, за ней двое ворот: чёрные строгие вельи в ад, сверкающие небесным светом — в рай. Суровый ангел смерти каждого знал в лицо и направлял одним взглядом. Рафик заметил, как, хромая, проковылял его сосед, весь

окровавленный, с ним двое. Азраил [13], гремя ключами, прогнал их в адовы врата, а затем остановил пронизывающий взор на нём...

Какая-то сила вытолкнула Рафика из колонны.

Громогласный шёпот сверху повелел:

— Я не звал его, пусть исполнит дело своей жизни... Надо помочь ему. Азраил, удали из памяти то, что он видел здесь, и верни на Землю.

Азраил протянул руку к его лицу...

Фото

*

Примечания:

[1] Бейт — двустишие, форма лирической восточной поэзии;

[2] Баски (баск. Euskaldunak) — народ, населяющий т. н. баскские земли в северной Испании и юго-западной Франции. Дискуссионными остаются вопросы о родстве басков с кавказскими народами. В конце эпохи диктатуры Франсиско Франко образовалась подпольная баскская организация Эускади Та Аскатасуна (Баскония и свобода), известная под аббревиатурой ЭТА. Её целью было освобождение от диктатуры и основание независимого баскского государства. Для этого она использовала тактику террористических актов, которые она проводила по всей Испании. В качестве одного из методов финансирования ЭТА шантажировала предпринимателей и принуждала к уплате так называемого «революционного налога», занималась также ограблениями банков и похищениями людей для получения выкупа. ЭТА продолжает деятельность до настоящего времени.

[3] Кутум (*Rutilus frisii kutum*) — рыба семейства карповых; подвид вырезуба. Длина тела до 60 см, весит около 2 кг. Обитает в Каспийском море.

[4] Буба (лезг.) — отец

[5] Село Ичичали, Гумбетовский район. Не только в Дагестане, но и на базарах Кабардино-Балкарии, Грузии, Казахстана творения рук ичичалинских мастеров воспринимаются в ряду надежных изделий, пользуются спросом, и в деле изготовления медных кувшинов у жителей этого аула нет конкурентов.

[6] Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман, с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;

[7] Тухум — родственная группа у народов Кавказа;

[8] Кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей;

[9] «Агулы в XIX — нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование», Булатова А.Г. ИД «Эпоха», Махачкала, 2008;

[10] Пьеса «Васька Буслаев» А.М.Горький;

[11] Джаханнам — ад.

[12] Джанет — рай;

[13] Азраил — ангел смерти в исламе.

Дагестан — фотовзгляд

Служение свету

Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель.

Аварская пословица

Уникальнейшее образование Нагорного Дагестана — Лакия. Сотворённая по высшему повелению она представляет собой своеобразный чан, края которого — сплошные горные вершины вместе с главным Кавказским хребтом, а Цудахарское ущелье символические ворота в эту землю. Там и расположено красивейшее село Куркли.

Директор сельской школы Даниял Магдиев спросил меня:

- Вы когда-нибудь слушали Пушкина на лакском?
- К стыду своему, нет, но интересно!
- «Буря мглою...»

Ссавруннайх цъан дакълай буран бишлай бур,
Марххалттанул занчру гъанагъи буллай.
Жагъ жанавар кунма га ав-ав тый бур,
Жагъ чъиви оърчь кунма га вев-шев тый бур.

Даниял несколько откинулся на спинку стула, светясь от восторга:

— Ну, как?

— Лихо! — честно признался я.

— Везде есть писатели, поэты, в каждом ауле свои звёздочки, но Пушкин — не русский писатель, мировой. Человек планеты! Пушкин — начало всех начал. Великий художник слова! Его гений принадлежит всем-всем! Дагестанцы любят Александра Сергеевича, считают своим поэтом. Невозможно воспитать человека, не познакомив его с творчеством Пушкина на родном языке. А ведь главная задача учителя — воспитать!

«Будь человеком!» — такое краткое, весьма жёсткое требование выдвигают горцы перед ребёнком, едва только он начинает понимать. Под словом «человек» аксакалы подразумевают носителя определённого кодекса морали, этики поведения в обществе и быту. Это первосуть представлений о чести, об обязанностях перед отцом и матерью, своим родом, аулом. Самым ёмким оценочным словом в горах является «человек». Горец клянётся: «Человеком родился — человеком умру!» Правило горцев: продай поле, дом, утрать всё имущество, но не продавай, не теряй в себе человека. Отсюда проклятие: «Пусть не будет в вашем роду ни человека, ни коня». Когда начинают рассказывать о каком-нибудь промахе, недостатке, горцы прерывают: «Не тратьте на него слов. Он же не-человек». Либо наоборот: «Он человек, этот грех ему можно простить». Об ауле, в котором нет порядка, об ауле тесном, неряшливом, склочном, непутёвом говорят: «Человека там нет». Об ауле, в котором порядок и мир, говорят: «Там есть человек». Человек — первая необходимость, драгоценность, великое чудо. Максим Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» При этом, заметьте, он не уточнял национальность. Сказанное относится ко всем народам: аварцам, чеченцам, белорусам, грузинам, таджикам... Если задумаемся над этими словами, мы сможем дать ответ на самый сложный вопрос: «А для чего человек живёт?» Живёт, чтобы совершать дела, которыми мог бы гордиться не только он, но и дети его, дети его детей, когда самого человека не будет.

Служение свету, служение образованию и есть главное дело наставника. Когда-то в юности я сделал этот судьбоносный выбор благодаря русским учителям. В нашем районе их было сорок. В День учителя мы обязательно вспоминаем первых русских педагогов.

Фото

Российская империя посылала сюда лучших генералов, но они смогли завоевать лишь горы, но не наш маленький гордый народ. А когда к нам пришли молодые девушки, вооружённые книгами, мы покорно сдались им сами!

И ничуть не жалеем!

*

Дорога из Чароды

*Лаг ахъиби хъатхалла ихъу.
Кто одолел подъём, тот одолеет и спуск.*

Даргинская пословица

Из Чародинского района в Гергебель я добирался по горному серпантину вместе с Гасаном Жахбаровым на служебной «Волге». Гасан самый главный в Чароде, он Глава района, и автомат Калашникова, мирно уткнувшийся стволом в пассажирский резиновый коврик (чтоб, «в случае чего», быть под рукой) — весомое тому подтверждение.

Дорожная лента озорно петляла... Машина то взмывала ввысь, то вдруг ныряла в крутом вираже... В одном месте мы чуть не угодили под камнепад. (Как проскочил водитель впереди идущей «Нивы» — непонятно...)

Фото

Мастерства здешним водителям не занимать. И, скорее повинуюсь шоферской привычке, нежели выражая недоверие к способностям водителя, на крутом вираже я надавил на воображаемую педаль тормоза. Гасан заметил моё движение:

— Вы тоже водите?

— Да... Не могу спокойно с незнакомцем ехать... Так и тянет самому порулить: где тормознуть, где газку поддать.

Перед закрытым поворотом на краю пропасти водитель остановился, посигналил, словно постучал в дверь, перед тем, как войти.

— Слепой участок! — пояснил Гасан, — если навстречу вылетит горячий джигит — машины «саламкнутся». Сто лет назад здесь вообще не было дорог. К нам в Чароду можно было добраться только по узким тропам. Причём, когда два путника встречались на горной стежке, проложенной через Кулабский перевал, то одному из них приходилось сталкивать своего осла в пропасть. Позже построили балконную дорогу, она местами сохранилась. Скоро будем проезжать мимо — покажу.

Машина остановилась над бездной. Внизу гудела порожистая бурная бурая река, на другом берегу, прямо по обрывистой скалистой стенке, на страшной высоте проложена узкая дорога без всяких ограждений. По ней идти-то жутко, не проси ехать...

— Наша балконная дорога. Когда строили, горцев спускали с вершины на канатах с кайлом, с киркой в руках, и они, зависнув над пропастью, вручную долбили скалу. Так у нас впервые появилась устойчивая связь с внешним миром. До этого мало кто выбирался в соседние сёла, не говоря уже о других районах, и к нам гости редко навевались. Может, поэтому, чародинцев считают немного замкнутыми, их обычаи, язык отличаются от аварских. Камнепады, обвалы то и дело перекрывают движение, дорогу приходится расчищать, иногда с большим риском. Но снова и снова движение восстанавливаем. Раньше и машин-то особо не было. Моя бабушка, когда впервые увидела рядом с саклей грузовик, принесла охапку сена, положила на капот: чтоб ночью шайтан-конь мог подкрепиться. Всё это осталось в прошлом. Теперь диковинка — лошадь. И дороги по всему Дагестану изменились, Вы, наверное, видели, идёт строительство современных трасс...

Я приблизился к краю жуткого обрыва, столкнул ногой небольшой камень. Он улетел, огрызаясь недобрым грохотом и бесконечным эхом. Действительно, все байки подсказывает сама жизнь.

Горец сорвался в пропасть, кунак кричит ему вслед:

- Магомед, ты живой?!
- Живой!
- Голова целый?
- Целый!
- Рука целый?
- Целый!
- Нога целый?
- Целый!
- Так вылезай!
- Я ещё падаю-ууу!!!

*

Россия и Дагестан?

Врач гордеца — Аллах.

Арабская пословица

Сократ велел в споре выслушать обе стороны.

Логично!

Но где повстречать идеолога экстремистского толка — «истинного воина Ислама», как они сами себя называют? Моё желание подогревалось ещё тем, что некоторые жители Дагестана (хотя таких мало) лесных «братьев» воспринимают как заступничков, народных мстителей... Робин Гуды! «Ворошиловские стрелки»...

— Дубровский! — перевели мне однажды этот же образ на язык классической русской литературы.

Неожиданно повезло. Доводы другой, «лесной» стороны, мне удалось выслушать в Хасавюрте. Собеседника анонсировали как «соратника Радуева, Гелаева, Салманова»... Ехать никуда не пришлось. В мой гостиничный номер в назначенный час прибыл гость: доброжелательный благообразный мусульманин с окладистой седой бородой — Абдурахим.

— ...Я любому скажу прямо, хоть вам, хоть ФСБ, хоть кому... Меня арестовали ни за что! Отсидел восемь месяцев в тюрьме. Наши беды будут и будут, пока Дагестан в составе России.

— Мне говорили, здесь живут более тридцати национальностей: даргинцы, аварцы, лезгины, кумыки, лакцы, ногайцы... Они, действительно, все, хором, единодушно требуют самостийности?!

— ...Дагестан после отделения от России станет свободной, независимой страной.

— Такой, как Пакистан? Афганистан? Саудовская Аравия? Ирак?

— Нет. Там правит США!

— Ну, назовите страну-идеал, к чему нужно стремиться? Вы знаете хоть одну страну независимую?

— ? Нет...

Полтора часа продолжалась наша неторопливая интересная беседа-взаимоузнавание.

Мы попрощались. На память старец оставил мне книгу.

— Кто в реальности этот приятный дедушка? — поинтересовался я у Сайгидпашы Умаханова, Главы Хасавюрта.

— Палач.

Я остался в номере один, но присутствие благообразного старца чувствовалось почти зримо... Взгляд упал на книгу... Взял её в руки, стал аккуратно перелистывать.

Некоторые изречения были помечены:

- «О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они — друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. («Трапеза», 56(51);
- «О те, которые уверовали! Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха...» («Покаяние», 29(29);
- «...И сражайтесь с ними, пока не будет искушения, и религия вся будет принадлежать Аллаху». («Добыча», 40(39);
- «Не вы их убивали, но Аллах убивал их, и не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил, чтобы испытать верующих хорошим испытанием от Него». («Добыча», 17(17);
- «О пророк! Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни; а если будет среди вас сотня, то они победят тысячу тех, которые не веруют, за то, что они народ непонимающий». («Добыча», 66(65).

Глянул на обложку. Перевод: «И. Ю. Крачковский».

Книга называлась «Коран».

Занятно...

И только Магомедкамиль, алим из селения Акуша, разъяснил мне эту странность:

— Нельзя вырывать фразы из контекста, аяты из конкретной суры.

Джихад объявляют, когда существует препятствие для веры: не дают молиться, уразу держать, насильно толкают в другую религию... Сегодня нужно объявлять джихад против своих слабостей, недостатков, против собственных греховных деяний... А оттого, что убил иноверцев, женщин, детей... Зулму — если я иду к слабому человеку и отбираю, обижаю его. Обычный рэкет. Если у тебя есть сила — убери с дороги камень, добивайся спортивных достижений, помоги соседу. А не создавай проблем семье, которая тебе ничего плохого не сделала.

*

8 марта в Дагестане

*Шейх шепчет одной из своих
многочисленных жён: «Твои глаза горят,
как полночные звёзды, твои губы —
драгоценные рубины... Передай дальше!»*

NN

Столкнувшись с такой темой, как «Международный женский День 8 марта» понимаю, сколь скудны мои творческие средства, как недостаёт мастерства, запаса слов, чтобы с огоньком, приплясом, нарисовать радужную, лучистую картинку праздника... А хулить Дагестан не хочется.

Дорогой читатель, извини душевно!

Заполни этот пробел в моём повествовании своим воображением...

Фото редакция газеты, Чародинский район: Празднование международного дня 8 марта

P. S.

Бабаюртовский район.

Мы из гостей — в гости...

Добрались до нового дома Солтана далеко за полночь.

Забора пока нет, а ворота уже стоят: ажурные, высокие, восточные — на ночь закрыты, как положено. Хозяин жмёт-жмёт-давит на звонок...

Грохочет в ворота кулаком.

— Солтан, может, не стоит жену будить? Обойди ворота...

— Зачем я тогда вообще их ставил?! Ворота, которые не открывает меч, открывает золото.

Ворота, которые не открывает золото, открывает женщина.

Я не нашёлся ему возразить.

*

Праздник День Победы

*Великая Отечественная война.
Дагестанец посылает с фронта
радостную весточку домой: «С
первого дня отступаем. Аллах даст,
весной дома будем!»*

NN

Сабир из Дербента вспоминал:

— У нас по соседству жил аксакал, любил рассказывать: «Из пулемёта строчу, вдруг сзади кто-то по плечу. Оборачиваюсь: «Подожди, товарищ Сталин!» А сам на войне не был.

Наверно, на фронте всякие попадались вояки, однако правда состоит в том, что дагестанцы проявили на полях сражений в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками чудеса героизма! Горцы плечом к плечу с другими народами СССР стояли на защите Родины. Лучшее доказательство тому — количество Героев Советского Союза, уроженцев Дагестана.

Вот их яркие, золотые имена:

Абакаров, Кади Абакарович
Абдулаев, Абдурахман Ягъяевич
Абдулманапов, Магомед-Загид
Абдулмеджидов, Ахмед Дибирович
Абдурахманов, Зулпукар Зулпукарович
Абрамов, Шетиель Семёнович
Акаев, Юсуп Абдулабекович
Алиев, Араз Казимагомедович
Алиев, Газрет Агаевич
Алиев, Саид Давыдович
Алиев, Шамсулла Ферезуллаевич
Алисултанов, Султан Кадырбекович
Амет-Хан, Султан
Байбулатов, Ирбайхан Адълханович
Бовт, Василий Афанасьевич
Бондаренко, Владимир Илларионович
Велиев, Мирза Довлетович
Волкодав, Иван Егорович
Гаджиев, Магомед Имадутдинович
Гальченко, Леонид Акимович
Гамзатов, Магомед Юсупович
Горбачев, Иван Петрович
Гражданкин, Виктор Иванович
Громаковский, Владимир Александрович
Джумагулов, Эльмурза Биймурзаевич
Дмитриев, Павел Павлович
Жердев, Николай Прокофьевич
Земцов, Николай Андреевич
Исрафилов, Абас Исламович
Калуцкий, Николай Александрович
Кузнецов, Дмитрий Игнатьевич
Манаров, Муса Хираманович
Нурадилов, Ханпаша Нурадилович
Овчаров, Александр Михайлович
Подорожный, Николай Алексеевич
Пряничников, Николай Иванович
Салихов, Эсед Бабастанович
Селивантьев, Фёдор Григорьевич
Ситковский, Александр Николаевич
Сулейманов, Ризван Баширович
Сулейманов, Яков Магомедалиевич
Сумин, Андрей Васильевич
Султанов, Иса Клычевич
Сухов, Константин Васильевич

Сорок пять Героев Советского Союза — дагестанцев!
Сорок пять!!!
Что к этому добавить?..

Магомед Гаджиев в годы войны был командиром подводной лодки. В истории подводного флота он первый в надводном положении атаковал вражеский корабль! И потопил его, показав фашистам свой горский характер. В 42-м году Магомеду Гаджиеву, дагестанцу, аварцу, Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоили звание Героя Советского Союза. Одной из военно-морских баз на севере присвоили его имя. В годы перестройки, когда все святые подвергались переоценке, осмеянию, закрытый город Гаджиево пытались переименовать. моряки Северного флота, общественность не дали этого сделать, русские моряки выступали на заседании Государственной Думы в защиту ветерана, героя. Мне случилось побывать в Гаджиево и беседовать с офицерами.

Слава такому воину!
Слава такому народу!
Слава таким офицерам!

Нет противоречия между русскими, аварцами, карелами... Есть дистанция между невеждами, не признающими, не уважающими историю своего народа.

Позор на их головы!

А праздник Девятое мая — будет святым для всех нас, для детей наших, для детей детей наших... на все времена. И всегда, завидев в небе клин журавлей, мы будем вспоминать павших солдат...

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей [1].

*

Примечания:

[1] Расул Гамзатов «Журавли».

Чтоб нескучно

Хабар от Хадижат

*Благородный останется благородным,
даже если его пригнула беда.*

Арабская поговорка

Хадижат убрала прядь волос, дерзнувшую выбиться из-под платка:

— В ваших репортажах показывают: ребёнок орёт целыми сутками, молодая мамаша, близкая к помешательству, душит его подушкой. Мороз по коже... В Дагестане такого быть не может. Первые сорок дней всегда взрослый человек рядом: мама, старшие сёстры, тёти, бабушка... Это — закон! Закон гор, если хотите. Всегда кто-то предложит молодой маме: «Ты должна поспать». У нас юные мамочки не сталкиваются с проблемами, кому оставить ребёнка, чтоб сходить в магазин, кто заберёт сынишку-дочь из садика, кто научит пеленать, правильно ухаживать. У них хватает других проблем, но этих нет. Таскать воду ей нельзя, тяжести поднимать нельзя. В русских анекдотах частенько высмеивают тещу. Возможно, потому, что молодая семья идёт жить к родителям жены, тогда, конечно, теща — генерал. У нас жена идёт в дом мужа. У нас складывают байки про свекровь. Как бывает? Свекровь всегда считает, что сын её недокормленный, что зря лишний раз ведро поднял — помог жене. Новая хозяйка в доме чего-то по молодости не знает, а у свекрови терпения не достаёт: «Почему неправильно делает?» Конечно, кому невтерпёж, яйцо из курицы можно пальцем выковырять или прямо оттуда сосать. От русских постоянно слышу одну и ту же проблему: мусор кто будет выносить, носки стирать. Этой проблемы у нас тоже нет. Мусор, когда слишком тяжёлые вещи, мужчина выносит, остальное всё женщина. И носки, бесспорно, стирает она. Еду готовить — женское дело. Если на пикнике он решил шашлык пожарить, пожалуйста. Дома его к кастрюлям не подпускают. Не дай Бог, гости придут, увидят, что муж стоит у плиты — мне позор на всю жизнь. И моя дочка такое клеймо получит. Скажут: «Её мамаша мужа заставляла готовить, дочка, небось, такая же будет, нельзя её сватать. Не возьмём в жёны!»

У нас не женятся по любви. Разве прокормит любовь, если жена не умеет готовить? Если не может стирать, воспитывать детей? У нас считается: красивая жена пусть будет у соседа. Когда мой жених приходил, меня вообще в селении не было. Приезжаю, сообщают:

— Тебя засватали!

Я в ужасе!

Мне страшно спросить, за кого, потому что, если человек неприятен, придётся уйти в себя на всю оставшуюся жизнь и терпеть, каждый час терпеть.

В основном, у нас семьи так и живут. Если человек чисто физически не противен, можно с ним создать семью, главное, чтоб надёжным был. Необязательно с ним в шуры-муры играть. Почему у нас семьи крепкие? У нас, когда развод, всем селом парочку мирят, обязательно мирят. А семьи как создаются? Родители смотрят на тех родителей: если жизнь удачная, люди уважаемые, стало быть, сын будет такой же. Когда семья живёт у всех на виду, проколов быть не может. Почему старейшины постоянно предостерегают, на мозги капают: «Не берите жён другой веры, другой национальности. Мы их не знаем с рождения». Это не национализм — глубокая житейская мудрость. Мои родители так же посчитали, его родители так же. Две стороны решили, что могут объединиться и создать третью. В итоге двадцать лет живём вместе. [1]

— Примерно то, о чём говорите, на Руси выражалось пословицей: «Хоть за курицу, но на свою улицу!»

— И ещё одна важная особенность: невеста на Кавказе невинна, чиста! В прямом смысле слова. Сейчас девушек намного больше, чем парней, и всё настойчивей поднимается вопрос, чтобы разрешить мусульманам многожёнство.

— Как ты относишься к этому?

— Я бы не смогла. В исламских государствах, где девушки с пелёнок знают, что именно так, ещё может быть. Кто хочет делить своё собственное с кем-то? Не хотела бы. Хотя лично я не

испытала, что такое любовь. Любить для горской женщины — запрет. Привыкание, привязанность к человеку заменяет всё. Вы никогда не увидите, чтобы целовались на улице или перед уходом на работу. Не бывает, нету. У нас эмоции, чувства в отношениях между мужчиной и женщиной сведены к минимуму. Их с успехом заменяет разум, долг, адаты.

У нас сильно при выборе смотрят на тухум — род. Происхождение играет решающую роль. Как раньше — голубая кровь, элита, ей смешиваться не дают. Материальный достаток на втором месте. Предки из благородного рода занимали в общественном положении ключевую роль, их мнение было определяющим. На годекан, в «актив села», дети чабанов никогда не допускались. Эти сословные границы практически непреодолимы, в каждом селе есть свои трущобы-гетто, свои элитные районы, хотя в материальном положении, может, у них различия и невелики. Знатный род и низшее сословие зачастую живут, не сильно отличаясь внешне: те и другие могут топить печи кизяком, у тех и у других кухонная утварь глиняная, но происхождение выдаёт с головой... В селе жители хорошо знают семьи, которые идут от ханского рода, от великих алимов, шейхов. И этот свет не может заглушить небесный отблеск глубины веков. Сейчас современность вносит причудливые коррективы: тухум секретаря обкома КПСС приравнивается к роду хана. Почему бы нет? Когда это условие обеспечить невозможно, девушка становится женой троюродного, двоюродного брата. А иначе... Девушка оступилась: подошла к парню, девушку из благородного тухума обязательно убьют свои. В высоком роду это святая обязанность её брата, отца. А низкий тухум проступка не заметит, не осудит, не накажет. Я всегда знала, что не имею права выйти замуж в другое село: брат, отец, дядя, папина, мамина родня — непременно осудят. Меня отпустили учиться в Прибалтику только потому, что жила под надзором маминой сестры (хотя я и так не посмела бы совершить предосудительное). Её муж оберегал меня: каждый день провожал, встречал на остановке, приводил домой, и больше я не выходила на улицу до следующего дня. Это нормальное поведение девушки из благородного дагестанского рода, из уважаемой семьи. Там я училась три года, потом перевелась в Дагестан.

— Некоторые дагестанские женщины мне признавались, что не испытывают никакого удовольствия от интимной близости. Просто понятия не имеют, как по-другому можно завести детей, поэтому стоически терпят, исполняя адаты. Есть байка, о чём думает в постели немка, француженка и русская: первая мучается «заплатит-незаплатит»; вторая «удовлетворит-неудовлетворит»; русская «потолок белить-небелить». Дагестан входит в состав России.

— Мне бы не хотелось такое обсуждать, — смутилась Хадижат. — Почему наши мужчины, когда едут на курорт, набрасываются на всех русских женщин? Почему? Потому, что они оголены. В каждой горской женщине есть загадка, она скрыта от посторонних глаз. И мужчина не знает, что под одеждой, ему всегда интересно. Плюс к горячему темпераменту, азарт страсти подогревает запрет. Наши мужчины очень любвеобильные, но умные женщины не показывают вида: перебесятся. Дура будет та женщина, которая разошлась из-за любовницы. Её никто здесь не поймёт. Все терпят, и ты терпи. У нашей женщины с молоком матери заложено: надо терпеть — семья основное. Если узнаю, что у мужа любовница, я тихо в тряпочку промолчу. У меня взрослые дети, начну выступать, тень на них падёт, на дочь. Скажут: «Мамаша не могла обуздать свой характер, утаить конфликт, спрятать, значит, дочка такая же!» Здесь очень всё взаимосвязано. Здесь каждый шаг нужно просчитывать. Допустим, из-за семейных неурядиц женщины не режут себе вен — глупо! Да им и не дадут этого сделать. Любой скандал — сразу бегут к одной стороне конфликта и к другой. На эмоциях решать не дают. Старейшины прибегают, умные люди окружают. В Дагестане сплочённость людская сохранилась до сих пор. Если оставить людей самостоятельно решать свои проблемы, они ещё и не то натворят. Всем жарко станет! Дагестанцы горячие, импульсивные, взрывные по природе. Русские для того, чтобы разогреть кровь, побуянить, пьют водку. Нашим греть ничего не нужно, они и так всегда в состоянии аффекта. У нас водку пьют только для запаха, дури своей хватает.

— У людей разный темперамент, доказано: он наследуется. Бывают материалы «не горячие», «горючие» и «самовоспламеняющиеся».

— Мы «самовоспламеняющиеся»... Воспитывают детей коллективно. Если ребёнок идёт по улице и видит, что его знакомые трудятся, он обязательно подключится к общей работе. Это воспитание коллективным трудом. Если младший при появлении взрослых не встанет, все знают, будет стыдно его отцу: «Сегодня твой сын не встал!» Нормальный отец за это сына выпорет. В России бить ребёнка нельзя, дитя может обидеться. Ювенальная юстиция!.. Фф! Но вековой опыт воспитания показывает: без этого не обойтись. У нас если ребёнок считает, что его родители неправы, он за такие мысли получит подзатыльник от дяди, от старшего брата... Авторитет

взрослых расшатывать нельзя. Хотя, как раньше, дети не повинуются. Раньше учитель был на недостижимо высокой ступени, а теперь ученик может заявить: «Не имеете права бить!» А стОит. За дело — стОит. Мой дедушка считал: «Воспитание — ключ в рай!». У ребёнка на поводу идти нельзя, можно пойти слишком далеко. Один раз я отшлёпала хорошенько сына-шестиклассника, он выбежал, горланит со двора:

- Домой больше не приду!
- Иди куда хочешь. Сдохнешь один. Иди!
- Постоял, постоял возле ворот, вернулся.
- Чего ж ты не пошёл?
- Папу боюсь.

Наши сельские люди хорошо знают: один на свете не проживёшь и поэтому не идут на такие поступки. Село тем и отличается от города: здесь одна национальность, одни требования, одни обычаи, здесь легче управлять людьми. В городах возможна вольность, там нет контроля. В Махачкале училась, вижу: бабушка несёт две тяжёлые сумки. Привыкла: у нас в селе старая женщина не может нести тяжести. Не принято! Я подошла:

- Давайте Вам помогу.

Она сначала не хотела отпускать сумку, видимо, боялась... Страх, что украдут, недоверие. Конечно, когда человека не знаешь, доверять сложно. Помню, мой дядя тогда предостерег:

- Ты знаешь, тебя могут неправильно понять. Осторожно с этим.

Сейчас в городской жизни каждый боится другого: ну как за улыбкой скрыт злой умысел, подвох. Хотят кинуть, обокрасть. Чтобы человеку верить, его нужно знать на несколько поколений вглубь. Вот это, наверно, и есть наша сила. А в городе человек становится безликим, опасным. У нас любят вспоминать один случай: имам в мечети «пустил воздух». Он покинул селение, не смог там жить, смотреть людям в глаза. Через тридцать лет вернулся в надежде, что всё забыто. На окраине села у пробегающего ребёнка спрашивает:

- Сколько тебе лет?

— Точно не знаю, сколько, но говорят, я родился спустя двадцать пять лет, после того как имам «пустил воздух».

- Имам понял, что ничто не забыто.

У нас считают, семь поколений будут помнить о хорошем или низком поступке человека, указывать пальцем на его наследников. Поэтому стараются поступать обдуманно, взвесив предварительно все за и против. На свадьбе, на похоронах, в быту, в гостях представители голубой крови ведут себя выше, достойней. Они образец поведения горцев. Они безукоризненно соблюдают адаты до сих пор.

В России ещё очень много пьют. Наверно, это трагедия русских. В Тверской области жила месяц, мне было за людей просто обидно. Там столько плодородных тучных земель, столько скотины можно держать, столько возможностей вести хозяйство, зарабатывать деньги. А люди в деревнях голодают и пьют. Я ходила в лес, и до слёз жалко: огромные крепкие деревья свалены, гниют там. Вы видели, какой у нас бедный, высохший травостой? Когда рассказывала в Твери, что моя корова даёт три литра молока, и я радуюсь, они не верили. Там с одной коровы надаивают до тридцати литров в день. Мой родственник надсмехается:

- Ради чего корову держишь?

- Магомед, забыл, что ты сам родом из Дагестана, как у нас держат скотину?

Там трава сочная, по пояс — бурёнка ест и отдыхает. А наши коровы, будто тверские телята, лазают по голым скалам в поисках съедобного клочка. У нас ведь все помыслы о земле... Горцам объявили: «Сколько отмерите, столько земли и выделим». Один пробежал немного, остановился, там ему и отрезали. Другой скакал, пока лошадь не стомилась, потом ещё бежал, сколько хватило сил, там поставили границы его участку. Третий скакал, пока не загнал жеребца, затем бросился бежать, чувствует: силы уходят, запнулся, упал. Папаху с головы сорвал и кинул вперёд: «Там отрезайте!» Но это — мечта, сладкий сон... сказка! В реальности иначе: «Горец пошёл на своё поле. По дороге устал, решил прилечь. Снял бурку, расстелил на землю, лёг. Отдохнул, поднялся. Осматривается кругом: «Где же моя земля. Вроде уж должен дойти». Поднимает бурку, а его поле оказывается под ней». Такие участки у дагестанцев. Дороже земли у нас нет ничего. Цена её в старину определялась так:

- Землю продаёшь?

- Да.

- Сколько стоит.

— Загоняй сюда овец... Плотнее давай. Вот та земля, которую закрыла отара, — твоя.
Дагестанцы бесконечно любят и ценят свою землю.
А то, что горцы вспыльчивы, так не могут все быть одинаковыми.
Скучно будет.

P. S.

Всё могут короли, всё могут короли,
И судьбы всей Земли вершат они порой.
Но что ни говори, жениться по любви
Не может ни один, ни один король,
Не может ни один, ни один король. [2]

Неправда, будто бы в Дагестане никто не женился по любви!
Солнцеликий имам Шамиль — избранный духовный правитель — не стал в угоду своему
тухуму жениться на сестре, на тётке, на бабушке... Лишь бы сэкономить калым.
Нет.

Шамиль пренебрёг древними адатами, указаниями шариата, законами гор и женился по
любви! Женился на обворожительной красавице. Женился на девушке другой веры! Женился на
христианке, прожив с ней в согласии и счастье до конца своих дней.

*

Примечания:

[1] По данным Росстата в 2009 году в России в среднем на 100 браков приходилось 58 разводов (в Дагестане на 100 браков 18 разводов).

[2] «Всё могут короли» песня 1976 года из репертуара Аллы Пугачёвой.

Праздник первой борозды

Отпусти рыбу назад в море, она не оценит. Бог оценит.

Арабская пословица

Дагестанцы знают толк в труде и уважают труд.

В пословицах, поговорках отразился житейский опыт народа: «Сделанное при пахоте — найдёшь при молотье», «У кого летом не кипел мозг, у того зимой не кипит котёл», «Землю уважай, да будет урожай». Есть и праздники, прославляющие труд на земле.

«Праздник первой борозды» является символом победы жизни, тепла, света над злыми чарами зимы. Для бежтинцев он — ботоз, для азербайджанцев, рутульцев, агульцев — наврус, для аварцев — оц-бай (запряжка быка), для нагайцев — сабантуй, для даргинцев — кIубахруми... Къурдаккаву — у лакцев и кьюгъвер сувар — у лезгин. Каково?! К концу праздника весь именной ряд не в состоянии вспомнить уже никто. Да это и неважно, ведь суть одна: под всеобщее ликование горцы верят в лучшее, светлое. В том и заключается вековая народная мудрость: уметь радоваться солнцу, весне, радоваться жизни, ценить каждый её миг. В старину в Ретлобе весной сперва проводили сохой борозду и сажали на землю пленника, спустив портки. Если он скажет, что земля потеплела, все сельчане выходили на пахоту. [1] Земля поспела.

Шамсудин рассказал мне, как ботоз проходил в Бежтинском районе в этом году:

— Уже за год выбирается гибиль — тухум (род), который берёт организацию праздника на себя. Во всех семьях, начиная с зимы, готовят для стола лучшие куски сушёного мяса, домашнюю колбасу, всяческие сладости, накануне праздника режут барана или хотя бы птицу. С вечера устраивается семейное угощение с приглашением близких родственников, соседей. Гибиль-организатор готовит на убой быка.

А начинается праздник первой борозды так...

Фото редакция газеты, Дахадаевский район

Первую борозду проводит зажиточный пахарь с баракатом в руках, который слывет человеком порядочным, благородным, везучим. Он должен быть крепким, иметь много детей и жить в ладу с женой. Бывало, из года в год, первую борозду проводит один и тот же человек: ему доверяют односельчане, он пользуется у них уважением, почётом, общепризнанным авторитетом. Избранный горец особо ухаживает за быками: чистит их, кормит сытно, смазывает жиром рога,

готовит соху, плуг. Не каждый крестьянин соглашается прокладывать первую борозду — некоторые побаиваются обвинений со стороны односельчан в случае недорода поля, неурожайного года. В пути на пашню остерегаются человека с плохой репутацией либо рыжего. Считается хорошей приметой, если встретится односельчанин с полным кувшином воды. Зная это, жена пахаря, другие женщины выходят из дому навстречу с полными кувшинами.

Крестьянин одевает шубу мехом наружу: сколь густо шерсти на шубе, так же много поднимется колосьев на поле. Мулла читает молитву:

Пусть будет плуг счастливым,
Пусть год будет урожайным,
Пусть лето будет полным,
С неба дождь да будет проливным,
Из земли урожай обильным,
Дождь и солнце живут в согласии,
Так сделай землю плодородной, Аллах!

Когда пахарь начинает борозду, его обрызгивают водой и все хором произносят: «Да будет богатым урожай, да пойдут дожди так!» Жертвенное запахивание каши, хлеба, яиц обещает щедрый урожай зерна. Вслед за ритуальной бороздой идёт сеятель. И его обрызгивают водой, приговаривая: «Да будет хорошая погода, да будут тёплые дожди, мягкое солнце, да будет обильным урожай!» В некоторых сёлах перед ритуальной вспашкой пахарь после молитвы пьёт из рога брагу...

— Это уже интересней!

— ...Затем выливает её в ведро, поит запряжённых быков со словами:

Да будет большой урожай у всех,
Да будут быки и вся скотина здоровыми!

Праздник сопровождается танцами, исполняется песня сева:

Ранней весной зерно
Меряли мы гирдами,
Пусть возвратится оно
Осень к нам возами.
Сколько борозд на поле
Столько же возов пшеницы
Пусть в наших полях уродится!

Дальше — бой быков.

Загодя, когда водят на водопой, за ними наблюдают: как бьются между собой, кто верх берёт. Быки сами подбирают себе соперника. А люди смотрят, подмечают. Сперва проводят бои в «убани», — на бежтинском языке «отдельный квартал села». Бывает, десять, бывает, двадцать быков в убани. Определяют среди них чемпиона, после этого — бои между разными убани. Финальный поединок на празднике Первой борозды. За верёвку, привязанную к рогам, приводят пять-шесть бугаёв и устраивают бои попарно, пока не останутся два — самых могучих. Их специально выкармливают для боя: усиленно дают зерновые. Чистят. Моют. Им лет по пять-шесть... Пять лет — матёрый зверь. Весь джамаат села высыпает на поле и с гиканьем, окриками заводит себя и быков-гладиаторов. Быки чувствуют, для чего привели: их загоняют в круг, люди стоят цепью, чтобы звери не убежали, все подбадривают, подталкивают, гикают. Быки чувствуют: придётся драться, так не отпустят...

Бой быков — зрелище грозное...

Прежде чем сцепиться, быки, наклонив голову, сопят, раздувают ноздри, демонстрируют ярость, роют копытами землю, долго свирепо рассматривают соперника, изучают, морально давят на него. Затем быки медленно сходятся, упираются рогами, широкими лобешниками и — туда-назад, туда-назад. Никаких ударов, болевых приёмов, ничего нет. Новичкам сперва может показаться: очень гуманный бой у них. Они долго так стоят, толкаются, разошлись вроде, опять сходятся. Обнюхались, снова сцепились. В этом году Мозора, с белой отметиной на лбу, с разбегу как прыгнет на Оцеру... тот чуть боком повернулся — Мозора сразу его рогами под живот как подденет, как подбросит! У того копыта в небо — метров сорок летел, потом кувырчался по мёрзлому склону до самой реки. Сам подняться на ноги уже не смог. Ребята быстро вниз с кинжалами, прирезали.

Бывает, быки дерутся часами. Побеждает тот, кто умеет ловко орудовать рогами, кровь пустить. Эта всегда победа явная. Тот бык, который проиграл, с рёвом убегает с поля. Люди — врассыпную из-под копыт. Победитель какое-то время соперника преследует, но недолго... Потом останавливается, гордо задирает голову, молча презрительно смотрит на всех. Чистая победа! Хозяина быка-победителя качают на руках, награждают денежным призом. Ему особый почёт, как будто он отец быка. Такой почёт до следующего года, пока другой зверь не выйдет победителем. Бой быков — лишь один из элементов программы, ещё собачьи бои, скачки, национальная борьба, наподобие греко-римской, кидание камня... Берут гладкий булыжник в форме лаваша и метают в длину, кто дальше. Совсем мелкие пацаны проводят свои конкурсы: сжимают голой рукой трут, скрученный из сухой травы, поджигают и с горящим факелом бегут, кто дольше вытерпит...

Противоборство.

Не человек его выдумал, лишь подсмотрел у природы, у Бога.

Даже материки трутся друг о друга. С чередой в миллионы лет...

Жмут, колют, бо-да-ются, давят... давят друг друга. Трутся монолитными лбами упёрто: «Кто — кого?!» Слабые — крошатся. Осыпаются мягкими породами. Уступают. Отступают.

Сильные на время занимают места слабых и... всё по-новой.

P. S.

Однако цивилизация потихоньку дотягивается и до горных районов.

И не всегда она приходит с добром.

Хамид из Хивского района посетовал: «Раньше на праздник «Первой борозды» съезжалось молодёжи-ии... дружно было, всю ночь веселились, на каждой улице жгли костёр. Сейчас редко где горит. А то ещё кто-нибудь обломает всем настрой:

— Пойду домой, в «аське» посижу.

*

Примечания:

[1] А. К. Абдулаев, И. К. Абдулаев «Дидойский (цезский) фольклор».

Настоятель храма

— Правда выше любого закона. А справедливость
выше правды, но выше справедливости милосердие.
— Высоко задрал!
— И ещё выше есть...
— Что же может быть выше милосердия?
— Любовь.

Фильм «Апостол»

Город Кизляр, Кизлярский, Тарумовский районы — это места компактного проживания русскоязычного населения в Дагестане. Между тем русские уезжают: по информации администрации Кизляра, за последние десять лет доля русского населения в городе сократилась с 70% до 40%.

Настоятель Свято-Георгиевского храма Кизляра игумен Юрий (Пальчиков), встретился со мной:

— Говорить о том, как нам здесь живётся... Могу сказать так: всё, что происходит с нами, вокруг нас, не бывает случайным. Господь благословил меня здесь жить, здесь трудиться. Слава Богу! Имя Бога можно славить везде и всюду. Почему? Потому, что православные храмы открыты даже в Иране, и, если правильно понял, строятся в Арабских Эмиратах. Это тоже о чём-то свидетельствует. В советские годы в Дагестане действовало пять православных церквей, сегодня — пятнадцать. Все пятнадцать русских православных церквей и монастырь входят в Бакинскую и Прикаспийскую Епархию Русской Православной Церкви Московского патриархата.

Поэтому как нам? Мы есть, мы трудимся, мы служим, мы молимся, мы окормляем тех людей, что здесь живут... А говорить о том, легко или нет, кому сейчас легко?! Где сейчас легко? Из глубинки России, из центра, из той же Москвы, Рязанской области довольно-таки часто доносится: «убили священника», «ограбили храм». У нас таких происшествий не было. И верю, не будет! Я думаю, люди, которые придерживаются традиционного ислама, прикладывают максимум усилий, чтобы баланс поддержать.

Когда общение на бытовом уровне, мы же не задаём вопрос «А кто ты по национальности?», «Во что ты веришь?», «Как молишься?». Мы общаемся. И обычно у нас складывается успешно общение с кем? С людьми порядочными, доброжелательными. Хам не нужен никому. Кем бы он ни был, каким бы он ни был. У нас на местном телеканале каждую пятницу выходит православная передача «Духовное наследие». Передачу показывают синхронно с трансляцией из мечети города Кизляра. Наши проповеди об одном: Бог есть любовь; Бог ждёт от нас послушания, смирения, кротости, терпения. У каждого народа много добрых хороших традиций, беда в том, что мы утратили много традиций русского народа. В моём детстве на стене у бабушки висели портреты, и я знал, кто это. Теперь молодёжь едва ли знает, кем был его прадедушка по отцовской, по материнской линии, где и когда родился, чем занимался. Это печально. Народ, который не чтит свою историю — пропащий. Забыли, что мы православные. Стали увлекаться иными религиями. Вот если наш народ сможет вернуться к своим истокам...

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа? [1]

Нам, русским людям, создавать бы семьи, побольше рожать детей, передавать им православные ценности, не вывозить детей учиться за пределы России, благоустраивать жизнь здесь. Я родился в Махачкале, вспоминаю своё детство, юность: к нам очень много приезжало родственников, знакомых из Белоруссии, из Ставрополя, из Ленинграда, они всегда восхищались тем, насколько здесь добрый, гостеприимный, хлебосольный народ, всегда поражались, что в общественном транспорте мужчина или юноша, совсем мальчик обязательно уступит место

женщине, не говоря о пожилых людях. Чтобы в присутствии взрослого человека прозвучала бранная речь? Никогда. Люди из России садятся в автобус, платят за себя. В Дагестане по-другому: мы встретились с вами — я хочу, и я заплачу. Здесь не ходит в обороте мелочь, а в России каждую копейку сдачи пересчитают. Когда гости приезжают, начинаю возить их по благочинью, по Кизлярскому округу: там что-то строится, здесь к детишкам пришли, в дом престарелых заехали... Самое сложное вытащить их сюда, но коли удаётся, на прощанье, все твердят одно и то же: «А мы слышали другую историю, открыли для себя совсем другой Дагестан». Благодарю Бога, что я монашествующий священник, смело, не переживая, не думая ни о чём, могу носить духовные одежды — не переодеваться в гражданскую, светскую. Чувствую удовлетворение: я тот, кто я есть. Это немаловажно в жизни человека. В молодости, как и всем, мне хотелось перебраться поближе к центру... Сейчас нет. Я патриот Дагестана, люблю этот народ. И бывает больно, обидно, когда ты, будучи православным священником, начинаешь испытывать неприязнь, ущемления со стороны вроде бы православных людей. Помимо службы в соборном храме, окормляю кизлярских казаков — я у них окружной священник. Недавно был в Волгодонске, Ростовской области в командировке. Возвращался на служебной машине. Естественно, на номере регион какой? Ноль-пятый. Попался участок хорошей дороги, и мой водитель превысил скорость: вместо девяноста ехал сто десять. Нас останавливает гаишник... Понимаю, нарушать правила дорожного движения не допускается никому... В рясе тоже... Но существуют разные методы воздействия на нарушителей, да и сами нарушения разные: можно выписать штраф, можно сделать предупреждение... Так нет, встал вопрос об изъятии прав.

Я не смолчал, сказал милиционеру такие слова:

— Никогда не думал, что меня, православного священника, лишат возможности передвигаться на машине, произведут изъятие водительских прав у водителя на территории Всевеликого Войска Донского.

На что гаишник отвечает:

— Из-за таких, как вы, и нам живётся здесь беспокойно.

У самого ворот распахнут, на шее золотая цепь. Мой крест настоятеля, пожалуй, размерами скромней.

— «Из-за таких» — это каких?

— С «ноль-пятым»!

В России для многих мы чужие, хотя и русские. Таков имидж дагестанца...

Образ врага нужно менять.

Согласен с игуменом, образ врага надо менять...

Пора прекратить вживление в сознание губительной идеи о размежевании славянских и кавказских народов. Государственный деятель России Пётр Столыпин предупреждал: «Отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращённую на Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

За последние два десятилетия ни один человек в беседе при мне ни разу! даже случайно не произнёс «Россия», подразумевая, в том числе, Дагестан. Ни здесь, ни там... Это неправильно. Мы — не иностранцы! Мы — единое целое. Вчитайтесь... Перечитайте мои газетные заметки. Вдумайтесь! И вы непременно согласитесь со мной. Пора открывать двустороннее движение: узнавать, уважать, открывать друг друга.

*

Примечания:

[1] Владимир Соловьёв «Ex oriente lux» Свет с Востока (лат.).

Бег

Жаркий хабар Светланы Русь

*Мы промолчали, когда он вошёл,
так он и осла ввёл.*

Арабская поговорка

Чечня, город Аргун.

Собирались мы тихонько, ночью. Из вещей — один узелок. В нём деньги, документы, фотографии... черепашка. Не могла оставить Марусю: завязала её в платок, она голову убрала в панцирь — свой домик — шипит... Нам дом в Чечне перестал быть крепостью, защитой... Зажав рот, разрыдалась... Мама обняла, прижала:

— Нельзя, Света.

Плач мой продолжался, не могла никак успокоиться, но звук отключила... Отец крадучись ходил по квартире, при свете фонарика последний раз проверял то ящики комода, то прятку, устроенную в подоконнике. (Это была моя идея её оборудовать, выручала не раз).

— Присядем на дорогу! — отец устало сел за круглый семейный стол, опустил голову.

За окном длинная автоматная очередь разрешила тишину. Отец встал, мы — следом, сыну я повязала платок (он у меня беленький), крадучись вышли. Квартира, гараж, все вещи остались. С одним узелком... На «Москвиче» до Гудермеса. Сынишку (отец настоял) прятали на полу. До Гудермеса добрались спокойно, на окраине «Москвич» бросили, пересели на другую машину, чужую, к знакомому отца. Границу пересекли под утро, всё обошлось спокойно. Сын на полу лежал тихонько, не плакал, ничего не просил. И в — Хасавюрт, оттуда в Тарумовку.

Через два месяца началась вторая чеченская война...

Между первой и второй войной я жила в Ленинграде. После окончания университета осталась там по распределению, к родителям приезжала в гости. Они рассказывали: «У нас по телевизору выступает Дудаев, говорит, что скоро на нас нападут российские войска, скоро будет война». Русскоязычное население смеялось: лучше бы на нас Франция напала, лучше им сдаться и разом очутиться в Европе — всё принимали в шутку. Но потом чаще, чаще, чаще стали транслировать по местному телевидению выступления-страшилки Дудаева: «Россия ущемляет наши права, не даёт развиваться республике...», распространялись листовки: «Не покупайте дома у русских! Они скоро уедут, дома достанутся нам бесплатно». Первыми стали выезжать армяне и евреи. Потом потянулась из республики интеллигенция, чеченская тоже уезжала. А навстречу другая волна: с гор спускались люди, покупали дома у русских за бесценок. Отец уже давно убеждал мать:

— Давай уедем!

— Не-ее, это просто так.

— Не просто!..

— В России нет ничего, помидоры нужно в валенках выращивать. Это политики войну затеяли, здесь люди хорошие.

Прессинг потихоньку нарастал: «Вы русские, такие-сякие!» Сталина вспоминали, советскую власть проклятьями... Русским девочкам по улицам ходить стало опасно. Сигналили, приставали, силком затаскивали в машину, увозили в Джалку — зону отдыха на берегу одноимённой речки, правого притока реки Аргун. Всем стало опасно. Когда в Аргуне началась война, родители испытали на себе и артобстрел и бомбёжки. Мама вспоминала: «До такой степени надоели эти бомбёжки, просто сидела и шила: будь, что будет, не спускалась в подвал. Надоела постоянная беготня!» В школе русский не преподавали, занятия шли на чеченском, но мать свято верила: «Утрясётся, утрясётся». В 92-м действительно ввели русские войска. Они шли через Шалинский район, через наш город Аргун... Прошло ещё лет шесть. Я вышла замуж, родила двух

сыновей, и тут мама звонит: «Приезжай в гости, у нас спокойно». Я с детишками туда. У нас никогда не закрывались двери: пятиэтажка, верхний этаж, под крышей жарко, и всегда сквозняк напрямую. Однажды сын вышел гулять, забегает соседка:

— Света, вашего сына камнями забивают.

Выбегаю, смотрю точно: мальчишек восемь местных — на него одного.

Но это происшествие я не восприняла всерьёз...

Летом семьёй поехали погостить к тётке в Тарумовку, и старшего сына оставила у неё, а с младшим, с родителями вернулись в Аргун. Отец погнал машину в гараж, мы стали подниматься к себе. Приходит из гаража отец, приходит не один, с ним четыре вооружённых чеченца. Оказывается, в гараже ждала засада, отца арестовали, предъявили удостоверения... Как наш КГБ в Союзе, только в Ичкерии. Стали квартиру обыскивать. К тому времени заводы не работали, отец с матерью, чтоб выжить, занимались пошивом трикотажных женских халатов: лекала имелись, мать у меня швея; они постоянно ездили по соседним регионам — в Дагестан, Азербайджан — торговать. Машина у нас, старенький «Москвич», куплен ещё в советские времена у сотрудника КГБ. (Всё это они пробили, знали.) И спецслужба Дудаева всё связала: ненавистное им КГБ, «Москвич», поездки... И отцу — обвинение:

— Ты работаешь на российскую разведку, едешь по нашим стратегическим объектам, собираешь данные...

«Разведчик»! смешно сказать, отец — простой работяга всю жизнь.

— Собирайся с нами в Грозный!

Соседи увидели, что его арестовали, подняли шум. Мать отца не отдала:

— Поеду с ним.

Я осталась с маленьким сыном на руках, без родителей. Вот тебе и «тихо-спокойно».

Мне соседка вдруг:

— Света, выйди на улицу.

Я спустилась — полный двор народу. Люди из нашего, из соседних домов. Многих не знала, они заселились недавно, но старые соседи тоже были. Они-то хорошо знали меня и родителей, что никогда никому плохого не делали.

— Света, прости, что так получилось! Мы его найдём.

Пригласили мэра города. Он сразу приехал, разузнал, как? что? Потом с кем-то созванивался. В итоге выяснил: отец находится в организации какой-то... независимости. В спецслужбах, их допрашивают, сейчас отпустят. Соседи решили не расходиться. Пока родители не вернулись, сидели на лавочках во дворе, ждали. Ближе к вечеру приехали отец с матерью.

Соседи обступили их:

— Извините... Никто не хочет вас выгонять. Недоразумение вышло.

Домой зашли, отец впервые закрыл дверь на ключ, и слово за словом восстановил весь допрос: Сказали: «Или даёшь шесть тысяч долларов, или мы на тебя заводим дело об измене Республике Ичкерия». Говорю: «У меня денег нету». — «Тогда мы временно тебя отпускаем, а завтра приезжай сюда заново, к двенадцати... и привези дочку».

— Зачем? — встрепелась я.

— ...«Зачем?» — спрашиваю. — «Мы знаем у неё муж — военный лётчик, хотим пообщаться, нам надо кое-какие данные разузнать».

— Я никуда не поеду.

— ...Нужно всем сегодня же ночью бежать.

Мы — в Дагестан, в Тарумовку. Бросили всё, прям пожар. Это был не выезд — бегство. Отец с матерью стали присматривать для покупки дом. Я не соглашалась:

— Давайте уедем дальше, в Россию. Мы не местные, настанет время, сызнова придётся с одним узелком убегать от смерти.

Мама мне:

— В Дагестане нефти нет, республика дотационная, никому не нужна!..

А нынче, похоже, и здесь события раскручиваются по тому же сценарию, тишком-ползком — листовки стали появляться, обходят вечерами дома: «Не собираетесь ли продавать?» Цены на недвижимость, думаю, здесь тоже скоро упадут. Всё начинается точь-в-точь, как тогда в Чечне, перед второй войной. Поднимают вопрос, чтобы в школах носили косынки, отвели время для намаза, хотя это светское учебное заведение.

Отец у меня теперь учёный:

— Когда отсюда начнут уезжать армяне и евреи, тогда и нам нужно следом.

Русские, кто может, потихоньку уже сматываются, отток пошёл. У меня сын в девятом классе. Из двадцати восьми человек только трое русских осталось, а ведь Тарумовский район когда-то весь считался русским. Ситуация постепенно нагнетается: сигнальщики стали, цеплять... Проезжают мимо — выкрикнут что-то обидное. Непокойно стало ходить в вечернее время. Вчера от матери иду в сарафане, плечи открытые... раньше сроду никто не трогал, дела до этого не было... А тут... Появилось много переселенцев с гор, вроде как «спустились за солью», сначала молчком присматривались, а сейчас, по мере увеличения их доли, начинают диктовать своё. И в форме категоричной, ультимативной. Они не приемлют наш быт, веками устроенный. У них свой уклад, традиции, религия. А нам приходится молчать. Если хочешь говорить правду, вставь ногу в стремя. (Руйхор эла рокъо рохънай, пухю гулу бичир бохънай. — аварская посл.)

Войны нет. Пока нет. Идёт тихая паучья возня.
Господи, неужели и отсюда придётся бежать?

P. S.

Русские, действительно продолжают уезжать из Дагестана, в горных районах русских почти не осталось. В этом отношении я даже представлял собой некую диковинку, невидаль. В Казбековском районе горянка, преодолев заметное смущение, обратилась ко мне с необычной просьбой:

— Вы, правда, из России?

— Да.

— Можно Вас потрогать.

Один и тот же пограничный наряд в горах дважды перепроверял мои документы:

— Товарищ старший лейтенант, что-то не так?

— Если б сейчас видели себя со стороны, Вы ж как Дед Мороз летом.

*

Чёрная королева

Хабар о прекрасной шахматистке

*Два горца режутся в шахматы.
Один ходит королевой:
— Мат.
Другой берёт короля и с треском
грохает на доску:
— Атэц!*

NN

— Познакомить тебя с шахматной королевой? — спросил Мухтар Гереев.
— Как это?
— Ну, девушка у нас есть, Бика, международный шахматный призёр и всё такое...
— Она участвует в заочных турнирах, не видя партнера?.. По переписке?
— Нет. Обычно.
— Хочешь сказать, сидит за шахматной доской под светом юпитеров, в присутствии прессы, судей, зрителей?.. с откры-ытым лицом?! Передвигает фигуры своими рука-аами?
— Да.
— А что, Казбековский район вышел из состава Дагестана?
— С чего ты взял?..
— Не знаю, как-то неожиданно...
— Понял тебя! Сейчас поедem, сам убедишься.
— Будем с ней общаться через ширму?
Мухтар согнулся в хохоте, а мне было не до смеха.
Я ехал на встречу с юной шахматисткой, не в силах представить себе нашу беседу. Всё-таки Восток — и вдруг такая вольность: девушка покусилась на мужскую привилегию. Скорее всего, лица не покажут, от силы — младенческое фото. Переговоры от её имени будет вести мулла...

Мне по личному опыту знакомо поистине магическое очарование этой царской игры, однако до сих пор не случалось встречаться с шахматистами выдающимися — гениями особого рода, коим полёт фантазии, стремительная мысль логики, интуиция, вдохновение и упорство, изящество и точность свойственны не менее, чем математикам, поэтам и композиторам. Шахматам присуща внутренняя красота, тонкий, странный на первый взгляд манёвр, дарующий «сверхъестественное» спасение во внешне безнадёжной ситуации. Сладость шахматной победы и отчаянная горечь поражения были известны посвящённым задолго до того, как профессионалы научились разрабатывать эффектные комбинации, глубоко-стратегические дебютные схемы или умышленно жертвовать фигуры, разыгрывая гамбит. [1] Одолеть соперника в интеллектуальном единоборстве, в режиме жёсткого цейтнота, [2] силой разума — заветная цель мастера. Утверждают, что во время шахматного соревнования «гроссмейстер — тигр на охоте и монах одновременно». [3]

Здесь слабые духом побед не имут!

У благодарной публики блестящий ход неизменно вызывает эмоции, подобные отклику чуткого сердца на выдающееся произведение искусства.

Не существует игры более величественной, загадочной, обманчиво-статичной. Она всегда под рукой для желающих просто развеять скуку, будто послушная, верная, нетребовательная наложница. Но рабыня превращается в сказочную принцессу для тех, кто к аристократической утехе относится, как к священнодействию... Кто способен проникнуть в мысли и чувства деревянных или костяных безликих фигурок. Кто научается видеть скрытые обычному глазу кровавые драмы сильных мира сего — вершителers наших судеб. Предугадывать коварные

интриги чужеземного королевского двора, распутывать нити заговора своих придворных. Кто может шагнуть в неведомое тихое зазеркалье и... до предела!!! Сжав время! покорить бесконечность космоса...

Тому открывается целый волшебный мир!

Никому не известно имя божества, подарившего Земле эту единственную в своём роде, гениальную головоломку. По воле какого рока люди, причастные к этому эзотерическому таинству, манипулируют участью тридцати двух бессловесных символов?

Слово «шахматы», как известно, произошло от персидского «шах мат», что значит «властитель умер»... Властитель умер — шахматы бессмертны! Нет игры более древней. Существует гипотеза, что шахматы возникли пятнадцать веков назад в Северной Индии. Но чем больше обыватели стараются понять касту людей, именующих себя шахматистами, тем непостижимей кажется эта особенность человеческого мозга всецело сосредотачиваться на пространстве доски, сжатой до размера вселенской чёрной дыры, разлинованной на шестьдесят четыре чёрно-белых квадрата. Как бы там ни было, идея создания этой завораживающей игры могла прийти в голову лишь горцу, владеющему стеснёнными земельными наделами (навроде террасных участков, которые я видел в Дагестане), когда случайно буркой можно накрыть и свой клочок, и соседский. Изобретатель шахмат — человек, никогда даже одним глазком не видавший просторов России-матушки, понятия о такой роскоши не имеющий! О России с её бескрайними полями, степями, перелесками и пашнями, где, сколь ни трясись в дорожной карете — самой быстрой для своего времени, — за окнами одно и то же... Всё поля, степь да перелески до самого горизонта. Поэтому я недоверчиво отношусь к заявлению учёных: «Шахматы придумали русские, поскольку мат не только венчает — сопровождает игру».

Бике семнадцать лет, но она уже чемпион! — среди девушек, женщин и юношей Дагестана, обладатель кубка республики среди мужчин, член сборной России! Эту информацию я получил заранее, а каким будет знакомство?

Дом у Булатхановых просторный. И хлебосольный, как все дома Дагестана, где меня принимали. Нас встречал хозяин, отец Бики, — Абакар.

— Салам алейкум! — находчиво (так мне показалось) произнёс я, одним махом истратив весь свой запас общедагестанских слов.

— Ваалейкум ассалам! Мы ждём, — Абакар проводил нас в гостиную.

Я огляделся: в комнате, устланной коврами, почётное место занимал сервант с призовыми кубками, медалями, дипломами, грамотами; на журнальном столике застыли в недоигранной партии шахматные воины, рядом книжки по теории.

Шахматы, шахматы...

Все великие народы приняли посильное участие в вашей судьбе: [4] арабы, следуя заветам шариата, отрубали головы верным и неверным за попытку «очеловечить» ваш лик — и в результате фигуры приобрели отвлеченную, символическую форму; католические и православные священники запрещали вас под угрозой отлучения от церкви, называя шахматы «измышлением дьявола», занятием непристойным, сродни пьянству; лишь евреи, как всегда, пошли другим путём: Моше Сфарди [5] включил шахматное искусство в семь наук, рекомендуемых рыцарству.

От крупных белых и чёрных деревянных фигур, покрытых лаком, исходило тепло. Я бережно взял в руки чёрную королеву... Казалось, она многое могла поведать.

Послышались отдалённые шаги. «Она?! Живьём! Очевидно, первичные мои сведения о Кавказе сильно искажены», — мелькнуло в голове. Стройная восточная дева с умным пронзительным взором больших карих глаз зашла в гостиную. Нас познакомили. За обедом разговор шёл, безусловно, о шахматах.

— Бика, испокон веков на Востоке принято считать, что женщина не способна высоко мыслить. Переноска грузов и продолжение рода — вот её участь. Но шахматисткой!?. Помоги развеять этот миф.

Отец сверлил её глазами, Бика сидела прямо, напряжённо смотрела в стол. Пауза затягивалась, наконец, взгляд отца одобрительно смягчился, и она заговорила:

— В садике я научилась играть в шашки, а в шесть лет меня посадили за шахматную доску. Показали в последний момент, как перетащить королевскую пешку с e2 на e4...

Отец нетерпеливо провёл рукой по ёжику волос:

— Я работал завучем. На районную спартакиаду выставляли команду от школы, а шахматистки у нас не было. Думаю: пусть наша девочка формально примет участие, чтобы

команда не получила штрафные очки. (К тому же в возрасте пяти лет дочь одержала верх по шашкам в районе среди женщин всех возрастов.) Бика заняла место участника, я не успел отойти, слышу — зовёт: «А чего она играть не хочет? “Мат” какой-то говорит». Оказывается, ей в три хода поставили «детский мат»: e4 e5, Фh5 h6, Сс4 c5, Фf7! Дочка тогда не знала, что такое «проигрыш». Вечером достаёт из шкафа старые семейные шахматы: «Папа, покажи, как задний ряд ходит». С этого всё началось. Я расставил фигуры: «Ну, смотри: сражаются два войска “белое” и “чёрное”...»

Абакар встал, подошёл к журнальному столику и перенёс на обеденный шахматную доску.

— Вы позицию не нарушите? — поинтересовался я.

— Ходы записаны. Итак, в каждом войске по восемь пешек, две ладьи по краям — вот эти, как сторожевые каменные башни в горных аулах, два слона, два коня и ферзь. Во главе рати — король. Дочь разглядывает доску: «Где же королева?»

Бика смущённо улыбнулась.

— А королевы, — говорю ей, — не бывает. Рядом с королём всегда «ферзь» — самый влиятельный первый министр. Визирь! Война — не женское дело. Дочка у меня с характером: «Вот и неправда! Мама рассказывала про девушку, которая надела боевой шлем, кольчугу, обнажила острую саблю и встала во главе джигитов, когда полчища Тимура напали на Дагестан». И правда, была в Дагестане такая народная героиня. Звали её Парту Патима! [6] Мы даже стихи о ней в школе учили наизусть.

Абакар на секунду оставил нас и вернулся с томиком в руках:

Герои на битву собирались в Кумухе.
Глядели им вслед старики и старухи.
Невесты и жены подарки несли
Защитникам смелым отцовской земли.

В доспехах военных, в кольчуге и шлеме
Парту Патима появилась пред всеми.
Она прилетела быстрее огня,
Плясать под собой заставляя коня.

«Привет вам, джигиты, идущие биться,
Чтоб землю отцов защищать от врагов!» —
«Привет и тебе, наша смелая львица,
Геройством ты всех превзошла смельчаков!»

За соколом реет орлиная стая,
За девушкой-воином скачет отряд.
Скакун под ней пляшет, гордится, считая,
Что вслед ему с завистью кони глядят.

— Пришлось книгу раздобыть! — он усмехнулся. — Действительно, это ведь наша история. Только в шахматах всё же королев не бывает... Но Бика, упрямец такая: «Всё равно буду называть королевой!»

— И что же дальше, Бика?

— Сначала папа учил, затем дядя — у него первый разряд. Потом записали в шахматную школу... Девчонки из сборной жалуются: по шесть-семь часов тренируются ежедневно. А я не могу подолгу. Обычно час в день. Иногда со старшим братом сыграю, других охотников дома нет. Брат всегда проигрывает.

— Но ведь ему неинтересно так.

— Каждый раз думает: «Сегодня точно повезёт!»

— А первые шаги? — пытался я развить успех беседы.

Отец всем телом подался вперёд:

— Да она, наверно, и не помнит. Я старался объяснить дочери доступно, как эти кукольные солдаты сражаются. Тут для них открыты перевалы, проложены дороги, тропы, как у нас в горах. Только называются иначе: прямые ряды, в которых чередуются разные клетки, то тёмная, то светлая, — линии, а цепочки одного цвета, уголок к уголку — диагонали. Безымянные пешки первыми поднимаются в атаку, в самых горячих точках битвы рубят врагов направо-

налево. Им дан приказ: «Вперёд, ни шагу назад!» Почти все они гибнут во славу короля и навеки исчезают с «лица доски». Лишь самой бесстрашной и везучей пешке иной раз удаётся преодолеть всё поле и ворваться во вражеский редут. За такой подвиг ей присваивают звание «ферзя». Шахматы на доске живут и воюют по-настоящему, но ни одна фигура не в силах шага ступить, пока закрыт проход. Ни одна, кроме коня. Если оседлал его настоящий джигит, конь птицей перелетает военный строй. Ходит вот так: на одно поле прямо и наискосок, в любую сторону...

— И что дальше, Бика?

— ...Шахматная группа открылась, — не унимался счастливый отец. — Из-за дочери, чтобы выезжать с ней на соревнования, пришлось место работы поменять, перешёл в спортшколу.

— Бика, расскажи о первых крупных соревнованиях.

Девушка, сжав губы, посмотрела на отца, тот обречённо вздохнул.

— Поехали с папой в Махачкалу на первенство Дагестана. Возрастная группа «до 12 лет». Мне было одиннадцать. Играла за район, получила первое место. Оттуда направили в Южный Федеральный округ. Шахматы — игра сложная. На каждый ход найдётся пять-шесть вариантов ответа, на любой вариант — свои пять-шесть. Правила жёсткие: «тронул — ходи», «руку отнял — ход сделан». Нужно в уме вперёд на несколько шагов тщательно продумывать, взвешивать.

— Тебе помогает это в жизни?

— Её жизненные ходы определены волей родителей, — с гордостью ответил глава семьи.

— Так?

Бика кивнула, и опять в гостинной надолго повисла тягостная пауза.

— Ну, пускай тогда папа скажет, что чувствует дочь. Ему виднее: о чём волнуется? Переживает ли?

Абакар радостно оживился:

— Ещё как переживает! До истерик доходит.

— Посуда летит?

— Не, не... Замыкается в себе. Начинает плакать. Особенно когда ситуация в миттельшпиле [7] выигрышная, но то ли времени не хватило, то ли опасный ход пропустила... Тогда и я психую. Когда Бика выступает за команду, ответственность увеличивается, и она больше очков набирает, чем на личных турнирах. Партия иногда длится по пять часов. И там, кроме всего прочего, нужно крепкое здоровье. Высокий спортивный уровень с возрастом стало поддерживать тяжело. Сейчас она выигрывает, но с трудом: нет должной подготовки физической, не хватает теоретической — на сборах не бываем. Шахматы в Дагестане на остаточном принципе: Москва требует олимпийских чемпионов, и все деньги уходят на борьбу, на бокс. На шахматы — что останется. После того как она вышла на Европу, с деньгами стало полегче: её финансирует Москва, я себе сам ищу. В прошлом году в Избербаше выиграла мужской кубок Дагестана, участвовало около ста мужчин.

— И что кричали джигиты, когда она снимала с них скальпы?

— По-разному. Не всем мужчинам легко пережить такое. Есть те, кто скандалят: «Почему пустили женщину в мужской турнир!!!» Хотя правила ФИДЕ это допускают. Наоборот — нет.

— Выходит, Бика перевернула вековые представления аксакалов о горянке?

— Пророк Мухаммед, мир ему и благословение, в своих суннах, [8] хадисах [9] наказывал «не давать власть женщинам, поскольку они живут чувствами, а не разумом».

— А, может, он заявил так, потому что не играл в шахматы с Бикой? Разве не сам Аллах, отдавая девушке пальму первенства на мужском турнире Дагестана, посылает мусульманам знак?

— ?.. Московский международный турнир выигрывает три года подряд.

На полке мерцали позолотой кубки с надписью: «Московский шахматный фестиваль MOSKOW OPEN 1 место», пожалованные Бике богиней-покровительницей, музой шахмат Каиссой.

— Ей было лет девять, когда мы поехали на чемпионат России в Ессентуки. За два часа до матча вывесили результаты жеребьёвки: кто с кем играет. Мы стоим с дочерью у списка, подходит девочка, маленькая такая, с тренером. Тот её спрашивает: «Посмотри, с кем играешь? Я очки не взял» — «Бу-лэт-ха-нова Бика. А... баран из Дагестана. Устрою ей блицкриг», [10] — и ускакала на одной ноге, довольная такая...

«Ты когда превратилась в ферзя, о пешка?» [مَتَى فَرَزْتِ يَا بَيْدَقُ؟] (араб.)

Бика начала закипать, я осаживаю:

— Через два часа первый тур. Возьми себя в руки, там докажи, что она неправa.

Игра закончилась. Та девочка понуро выходит из зала, плачет. Следом Бика... По её лицу никогда не понять: победа или поражение. Гляжу, Бика догоняет соперницу, шипит ей в лицо: «Дагестанская овца умнее, чем костромская свинья».

Потом они подружились, часто вспоминают этот случай, смеются. И девочка стала взрослей, изменила мнение о Стране гор.

В прошлом году в Сербии, в Суботице, разыгрывался кубок Европы по быстрым шахматам и блицу. Участвовало сто двадцать три страны. Одновременно состязались полторы сотни спортсменов одного возраста. Восемьдесят столов! Обстановка, прямо скажем, боевая. Болельщиков, тренеров в зал не пускали, но в холле через монитор можно было посмотреть любую партию. Тут же именитый мастер каждый поединок комментирует, разбирает по косточкам.

Одна красивая итальянка просит:

— Show me a table eleventh, please! [Покажите, пожалуйста, одиннадцатый стол! (англ.)]

Я замер: за этим столом — моя дочь. Играет, оказывается, с воспитанницей этой дамы. Выводят картинку на монитор. Сидит наша девочка. На табличке надпись: «BeKa, RUS». (За границей для них — мы все русские.) Судья комментирует:

— У русских проигрышная позиция. Игру продолжать бессмысленно.

Эндшпиль. [11] Партия. Бика выиграла.

Второй день. Точно такая же ситуация. Опять на мониторе — «BeKa, RUS». Гроссмейстер:

— Такое впечатление, что русская до этого в шахматы не играла. Теорию абсолютно не знает. Проиграла.

Партия. Бика выиграла.

Третий день. Комментатор там один. Его просят: «Такой-то стол включите». Опять — «BeKa, RUS». Он сделал паузу и уже неуверенно:

— Русская играть не умеет, но... всё равно выиграла.

В шахматном мире все друг друга знают. Редко бывают сюрпризы.

Мне долго никто не верил, что у неё нет собственного тренера. Сюда в село специально приехал международный гроссмейстер, Виктор Варавин. Его направила шахматная федерация, чтобы хоть чуть-чуть позанимался с Бикой теорией. Жил у нас несколько дней, поставил ей дебют [12] чёрными. Обычно чёрными не идёт речь, чтобы выиграть, главная задача — сделать ничью или если сыграл пять партий, хотя бы 2,5 — 3 очка набрать. Виктор уехал, а она с помощью домашней заготовки стала подряд все партии выигрывать. С тех пор её любимая фигура — чёрная королева. Она приносила ей победу, как легендарная горянка ополчению Дагестана:

Две рати столкнулись, порядки построив,
Как будто упала на гору скала.
Усеялся дол головами героев,
Горячая кровь по земле потекла.

Вкруг шлема обвив свои косы густые,
По локоть свои засучив рукава,
Туда, где противники самые злые,
Летит она с гордым бесстрашием льва.

Направо взмахнет — и врага обезглавит,
Налево взмахнет — и коня рассечет,
«Ура!» закричит — и джигитов направит,
«Ура!» закричит — и помчится вперед.

А время проходит, а время уходит,
Монгольское полчище хлынуло вспять.
Своих седоков скакуны не находят,
Спасается бегством Тимурова рать.

— Но так бывает только в эпосе. А в жизни и шахматах главный — король.

«С той лишь существенной разницей, что в жизни одного мата недостаточно для отставки непопулярного короля, — взгрустнулось мне».

— Бика, можно я тебя сфотографирую рядом с наградами?

Девушка замерла.

— Встань там, — повелел отец.

Бика послушно встала.

Я щёлкал фотоаппаратом, а сам размышлял вслух:

— Интересно, как бы сложилась судьба горянки, шахматистки от Бога, если бы она родилась в Дагестане лет сто назад. Если б осмелилась посягнуть на забаву шейхов, нуцалов [13], сардаров [14], уцмиев [15]... мужиков, одним словом?

— Да уж... — растерянно произнёс Абакар. — За эти десять лет мы с дочерью объездили всю Россию, Европу. Её сверстницы в селении не имеют такой возможности и, наверное, никогда ничего подобного не увидят. Много зависит от взаимного доверия. У меня доверие к дочери есть.

— А ежели доверие есть, могу ли я с ней поговорить наедине?

— ? ?.. ?!. Да... м-мможете, разумеется, — Абакар как-то весь осунулся, постарел разом лет на пять и, не оглядываясь, медленно вышел.

— Папа прав. Если б не он, ничего бы я не достигла. Другие члены сборной России, девочки, которые из Москвы, конечно, живут не так. Меня контролирует брат: делает распечатки телефонных разговоров, проверяет, кому звонила, сколько минут болтала. А им родители позволяют всё: в Интернете лазить по любым сайтам, открыто курить, свободно выпивать, самим выбирать парней. Ну и что?.. Разве этим они лучше, счастливее?

Скоро будет чемпионат мира в Греции. Я член сборной России. Мне оплатят поездку из Москвы. Если папа найдёт для себя деньги спонсоров, чтобы тоже поехать, я буду участвовать. А так — нет. Дома останусь. Одну не отпустят. И заменить меня некому — из Дагестана никто не включён.

А всё же... Настоящая королева есть и в жизни, и в шахматах. Бывает, когда всё зависит именно от неё. И король без королевы — полукороль!..

Утро туманное, мгlistое пронзил первый золотой луч солнца...

Заиграл, заблестал на жемчужных горных вершинах, на заточенных пиках копий, на чешуйчатых кольчугах и ратных шлемах. Две армии плотными рядами выстроились на краю альпийской долины друг против друга: конница, боевые слоны, пешие войска, лучники сторожевых каменных башен и даже короли противоборствующих государств — чёрный и белый — Их Величества собственными персонами. Нетерпеливое ржание, храп боевых коней, лязг стальных доспехов, короткие приказы юзбаша [16] медленно, но верно закручивали тугую пружину предстоящей баталии...

Белые должны нападать первыми.

Над вражьиими полками парили, словно птичьи боги, горные орлы. Гортанный клёкот их разгонял в испуге вороньё.

Рядом с чёрным королём — его королева в кольчуге. Тугие косы, цвета ночи, едва вмещались под боевым шлемом. На поясе Её Величества позванивал кинжал, маленькая изящная рука блуждала по червлёной оправе. Жгучие глаза молодой серны торжествующе блистали, вглядываясь в сторону неприятеля, гибкий стан её завораживал взоры аскеров... [17] Казалось, вся она слита из тьмы и луны, из рая и земли. Нукер [18] держал горячего гнедого коня амазонки под уздцы, поправляя чёрную бурку, притороченную к вышитому седлу. Конь нетерпеливо пританцовывал на месте, зло раздувал ноздри и косил кровавым глазом на королеву: «Пора!»

Едва дрогнули ряды врагов, сделали первый шаг к битве, королева, коснувшись серебряного стремени, вскочила на верного коня, подняла его на дыбы, обнажила саблю и властно скомандовала:

— В бой!

И, прикипев к сёдлам, хлынуло её войско неукротимой лавиной.

Лишь огненные брызги из-под копыт да сполохи сабель в пыли...

С Бикой я полностью согласен: есть в жизни королевы.

Без них какой смысл?

Говорят, Восток и Запад никогда не сойдутся. Но ведь Россия — это и есть Восток и Запад. Когда Бика выступала в Казбековском районе, она защищала престиж родной школы. Когда участвовала в турнирах в Махачкале — представляла на уровне республики свой район. В Южном Федеральном округе и Москве играла за Дагестан. А на чемпионате Европы она уже отстаивала честь всей нашей великой страны.

Отстаивала честь России!

И гимн Российской Федерации звучал как неоспоримое признание миром её королевских заслуг.

*

Примечания:

[1] Гамбит (из ит. Выражения *dare il gambetto* — подставить ножку) — начало шахматной партии, в котором жертвуют фигурой или пешкой ради получения скорейшей возможности перейти в атаку;

[2] Цейтнот (от нем. *Zeit*) — время и (нем. *Not*) — нужда;

[3] «Гроссмейстер — тигр на охоте и монах одновременно» — фраза чемпиона мира по шахматам с 1927 по 1946 годы Александра Александровича Алехина;

[4] Католическая церковь время от времени запрещала шахматы (например, Парижский собор 1200 г.; Людовик IX Святой подтвердил этот запрет). В 1061 году кардинал Дамиани издал указ о запрете игры в шахматы среди духовенства. В своём письме к папе Александру II он назвал шахматы «измышлением дьявола», «игрой непристойной, неприемлемой».

На Руси православная церковь также запретила игру в шахматы под угрозой отлучения от церкви, что было официально закреплено в кормчей книге 1262 года. В Новгородской кормчей книге 1280 года говорится: «Шахматы имети да ся останеши». Софийский сборник XIV века стоит на том же: «Аще поп играет шахы да извержется сана своего». В Домострое, который датируется XV—XVI веками, тоже имеется порицание шахмат: «Возрадутся беси и вся угодная творится им да такоже бесчинствуют и зернью и шахматы, и всякими играми бесовскими тешатся». В 1551 году запрет был подтверждён Стоглавым собором: «Святаго вселенского шестого собора правило 50 и 51 запрещает всякое игранье. Пятьдесятное убо правило собора сего възбраняет играти всем и причетником, и мирским человеком зернью и шахматы, и тавлями, и влириями, рекше костьми, и прочими таковыми играми. 51 правило всякое игранье възбраняет и отметае и причетникам, и простым людем. Такоже и упивание в пьянство»;

[5] Моше Сфарди (после крещения — Пётр Альфонси, 1062—1106) в своей книге «*Disciplina clericalis*» включил шахматное искусство в семь рекомендуемых рыцарству наук;

[6] «Парту Патима» — народный эпос Дагестана, перевод с лакского С. Липкина;

[7] Миттельшпиль — середина игры;

[8] Сунна (араб.) в переводе с арабского означает путь, дорога. В исламе под Сунной понимают действия пророка Мухаммада;

[9] Хадис (араб.) — высказывания пророка Мухаммада;

[10] Блиц кrieg (нем. *Blitz* — молниеносно, *krieg* — война) — молниеносное сражение;

[11] Эндшпиль — заключительная стадия игры;

[12] Дебют — начальная стадия партии, продолжающаяся первые 10-15 ходов;

[13] Нуцал — титул аварских ханов;

[14] Сардар — наместник, главнокомандующий;

[15] Уцмий — титул даргинского феодального правителя;

[16] Юзбаши (турецк.) — офицер, сотник;

[17] Аскеры (турецк.) — солдаты, воины;

[18] Нукер — оруженосец, телохранитель при дворе горского феодала.

«Гумбетовский шах». Начальник культуры Гумбетовского района Магомед Мирзаевич Умардибиров поведал мне об этой местной традиции, неразрывно связанной с шахматами: «Бывает, перебрали! Давай за тебя, за брата (а их десяток), за меня, если уважаешь! Бывает же так. “Гумбетовский шах” — кто не хочет больше пить, переворачивает рюмку и надевает на горлышко графина».

Кавказские пленницы

*Спрячь за высоким забором девочку,
выкраду вместе с забором.*

Песня из фильма «Неуловимые мстители»

Магомед Кебедов — член совета старейшин села Кахабросо — явился по первому зову:

— Решил, что приглашают на примирение. Думал, снова девушку украли, — Магомед присел к столу. — Когда в горской семье рождается девочка, все рады. Мы их одеваем, кормим, балуем, растим, даём образование... любим. И неожиданно, вах! — нету. Куда пропала? Не знаем!.. Жива-нежива? Аллах знает. Проходит неделя, две, иногда месяц, обращаются ко мне, как члену совета старейшин посредники: «Ваша девочка полюбилась нашему джигиту. Он похитил её». Кому понравится? Будь хоть даргинец, хоть русский, хоть кумык, хоть еврей, хоть аварец... Кто бы ни был? Это же нехорошо.

— А я-то думал, про кавказскую пленницу лишь в кинокомедии...

— Если бы... Веками эти традиции складывались. Украдут и потом думают: что дальше делать? Уважаемых стариков берут, аксакалов, авторитетных горцев и начинают:

— О! давайте помиримся.

Одни родители соглашаются, другие нет:

— Дайте возможность увидеть дочку.

Одно дело, когда похищение произошло с согласия, тогда это спектакль-маскарад. А если без согласия, насильно? Отец ведь не знает, никто не знает. Когда примирение не удаётся, молодые вообще исчезают из села. Оба. На юг, на восток. Навсегда! У одних семнадцать лет прошло, уже свои дети взрослые, дочка замуж вышла, а родители так и не простили непокорную дочь: «Без согласия братьев, без нашего благословения ушла с ним. Нет у нас дочери, мертва для нас. Она обесчестила наш род». А другие смирились: «На всё воля Аллаха, что делать?» Заключили мир и живут счастливо. Раньше воровали на конях, сейчас на машине, сейчас легче. Дверку открыл, запихал, как овцу. Бывает, уже сосватаны, но мать-отец откладывают свадьбу, затягивают, приданое копят, мебель покупают, дом строят. Это не нравится молодым. Пять, шесть, семь лет... Разве будут ждать? Тогда они вместе полюбовно договариваются и представляют дело так, будто её украли. Начинается шум, гам:

— Похитили!

— А вы что хотите? Ведь живые люди.

Мулла делает магари (арабс. — венчание), тогда хорошо получается у них дело, мирно. И пусть девочка живёт как жена, как другие живут. Но близость без магари — считается «зина» — прелюбодеяние, изнасилование. Очень сурово карается, смертью... Если жених и невеста согласились на зину, то накажут обоих: хят — палками — самое мягкое из предусмотренных наказаний по закону шариата... Догола его раздевают, кладут на спину и — большой палкой, сто раз, никакого смягчения не дают. Если девушка забеременела без магари в семье настоящих горцев отец или брат по адатам должны убить её. Такой позор можно смыть с тухума только кровью. У нас в угол не ставят! После этого убийства никто уже не упрекнёт отца, что его семью обесчестили. Честные, настоящие мужчины специально во время похищения берут с невестой в заложники ещё другую женщину, свидетелем.

После беседы со старейшиной я непременно решил найти джигита, лично укравшего свою невесту. Долго искать не пришлось — начальник Управления культуры Акушинского района Мурад Магомедгаджиев:

— Сыновей у нас стараются вырастить настоящими мужчинами. Наш класс был хулиганистый чуть-чуть. Учителя с нами не связывались, ребята вообще слова поперёк не говорили, набеги делали на школы. Вечера если, банкеты, мы туда припрёмся, приглашают — не приглашают. С женой мы ещё в школе познакомились, затем работали вместе в Управлении соцзащиты, учились заочно, нам по двадцать лет было. Когда речь зашла жениться, мои родители упёрлись. У нас в первую очередь смотрят на тухум, как раньше дворяне. У лакцев было Казикумукское ханство, у аварцев — Хунзахское и своё у кумыков, остальные — принеси-подай. И

здесь все знают, кто из какого рода, из какой семьи. Узден — это как бы дворянин, аристократ, истинный горец, он никогда ни на кого не работал, не батрачил, у него в достатке было живности и земли. Даже Советская власть не смогла этому воспрепятствовать. «Она не из нашего круга, нам по крови не подходит», — такие слова мне родители тоже бросили. У нас обычно женятся на сёстрах двоюродных, троюродных... Надоело. Взял и украл её...

— Расскажи подробнее, Мурад. Мы с тобой колесим по Акушинскому району, собираем какие-то истории, а ты сам — человек-событие, сам история. С её согласия или нет?

— Согласие у девушек обычно, когда крадут, не спрашивают. Согласна она, не согласна... Ну, отношения чуть-чуть такие были. Она тогда в отпуске, на работу не ходила, дома сидела. Я ей позвонил, сказал, нужно для отчёта на работе поднять информацию. Она только нос на улицу высунула, мы подлетаем с друзьями на машине:

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Что там нужно?..

Толкнул её в машину, и ходу.

У меня заранее всё было готово: ключи от свободной квартиры в Махачкале одолжил у знакомого, продуктов запас на две недели, чтоб по магазинам не шастать. Друзья нас отвезли, высадили, сами поехали регулировать отношения с родителями.

— Она сопротивлялась?

— Раз удалось вывезти девушку из селения — всё! Дальше сопротивление бывает чисто формальным.

— Ну, что говорила?

— Удивилась: «Зачем так? Неужели нельзя нормально?» У всех девушек бывает... такие разговоры тоже. Некоторые плачут, визжат. Она не плакала, по крайней мере, зная меня. Паника бывает, когда незнакомый или не нравится.

— Нравится, не нравится, спи моя красавица?

— Я штук десять украл... вернее помогал, соучаствовал. У нас из пятнадцати одноклассников лишь три человека свадьбу играли светскую, остальные крали, получается. И везде я — кунаком. Обычно сначала идут официально сватать, и только если отказ... Тогда все настороже, знают, что невесту могут похитить, пытаются как-то спрятать, человека приставляют. Однажды мы месяц готовились, каждый день караулили на разных машинах, поджидали, пока уйдут родители — им не нравилось, что молодой человек пьёт, хулиганистый сильно. Мы долго следили. Когда точно убедились, что она дома одна, через стенку перепрыгнули, ворота открыли, машину загнали во двор. Начали по очереди комнаты обыскивать, проверять двери. Услышали щелчок, когда она закрылась изнутри, узнали где — дверь одним ударом выбили. Жених взвалил её на плечо, мы главное следили... страховали, чтоб не ударилась головой никуда. Вот она-то орала... На весь аул: «Мама!!! Помогите!» Соседи выскочили. Харай-курай! Но пока сообразили, что к чему — мы в машину и газу. А сейчас прекрасно живут, трое детей.

— Стерпится — слюбится?

— Да. И ещё важно, чтобы в момент похищения, непосредственный контакт с ней имел только жених. Если жених не справляется с девушкой, спрашивается, зачем туда идти, значит, недостойн. Орёл унесёт, а ворона ест? Другой раз парень девушку украл, родители её никак не успокоятся — затребовали денег: триста тысяч. Он говорит:

— Лады! — и заплатил.

Прошло десять лет, он так родителям не показал ни её, ни внуков.

— Я у вас её купил? Купил.

И ей тоже стало обидным, что родители её продали как вещь, получается. Сама тоже к ним не идёт. За нами целые погони устраивали. У некоторых родственников есть личные связи с шестым отделом (борьба с терроризмом, похищением людей), с ФСБ. Бывало, отбивали девушку с боем. Чтобы таких вещей не происходило, от погони неделями бегали. По разным селениям, по разным районам. ФСБ по звонку вычисляет, где она, мы ныряем в другую норку. Номера машин узнают, мы номера меняем, машины меняем. Главное неделю продержаться, не попасть в руки, потом родители соглашаются. Неделю девушка находится с парнем, даже если вернётся, кому она нужна? Молва по селу будет идти плохая: «Её украли, она нечистая». С такой репутацией всё равно замуж не возьмут. Что собака откусила — ей принадлежит.

Риск, конечно, существует. Ты похищаешь живого взрослого человека. У неё отец, братья, дяди, тухум. Готов должен быть ко всему! От того, какое у джигита сердце, какой ум, насколько

горячая кровь, зависит успех дела. Не от кунаков. Смалодушничаешь — подведёшь всех: друзей, родню. Хоть град, хоть потоп, хоть милиция, хоть пуля, хоть целая армия придёт, нужно взять в руки оружие и стоять до конца. И ему, и друзьям, раз уже пошли с ним. Пусть введут смертную казнь... Заднюю скорость на ходу включать нельзя! Некоторые маменькины сынки: «Там кто-то украл, и я украду... Я тоже мужчина».

— Говорят, нет такого осла, который, созерцая отражение в реке, не обнаружил у себя черты скакуна.

— Точно! А как чуть что — я не я, ишак не моя... «У кляч с аргмаками — разная статья».

[1] Когда с той стороны с оружием приезжают люди, он мямлит: «Не думал, что так серьёзно будет...» Как ещё, если не серьёзно?! Их девочку украли, люди идут на всё. Эмоции перехлёстывают разум. Они сначала сделают, потом будут думать. Городских, парниковых пацанов хватает. Уж коли взял своё, действуй до конца...

К русским девушкам выше сказанное не относится. У русских вольные порядки: «Захочу — выйду замуж, не захочу — не выйду. Захочу — за этого, захочу — за другого». Например, тебе понравилась русская девушка — ты её крадёшь, по их меркам это считается воровством человека, больше никак. Русская девушка никогда не скажет: «Раз украли, теперь замуж не возьмут!» Они на это и не смотрят. Особенно в городах. Она может свободно через месяц уйти, написать заявление: «Меня украли, насильно держали там-то и там-то». И человека будут преследовать по светским законам. А у нас горянка подумает: «Нужно выходить замуж, меня все знают, село маленькое». С одной стороны, конечно, нехорошо, если девушка любит другого, вроде бы жизнь ей портят. Но на деле, всегда потом живут душа в душу. Из троих одноклассников, кто женился традиционно, один уже развёлся. А там, где украли, друг другом довольные. Так поступали ещё наши прадеды — настоящие джигиты, с этим ничего не поделаешь.

— Мурад, как ты будешь реагировать, если украдут твою дочь?

— ?.. Честно говоря, трудный вопрос. Очень трудный...

— И всё-таки.

— Любой отец это воспринимает в штыки. Как события пойдут... Если он сможет неделю не попадаться мне на глаза... Страсти поутихнут. Придут взрослые, мудрые люди — имамы, алимы, скажут: «Не с тебя начиналось, не на тебе и кончится. Значит, судьба такая».

Мне вспомнилась старая быль:

Дагестанец решил гостя-москвича покатать по Махачкале.

— На светофоре — красный, а ты на газ давишь?! — удивляется русский.

— Я — джигит!

— Теперь на светофоре зеленый, а ты тормозишь. Почему?

— Сейчас из-за угла вылетит другой джигит!

В Дагестане не меньше порядка...

Там просто порядок другой, свой, особый... Иные, самобытные, из века в век трепетно хранимые традиции отцов, дедов. И, если мы не станем, как лиса и журавль из басни Крылова, навязывать другим свои вкусы, дружба между нашими народами будет радостной, вечной.

Рисунок

В голове крутится реплика разобитого товарища Саахова [2]:
— Ничего не сделал... только вошёл!..
До меня вдруг дошло, почему мы гогочем, в этом месте, как угорелые.
Себя узнаём!.. В быту, в большой политике...

*

Примечания:

[1] Поэт Ирчи Казак

[2] Фильм «Кавказская пленница».

Воля народа

Хабар Магди Омарова,
Председателя общественного совета с. Новочуртах, Новолакский район

لِحَيْوَةِ بِالْحَدِيدِ إِنَّ
Железо рубится железом!

Фото Камиль Дандамаев

Фото Шамиль Муртазалиев

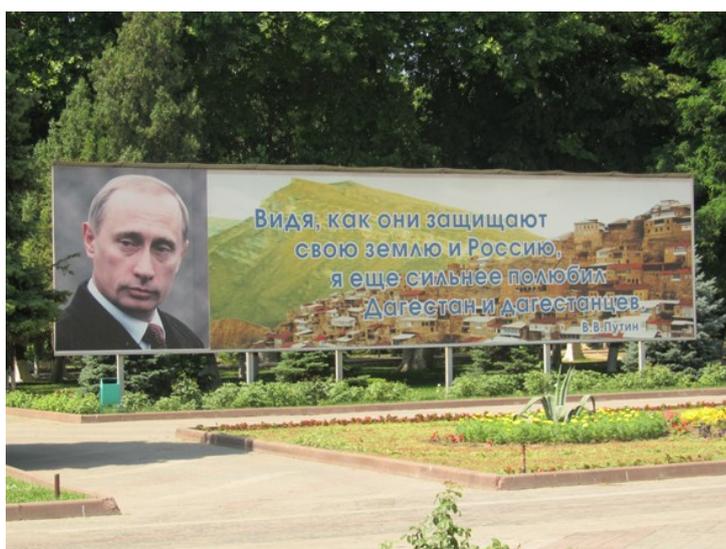

Фото Зургалов Хаджимурад

Фото

— Хочу рассказать, как мы встретили первый день войны. Девяносто девятый год — момент истины для Дагестана, для России. Оружие у нас было: я всегда с пистолетом, у сына пулемёт, автоматы, всё, как в нормальной правоверной семье мусульман. Да ещё руководство

республики обратилось к дагестанскому народу с призывом: «Продайте корову, купите автомат!» Для поднятия боевого духа в газете опубликовали горскую легенду Лермонтова «Беглец».

Семь часов утра, жена спит, прибегает запыхавшийся сосед:

— Боевики! Свою семью на «Газели» отправляю, может, и твои поедут?

— Конечно, поедут. Щас, подожди.

К жене:

— Вставай, война началась. Срочно собирай девочку, сама... Уезжайте!

— Какая война? — думала, шучу. — А сыновья?

Не хочет садиться в машину, плачет:

— Пусть сыновья поедут с нами в Махачкалу.

— Как... Как могу, слушай? Если они, мужчины, уедут, как на нас люди будут смотреть?

— Ты хоть одного пошли...

— Сама им скажи, да...

Конечно, разве сыновья поедут? Нет, конечно. «Нельзя, сражаясь лёжа, побеждать!»

Она села на сумку:

— Ну, тогда и я не поеду. Должен вам кто-то хинкал варить.

Когда чёрное крыло войны в 1999 году коснулось нас, Степашин в Москве доложил: «Мы потеряли Кавказ». Москва три дня молчала, сообщала только, что в Дагестане конфликт, хотя здесь уже три дня полным ходом шла война. Народ сам поднялся, чего ждать: промедлением, уступками врага не сделаешь другом, а только увеличишь его притязания. Позже подошли русские войска: прямо в селе разместился штаб генерала Казанцева. Я — в его сопровождении. Мы выехали на окраину села, в бинокли смотрим: бородатые окопы роют. Полковник расстелил на капоте карту, показывает карандашом командующему обстановку. Боевики, видимо, засекли нас, начали миномётный обстрел. Две мины, одна за другой, разорвались рядом — осколки застрекотали по машине, у полковника рука с карандашом задрожала. Казанцев как гаркнет:

— Товарищ полковник, что у Вас с руками?.. — и матом!!!

В декабре тогда сильные холода были, мороз под тридцать градусов. К нам прибыли солдаты буйнакской бригады, около тысячи человек на БМД, БТРах... Бойцы костров не разжигали, в технике спали. Утром мы проснулись, увидели их: босоногие, в рваных сапогах, в обмотках... Штатного обмундирования почти не было: у кого какая цветастая куртка, фуфайка, техника старая. Что могли сделать полураздетые, необученные, голодные солдаты? Помогали им, чем могли. Одна женщина принесла в палатку три пары носков, а там четыре солдата. Четвёртый просит:

— А мне, тётушка?

Она сняла с себя носки:

— На, сынок!

Кто хлебом помогал, кто варёную картошку тащил, кто мясо сушёное. У них — свои сухпайки, но ведь зимой на снегу нужно горячее. Однажды вечером сидим дома, кто-то скребётся в дверь. К каждому стуку уже настроженно... Заходят двое — русские солдатики. Надо было видеть... Лица вымазаны в мазуте, одежда в мазуте, рваная — голое тело видно. А на улице мороз. Как будто не воины Армии Российской — бомжи. Через плечи висят кирзовые сапоги, не новые, но крепкие ещё:

— Купите, хозяин...

— Проходите.

Они давай в коридоре снимать обувь: босые ноги... Зимой! Без портянок, без ничего. Жена быстро-быстро их на кухню, плов наварен, целый казанок.

— Садись, покушайте.

— Нет. Нам надо идти. Мы сапоги продаём.

А сапоги у самих рваные, каши просят.

— Зачем продаёте?

— Деньги нужны.

— Сколько надо?

— Сто рублей.

Мы усадили их, накормили, налили коньяка...

Тот, кто постарше, назвался:

— Меня Алексеем зовут, из Костромы.

Когда уходили, мы им назад сапоги всучили, продуктов надавали: печенья, конфет, солёных огурцов, каждому по шерстяному свитеру, по паре толстых носков. К свадьбе сына мы закупили продуктов, вещей — раздавать садака: пачки сахара, носки, носовые платки. Думаю, зачем ждать свадьбу — отдали всё русским солдатам. Аллах ведь для этого и создал человека, чтобы творить добро. Какой бы религии, какой бы национальности ни были. Раньше в коммунистической газете «Правда» печатали, из номера в номер, призыв: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» В исламской газете «Истина» лозунг «Ассалам алейкум». А я думаю, у каждого на видном месте должен висеть другой девиз «Спешите людям делать добро». Дагестанские мудрецы днём рождения человека считают день, когда он совершил первое в жизни доброе дело.

Не люблю!.. не люблю войну вспоминать... Кровь, гарь, взрывы, стоны, раненые, погибшие... В тех боях погибло тридцать шесть жителей Новолакского района. Младший мой сын награждён медалью: «За отвагу», старший — «За боевые заслуги». Да, войну вспоминать не люблю, но про подвиг Хаджимурада Нурахмаева из селения Ансалта рассказать должен... В семье, кроме него, пять сестёр, он единственный сын. Боевики, когда начали рыть окопы, заявили: местным лучше покинуть село. Хаджимурад помог родителям, сёстрам погрузить вещи, но покидать отчий дом отказался. Имам Шамиль учил: «Кто думает о последствиях, храбрым не станет». Очевидцы потом рассказали отцу: Хаджимурад общался с боевиками, балагурил с ними, свёл знакомство с самим Басаевым и, уловив момент, поинтересовался:

— Зачем сюда пришли?

— Будем устраивать шариат, вырезать русских...

— Вы же видите, здесь их нет. Я что, русский? Чего ждёте, убейте меня... Иначе я должен отомстить за разрушенный отцовский дом.

В ответ — всеобщий хохот, никто всерьёз не принял этого щупленького, худощавого парня. А Хаджимурад дождался своего часа. Во время очередного налёта авиации боевики бросились в укрытие, один из них, сражённый осколком, уткнулся в кизяки, выронив автомат. Хаджимурад овладел оружием и пустил по бегущим ваххабитам очередь.

Боевик выскочил из окопа, пошёл на Хаджимурада:

— Дай сюда!

— Смердящий шакал, возьми, если можешь, — Хаджимурад сразил и его.

На него кинулись, он дал очередь, ещё трое замертво упали на землю. Опомнившиеся бандиты в упор расстреляли парня... Случилось это 11 августа 1999 года. Весть о подвиге Хаджимурада Ансалтинского облетела всю страну. Ему посмертно присвоили звание «Герой Российской Федерации». Хаджимурад защищал свой дом, который сильно любил, ведь в нём родился, вырос. А защитил от врага весь Дагестан, всю Россию — свою Родину. Вечная ему память.

— Вечная память!

Всякое повидал Дагестан...

Летопись его народов слагалась не в тишине аульских саклей под мелодичные звуки зурны. Она выбита на камне подковами боевых коней, остриями сабель и кинжалов, прицельным огнём винтовок и пушек. Не раз чужеземцы пытались лишить Дагестан свободы, тогда разноплеменная, многоязыкая, маленькая страна собиралась в кулак для отпора. Чингисхан со своими полчищами как пришёл, так и ушёл. Надир-шах с многотысячным войском в панике бежал из Дагестана, разбитый наголову, забыв свою саблю с лезвием «языка гадюки». Балкандаллаз фена — ламраллаз хтана (лезг. — на коне приехал — на осле вернулся.) И лишь Россия ужилась с вольнолюбивыми народами Дагестана навсегда.

Владимир Путин высоко оценил мужество, стойкость дагестанцев: «Вы проявили настоящий кавказский характер, мужество, самообладание, волю и показали настоящую силу. Россия никогда не забудет, что вы сделали сегодня. Вы должны знать, что Дагестан был, есть и будет составной частью Российской Федерации. А это значит, что Россия всегда придёт к вам на помощь».

И теперь Россия — это все мы вместе.

*

Больше часа дорога шла в гору. Взвод перебежками, быстрым шагом... опять бегом! Фу!..
Я для себя твёрдо решил: «Если эта физкультминутка продолжится ещё полчаса, придётся умолять, пусть меня бросят тут, одного...» Нет... Смотрю: у родника — короткий привал.
«Тум! Тум! Тум!» — громко стучало моё сердце, как у медведя Балу.
— Подъём закончился, — успокоил начальник милиции. — Дальше будет полегче.
— Ну, слава Богу!

Вчера, чтобы поглубже ознакомиться с ситуацией, просмотрел документ «Анализ состояния преступности и результатов оперативно-служебной деятельности ОВД по Новолакскому району за июнь 2010 г.» (с начала года):

«Особенностями приграничной полосы являются наличие большого количества лесных массивов, зарослей кустарников, как в окрестностях приграничных сёл, так и по периметру границы. В последнее время на территории Республики Дагестан резко активизировалась противоправная деятельность членов незаконных вооружённых формирований, участились с их сторон посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и мирных граждан. В целях недопущения проникновения бандгрупп на территорию РД через Новолакский район, в населённых пунктах района и на административной границе с ЧР с участием сил Огневой группы «Восточная граница», и личным составом по «Хасавюртовской зоне» проводятся оперативно-профилактические, заградительно-специальные мероприятия, направленные на выявление и задержание организаторов и исполнителей целенаправленных преступных акций против сотрудников правоохранительных органов. В лесных массивах на административной границе выставляются дополнительные скрытые наряды (засады, секреты, совместные заслоны), заградительные посты и оперативно-поисковые группы.

Одним из основных факторов, влияющих на обстановку, является активизация приверженцев религиозного течения «вахабизм», в которое вовлекается в основном политически и религиозно неграмотная молодёжь».

И т. д. и т. п.

Во времена Советской власти в РОВД Новолакского района числилось семнадцать сотрудников, отдел возглавлял майор, и был полный порядок. Сейчас списочный состав насчитывает 360 сотрудников РОВД. (В двадцать раз больше!) Криминальные происшествия идут друг за другом, конца не видать. Только с начала этого года, за семь месяцев, в районе убили четырёх старших офицеров: начальника криминальной милиции, начальника следственного отдела, начальника ГИБДД, старшего опера. И в лесу никакие не мусульмане — обычные бандиты... Шейх Джамалуддин Газ-Кумухский, учитель трёх имамов, включая Шамиля, был убеждён: «Недобрый человек не может быть правоверным».

— На днях сына обстреляли из засады, — понизив голос, произнёс начальник УГРО. — Поджидали, чудом остался в живых. Мой родной Дагестан кровоточит сегодня. Постоянно жена пилит: «Убери сына из милиции! Убери сына из милиции!» Лермонтов в своё время сказал: «Для Кавказа война — тоже мир». Так и есть. Участковые меняются, не успеют толком свой участок на раз обойти, несколько месяцев послужат — на повышение. А если бы он контракт лет на десять подписал, да интерес ему создать, вот тогда... Преступники, которые родом отсюда, никуда не денутся, тут будут. Участковый свой участок к концу третьего года знал бы весь... до очка включительно, — для наглядности майор показал мне на пальцах.

До сих пор я наивно думал, что американцы используют этот жест, чтобы продемонстрировать, мол, у них всё «ОК!» (Отлично! Англ.) Оказывается, в обратном смысле: «...опа! полная ...опа!!!»

Рейд прошёл без применения оружия.

У двух парней в лесу проверили документы и тем довольствовались. Что им предьявишь? Маёвку в лесу? Бродят по лесу с религиозной литературой — обычные грибники. По рации вызвали бортовой «Урал», начальник милиции настоял, чтоб я занял его место в бронированной кабине, сам сел к бойцам в кузов. Пулемётчик на крыше дослал патрон в патронник, поставил «красавчика» на предохранитель, и машина с мощным гулом двинулась по трассе в Новолак.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,

Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем? [1]

Фатализм какой-то...

مَنْ يُرَدُّ السَّيْلَ عَلَىٰ أُنْرَاجِهِ؟

Кто сможет повернуть течение селя вспять?

Или незаслуженно носим мы звание Homo sapiens — человек разумный?

Давным-давно на Востоке жил мудрец, окружённый учениками. Самый способный из них однажды решил: «Я задам вопрос, на который Учитель не сможет ответить правильно?» Он поймал нежную бабочку, спрятал её между ладонями и, вернувшись к Учителю, спросил:

— Скажите, какая бабочка у меня в руках: живая или мёртвая?

Мудрец ответил:

— Всё в твоих руках.

*

Примечания:

[1] Михаил Лермонтов «Валерик».

Нет у революции конца!

*Ты первым пришёл
И людьми нас назвал.*

*Поэт Абуталиб Гафуров,
«Песня о Ленине»*

Так исторически сложилось, революционеров уважают в Дагестане.

А уж Владимира Ильича, основателя первого в мире пролетарского государства, помнят и чтят в Стране Гор наравне с исламскими пророками. Из уст в уста передают аксакалы, как ходки были у Ленина, с челобитной: вождь подписал решение о выделении материальной помощи и, по просьбе горцев, подарил свой портрет с надписью: «Красному Дагестану». Не найти здесь аула, где не давил бы на джамаат своим гранитным авторитетом памятник разжигателю мирового пожара, где не носила бы площадь либо улица его бессмертного имени: «Ленинкент» (кент англ. друг) — село в Карабудахкентском районе Дагестана. А в Махачкале Ленин с пьедестала всем приезжим, с первых шагов, указывает на обратный путь... То же мне, «друг»!

Фото

Помнится, дедушка Ленин выступал против мягкотелости, «поощряя энергию и массовидность террора» [1]. Где-то я уже это слышал... От старика-ваххабита в Хасавюрте.

Однако пиететом по отношению к основоположникам марксизма-ленинизма дело не ограничивается. Отдают горцы дань уважения и своим землякам, посвятившим жизнь свержению традиционного кавказского миропорядка, заменившим зелёное знамя ислама на алый стяг с серпом и молотом. Посетить Карабудахкентский район и не побывать в музее революционера Улубия Буйнакского невозможно.

Директор музея Зайнудин Магомедов, подводя меня к скульптуре в бронзе, с гордостью поведал:

— Наш земляк — организатор, создатель и первый руководитель подпольного обкома компартии Дагестана.

Фото

Улубий из дворянской семьи, родственники отказались от него. Его подпольная ячейка интернациональная: сам Улубий кумык, а ещё входили аварец, лезгин, русский, лакец и даргинец. Горское правительство совместно с деникинцами решением шариатского суда постановило: расстрелять пятерых товарищей за то, что сеяли смуту, а его отпустить. Камеру оставили открытой, не ушёл, не стал спасаться в одиночку. Найди мне сейчас такого! Не найти. Ему было двадцать девять лет. Не видел он радости, всего себя отдал борьбе за счастье трудового народа. На суде Улубий выкрикнул: «Я вырос в ущельях Дагестана, хорошо изучил тяжесть положения горского крестьянина. Вы убьёте меня, ещё тысячу таких, как я, но идею, которая живёт в нашем народе, вам не расстрелять».

— А сегодня идёт расслоение между богатыми и бедными? — заслушавшись, спросил я. — Может так получится, что современникам вновь придётся уходить в подполье и всю борьбу за справедливость начинать заново? «Искра», бомбометатели, «конспиАция», маёвки...

Зайнудин долго соображал, как политкорректно ответить, несколько раз менялся в лице, передёргивал плечами и, наконец, выдал:

— Богатые люди — рабы рубля. В 17-м году буржуи тоже считали, их не коснётся... Ошиблись. И сейчас верхи сами поймут, либо опять низам придётся объяснять, «что такое хорошо, что такое плохо». В Кизилюрте возвышается над городом дворец: его построили три брата, занимались нефтедобычей. Двух братьев убили, третий боится в нём жить — скрывается за границей. Дворец как символ.

А что ещё мог ответить мне Зайнудин?

Зря прицепился к мужику, сам знаю кучерявую историю своей бедоносной страны, сам свято верил в лозунги «Бей богатых! Грабь награбленное! Мир хижинам! Война дворцам!» Сам вижу итог, вижу последствия...

Уважение к старшим — залог спокойного будущего.

Каждый человек, по убеждению аксакалов, должен назубок знать семь поколений своих предков. Родословная Дагестанских народов испокон веков старательно велась в родовых книгах, хранившихся в мечетях. В них на арабском указывалось: кто, когда родился, кто хозяин дома, сколько штук у него женщин (имена женщин не писали), сколько в ауле баранов, ослов, быков. В мечети многие учёные-алимы отдавали свои библиоколлекции в собственность — вакфа. В 37-м энкэвэдэшники-арабисты почти все книги уничтожили. Малую толику удалось спасти, спрятав. Рассказывают, целую неделю горели древние манускрипты. Советская власть пыталась таким образом вычеркнуть святое, стереть, обнулить память людей, перезагрузить мозг и туго набить его красными лозунгами. Лишь на седых дагестанских камнях сохранились следы Кавказской Албании, римские надписи, иудейские заветы на иврите и арамейском языке.

Но это — лирика...

Одно меня занимает крайне, мучает, не даёт покоя: вся Российская империя была страной глубоко религиозной; в центральной части, на севере и много ещё где, — православие; здесь, в Дагестане, — ислам. Вопрос, который терзает и до сих пор рвёт мою душу на части, я бы сформулировал так: «Почему вера православная и мусульманская оказались не в силах остановить кровавую вакханалию БРАТОУБИЙСТВЕННОЙ войны, а сама страна в итоге... накрылась?» Значит ли, что и сейчас религиозные институты, будучи восстановленными в полном объёме, никакой гарантии не дают от суицида страны, от вандализма?! Вот бы у кого спросить... Люди охотно спорят из-за религии, сражаются, погибают за неё, — но только не живут по ней.

А ещё, выясняется, настоящее не бывает без прошлого.

Глава администрации с. Улубиаул, желая упорядочить размер калыма, вверенной ему джамаатом властью издал декрет: «Сумма выплаты в пользу семьи девушки, не должна превышать 100 000 рублей; подарки к 8 марта и другие упраздняются». Цель благая — равенство жителей села. Опять «равенство», снова «братство», снова по указке...

Революционные традиции, точно сорняки сквозь асфальт, пробиваются по мере сил. Пока в Карабудахкентском районе они сохраняются. Улубий погиб, но дело его живёт. Экскурсия в музей подошла к концу, дальше по программе посещение мятежного, вечно революционного села Губден. Как в песне поётся: «Есть у революции начало, нет у революции конца!»

К великому сожалению...

Рассеялся в горах туман,
Путь ясен впереди.
Своих баранов, о чабан,
Ты в коммунизм веди. [2]

*

Примечания:

[1] Председатель Совета народных комиссаров РСФСР Владимир Ленин в своём письме Г. Зиновьеву 26 июня 1918 года;

[2] Расул Гамзатов, «Мой Дагестан».

Кубачи

*Подними любой придорожный
камень и под ним найдёшь кубачинца с
верстаком.*

Даргинская пословица

В знаменитом ауле Кубачи, где трудятся всемирно известные мастера-златокузнецы, Ибрагим, заведующий музеем, любезно согласился показать нам уникальные экспонаты:

— Это сабля 17-го века. Она принадлежала иранскому завоевателю Надир-шаху. Клинок по форме — змеиное раздвоенное жало, при ударе вырезает мясо куском, рана не заживает. Уникальная сабля! Когда Надир-шах на коне скакал, сабля наголо, между лезвиями ветер гудел-свистел, как будто всемогущий шайтан летит, не человек. Лезвие можно согнуть вокруг пояса воина, золочёный эфес. Даже внутри, смотрите, какая тонкая работа... Рисунки, червлёные золотом, по всему лезвию змея тиснением. Дагестанские пацаны отобрали у него эту саблю...

Я с умным видом взял клинок в руки, изумлённо поцокал языком.

— Вот здесь изображены шатёр и лев с саблей — личный знак Надир-шаха, надписи на фарси. Учёные историки приезжали из Москвы, пытались расшифровать, но не смогли. Жалко. Наверняка, написано что-то значимое.

— «Здесь был Вася!» — предположил я.

— Возможно... Надир-шах во время нашествия побоялся заходить в село Кубачи, отправил вперёд дозорных. А кубачинцы — искусные мастера-оружейники, изготовили огромную деревянную пушку. Когда к селу приблизились разведчики, они выкатили её на крышу дома, забили порохом, подожгли фитиль... Пушку разорвало вместе с саклей, взрывной волной повалило вражеских лазутчиков. Те в ужасе: «Если здесь всё разнесло, представляем, что стало с войском правителя». Побросав оружие, они бежали. Следом в панике удирал от стен села и Надир-шах, бешеный пёс.

— При случае обязательно поделюсь этим военным секретом с министром обороны России.

— Про Кубачи рассказывают ещё одну легенду. В Персии в старину прослышали, что есть искусные кубачинские мастера, и прислали сюда тонкую, точно волос, золотую проволоку:

— Покажите, что сможете сделать из неё.

Кубачинцы просверлили золотой волосок насквозь и отправили назад, со словами:

— Мы из таких заготовок трубы делаем.

Ибрагим перешёл к следующему стенду:

— А это шашка. Настоящая кубачинская шашка. У неё лезвие прямее, чем у сабли. Сталь из соседнего селения Амузги, амузгинские клинки не уступали дамасским. На рукоятке надрез такой, многие спрашивают, для чего? В музей приезжал начальник электросетей нашего района, высказал смелое предположение: «Пиво открывать!» Но историки из Москвы не приняли нашу версию: «Раньше кремниевые ружья заряжали через ствол: из пороховницы насыпали порох. Так вот, чтоб открыть пороховницу, использовали разрез на рукояти шашки».

Больше часа мы переходили от шашки к сабле, от сабли к кинжалу, от кинжала к пистолету, от пистолета к винтовке, от винтовки к пушке... В заключение Ибрагим сообщил:

— Как Вы знаете, дагестанцы — не воинственный народ, потому мастера-кубачинцы изготавливали и мирную продукцию: вот медные кувшины для переноски воды — мучалы.

— «Мучал» — это по-даргински?

— По-кубачински, у нас язык кубачинский. Раньше в паспорте так и писали «кубачинец». Я числюсь даргинцем, но язык их не понимаю.

— Я тоже. Оказывается, не один такой.

— Мучалы разные: на десять литров, на два. Леди гор изящней ступают по козьей тропе с большим кувшином за спиной, когда в качестве противовеса впереди этот маленький. И заодно, вторая рука не пустует, чтоб лишний раз за водой не ходить. Всё — для удобства женщин...

Фото

А этот кувшин называется «стоячий». С эротическим носиком. Специально такой носик делали, чтобы струя под давлением была сильнее, и жена, когда поливала воду на руки мужу — могла стоять подальше, чтоб даже случайно не коснуться тела. Если женщина коснётся мужчины, осквернит тем самым и его.

— Как это?! — оторопел я. — Почему жене нельзя касаться собственного мужа? Как же у кубачинцев появляются дети?

— О-оо! Это таинство... — Ибрагим сладострастно зажмурился.

*

Знахари

*Когда в ауле все здоровы,
знахарь болеет.*

Арабская пословица

Нетрадиционная медицина — это как раз то, к чему все присматриваются на Востоке.

Профессор медицины, бывший главврач ЦРБ Гуниба Абдурахман меня заинтриговал:

— Двадцать лет назад была у меня необычная пациентка Мариам из села Кородах, у неё злокачественная опухоль правой руки. Я изучил результаты гистологических анализов, их для достоверности делали дважды — сначала в Махачкале, потом отправляли в Ростов-на-Дону. Уже на первом этапе требовалась, по всем показаниям, немедленная ампутация руки вместе с лопаткой. А та упрямо твердит своё:

— Куда я без руки? Муж слепой, дочь — инвалид.

— Но, всё может кончиться совсем плохо...

— Сколько проживу, столько проживу, — и написала расписку.

Через год — к тому времени я уж подзабыл про пациентку — встречаю её на улице в Гунибе: марширует, такая бодрая, в такт шагам руками размахивает, и... больная рука на месте. Вылечилась народными средствами. Как и что — не интересовался.

Почему профессору медицины такие загадки безынтересны, один Бог ведает. Я-то встрепенулся сразу, как легавая, едва поведя носом «сделал стойку». Решил разыскать эту Мариам, во что бы то ни стало.

Я её искал и... нашёл.

Мариам с вилами в поте лица трудилась по хозяйству. Июль — страда деревенская.

Узнав, зачем пожаловал, отложила работу, проводила в дом. Рядом копошились внучата, Мариам поглаживала их, изредка нюхала табак и вспоминала подробности своего чудесного исцеления.

— Обратилась к Муртузали — наш целитель известный. У его предков лечился весь Дагестан.

Я настроился на долгую беседу с Мариам, угнезвился поудобней на диване и скорее машинально, чем из интереса, уточнил:

— Где этот Муртузали живёт?

— По соседству, — невозмутимо ответила Мариам.

— ...Как? — не может так подфартить. — Уехал куда-нибудь? — всё ещё не веря удаче, предположил я.

— Дома. Сейчас ему дочка позвонит.

И через полчаса я уже сидел в гостях у Муртузали, внимал ему, открыв рот, не забывая записывать.

— Мой прапрадед Кебедгаджиев Кебедгаджи был лечащим врачом имама Шамиля.

— !

— Мой отец в 1914 году закончил в Буйнакске медицинскую гимназию, но после революции работать врачом ему не разрешили, пациенты к нему на лечение приезжали тайком. Мой сын после окончания мединститута работает врачом в Махачкале. Получается целая династия!

Как тут не открыть рот в изумлении: предо мной потомок личного лекаря Шамиля!..

— Каждый день человек десять-пятнадцать приезжает. Лечу опухоли, любые, эпилепсию, экзему. Не просто лечу, вылечиваю. Не всем, конечно, помогает одинаково. Бывает, обращаются слишком поздно. На всё воля Аллаха! Медицина официальная у нас на человека смотрит поверхностно, без души. Да и мало знают дипломированные эскулапы. Хотя, зачастую, цвету белого халата люди доверяют, а династию знахарей считают шарлатанами.

Мне вспомнилась чья-то восторженная реплика: «У нас в психиатрии, кто первый надел халат — тот и врач!»

— Был случай, — продолжал Муртузали. — Русский офицер, родственник командующего генерала Воронцова, получил сильное ранение в ногу. Врач Пирогов заключил: «Придётся ампутировать, других вариантов не существует». Офицер отказался. Аварец, который служил в царской армии, посоветовал обратиться к моему прапрадеду, тот вылечил. Пирогов встречался с прапрадедом и подарил ему, в знак уважения, медицинские инструменты. Сейчас они хранятся в музее Гуниба, — Муртузали с небес гордо поглядывал на меня...

А ещё меня поразил рассказ офицера ФСБ:

— На скорости 180 километров улетел в кювет: компрессионный перелом трёх позвонков. Помогли выбраться из машины, повесили на турник за кисти, чтобы нагрузки не было на ноги, и тело выровнять. Провисел около часа, затем в больницу, сделали снимок, сразу к лекарю-костоправу. Он сначала дал отлежаться, укрыл курткой, я дрожал от холода, дал деревяшку в рот:

— Больно, кричи!

Диски вылетели вовнутрь, и он полчаса вправлял, затем обвязал меня плотно простынёй.

— Смотри не шевелись.

Часа два я отлежался и сам ушёл от него. Ноги уже не болели, слушались, осталась только боль в спине. Сделал второй снимок, врачу подаю оба.

— А где больной?

— Вот он я.

Врач не поверил.

Случилось это в селе Муцалаух, Хасавюртовского района. Тот Гаджи-костоправ умер, его сын лечит.

И в каждом районе у своих провожатых я интересовался талантливыми знахарями. Со многими удалось встретиться, обстоятельно побеседовать. Так, в Ногайском районе я записал старинный рецепт лечения малярии: «Родственникам нужно неожиданно сбросить больного в водоём». Испытав сильнейший шок, искупавшись, пациенту не оставалось ничего иного, как выздороветь. [1] Народная молва утверждает, что страждущие в Дагестан прибывают на костылях, а уходят своими ногами. (Интересно, бывает наоборот?)

— Как можно не верить в знахарей! — возмутился Солтан из Бабаюрта. — Я буквально сегодня утром вылечил человека.

— Что с ним? — приготовился стенографировать я.

— Он умирал! Правда.

— ..?

— Принёс ему бутылку холодного пива. Считается, это «знахарство» или нет?

— Думаю, считается...

P. S.

Русский мыслитель девятнадцатого века Пётр Чаадаев призывал современников и потомков: «Изучайте Восток, этот великий музей традиций человечества». И наметившаяся в последнее время тенденция внимательного отношения к восточной культуре, к медицине не случайна. Ведь Восток — это колыбель мировой цивилизации, в недрах которой зарождались не только нравственно-эстетические каноны общества. И сейчас, после поездки, я с гордостью называю себя «лицом кавказской национальности».

*

Примечания:

[1] М. Б. Гимбатова, «Народная медицина ногайцев»;

Заимка

أَبْقَى ظَهْرًا وَلَا قَطَعَ أَرْضًا لَا الْمُنْبِتَ إِنَّ

*Отставший и цели не достигнет, и живого
места не оставит под седлом.*

Арабская пословица

Рутульский район, горы, село Микить, свадьба, банный котёл на костре, бравый горец перемешивает совхозными вилами булькающие куски баранины, дурманящий аппетитный аромат мясного бульона, тосты... Всё это, конечно, да! Интересно... Но увиденное начинало повторяться. Это мероприятия массовые, «общий план». А мне хотелось «наехать планом крупным» на конкретных горцев, неспешно потереть с ними, расспросить о том, о сём, заглянуть в глаза, насладиться разговором... Господь услышал мои чаяния и послал в высокогорную заимку гостей из Махачкалы.

А вот начиная с этого момента, внимание!

Убеждён, такое бывает лишь в Дагестане: Насир и Байрамбек, сопровождавшие меня, сочли возможным добраться до укромной сакли, заявиться туда незванными и хозяева заимки не послали меня на хрен!!! (Баркалла им, до неба!)

По канатному мосту мы перебрались на правый берег горной реки и пошли вверх по течению, где долинами, где взгорьями. Оказалось, легче всего подниматься в гору, сцепив руки за спиной, на поясице. (Я вспомнил добрым словом своего деда Лёшу, это он научил.) И вот когда до цели оставалось меньше километра (вон она, серая саманная сакля на южном склоне, залитая солнцем), тропка неожиданно вынырнула на крутой обрыв: вверху, почти отвесно, высоченная скала; далеко внизу грозный рокот полноводной бешеной реки; склон в постоянном движении, гравий, крупные камни, сдвинутые ветром, сползают медленной упрямой лавиной в буйный грохочущий поток цвета какао... Да и тропка... Громко сказано. Кто по ней может пройти? Ну, если только горные козы, у которых с рождения не четыре, а лишь два левых или правых копыта. В таком случае, по одной ниточке, след в след, шаг за шагом — поверю. Насир, не останавливаясь, не сбавляя темпа, склонился на бок, повторяя рельеф склона и, едва касаясь одной рукой сыпучего гравия, другой балансируя в воздухе, стал пробираться над обрывом.

Байрамбек осторожно приблизился к краю пропасти, опасливо глянул вниз, тут же отпрянул, скомкался:

— Я что, совсем ненормальный? — Красный, испуганный он присел на корточки. — Здесь вас подожду. Буду я ещё из-за шашлыка шею ломать...

Насир, преодолев опасный участок горной тропы, улыбался и призывно махал нам рукой:

— Байрамбек, ты-то чего боишься? Не позорь нас перед гостем. Ты же горец!

— Нет. Нет и нет, — угрюмо твердил себе под нос бледный Байрамбек.

А что делать мне? Ведь добираться до заимки моя прихоть. «Была — ни была!»

Точно повторяя телодвижения Насира, я изогнулся боком, и, почти касаясь левым плечом склона, стараясь не глядеть в пропасть, стал продвигаться по тропке...

— Так! Молодец, молодец... — подбадривал Насир, глядя мне в глаза, кистями рук ритмично подгребая на себя воздух. — Помаленьку, давай на меня...

Холодный пот струился у меня меж лопаток. Ещё двадцать метров, пятнадцать... Из-под ноги шурша струился гравий, устремляясь к реке, увлекая по пути со стуком, грохотом камни.

— Не останавливайся!

...Пять метров осталось. Последний шаг...

Всё! Ух-х!!!

Я — на ровном каменном балконе.

Перед глазами восторженный простор... Дыхание перехватывает от этой Божьей красоты!

Вокруг — величественные горы. Горы, лучше которых, могут быть только горцы. Полной грудью вдыхаю чистейший воздух, наполненный ароматами альпийских трав, не могу насытиться, наглядеться и понимаю, что стоило преодолеть долгий путь, собственный страх и добраться сюда ради этого глотка восторга.

— Ты не чабан! — гневно кричал Насир, наблюдая, как скрываясь и выныривая, удалялась спина Байрамбека. — Ты сын чабана!!! Александр, про него тоже напиши: давать одну слащавую информацию — значит, исказить реальную картинку. Пером Дагестан не очернить, из песни слова не выкинешь. В отаре обязательно должна быть хоть одна чёрная овца, тогда легче сохранить весь гурт.

Солнце тем временем жарило под сорок, на «четвёрку» включилось.
«Скорей бы в тень! — мучительно думал я. — И воды глотнуть!.. Ледяной воды...»

Рядом с саклей костёр, на огне большущий таган, вокруг хозяйничают раздетые по поясу мужики: кто колдует над варевом, кто подкладывает дрова в костёр, кто передёргивает затвор «Калашникова», отсылая патрон в патронник...

Узнали Насира, мирно отложили автомат в сторону.

— Не стреляйте в музыканта! Он играет, как умеет.

— Салам алейкум! Хочу познакомить вас с писателем из России: Александр — собирает легенды, тосты...

— Тосты? Это вы удачно зашли, проходите в дом, в тень, присаживайтесь к столу...

В махонькой сакле меня охолонула стынъ. На улице — ад, пекло, а тут...

— Откуда здесь холод такой? Дверь открыта настежь, а внутри, словно холодильник.

Насир довольно улыбнулся:

— Саман. Уникальный материал для постройки жилья. Зимой держит тепло, летом — холод. В бетоне, в любом бетоне, имеется хоть небольшой, но фон радиации. В земле его нет. Земля — источник долголетия. Когда человек обрабатывает землю, негатив уходит из организма, положительная аура нарастает.

Не давая угаснуть, мысль подхватил крепкий горец с густой флорой на торсе:

— Про благотворное действие земли... Безнадёжному больному врач советует: «Займитесь огородом» — «Заче-еем?» — «Чтоб к земле привыкнуть».

— Сейчас каждый из нас по очереди расскажет что-нибудь о нашем любимом Дагестане: кто притчу, кто анекдот, кто предложит тост... А ты записывай, дело важное! Для начала, чтобы наглядно показать тебе интернациональный Дагестан, я обозначу национальную принадлежность каждого: вот, рядом с тобой Тимур, это рутулец, дальше два брата цахурцы, я кумык, Али Ахмедович — даргинец. После развала СССР землю сотрясали нескончаемые конфликты, где представлены лишь две титульные национальности. Совсем другое дело Дагестан: более тридцати языков, тридцать семь национальностей. Две армии друг с другом могут воевать, а тридцать семь армий? То-то и оно... Хрен разберёшься, кого мочить. Поэтому первый тост — за мир в Дагестане. Александр, давай чокнемся... Кстати, знаешь, откуда пошла традиция «чокаться»? Из гостеприимного Востока. Когда бокалы, заполненные до краёв, ударяли друг о друга, хмельной напиток плескался из бокала в бокал, и если вино отравленное, то смерть угрожала не только гостю, но и хозяину дома.

— Профилактика отравления?

— Да. Пусть Ваш приезд принёс барракт всем!

— Ну, теперь по старшинству, наверно, я, — взял слово седовласый горец. — Однако у нас не лекция — застольная беседа. Поэтому разговор мы будем вести под шашлык. И первая порция — гостю, гостю... с диким укропчиком.

— «Дикий укроп» — это что, злят домашний?

— Нет, просто в горах растёт. Я в Москве в аспирантуру поступал, захотелось мяса. Повариха в столовой отвечает: «Мяса нет, одна баранина!». Александр, прошу тебя, не повторяй её слова. Лучше мяса, чем молодой барашек, не бывает. Особенно, когда запиваешь наваристым бульоном. Врача Пирогова во время Кавказской войны угостили хинкалом: тесто варёное, мясо. Он не стал отказываться, отведал угощения и всё-таки не утерпел: «Такая тяжёлая еда. Вы сами себя калечите! Это же яд». И тут хозяйка приносит горячий бульон. Он отпил: «...У вас оказывается и противоядие наготове». Гасан, вместе работаем, — большой любитель хинкала. Живёт сейчас один, жена с детьми на лето переезжают в Махачкалу. Он в шесть часов встаёт, замешивает тесто, нарезает варёное мясо... За пять минут может себе хинкал приготовить. На завтрак уплетает хинкал, на обед — хинкал, на ужин — хинкал, в гостях — только хинкал.

У него свой круг друзей, один мне рассказывает:

— Я Гасану, вот так сделал! — показывает руку, согнутую в локте, увенчанную кулаком.

— Подколол?

— Да!

— Как?

— Пригласил в гости, сказал: «хинкал».

Он приходит такой счастливый, в предвкушении... А я ему борщ подсунул.

Вид смачных румяных кусков на шампуре отключил меня от беседы...

Пищевые рецепторы-анализаторы блокировали на миг все другие органы чувств. Зажмурившись, урча, я с несказанным блаженством доедал второй кусок, когда вновь обрёл слух...

— ...Абдулкадыр у нас. Вон, полюбуйся на Гаджи: если ты думаешь, он волосатый, так он лысый рядом с ним.

Гаджи грустно кивнул.

— Приехали к Абдулкадыру из Москвы профессора-академики: «Поведи нас на охоту на крупного зверя». А он страстный охотник: знает повадки, места, пустым из леса не возвращается. Согласился, но предупредил московских гостей: «Там в одном месте по отвесной скале нужно подняться. Я иду первый, вы следом. Наверху встречаемся». Вышли по холодку, но пока Абдулкадыр на верхотуру забирался, вспотел, снял с себя всё и сел отдохнуть лицом к солнышку, к тропе спиной. Ждёт москвичей час, ждёт два. Нет. Начинает проклинать: «Мне, вообще, это на хрен не нужно. Все дела бросил, припёрся на гору, их нет!» Психанул, стал спускаться, сидят у подножия мрачные. «Вы чего здесь?» Выяснилось: московский профессор поднимался, как сказали, по отвесной тропе и вдруг впереди... сидит! большое, косматое, шевелится. Решил: снежный человек. Тихо-тихо назад... «Вай, бараны, это же был я! Орёл горный, грубошёрстный!!!» Всё закончилось тогда мирно, никто из животных не пострадал.

Давайте, чтоб и впредь!

— Махмуд, теперь ты!

— После брата не знаю, как говорить. После него говорить нелепо. Вдруг скажу лучше... Мало кто имеет такого брата.

— Мы все имеем.

— ...Ницше считал, миром правят секс, страх и голод. Не согласен.

— Ты не принимай его слова близко к сердцу, Махмуд. Он не из нашего села, он аварец.

— Так вот, я считаю, мир держится на человеческих отношениях. Не быть равнодушным к близкому, поддержать младшего, уважить старшего. Это важно. Это в Дагестане на первом месте. У меня сосед Камил — старику восемьдесят четыре года, у него руки сильно трясутся. Здоровье ни к чёрту. Жалуется моему отцу: «Тагир, слюшай, руки трясутся, не знаю, что дэлать? Пока один раз писаю, два раза кончаю». Его зять каким-то образом узнал, что кокаин на время эту трясучку снимает. Взял и посадил тестя на наркотик. У старика не только руки стали впадать в затишье, он ещё временами кайф ловит. Аллязат! [1] В итоге, этот зять из пяти стал самым любимым. Я-то, не разобравшись, влез:

— Ты чё из деда наркомана делаешь?

А он мне популярно:

— Сам подумай: ему так и так жить мало осталось. Он что пойдёт в поисках дозы воровать, убивать? Жизнь была тяжёлая, пусть хоть остаток дней покайфует.

Зять ещё про него рассказывает:

— Руки трясутся, почти не видит, еле ходит, а джигит ещё хоть куда. Три раза женат. Халимат, тёща, — его третья жена, на двадцать четыре года младше. Мой сын, школьник, решил над ним подшутить. Надел платье, повязал платок. Усов ещё нет. Подсел к деду, начал с ним хохмить: «Мне тридцать лет, развелась я, пришла к тебе. Ты мне давно нравишься». Мы с женой наблюдаем из дальней комнаты, что будет. Дед на кресле выпрямился, приосанился, положил руку на колено внуку. Восемьдесят четыре года! Начинает гладить... Смех на меня как накатил, молча давлось. У жены от натуги слёзы катятся, сучит ногами, шуршит. Зрение у деда плохое, а слух хороший. Насторожился. Мы затаились. Опять тишина, подуспокоился. Рука на грудь к внуку пошла.

— Руку убери, говорю. Я порядочная. Без свадьбы нельзя.

Дед помаленьку распаляется. Зовёт тещу, приказывает:

— Халимат, ей со мной постели, сама ложись в другую комнату.

Во какой дух!

Этой осенью старику сделалось совсем плохо. Умирает. Родня собралась, скорбят. Он приподнимает голову над подушкой, командует:

— Уходите, Халимат пусть останется...

Тёща заупрямилась, старик так и умер. Все единодушны: от обиды.

— Али, давай! С тебя — быть.

— Я расскажу про Великого Расула. Мы жили в Махачкале в угловом доме на улице Советской — Чернышевской. Через забор перемахнёшь и сразу оказываешься в саду Расула Гамзатова. А жена Расула — Патимат, тётя Патя мы звали, женщина суровая, властная. У неё всегда были заготовлены коротенькие чурки — для шашлыков в самый раз. Держала она их под каждым деревом, чтобы в любой момент под рукой оказались, нас сбивать. В кого-то попадёт, в кого-то промажет. Мы для неё были своеобразными кеглями боулинга. Начинала за нами гоняться, мы кричим, уворачиваемся... Ей, думаю, весело и нам весело. А Расул выходил на крыльцо и добродушно произносил:

— Я-аа, Патымат, оставь, да слушай! Это ж дэ-ээти.

Такой добряк был, да. Помню, к нам гости приехали, а отец у него. Мать мне поручает:

— Иди, позови, «гости» скажи.

Знает, если не позвать, может до утра просидеть. У Расула каждое слово на месте, каждая фраза — афоризм. Вот его можно подряд записывать, какой-то самородок был.

Я иду туда:

— Тётя Патимат, папу можно позвать?

— Ну, зайди сам, их не так легко поднять.

Захожу в комнату, со всеми поздоровался, на ухо отцу: «Пап, гости пришли».

Он мне:

— Хорошо, здесь подожди, — видимо, чтобы не забыть, что нужно-таки идти.

Я стою у двери, жду. Все какие-то тосты говорят, а я гляжу только на Расула. Он встаёт, протягивает бокал собеседнику:

— Налей мне сюда.

Налили ему коньяк, он коньяк любил, а один из гостей, его лечащий врач:

— Расул Гамзатович, Вам же нельзя. Нельзя! У Вас давление.

— Лучше давление, чем томление.

Вот такой человек был.

Помню ещё, я студент, завтракаю на кухне. Смотрю: мимо тринадцатой школы идёт Расул. Не знаю, откуда возвращался. Улыбка на всё лицо, розовый такой румянец. И когда он шёл... Там достаточно оживлённая улица (Советская — одна из главных артерий Махачкалы), все машины останавливались, его же все знали. А он как шёл, так и шёл, ни налево, ни направо. У меня сердце ёкнуло: «Не дай Бог, сейчас какой-нибудь мудака попадётся, собьёт». Он как шёл, так идёт, ему по барабану, какой свет горит, идёт своей дорогой, точно святой. Никто не сигналит, никто не спешит, никто не бузит. Вот Расул прошёл, и тогда все спокойно поехали.

До последних дней хохмил. Рассказывают, в кафе гостиницы «Россия» все заказывают:

— Одно кофе.

Приходит Расул и буфетчице:

— Дайте мне, пожалуйста, один кофе...

Та, радостная:

— Наконец-то появился грамотный человек, правильно сказал...

— ...и один булька.

Мы, когда отправлялись в Москву по делам, решить серьёзный вопрос, представлялись:

— Племянник Расула Гамзатова.

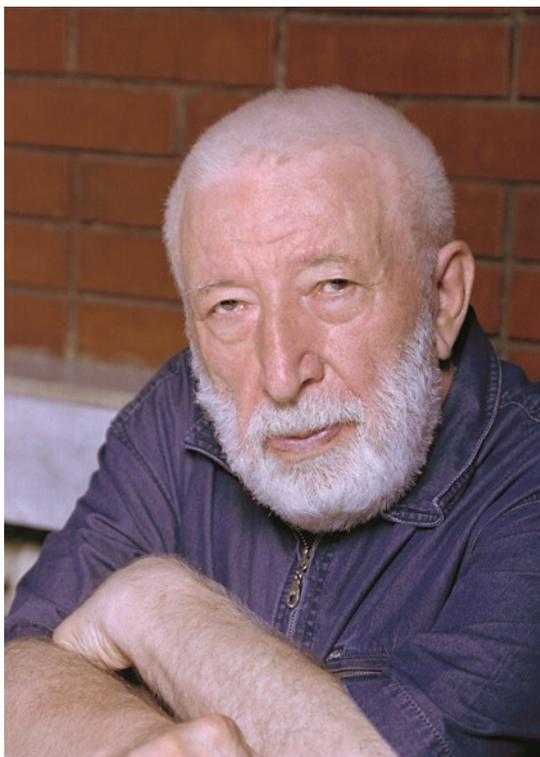
Никто не знал, что такое Дагестан, где это? А Расула знал весь Советский Союз. Частенько и мне, и другим его землякам приходилось выступать в роли детей лейтенанта Шмидта. Расула Гамзатова не стало — потеря для нас невозможная. Но жизнь не останавливается, бросает новые вызовы. Не скажешь: «Остановите планету, я сойду!» Нужно идти дальше, вперёд. Напишите о Дагестане, какой есть: не приукрашивайте и не принижайте. Женщину красят не напомаженные губы — внутренний свет души. Забудьте за нас чистое слово. А теперь, Александр, отведай

изысканный деликатес — баранью голову, любимое лакомство Расула. Тебе уступаем исключительно, как гостю и писателю.

Он поставил предо мной чеканное блюдо с парящей башкой. Выпученный бараний глаз смотрел на нас с нескрываемым интересом.

P. S.

Фото Зургалов Хаджимурад: Расул Гамзатов

Мне не удалось по жизни встретиться с Великим Расулом, потому я слушал и помалкивал.

Хотя буквально распирало от чувств к великому аварцу, поэту России. Помню, в восьмидесятые годы достал на ночь книгу Расула Гамзатова «Мой Дагестан». Думаю: как осилить, не заснуть? Утром книгу нужно отдавать. Взял шёлковую нитку, один конец привязал к книге, другой сверху к дощечке, на дощечку стакан воды: как засну, книга выпадет из рук, стакан с водой упадёт на голову и разбудит. В Хунзахском районе я первым делом посетил отчий дом Расула Гамзатовича и не упустил случая посидеть в его личном кресле у рабочего стола: если не получается через сердце, разум, может вот так... через... кресло, хоть малая толика таланта передастся мне. (Хочется ведь!) А в Махачкале мне удалось познакомиться с Салихат Расуловной — дочерью поэта. Она пригласила в гости, мы много о чём переговорили.

Я боготворю Великого Расула, этого мастера ладного крылатого слова.

*

Примечания:

[1] Аллязат (арабск.) — самый кайф.

Магомед-легенда

*Если можешь быть орлом, не стремись
стать первым среди галок.*

Пифагор

С начальником РОВД Кизилюрта Магомедом Алиевичем Магомедовым мне хотелось познакомиться уже несколько районов назад:

— Коллеги называют Вас «легендой».

— У нас в Дагестане, что ни горец — легенда. Просто я два года — 2008-й, 2009-й — был командиром республиканского СОБРа — самая мужская должность МВД.

— Девять часов вечера, а Вы на службе...

— Раз обстановка такая, рабочий день начальника милиции начинается с семи утра. В семь приходишь, докладываешь министру, что раскрыто, что нет, что планируешь сделать за день... Ну, и домой в девять-десять. Иначе, как ситуацию контролировать? Там подрыв, здесь обстрел: Хасавюрт, Хасавюртовский район, Кизилюрт, Новолакский район, Казбековский, Карабудахкентский — передовая. В этом месяце нашли три взрывных устройства перед магазинами. Предварительно владельцы магазинов получили предупреждение: не продавать спиртные напитки. Но почему-то не привели в действие... Тоже интересно. В Кизилюрте создали объединённый РОВД — «город и район», но все остальные структуры остались самостоятельными: налоговые инспекции разные, всё разное... Главы районов — у каждого своя политика, а должна быть одна. В Дагестане так, здесь детдомовских нету: за кем-то кто-то стоит, круг такой.

— Магомед, почему люди зачастую радуются: «Вчера опять мента убили!»

— Теперь самое опасное в Дагестане — сесть в милицейский УАЗик и прокатиться по Махачкале. Страшнее этого ничего нету. Да ещё вдобавок форму натянуть. Проверяющие из Москвы задают вопросы: «Почему не видать патрульно-постовых служб? пеших? конных нарядов?» Прежде, чем задавать такие вопросы, прокатились бы сами в милицейском «бобике» от края до края по Махачкале. Почему?.. Хы. Потому, что милиция сейчас по родному населённому пункту передвигается короткими перебежками. Убивают за то, что носишь форму. Что сделал кому-то хорошо, кому-то плохо — мало волнует. Никто подсчитывать не собирается. Милиция — буфер, сдерживающий фактор между уличным беспределом и властью. Не будет милиции, они пойдут вверх. Меня спрашивают: «Почему человек из вашего города в лес ушёл?» Что могу? Какие у меня права? Разве могу ему работу дать? Машину? Денег? Вот когда он ушёл в лес и взял в руки автомат, я знаю, его нужно ликвидировать, а до того... С ним кто должен работать — родители, садик, школа, администрация, исламское сообщество, джамаат. Однако, все по сторонам, остаётся одна милиция. Так же не бывает. Милиция не для этого создана.

Пока на уровне Президента России не поставят вопрос, как в Чечне или в Ингушетии, — не будет порядка. Как в шахматах: или туда иди или тебе поставят мат. Там обязали глав администраций городов-районов лично отвечать за ситуацию. А то половина глав работают на лес, их поручения выполняют, ведь не секрет. На это закрывают глаза: «Лишь бы меня не коснулось», — каждый думает. Хотя полностью, как в Чечне, в Дагестане не сделать. Там один хозяин — как сказал, так и будет. Там одна нация, а здесь более тридцати. И никогда одна народность не ходила в подчинении у другой. Каждый тухум считается самостоятельным, самодостаточным. В Чечне Президент может вызвать любого главу района и заявить: «Ты не справляешься. Пшёл вон!» Здесь, в Дагестане, так сделать не может. А 131-й закон ещё долго будет икаться.

Сегодня в Махачкале было заседание, проводил зам Ген прокурора России. Повестка совещания: «Как стабилизировать обстановку?» В течение трёх часов перечисляли, сколько бандитов уничтожено и до чего восхитительно красиво налажено взаимодействие между разными службами. Но почему всё-таки люди уходят в лес нарастающими темпами, и как сделать, чтоб не уходили... Я попытался вернуть собравших к обсуждению намеченного вопроса, кричу с места: «А как всё-таки стабилизировать обстановку?» Не услышали. В этом победном гуле не услышали меня. В эйфории отошли от главной темы и забыли, зачем собственно собрались. Как будто не

собственный народ уничтожаем... словно над другим государством победу одерживаем — немцев под Сталинградом громим.

Нет нормальной идеологии, патриотического воспитания нету, контрагитации нету. Поэтому бандиты выигрывают по всем фронтам: и в плане агитации, и в плане вербовки, и в глазах народа становятся героями. Кроме прокуратуры, ФСБ, милиции — всем до лампочки, никто палец о палец не ударит. Да сотрудники милиции разные... Говорю:

— Э! Надевай бронезилет, каску. Тебя же могут убить!

Стоит в рубашке, лыбится, думает, его не коснётся, рядом товарища замочить могут, его — нет. А когда ранят- убивают, возмущается: «Куда начальник милиции смотрел?» На совещании привели пример. В Америке существует порядок для военнослужащих в горячих точках: Ирак, Афганистан, любых... Если боец получает ранение при снятой каске, бронезилете, то денежную компенсацию не выплачивают, на боевой операции обязан быть в полной экипировке! А у нас хоть в трусах стой: «Жарко...», — ноют. В Афганистане разве не жарко? Жарко. Не снимают же они. Трудно объяснить нашему милиционеру, в ответ отговорки: «Только снял, вон сейчас только снял...» Детский лепет! А что происходит, когда убивают сотрудника милиции? У каждого милиционера близкие: отец, мать, жена, сестра, брат... Они все наутро выстраиваются перед РОВД, начинают требовать: «Квартиру давай! орден давай! деньги давай!» Едет милиционер на машине, взорвали машину: «Орден дай!» За что?! Ордена дают за выдающиеся заслуги, за героизм, за подвиг. Он что этот взрыв предотвратил? А отец строчит по всем инстанциям, вплоть до Президента России. Администрация Президента и МВД России поддержали старика. Добрые... Я своему начальнику штаба приказал:

— У нас 17 погибших товарищей и 25 раненых: кто царапину получил, наступал ли, в панике бежал, в грудь ли в задницу ранили — неважно: на всех подготовь наградные листы и отправь. Всех представить к ордену Мужества! Оптом отправьте.

Не народ на милицию должен работать, милиция — на народ. Но на каждом шагу сотрудники личным примером пятнают образ. Вчера иду через площадь: два милиционера стоят с автоматами перед бабушкой, та сидит, семечки продаёт. Ногами — кошёлку:

— Убери отсюда. Нельзя, сказали!

— Кто сказал?

— Начальник.

Подключаюсь к беседе с населением и сержанту:

— Сюда иди. Разве тебе такое сказал: ногами женщину отсюда прогонять? Мать, я начальник милиции. Я никогда ему такого не приказывал. Это наглец, негодяй. Иди вон туда, где люди дерутся, стреляют. Оставь её, не трогай.

О каком авторитете можно мечтать? Эта старушка будет молиться:

— Хоть бы вас разорвало!

А страстные молитвы исполняются...

Он не помогает бабушке перейти дорогу — ногой пинает, а «лесной» вроде как защищает. Потому одни их называют «Робингудами», другие героями-подпольщиками. Я часто бываю на встречах в школах. Дети задают непростые вопросы: «Почему вас убивают? Почему бандиты свободно перемещаются по Дагестану с оружием?» Как им ответить? Неправду скажешь — смеяться будут. Приходится отвечать честно:

— У нас в МВД Дагестана 17 000 сотрудников. Из них не все честные. Одни приходят работать, другие наживаться, дома строить. У нас какой народ, такая и милиция. Милиция ведь народная? Так же? В КВН задают вопрос:

— Где самые богатые гаишники?

— В Гумбете.

— Почему?

— Там взятки не берут [1].

Я там работал: действительно, взятки не берут. И до меня не брали, и сейчас. Воспитание соответствующее должно быть у человека. Мне подчинённые в Кизилюрте не верят, что у меня был такой отдел. Здесь так и не смог добиться, чтоб сотрудники не брали «на лапу» и гражданские сообщали. Не сумел. Восемь раз выступал по телевизору, давал номер телефона: «Если у вас будут вымогать деньги...» Ни один не позвонил. Звонят в пьяном состоянии, когда за рулём поймали, чтобы отпустили. Я им — открытым текстом:

— На месте с сотрудником ДПС решайте вопрос. Сколько стоит, решайте...

— Он не подписывает.

— Правильно. Я запретил.

Своим гаишникам, когда не смог отучить от взяток, я дал два совета:

— Первое: никогда не прощайте пьяницам. Пьяный за рулём — потенциальный убийца. Второй совет: никогда не вымогайте. Дали вам 100 рублей, скажи спасибо, поставь в карман и дальше работай. 150 не требуй! И тот жаловаться не будет, и у тебя служба пойдёт. Хоть так держитесь. На первом этапе хотя бы так научить. Первая ступенька. Подготовительный класс! По-другому не получается, народ такой.

Случай был: участковый, двадцать лет стаж, машину задержал:

— 1000 рублей давай!

— Только 500 с собой.

— Нет, давай тысячу.

— Хорошо, завтра принесу.

Водитель идёт в УСБ, с опером приходят, 1000 рублей отдаёт, участкового там же с поличным задерживают: не посадили, но из Органов попёрли. Этот пример тоже привожу:

— Решили вымогать, берите тогда 200 тысяч, разрешаю. Поймают: сто туда отдадите, сто судье, хоть на воле останетесь. Приходится учить молодёжь!

Откуда в милиции взятки? Учили платить и брать, начиная со школы милиции в Ленинкенте [2], затачивали под коррупцию с первых шагов. Я это заведение называл «школой террористов». Два года там баклуши бьют, в отдел приходят, получают боевой пистолет с патронами, служебную машину, мандат и вперёд... на заработки. Через Гумбет, где работал, дорога в пять районов: я еду вниз, в Хасавюрт, впереди маршрутное такси. По рации слышу, дежурный на пост сообщает: «Останови маршрутку, скажи водителю, чтобы ведро с черешней передал матери, на остановке к нему подойдут, заберут». Гаишник останавливает жезлом, водитель на ходу по пояс вылезает в окно, орёт:

— Чё, меня не узнаёшь? Каждый день здесь езжу.

Не остановился. Я его обогнал, жду на следующем посту, а это уже другой район. Подъезжает. Гаишник не останавливает, он сам подходит к нему, суёт деньги.

Я водителю говорю:

— Сюда иди!

Подходит.

— Ты почему тормознул? Тебя же не останавливали.

— Здесь один раз не заплатишь, больше не проедешь.

— Значит, ты боишься их?

— Боюсь.

— Правильно боишься. А мои, гумбетовские, тебя по-человечески попросили передать ведро с черешней матери-старухе, не захотел...

Получается, если не брать, в страхе не держать, уважения тоже не бывает. Есть такой контингент: «Не угрожает, власть не проявляет, значит, слабак!» Когда КАМАЗами возят абрикосы продавать, они ящики ставят в самый последний ряд, на ящике пишут: пост ГАИ... Моего поста там нет, Гумбетовского. Начиная с Казбека, и дальше, ящики ставят, потому что не пропустят. По-любому не пропустят. Население испытывает потребность не в уважении, в страхе животном. Другой случай — останавливают водителя с нарушением на Гумбетовском посту, составляют на него протокол, тот кидает деньги, гаишник их назад:

— Мне твои деньги не нужны.

Водила руки к небу простирает:

— Вай-аллах! Что за люди? Хоть взяли бы деньги и нормально пропустили.

Водителям проще регулярно платить, но зато, даже если нарушат, проезжать свободно. Населению, на поверку, некоррупцированная милиция не нужна, населению невыгодно жить по закону. Поэтому никто из граждан и не позвонил мне, не дал информацию о случаях вымогательства. Будут издалека завидовать порядку в Азербайджане, в Арабских Эмиратах, лично нарушая закон на каждом шагу, будут с восхищением рассказывать, какая в Чечне на улицах чистота, и сами мусор выбрасывать с балкона...

— Как Карлсон!

— ...В Чечне кто? Сами жители порядок и навели. На субботах, своими силами. Здесь попробуй выгнать. Начнут возмущаться: «Только нам что ли надо? Пусть убирает, кто первый бросил». И будут из двух с половиной миллионов искать «первого», вместо того чтобы убрать мусор у себя под носом. В отделе люди курящие, выхожу во двор: там бычки, здесь бычки:

- Мужики, некрасиво. Ведь урна есть.
- Гражданские накидали.
- Этим негодьям тоже скажите: для курения у нас отведено специальное место.
- Всё, хорошо, поняли.

Прошла неделя, две. Количество окурков выросло. Уборщица не успевает — как гильзы на полигоне... Начальнику штаба даю указание:

- Сделай мне список курящих по каждому подразделению.

Приносит человек шестьдесят. Дал указание:

— За несоблюдение внутреннего распорядка весь состав по списку лишить квартальной премии.

Объявил приказ и пояснил:

- Кто теперь закурит, тоже не мужчина.

Прошло три-четыре месяца, снова кое-где бычки стали появляться. Подзабыли. Придётся по итогам третьего квартала опять напомнить, может, ещё на полгода хватит. Если сотрудники милиции, офицеры, сознательные люди не понимают, простому народу о чём сказать? Но на одной жёсткости далеко не уедешь, нужна сознательность, нужна вера... Мне вера помогает. Как без веры? Не зря учат: «Если ты состояние потерял, ничего не потерял; если честь потерял, своими делами можешь восстановить её; если веру потерял — всё потерял». Сейчас уразу соблюдаю. Человек после сорока начинает поглядывать на небо... Каждую пятницу я выборочно еду в населённый пункт района, вместе с джамаатом делаю намаз, после пятничной молитвы — сход. Собираю всех, даю им расклад по населённому пункту: правонарушения какие зафиксированы, о ваххабизме веду разговор, прошу задавать мне проблемные вопросы, касающиеся милиции... У них одна проблема:

- Магомед, почему как ты, другие начальники отделов, служб, к нам на встречу не ходят?

И вот так каждую пятницу делаю круг по району. Знаешь, сколько узнаю? Из кабинета столько не разглядишь, сидя в кресле. Подчинённые мне докладывают избирательно то, что считают нужным. «Ненужного» не доложат. А теперь, услышав, что собираюсь в населённый пункт, заранее там стоят, участковый за месяц готовится: подворный обход, все дела, чтобы не получилось, что он знает меньше, чем я. Практикую заходить выборочно в дома, спрашивать:

- У вас участковый кто?

Есть, которые знают. Есть, кто понятия не имеет, «что такое участковый». Нашёл сёла, где, последний раз начальник милиции заезжал двадцать лет назад. Хочется что-то поменять, поднять авторитет милиции в глазах народа. Если министр будет выезжать в районы, встречаться с людьми — тоже плюс. Народ жаждет видеть чиновников, хочет глянуть им в глаза, вопрос задать. А знаешь, почему хакимы не едут? У них лица нет! Рыльце в пушку: «страшно далеки они от народа». Нахапали, кто что мог, и стыдно на глаза показаться. «Сержант милиции виноват!» Простой милиционер что знает? Ему сказали «стой!» — он стоит. Сказали «сесть» — сядет. Вся бала (аварск. — беда) — сверху идёт. Э-хе-хе...

Магомед тяжело вздохнул.

— А я в глаза могу прямо любому смотреть. Меня никто в двурушничестве не упрекнёт: ни у кого ничего не брал, не беру и не буду брать. Совесть не позволяет, намус. Дослужился до полковника, и ни один рубль к рукам не прилип: у меня машины нет, дома нет, дачи нет, но, зато перед Всевышним чист, совесть чиста. Зато могу выйти перед народом и сказать в глаза правду. И убеждён: это правильно.

*

Примечания:

[1] Гумбет — уникальное место не только в Дагестане, возможно, в России. Там действительно сотрудники ГАИ взятки не берут. Всему причиной глубокая набожность населения, искренняя вера, что такие действия — грех. Недопустимый грех. Четыре муфтия Дагестана вышли из Гумбета.

[2] «Права человека в Российской Федерации» — Сборник докладов о событиях 2007 года, «Московская хельсинская группа»: «Продается всё: офицерские должности, звания. Без денег не решить ни один вопрос. Заплатив семь-восемь тысяч долларов, можно устроиться в школу милиции в Ленинкенте. Именно поэтому в ряды милиции попадают люди, склонные к преступлениям. Например, в ОМОН-1 выявлено восемь сторонников ваххабитов».

Новые ориентиры

*Новый йогурт «Дагестанский» —
теперь с кусочками хинкала...*

NN

Река течёт себе и течёт в одном направлении. Она не может пойти вспять.
Только люди кардинально изменяют свой собственный уклад, свою жизнь.
И в Дагестане это заметней, чем где-нибудь...

Дагестан — машина времени, где можно посмотреть на достижения цивилизации в Махачкале, и, спустя несколько часов, попасть в самую глубину веков, в глинобитно-общинный строй. В Дагестане ничто никогда не происходило по команде, одновременно, бесповоротно. Горные аулы, сёла только на карте производят впечатление сообщающихся сосудов, первичных административных единиц. Это крепости. Пожелезней Великой Китайской стены! Непроступные бастионы, готовые на вековую осаду и автономное существование, бастионы со своим языком, культурой, традициями, укладом, адатами, стилем одежды, пищей... У нас лишь староверы Лыковы рискнули бросить вызов цивилизации, любой ценой сохранить истоки... В Дагестане — в каждом ауле есть свои Лыковы! В Губдене женщины, молодые девушки, как ходили в широких платьях триста лет назад, в них и ходят. И в платках больших... Косынка их не берёт, мода не берёт. Для писателя, исследователя Дагестан — Клондайк. Действующее школьное пособие по истории... в натуральную величину. Говорю, и как будто снова там...

Итак, новые ориентиры Дагестана, какие они?

Гаджибуба Рустамов — один из самых уникальных людей в Магарамкентском районе. Он строит для односельчан мечеть. Да ещё какую! Одновременно в ней смогут совершать намаз тысяча человек.

Фото

— В прежние времена на Коране каждый сын записывал имя отца, деда. Вот так память о них и сохранялась в наших семьях. Я знаю семь своих отцов: пра-пра-пра... Шестеро из них покоятся на нашем кладбище. Если считать продолжительность жизни по пятьдесят лет, то всё равно получается триста лет. Триста лет вглубь веков... В годы Советской власти история каждого рода была под запретом. В девяностые годы Президент России Борис Ельцин позволил россиянам исповедовать родную религию. Мой пра-пра-прадед Магомед-Эфенди Ярагский — Великий человек! Захотелось поставить мечеть в память о нём.

Мы обошли всю стройку: помещения для мужчин, для женщин, для будущей библиотеки.

— Надеюсь, эта мечеть в Юждаге послужит тем маленьким фундаментом, где найдётся место для богатых и бедных, для скупых и щедрых. Думаю, здесь найдут приют умные, порядочные, честные люди, которые станут служить своему народу. Хочу, чтобы у них было больше богатства в душе, чем в кармане. И ещё молю, пусть кто-нибудь рядом, наконец, построит новую школу, — грустно сказал Гаджибуба. — Пойдём, покажу, какая сейчас.

Фото

Да, раньше храм знаний строили в первую очередь.
И, по рассказам, не брезговали использовать при строительстве даже надгробные камни...
Дагестан — край контрастов. И новых ориентиров. Жизнь требует перемен. Живут дагестанцы не в безвоздушном пространстве. В частности, идёт, как и повсюду в стране, переименование улиц.

Фото: «Киегла» (кяла — минаретная)

Коммунистическая вера уступила место исламской религии, которая на всех парах возвращает былое влияние, силу: свято место пусто не бывает. В селе Губден, например, на 11600 человек жителей 42 мечети!

Гаджигиши из Кизилюрта вспоминает:

— Летом, на школьных каникулах, гостил у деда в Новочеркее, и он сделал мне обрезание. А кто-то — сигнальчик в райком! К нам на дом заявляется главврач ЦРБ, мне трусы спустил, лично убедился, подтвердил информацию. Отец тогда, в пятидесятые годы работал вторым секретарём райкома партии. За исполнение религиозного обряда его уволили с работы и занесли выговор в учётную карточку.

Сегодня за такое не наказывают, наоборот. Но есть и другие новшества...

Магди Омарову из села Новочуртах не все они по душе:

— Раньше свадьбы играли в сёлах, во дворе. Красиво играли: аксакалы участвовали, дети, женщины. Всё село веселилось. Гуляли несколько дней, у всех праздничное настроение. Сейчас отмечают в Махачкале, в банкетных залах: по списку собирают деньги с присутствующих, пару часов кормят и — по домам. Мой сын, баран, тоже упёрся: «Хочу играть свадьбу в банкетном зале, в Махачкале, как все!». А там плата 180 тысяч рублей за вечер. Стали заказывать: ни одного дня нет свободного... Ха-ха-ха! Слава Аллаху! «Видишь!» — говорю. Что ты думаешь, он нашёл другой банкетный зал. Молодёжь отвернулась от гор. В город едут радоваться, — Магди сделал длинную паузу, и его густые брови, словно заросли тёмного колючего кустарника, с гневом поднялись и разом поникли. — В Дагестане принято покойников привозить на родное кладбище, где бы они ни умерли. Теперь в родной аул приезжают лишь хоронить. Больше не слышен бой барабанов... зурны не слышно. Бубен молчит. Не катится по дворам смех, потерялась в закоулках песня. Только плач, причитания и траур на много дней. Плач и причитания. Умирают горы. А в селении обязательно должна звучать музыка, у людей должно быть настроение. Плач доносится, песня — нет. Плохо! Значит, мы неправильно живём.

С каждым днём увеличивается разрыв, и, похоже, старым традициям уже не догнать молодую жизнь.

Фото

Раньше приезжал в село аварский театр, шапке некуда упасть. Тут сперва ещё набралось полклуба, потом и они стали утекать. Билеты давно никто не покупает, от делать нечего заходят. Все смотрят секс-каналы, боевики, ужастики...

А для кого-то на первое место вышли деньги. В некоторых семьях, если мать, отец денег не дадут — детям не нужны. Родители уже не воспитывают детей — финансируют. С каждым часом таких семей в Дагестане становится больше. Через пару поколений всё изменится до неузнаваемости. Идёт резкое расслоение в джамаате: ворота богача по стоимости дороже всех домов села. На всё воля Аллаха!

P. S.

Передо мной на письменном столе нэцкэ: счастливый купец тащит на горбу тяжёлый мешок добра. Но радость его преждевременная, от незнания: мешок тот прогрызли огромные, жирные, наглые крысы, они уничтожили уже часть припасов, открыто лезят по мешковине снаружи, выглядывают через прорехи — поклажа тяжела от них.

Не хочу, чтоб мои дети походили на этого купца...

Нынче повсеместно прививают молодёжи западные ценности: «Молодое поколение выбирает пепси». (Свои идеалы к началу девяностых мы утратили.) Идёт смена формаций, декораций, идеологии — смутное время. В садоводстве существует «прививка» — приращивание части одного растения (глазка, черенка) на другое. Растение, на котором производится прививка, называется подвоем, та часть, которая прививается, — привоем. Так вот, даже у растений не каждый черенок прививается к подвою. А здесь живые люди... Безопасность в сфере культуры. Убеждён, она существует. И сейчас идёт ожесточённое противостояние с культурой западной, с чуждыми нам идеалами. Да, река не может повернуть вспять, но взрываясь по весне, она выходит из берегов и крушит всё на пути, прокладывая себе новое русло.

И тогда мост больше не соединяет два берега.

Фото

Беда, коли мудрый годекан уступит место ток-шоу, алимы и аксакалы — покемонам и ксениям, если бездуховная западная культура, построенная на фундаменте денежных знаков, вытеснит искренность, теплоту, столь характерную для горцев. Каждый народ с большой неохотой, с горечью расстаётся со своими традициями. Держится за них до последнего, отстаивает, защищает. Когда целому народу не удаётся, отдельный род, семья покидают цивилизацию и, укрывшись, изолировав себя от общества, пытаются сохранить хотя бы что-то. Староверы Лыковы ушли в глухую тайгу, но цивилизация достала их и там. Не получилось им укрыться в изоляции... Да и мало кому удалось.

Лишь в труднодоступных горных районах Дагестана традиции отцов пока ещё живы.
Я свидетель тому.

Дописываю строки под композицию Billy Joel...

«A Matter Of Trust» — врубил на полную...

У-ау!

Some love is just a lie of the heart
The cold remains of what began with a passionate start
And they may not want it to end
But it will it's just a question of when

I've lived long enough to have learned
The closer you get to the fire the more you get burned
But that won't happen to us
Because it's always been a matter of trust

У-аа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Вибрируют стол, стены...

На классной аппаратуре. Советую...

Так! Стоп\

Словно тяжёлая сушина свалилась на голову...

— Это же американцы!.. Я ж сам только что... про загнивающий Запад... Как же?

«Подумаю об этом завтра...» — решила Скарлетт.

А я могу ответить прямо сейчас: музыка Билли Джойла, романы Марка Твена, Эрнеста Хемингуэя, Джека Лондона, Маргарет Митчелл — чистые родники мировой величины.

Культурный уровень любого человека не снизится — вырастет, соприкоснувшись с ними. «Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим» — убеждал великий гуманист Дмитрий Лихачёв.

Я бы сюда ещё добавил «нет необходимости ненавидеть другую культуру».

Однако, при этом, свою культуру надо обогащать.

Свою культуру нужно трепетно беречь!

Она — стержень...

Родовой столб нашего духа!

*

Заговор

Хабар Керимхана

Камень с горы катится вниз.

Дагестанская пословица

Фото

К сумраку глаза постепенно привыкали...

Зухре-эме сидела на зелёной атласной подушке и скрипучим голосом читала Коран. Я стоял перед ней на коленях... едва держался... Голова раскальвалась от боли. Ни встать, ни пошевелиться... Хотелось безвольно повалиться на глинобитный пол, ничего не видеть, не слышать, но я терпел... Терпел и сквозь боль слушал. Я ни слова не понимал по-арабски, догадывался — она читает суру Аят уль-Курси.

Самую сильную суру Корана:

Бисмилляхи-р-рахмани р-рахим.
Аллаху ля иляха илля хваль-хайуль-кайуум.
Ляа та хузуху синатун валяа наум
Ляху маа фиссамаауяати ва маа филь ардз...

Непроизвольно у меня началась судорожная зевота, потекли слёзы... Я чувствовал: из головы уходит мёртвый холод... Приходит тепло... тепло... тепло... По углам в полумраке качались тени. Сознание заволакивал сладкий добрый туман...

Наш родовой аул — высокогорный Кара-кюре.

Дах [1] почти никогда не рассказывал о себе, но я и так знал: на первом месте у него — родители, на втором — братья-сёстры, на третьем — почтенный род, аул. Хорошим собеседником отца трудно назвать. До хабаров — не охоч. Будто горная река в долине — полноводная,

уверенная, молчаливая. Для себя отец места даже в мыслях не оставил, полностью растворился в тухуме. Так испокон веков поступали все достойные горцы.

Отец родился в тридцатом, поэтому ни на какую войну по возрасту не попал. Служил в армии три года восемь месяцев уже в мирное время. Ближайший к нашему Кара-кюре призывной пункт располагался в Кусаре, на территории Азербайджана. Добирались туда пешком, горными тропами. На станции новобранцев грузили в товарняк, как всех служивых тогда, и — вперёд.

Командир сразу заметил его на перроне: джигит здоровый, трапедия два метра.

— Будешь в вагоне старшим. Фамилию запиши!

Отец стушевался: он даже расписаться толком не умел. На счастье, в вагоне оказался односельчанин, тоже лезгин, он и черкнул за отца. Служить они с земляком попали в одну часть. Повезло. Куда без толмача? Отец ещё до призыва положил глаз на мою мать, она не возражала, писала ему в адрес воинской части аккуратные письма на русском. А он и прочитать не мог. «Земляк, выручай!» Тот читал отцу вслух, затем под диктовку, непонятными, неарабскими знаками чужого алфавита, выводил ответ. Приходилось часто делать перекуры, вертаться взад, перечитывать, что-то вычёркивать... Ежели помарок набиралось много, вырывали чистый лист из тетрадки. Несколько писем дома сохранились... Отец вспоминал:

— Каждый слов с трудом нашёл.

Беря во внимание исключительную замкнутость отца, я могу-уу себе представить то отчаянное волнение, которое испытывал он, обращаясь через переводчика к далёкой юной горянке восторженными эпитетами: «манящий луч солнца», «моя восточная звезда», «трепетная лань». Земляку, видно, роль писаря быстро наскучила, решил подхихнуть. Внимательно слушая отца, он кивал, а текст сочинял свой, что в голову взбредёт... И когда в далёком ауле моя мать, истомившись ожиданием, распечатала конверт с воинским штемпелем, к великому ужасу своему, негодованию яростному, узнала, что любимому она «является исключительно в страшных снах в образе упрямой козы»... Дальше-хуже: «...ты для меня не годишься, твой род ниже моего, я нашёл девушку красивей!» Письма от наречённой в адрес полевой почты приходят перестали. Только спустя год отец, получив весточку из дома, совершенно случайно от другого бойца узнал о злой шутке. Он земляк — на дыбу... Тот сознался, заодно взяв на себя и все остальные грехи мира...

Когда человеку близкому наносили обиду, гнев отца краёв не замечал...

После досадной истории с любовной перепиской он ночами стал зубрить русскую азбуку. Стремление поддерживать неразрывную связь с родом было таким могучим, что безграмотность не могла стать неодолимой преградой. Дотянуться до матери, до сестёр, до любимой девушки, коснуться, если не рукой, хоть словом...

До младшего брата!

Младший братишка Алимагомед — единственный из шести оставшийся в живых.

Трое старших не вернулись с фронта. Погибли. Двое умерли во время войны от голода, болезней. Алимагомед для отца был ближе, дороже, чем сёстры и, наверное, даже мать. «Брат — это крыло», — говорят на Востоке. Мужское, до боли своё, кровное... Казалось, он заменит... восполнит потерю братьев собой. Алимагомед в классе прилежно учился, заслужил серебряную медаль. Математика, физика вообще — на «отлично». Семья гордилась им! А он в ответ, пока отец топтал кирзачи в армии, не получив дозволения у старшего в роду мужчины, самовольно укатил в Свердловск поступать в горный институт на инженера. Ну, ладно, допустим, уехал... Уехал и уехал. Невесту присмотре-е-ел! (Сам с троюродной сестрой помолвлен с детства.) Отец, разумеется, отругал его по межгороду на лезгинском, как следует — имел право. И с тех пор пропал наш Али-ими [2].

Похоже, оженали его там... На ру-у-усской!!!

За столько лет ни разу не навестил родной аул, не проведал мать, сестёр, могилы предков, зияраты [3] шейхов. Ни единой весточки брату не прислал! Сколько было тоски, горечи в словах отца, который во время войны, когда холодно, голодно, Алимагомеда еле выходил:

— На головэ бэлый чэрви кишэл... Чэрви, живой чэрви! Нажом в ранэ кавырал, чистыл.

Дико было сознавать, что родному дяде безразлична священная для горца связь с тухумом. Мы долго не имели о нём никакой информации. До-оолго... Когда был совсем мальцом, конечно, я не особо придавал значения, но с годами думал об этом чаще и чаще: «У меня есть родной “ими”. Может, живут где-то на планете сродные братья, сёстры...» По наивности думалось, что

все в подлунном мире свято, трепетно относятся к своему роду, лишь мой дядя — другой. Непонятный, нелюдимый... Но раз я наткнулся в книге на историю про чужие адаты, которые царили за морями, за долами — в средневековой Европе, и точку зрения пришлось изменить...

Жил-был Хлодвиг Меровинг — король рипуарских франков.

В один скоромный день этот Хлодвиг ни с того ни с сего объявил войну своему родичу Рагнахару. Он подкупил его приближённых. Массивные золотые браслеты — цена измены. Предатели, как было условлено, выдали супостату вождя связанным.

— Ты унижил наш королевский род, позволив себя связать! — притворно возмутился коварный Хлодвиг и ударом меча отрубил Рагнахару голову.

Хлодвиг и дальше не церемонился, истребив всех родственников, стоявших во главе соседних племён. Их владения перешли к Хлодвигу, богатства стекались в казну. Земли убитых он раздавал сподвижникам. За это они становились преданными слугами. С помощью знатных людей и могущественной дружины Хлодвиг отнимал у простых франков их древние свободы, а у народного собрания — права. Все трепетали перед именем Хлодвига, единоличного властителя франков. Власть его простиралась почти на всю Галлию.

Когда с родственниками было покончено, деспот принародно разрыдался:

— Горе мне, я остался совсем один в чужом враждебном мире. Если б только мог исправить нелепую ошибку... Покажись, мой милый сородич, — брошусь в твои объятия... Отдам полцарства...

Народ на площади был растроган до слёз...

Вассалы жалели раскаявшегося правителя. Люди тихонько перешёптывались в надежде что добро, как в сказке, победит зло... И свершилось чудо! В тишине прозвучал одинокий ломкий голос:

— Господин, дозвоьте, — из свиты вышел прекрасный юноша, — я Ваш племянник!

Радостный Хлодвиг жарко обнял его... и подло вонзил кинжал в самое сердце.

Вот теперь точно — весь многочисленный древний род уничтожен. Оказывается, лицемер и не думал горевать... Хлодвиг просто желал выяснить: не откликнется ли на его причитания живая душа. Не дай бог, проморгали кого-нибудь в спешке...

У нас в горах адаты другие: «Дерево держат корни, человека держит родня».

— Алимагамэд нада найти! — повелел дах.

Слово отца — закон.

В ауле поговаривали: наша тётка Зухра — сестра отца, настоящая колдунья. К старости она полностью ослепла, но при этом считалось: «Зухре-эме [4] не видит земной мир, зато потусторонний — насквозь!» Она умела предсказывать, заглядывая в будущее, могла исцелять. Я не очень-то верил в эти байки... ёрничал, пока самому не потребовалась помощь. Болезнь подкралась тихо, как змея... Никаких травм на тренировках, особых, не получал, ничем серьёзным в детстве не болел. Внезапно в десятом классе, ближе к весне, почувствовал недомогание: часто стала болеть голова, словно кто сжимал её металлическим обручем; появилась вялость в ногах, во всём теле... Меня уже не манило выходить во двор, забираться как раньше на самую вершину одинокого старого тополя на краю села, лазить до изнеможения по отрогам гор, купаться в лавинном водопаде. Состояние было такое, точно меня хорошенько отдубасили... Мать выпытывала: что с тобой, что случилось, где болит? Отец озабоченно хмурился.

Вот тогда и потащили меня к тётке...

Серая покосившаяся хижина её прилепилась на самом краю пропасти, в дальнем конце аула... Эту неприметную глинобитную саклю я знал с детства. Как не знать!? У входа, над головой висел пучок сушёных колючек от сглаза. В сарае, в жилой комнате, пахло всем сразу: и терпким ковылём, и ароматной мятой, и прополисом. В маленьком медном горшочке на алых углях вечно клекотало какое-то зелье. Каждый раз, когда я прикасался к металлической ручке двери, меня шибало током, хотя электричества в сакле не было.

Оп!-пп!!! Вот и сейчас...

Зухре-эме завела меня в заднюю полутёмную каморку, тяжело опустилась на зелёную расшитую подушку, велела прикрыть за собой дверь и встать на колени. В детстве так хотелось побывать в этой таинственной комнате, но входить сюда строго запрещалось. На стене, за спиной

у тётки, висел старинный ковёр ручной работы, на низеньком столике огромная морская раковина, Коран в древнем кожаном переплёте, гладкий булыжник, гранёная бутылка с жидкостью, спички... На тётке было тёмно-синее платье до пят, на голове толстый шерстяной платок. Она долго шептала неразборчивое, затем, пошарив в воздухе, коснулась сухонькой рукой моего лба и, делая паузы, негромко заговорила:

— Ты должен... умирать давно. У тебя девять сглаз... Тебе девушки... сделали порчу. Они влюблялись, каждая ворожила, чтоб ты к ней был привязан. Но это противоположное, потому живой.

Мерно покачиваясь взад-вперёд, она стала по-арабски читать Коран. После каждой строчки тётка Зухра зажигала спичку и, не дав ей сгореть полностью, кидала огарок в баночку с водой.

...Ман заллазии яшфау индаху илля-а би-изних
Йа ляму маа байна айдийхим вамаа хальфахум

Время от времени она плевала то на пол, то мне... в лицо!..

И на лезгинском приговаривала:

— Пусть тяжесть уйдёт в землю! Чтобы всё отрицательное сгорело, вернулось полезное. Пусть придёт в твою душу лёгкость!

Валяйухийтууна бишяй им мин ильмихии илля би маа шааааа.
Васи я курсиййуху-с-самааваати валь ард
Валяя удухуу хифзухумяа ва хваль алиййульазийм.

У меня началась зевота, потекли слёзы... Я чувствовал: из головы выползает чёрный холод, приходит ласковое тепло. Сознание заволакивал сладкий лиловый туман... Я не понимал: сколько времени прошло, много ли, мало?... Как долго здесь?... Стылая тягота растворялась у меня в висках, на затылке, освобождая...

Становилось легче...

Тётка закончила читать. Протянула мне банку с водой, в которой плавали огарки спичек:

— Пей!

Вода на вкус обычная — ни горькая, ни сладкая. Остатком она обрызгала мне лицо, голову, одежду.

— Иди, позови мать.

Нетвёрдо ступая, я вышел из колдовской каморки. Мать сидела в комнате на краешке стула, тревожно поднялась навстречу:

— Ну, что, сынок?

— Не волнуйся, мам. Всё хорошо. Тебя тётя зовёт.

Мать ушла, оставив дверь приоткрытой. И получилось... я слышал всё:

— Керимхан сумеет теперь сам лечить сглаз. Почувствовала сильное тепло... В его руках много лекарства. Алимагомеду навели порчу, потому забыл дорогу в родной аул. Видела: Керимхан поедет к нему, вылечит. Я научу... Сделай, как сказала.

Вот как... Оказывается, Али-ими не по своей воле утратил память — ему... порчу сделали. Не такую, чтобы сгинул... Навечно, чтоб присох к чужбине, начисто стёр из памяти родительский дом. Выходит, такие заговоры бывают сильные. У каждого — незримая оболочка вокруг. Человек может заболеть, если кто-нибудь проникнет сквозь неё. Я узнаю, как очистить. Тётя меня научит...

Ключ сильнее замка!

К началу девяностого года я уже приторговывал фруктами, деньги чуть тоже имел, экономическое положение появилось, достаток.

И тут отец опять за своё:

— Алимагамэд нада найти!

Я пообещал:

— Найду.

Подключил тогдашний КГБ, дядьку объявили во всесоюзный розыск. Через полгода приходит бумага официальная: «проживает в Краснокаменске Читинской области, доктор технических наук». А следом — письмо от дяди: «Я что преступник, разыскиваете меня через милицию? Позорите».

Как там у Расула [5]:

Не знал я, не ведал, но понял с годами,
Уже с побелевшей совсем головой,
О чем от скалы оторвавшийся камень
Так стонет и плачет,
Как будто живой.

Теперь и я знаю, о чём стонет этот «камень»...

Город Краснокаменск был раньше закрытым, секретным. Но при Горбачёве пошли изменения: объявили, что у нас от американцев никаких секретов, и всё открыли, показали. Город сделался обычным.

— Надо ехать! — не унимался отец.

— Слушаю и повинуюсь!

Ночью мне снится сон: улицу вижу, дом; путь нам преграждают плохие люди, отвожу их рукой, заходим в квартиру дяди.

Наутро сообщаю родителям:

— Сон был. Вроде без особых проблем доберёмся в Читку завтра-послезавтра.

Фото

Собираемся с отцом, спускаемся из аула на трассу. Шесть утра. В сентябре ранним утром свежо... Мимо на «Волге» — знакомый Ахтынский Первый секретарь. Подвозит нас до Махачкалы, в аэропорт. И тут, словно подстроено, — бывает же — самолёт в Москву. В Москве — Внуково. Дальше в Читку самолёт — на следующий день утром. Мы с отцом по залу туда-сюда: не знаем, что делать! Народищу всякого... сесть негде. Отец в папаче, усы горячими щипцами закручены, бараньим жиром намазаны, такой бравый джигит. Ему в ту пору лет под семьдесят было.

Советуюсь с ним:

— Что будем делать?

— Нэ знаю.

И тут подходит к нам один:

— Могу жильё на ночь устроить, рядом.

Цену заломил, но мы согласились. Хватаю баулы — два тяжёлых чемодана, полные подарков: гранаты, яблоки нового урожая, национальные носки ручной вязки, домашнее вино — ташу, как ишак, следом за мужиком. Он к дачному посёлку свернул. Идём, идём... С километр, наверно: вдоль зарослей высокого чёрного кустарника; узкими, еле приметными мосточками, шлёпающими, хлюпающими по лужам; краем уха лызаной вязкой дороги... Отец-то в хромовых сапогах, а я в лакированных туфлях, в белых носочках. Устали. Холодно. Двенадцать ночи. Хоть бы успеть поспать! Чувствую: не туда ведёт нас... Переглядываемся с отцом. Мы для местных бичей нацмены, богатые хачики, басурмане... Кто его знает?

— Слушай, ты обещал рядом. Куда ведёшь?

— Недалеко осталось.

И тут я по-московски:

— Ё... — мать!.. Предупреждать надо, что так далеко.

— Подходим.

Ну, ладно. Вроде поворачивать поздно...

Километра два отмотали с этими чемоданами, не меньше. «Жильё» — неказистый дощатый домик. Заходим... Парень показал нам комнатку. С дороги быстро сморило, я закемарил. Через сон слышу голоса... Туда-сюда... Что-то не то. Я парень городской, в Махачкале учился, понимаю... У отца нож в сапоге, с костяной ручкой из рога, ухватистый такой. У меня ничего. Полчаса прошло — кипиш сильней... Уже не до сна. Отец сел на кровати:

— Нэхарошый мэста.

— Знаю.

Что делать? Уснуть боязно, врасплох застанут. Мы с отцом придвинули к двери стол на случай, если толкнут, хара-ура... шум-гам будет. Страховку сделал, теперь прилёт поверх одеяла:

— У Вас нож что-нибудь есть?

— Эсть.

— Отдайте мне.

Положил под руку.

На часах — четыре. Шум усиливался. Я один момент не стерпел, стол оттолкнул — дверь настезь!.. Сам особо не боюсь. Резкий свет — в глаза, на веранде за столом пять-шесть барыг в сизом папиросном дыму, водяру лакают. Увидели меня, замерли. Ханьги, сразу видно, нехорошие люди.

Я зло — хозяину:

— Вы, что, б.! Почему спать не даёте?

Наехал на них. Не дай бог встретиться с дружными волками. Но эти нет... «Ап-ап» — воздух глотают. Не ожидали! Подхожу вплотную. Уставились на меня.

— Вы спать дадите, нет? — сам закипаю, мышцы напряглись — я в хорошей спортивной форме.

Хозяин, оправдываясь:

— Извини, у меня гости.

Обратно иду к себе, придвигаю стол, ложусь, нащупываю нож. Вдруг тихохонько дверь толкнули — стол заёрзал! Резко вскакиваю:

— Чё случилось?

— Да не бойся! — хозяин голову в щель суёт, дружки сзади напирают.

Взглядом со мной пересёкся, зрачки расширились... Стопорнулся. Назад сдал.

За окном начинало сереть.

Кодла убралась. Мы буквально чуть дреманули:

— Ни копейки урису не заплачу. Не дали спать...

Отец хмуро:

— Заплати. Харам нам нэ нада.

— Нет!

Потащились назад в аэропорт. И — до Читы. А из Читы в Краснокаменск на кукурузнике. В город — на автобусе... У них местами снег. Городишко странный: улиц нет, одни номера. Нам нужен «Краснокаменск — 404».

Едем по центру, меня какое-то смутное чувство подталкивает... Прошу водителя:

— Остановите, пожалуйста.

Выходим. Прохожего спрашиваю:

— Где 404?

— Вон тот! — показывает на девятиэтажку.

Рядом почти. Заходим в подъезд, поднимаемся лифтом на третий этаж. Напротив дверь с табличкой: «Исмаилов». Я отцу объявляю:

— Здесь проживает Ваш младший братец.

Отец не видел его больше сорока лет, я — только на пожелтевшей крохотной фотографии. Теперь нажимаю звонок, открывает девушка. Я как увидел, похожа на мою сестру. Глаза родные, огненно-карие. Волосы только русые. Бывает же!

— Салам алейкум!

— Здравствуйте.

— Это квартира Исмаилов?

— Да, вы кто будете?

— Я Исмаилов Керимхан.

А её отца — Алимагомед Керимханович. Она сразу догадалась.

— Проходите... Проходите на кухню! Сейчас позвоню папе.

Времени часа три, рабочий день.

Мы с отцом теперь заходим. Чемоданы затаскиваю. У них четырёхкомнатная секция. Отец здоровый мужик: не привык кухни-мухли... Не развернуться! Руку поднял — задел люстру, плечом чуть холодильник не опрокинул...

Я смеюсь:

— Прошу прощения... Горные мужики привыкли к простору.

— Да, конечно, извините, извините. Лучше — в гостиную.

Стали знакомиться, что да как. Звать Оля, учится в Москве — институт кибернетики. Есть сестра — постарше, замужем за военным. Мать — Аня Владимировна.

Оля позвонила: с работы примчались мать, отец.

Дядя прямо с порога, напряжённый, — к отцу. Глядит чужими глазами. Минуты три... Долго мне показалось. Я тоже так стою. Теперь они сели, и снова давай молчать.

Я не утерпел:

— Дядя Алик, я Ваш племянник, Керимхан. Это — Ваш старший брат... Одного отца-матери. Мать бывает же?

Так продолжаем, сидим. Отец молчит, Алимагомед молчит. Принесли кушать. Я пытаюсь сгладить — ушлый же торгаш, нет-нет. Дипломатично, туда-сюда:

— Мы Вас приехали, Вас нашли.

Водки бутылочку поставили. Они налили себе. Дёрнули, расслабились слегка. Я, естественно, при отце никогда за рюмку не брался. Пошла разборка. Жена, дочь не участвуют. Отец у меня плохо знает русский, неграмотно разговаривает. Пришлось мне:

— Что случилось, Али-ими? Почему не пишете, зачем не общаемся. Вы родной дядя. Ваши дочери — мои сёстры. Родители сколько писем писали вначале, тыщи — от Вас ни ответа, ни привета. В чём дело?

— Все послания храню, — открывает антресоли, наверху кучами лежат. — Но мой старший брат меня обидел.

Отец встрепенулся:

— Обидёл? — дах, когда плохое, всё понимал.

Я опять подключаюсь:

— Не имею права, конечно, соваться, вы оба старше меня... Это я подал в розыск. Извините. По просьбе отца, он хотел Вас найти. Сорок лет не виделись, Вы самый младший... Три брата погибли в войне, двое в детстве.

Короче туды-сюды.

— Понимаешь, Керимхан, я после школы поехал в Свердловск, поступил... Встретил прекрасную девушку — дорогого мне человека... Полюбил. Сильно. Ты молодой, поймёшь...

Звоню старшему брату поделиться радостью, а он одно твердит: «Харам!» Ещё я обижен... когда мать умерла, не сообщили.

Отец стал объяснять:

— Сынок, баде [6] старый плахой стал. Я чабановал, ти знаищ. Кагда прыэжал, мат умэр.

Тэлэфон в ауле нэт: как сабщу. Куда?

Я перевожу. Дядя горячо:

— Жена твоя грамотная!

Мать моя — член партии, работала заведующей библиотекой.

— ...она что не могла сообщить?

Отец не сдаётся:

— Пачаму дамой глаз нэ кажет. Думал, камэн с гары — гара рухнэт. Нэт! Разве сам нэ знал, мать старый, балной. Ждёт. Для матэри хоть йшницу на ладони изжар, — отец многозначительно поднял вверх рубцеватый палец, — в долгу будищ!

Дядя молчит, сказать нечего. Он-то не знает, что ему порчу навели... Голова, разум при этом отключаются. Ведь ежели по уму, да по нашим горским традициям, так именно младший сын должен остаться с родителями, обеспечить их старость.

Поставили вторую бутылочку. Выпили по три рюмки. Я сам думаю: как мне незаметно начать колдовать?.. Всё не с руки.

Теперь третий день у них гостим. Слышу: гул за окном, машины туда-сюда. Дядя — профессор большой.

— Оля, что у вас такое?

— Сегодня у родителей серебряная свадьба. Сейчас все — в ЗАГС, потом банкет.

Отец дёргает:

— Что здэс?..

— День свадьбы... — как объяснить, что она «серебряная», я не знал, у нас не бывает.

Приезжаем в ЗАГС. Там ора-ура, шампанское, шум-гам. И тут деловая женщина, которая командует, протягивает отцу перьевую ручку.

— Подпишите, пожалуйста.

Отец недоумённо головой крутит, отмахивается, вижу — сбежать хочет. Я его за фалды пиджака:

— Отец, стойте. Так нельзя здесь. Надо Вам поставить подпись.

— Пачаму?!

— Вы тогда не одобрили, когда он женился на русской. Разженить нельзя. Во время Вашего прибытия они хотят законно оформить. Вы должны подтвердить, что не против его свадьбы, которая прошла двадцать пять лет назад. Чётки не спасут, жена рая не лишит.

Мой дах погрустнел. Видно, не рад, что влип.

— Вы старший в роду. Видите, сколько людей Вас ждут...

Отец с неприязнью берёт перо, под добродушно-весёлыми взглядами гостей наклоняется в три погибели над бланком и недовольно ставит корявую подпись. Меня тоже попросили подписать свидетельство. Я — с удовольствием: «Одобряем от имени Дагестана!»

Жена дядина мне понравилась. У неё не особо здоровье, иногда болеет, но она домашняя, за мужем смотрит, такая. А дочь... Мы с ней много беседовали. Она на меня смотрела во все глаза... Родная кровь, бывает же. Решил попробовать ворожить её, дядю не решился звать... Ему непременно надо что-то объяснить, мало-мало сказать неправду... А волнение могло меня выдать... Придётся, как есть. Зухре-эме учила: достаточно глядеть на фотографию, да ещё нужна шапка, которую он обычно носит.

Вечером, когда остались с сестрой вдвоём, я осторожно предложил:

— Оля, у нас в Дагестане существует обряд: когда не видятся долго родные — принято гадать. Ничего особенного... Хочешь, покажу?

— Интересно, — она поджала под себя ноги, поуютней устроилась на диване. — А что должна делать?

— Я буду читать... вроде стихов... Ты закрой глаза и слушай. Просто слушай меня...

— Хорошо.

Оля прикрыла веки, дивные ресницы её сомкнулись.

Я включил настольную лампу, погасил большой свет, открыл семейный альбом на странице с фотографией дяди, и сначала робко, затем всё увереннее стал наизусть читать суру Аят уль-Курси:

Бисмилляхи-р-рахмани р-рахим.
Аллаху ля иляха илля хваль-хайуль-каййуум.
Ляа та хузуху синатун валяа наум
Ляху маа фиссамаауяати ва маа филь ардз.

Огонёк спички, с ширканьем вспыхнув, подбирался к моим пальцам и, не успевая обжечь, гас в стакане с водой.

Ман заллазии яшфау индаху илля-а би-изних
Йа ляму маа байна айдийхим вамаа хальфахум

Я по-прежнему не знал арабского, а смысл суры, по словам тёти, был такой: «Аллах — это тот, кроме которого, нет божества. Он живой, вечно существующий, не одолевают его ни дремота, ни сон. Ему принадлежит всё, что в небесах, и всё, что на земле, кто перед ним заступится без его разрешения? Он знает, что было перед ними, и знает, что будет после них, они овладевают из его знаний только тем, что Он пожелает. Трон его объёмлет небеса и землю, и не тяготит его охрана их, истинно. Он — высокий, великий».

Время от времени я украдкой плевал на пол и в шапку дяди, приговаривая на лезгинском:
— Пусть тяжесть уйдёт на землю! Чтобы всё отрицательное сгорело, пришло полезное. Пусть придёт в ваши души лёгкость!

Валяйухийтууна бишяй им мин ильмихии илляа би маа шааааа.
Васи я курсиййуху-с-самааваати валь ард
Валяя удухуу хифзухумя ва хваль алиййульазийм.

Из-под длинных Олиных ресниц катились крупные слёзы...

Вернулись в аул.

Дома нас ждала срочная телеграмма от дяди: «Дорогой брат спасибо ваш приезд живая вода горного родника».

От него стали регулярно приходиться письма. Изредка Оля вкладывала в конверт маленькие записочки, адресованные лично мне. А летом, в отпуск, они приехали в Кара-кюре всей семьёй. Я возил восторженную Олю на море, таскал в горы, знакомил с кунаками. Моему лучшему другу Сабиру она понравилась настолько, что он... взял и посватался... Полюбить — времени не надо.

Э-ээх! Небо распахнулось во всю ширь, стало выше.

Солнце разулыбалось...

Заливаясь волшебными трелями, кружили в вихре счастья соловьи, жаворонки... Кеклики [7] выбегали к нам навстречу целыми выводками, с любопытством выглядывали из травы, дивились на молодых...

Маки принарядились...

С альпийских лугов хлынули ароматы чабреца, мяты.

Я видел как... на глазах... камень закатывался обратно в гору.

Смотреть на это мне было гордо и радостно.

Примечания:

- [1] Дах (лезгин. Разг.) — отец;
- [2] Ими (лезгин.) — дядя по отцу;
- [3] Зиярат — у мусульман святое места;
- [4] Эме (лезгин.) — тётя по отцу;
- [5] Расул Гамзатов, «О Родине»;
- [6] Баде (лезгин. Разг.) — бабушка;
- [7] Кеклики — горные куропатки.

Дагестан — фотовзгляд

Вольная борьба

Воробей, воробей... вообще-то я орел, но ростом маленький.

Михаил Жванецкий

В фильме «Горцы от ума» есть такой сюжет:
Молодые джигиты вразвалочку заходят в больницу.
— Чем могу быть полезен? — интересуется у них врач.
— Ты чё, удобрение что ли, полезным быть?..
— Э, братуха, короче, мы мимо проходим, нам сказали, короче, что здесь схватки, короче, начинаются.
— Вес какой выступает?!
— Ребята, вам, наверно, в спортзал, а здесь родильное отделение.
— Э! Для нас везде спортзал!
И началась борьба...

Вольная борьба.

В этих двух словах выражена вся суть дагестанских народов: не смиренные, а именно вольные, в состоянии вечной борьбы: борьбы за выживание в трудных горных условиях, борьбы с захватчиками, борьбы друг с другом за землю, за воду, за компанию... «Страной непочатой силы» назвал Дагестан русский просветитель XIX века Евгений Марков.

Всем известно: мода всех континентов Земли зарождается в Париже, столица киноиндустрии — Лос-Анжелес, а центр вольной борьбы мира находится в Дагестане, точнее в Хасавюрте. Этот город давно обогнал все другие города планеты и по количеству чемпионов на душу населения, и по уровню подготовки, проведения международных состязаний. Один Международный турнир имени Шамиля Умаханова чего стоит! Мавлет Батыров, Бувайсар Сайтиев, Мурад Гайдаров, Рамазан Ирбайханов, Мурад Умаханов, Махач Муртазалиев — их имена навсегда зажглись на звездной карте спортивного мира. Город Хасавюрт — кузница спортивных кадров мирового уровня. Трёхкратный чемпион Олимпийских игр, семикратный чемпион мира и Европы Александр Медведь назвал Хасавюрт «Меккой вольной борьбы».

Фотографии хасавюртовцев, героев спорта, бравых, увешанных золотыми олимпийскими медалями горцев украшают стены нового спортивного комплекса. Когда под их пристальным взглядом (если не сказать укоризненным), я проходил из гостиницы в столовую и обратно, то невольно старался втянуть живот, приосаниться... Дисциплинирует, знаете ли.

Да, «вольная борьба» — один из символов Дагестана, символов ярких, запоминающихся, визитная карточка Страны гор. Визитная карточка каждого дагестанца от мала до велика. И путь к победе у каждого горца начинается с колыбели. У мальчиков с раннего детства горцы воспитывали бесстрашие и выносливость. В ауле Хучада Гаджи-ясулав отказался от сына, когда он уронил при людях слезу из-за кинжальной раны, полученной в драке. [1]

Горец сразу, с малолетства не воробей — орёл!
Просто маленький.

*

Примечания:

[1] Х. Г. Магомедсалихов, «Культура и традиции народов Дагестана»;

Наши нравы

— Ты зачем убил моих людей, Саид?

— Они первыми начали песком швыряться!

NN

Жизнь в Гергебильском районе протекает вяло.

Единственное оживление в монотонную пыльно-солнечную знойную пору вносит пора уборки абрикосов — конец июля. Это аврал! Взвинчен весь район. Все, как один, уходят в отпуск на две недели в сады. Чиновники снимают галстуки, белоснежные рубашки, облачаясь в рабочую одежду; дети забывают, что они дети; врачи устанавливают негласное соглашение с умирающими «потерпеть», те соглашаются и, кряхтя, перебираются с больничных коек на садовые стремянки; милиционеры и бандиты на две недели ставят автоматы в угол — великое перемирие.

— Себя не видим, никого вокруг не видим, — откровенно признаются местные жители.

Но вот закончилась уборочная пора, жизнь постепенно входит в старое русло, можно разговеться. Газеты и местное телевидение сообщили: «Троих человек убили и семерых ранили в ходе массовой драки между жителями двух сёл Гергебильского района».

Утром Гамзат поинтересовался у меня:

— Слышал про драку?

— Да, что-то вроде, — подтвердил я. — У нас в юности, как танцы, тоже улица на улицу, район на район стеной ходили...

— Не только в этом дело...

— В чём тогда? — поинтересовался я.

— Оружия на руках много, от войны, а психология человека меняется, когда у него в руках ствол. Чувствует себя всесильным что ли, краёв не замечает... Село Урма, там теснина есть — узкое место — двум машинам не разъехаться: кто-то обязательно должен пропустить. Знаков нет. Я уже заехал на участок, навстречу — машина. Водила прекрасно видит: проезд занят. Он мог бы просто притормозить, и мы разъехались, но смотрю, тоже въезжает в узкое горлышко. В «бутылку» лезет... Я остановился, он остановился. Стоим в двух метрах напротив друг друга: я с приятелем, а их четверо, но у меня пистолет Макарова под курткой за поясом. Знаю себя, если бы не ствол, нарываться не стал, а тут... С минуту подождал, выхожу из машины:

— Слушай, сдай назад, я проеду.

Он ругаться начал... В Дагестане ругаются обычно на русском. Национальности разные: даргинцы, аварцы, кумыки, в каждом ауле свой язык. А когда на русском кроешь — гарантия того, что ни одно слово не улетит впустую. «Чё ты сказал?» — вытаскиваю его за грудки из машины... С ходу человек тридцать набежало. Все норовят толкнуть-толкнуть... Одна мысль пульсирует: «Только бы никто не ударил!» Придётся стрелять. Причём в воздух бесполезно, меня обступили плотным кольцом, стоит руку поднять, скрутят, вырвут пистолет. Если ствол вытащу, придётся шмалять по ним. Зачем взял? Так отметили бы, конечно, знатно, может, немного и попинали, но всё бы мирно обошлось... А тут как выйдет, неизвестно? Выручило то, что мужик взрослый подбежал, знал меня — у нас огороды рядом. Он их успокоил. Психология человека сильно меняется, когда ствол под рукой.

— Согласен.

— А в школе за время учёбы дрался лишь один раз, во втором классе, когда переехали в другое село. Помню, прихожу в новую школу, никого не знаю. Кроме меня в классе трое пацанов, остальные девчонки. Я к пацанам на перемене подкатываю:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам.

— Давай, подерёмся.

Мне не пришлось уговаривать, они окружили меня и сообщая отрихтовали, отволтузили. Потом прибежала учительница, наругала, отшлёпала их, а меня, главного зачинщика, пожалела. Больше я в школе не дрался, ходил на бокс, там хватало. А пацаны эти стали моими лучшими друзьями. Точно знаю: обмен оплеухами — самый лёгкий способ задружиться.

— Гамзат, ты часто ездил в среднюю полосу, скажи, чем дагестанцы отличаются от остальных россиян?

— Многим. По телевизору показали репортаж: девушка не справилась с управлением, сбила на машине двух женщин. Такое может быть и в Дагестане. На этом одинаковое заканчивается... Первым делом она не к потерпевшим подбежала, помочь, стала звонить влиятельному папаше по мобильнику, чтоб отмазал. Ладно, она. Прохожие перешагивали раненых женщин, шли дальше, по своим делам. Как ни в чём не бывало... Такого в Дагестане произойти не может, это точно.

Город Иваново, 94-й год: зашёл в столовую, купил салат, первое, второе. Всё не осилил, хотел отнести посуду. Ко мне подходит мужчина непрезентабельного вида — на лице следы запёкшейся крови, грязный, с запахом неприятным:

— Можно доем?

Мне стало жалко, дал ему денег:

— Купи себе, покушай нормально, как человек.

Вышел на улицу, закурил, он выходит:

— Что быстро покушал?

— Не ел.

— Почему?

— Не накормили.

— Ну-ка, пойдём...

Подхожу к кассирше, сидит розовощёкая квашня.

— Вот вы меня считаете «черножопым», а сами — нелюди. Видите, человек в каком состоянии? Он голоден. Я сам купил ему, отнёс, поставил на стол. Дождлся, пока покушает, — Гамзат пристально посмотрел на меня.

Скажу откровенно, мне стало стыдно. Ничего подобного здесь, за три месяца интенсивного знакомства с Дагестаном, я не видел. Понятие чести на бытовом, житейском уровне в горном краю неизмеримо выше. «Намус» — чистоту этого понятия оберегают в Дагестане смолоду, не считаюсь с жизнью. Да, так.

— Ещё! — не унимался я.

— У нас по-разному строятся отношения в семье между мужчиной и женщиной. И хотя встречаются домашние «курицы», которые сами любого орла заклюют, всё же царит патриархат.

Я нашёлся:

Орлам случается и ниже кур спускаться.
Но курам никогда до облак не подняться [1].

— Типа того... У Фазу Алиевой прописан точный образ: женщину и мужчину можно сравнить с нулём и единицей: 0,1 или 10 — величина зависит от того, где встанет ноль.

— В России теперь, действительно, матриархат, хотя в старину на Руси было иначе.

Я думал, сейчас Гамзат начнёт перечислять непохожести одну за другой... Нет. Оказалось, коренных различий не так и много. Для себя я вспомнил несколько символов, фраз, характеризующих особенности загадочной русской души. Вот что получилось: «заначка», «село у нас большое: два вытрезвителя», «авось», «пусть лучше у меня корова сдохнет, чем у соседа две будет», «в драке не выручат, в войне победят»... В войне точно победим! Даже сомневаться не стоит... Такой мы народ, что «даже Гитлера до самоубийства довели».

Кому как, не знаю, мне горцы по духу ближе, чем, скажем уравновешенные, чопорные, внешне деликатные, маниакально-улыбчивые европейцы.

Причина очевидна: в нас много общего.

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,

Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Вчитайтесь в гениальные строки Алексея Толстого, передающего русский характер, русский дух. Европой там и не пахнет, а вот Дагестан выпирает. Просто здесь всё откровеннее, оголённей.

Ещё мы одинаково скромны...

Дворец Букингемский.
Стою под окном.
Там спит королева, не зная о том,
Какие в Аварии люди живут,
Какие в Аварии песни поют» [2].

А как иначе? Сам себя не похвалишь — никто не похвалит. И о своей скромности мы можем говорить часами, ни разу не повторившись.

Фото

Димир из села Ахты поведал красивую притчу:

— Два друга подходят к маленькому ручейку. Он совсем мелкий, почти высох, еле течёт. Один закатывает штаны до колен.

— Зачем ты это делаешь? — удивляется второй. — Разве это речка, что ты боишься замочить брюки. Этот ручеёк перешагнёшь при ходьбе и не заметишь.

— Если мы сами не будем относиться к нашим истокам с почтением, если сами свой ручей не будем уважать, он не только не превратится в реку. Он засохнет. Никто кроме нас не возвысит его.

Ты прав, Димир!

Фото

Россия и Дагестан.

Никогда! Вы слышите, никогда!..

Никогда и ни за что мы не променяем нашу удаль, щемящую душевность в любви и насилии на какой-то... банальный, безликий, скучный... европейский порядок. И это объединяет нас всех, живущих по эту сторону государственной границы Российской Федерации, посильней, чем пограничники.

Это так!

*

Примечания:

[1] Иван Крылов «Орёл и Куры»

[2] Расул Гамзатов.

Кровная месть

*Северный Кавказ. Пациент — стоматологу:
— У вас, доктор, у самого нет ни одного зуба.
— Ну, Вы же знаете наши законы — кровь за кровь,
зуб за зуб.*

NN

Сильно ошибаются те, кто вбил в голову, будто обычай «кровной мести» — открытие дагестанских орлов. Ещё один лживый миф. Более того, в старину и на Руси эта традиция тоже была в ходу.

Фото

Кровная месть или вендетта (от итал. *vendetta* — мщение) — обычай, уходящий в глубь веков: «Я буду мстить и, мстя моя страшна!» «Прежде чем начать мстить, выкопай две могилы», — наставляют аксакалы. О кровной мести первый раз я прочитал в романе «Граф Монтекристо». Как это происходило на диком Западе, можно узнать из «Приключений Гекльберри Финна»: герой романа признаётся, что никто, даже старики, «не знают, из-за чего в самый первый раз началась ссора». Результат никого уже не интересовал, главное процесс, процесс, который длился порой столетиями из рода в род.

Ибрагимов Ибрагим из селения Чирката говорил неспешно:

— Давно это было... На узкой горной тропинке встретились два кровника. Один из них был без кинжала. Желая выказать благородство, мужество перед соперником, владелец кинжала отдал оружие противнику: «Бей первым ты!» Кровник, не желая коварно воспользоваться случаем, наносит ему лёгкий удар по руке и возвращает кинжал. Первый джигит наносит удар ответный, тоже умышленно не смертельный, и возвращает кинжал врагу. Так они обменивались порезами до тех пор, пока оба не умерли на тропе от потери крови. Родовой столб — на нём метки делают, даты, отмечают рост детей. Когда канлы [1] не заставлял соперника дома, он наносил удар кинжалом по срединному домовому столбу. И это оскорбление по тяжести приравнялось к убийству. А сейчас современные порядки, такого в помине нет. Если я, скажем, должен иметь к джигиту кровную месть, просто нанимаю людей, плачу им пятьдесят-сто тысяч и указываю клиента. Вот и вся кровная месть в нынешнем варианте. Вроде как внешне примирились, а сами... Раньше в тухуме знали, кто кровные враги, раньше кровную вражду объявляли открыто, теперь нет — цивилизация.

На кинжале Ибрагима я прочитал надпись: «Не служи горю, служи красоте».

— Послушай восточную притчу... Наш горный край будто соткан из легенд и преданий.

Как-то давно седой старик открыл своему внуку одну жизненную истину: «В каждом человеке идёт борьба, похожая на грызню двух волков. Один волк представляет зло: зависть, ревность, эгоизм, амбиции, ложь. Другой волк — добро: мир, любовь, надежду, истину, доброту и верность». Внук, тронутый до глубины души словами деда, задумался, потом спросил: «А какой волк в конце побеждает?» — Старик погладил внука по голове и ответил: «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь».

Алаверды я прочитал Ибрагиму на память стихотворение «Грех» Зинаиды Гиппиус:

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо мстить. Не нам отмщенье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.

Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя — себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает —
Хоть мы простим, и Бог простит.

Советуют, если друг одноглазый, смотреть на него в профиль.

Не бывает света без тени, даже на солнце — пятна. Говорят, и в Дагестане не всё прекрасно. Не знаю... Не заметил. Я слишком пристрастен к Дагестану. Полюбил этот край, этих радушных, смелых, гордых людей. Край моих друзей.

— Нехристи! — презрительно бросят из толпы.

Действительно, на Западе большей частью христиане. Там сформировалось гуманистическое общество, давно никто не бегаёт по улицам с кинжалом. Там люди деликатные, образованные, воспитанные. Тот же Гитлер с безотходными комбинатами смерти под классическую музыку или американцы с ядерными бомбами по мирным городам. Одним словом — культура! Хотя по мне, лучше людоеды, чем такие гуманисты... А ещё у нас многие считают, нужно быть патриотом и поддерживать бандитов своих. Мол, кущёвская ОПГ и славянский хлопец Чикатило роднее нам, за них надо голосовать. Мол, своё ...овно не пахнет.

И вот уже я «не патриот» — «предатель»! Почти «враг народа»...

Из Дагестана только что прислали по электронке анекдот:

Абрек сидит во дворе, точит кинжал. Приходит сосед, интересуется:

— Слушай, гдэ Мага?

— Умэр Мага...

— Вах! Когда умэр?!

— Завтра умэр...

Фото

*

Примечания:

[1] Канлы — кровник.

Душа души

أَوَّلُ الشَّجَرَةِ النَّوَاةُ

Начало дерева в семени.

Душа души народа...

Утверждают, познать её можно, ознакомившись с баснями, притчами, пословицами, былинами, колыбельными. Якобы именно они раскрывают душу народа нараспашку, к гадалке не ходи. Замечено, как бы ни прятался народ за современными транснациональными баннерами, как бы ни пытался ввести в заблуждение себя и других — фольклор выдаст с потрохами. Пра-пра-прадеды в изустной манере передают модель образцового мужчины и женщины, в иноказательной форме в сказках заложили программу достойного поведения. Это ещё и... Если сейчас смогу выговорить, то... подождите... иден-ти-фи-ка-ци-он-ный код (Вы полюбуйтесь, смог!...) Система опознавания «свой — чужой».

На Руси главный сказочный герой Иван-дурак — русичи обожают самоиронию, показное самоуничижение. Непременным реквизитом, точнее равновеликим персонажем, самых любимых наших сказок является русская печь, не слезая с которой можно совершать подвиги. Иван частенько прибегает к волшебным заговорам и свято верит в чудо. И даже сейчас, как бы далеко ни шагнул технический прогресс, любой россиянин знает крепко-накрепко: без веры в чудо у нас и дня не прожить.

У сказок чаще всего счастливый конец, но представление о счастье разнится...

Так в горских сказках добро грубо насилует зло.

Дагестанский героический эпос даёт много таких примеров. Например, поэма «Хочбар». Хочбар — защитник угнетённых. Он успешно грабил поместья аварского правителя Нуцала из Хунзаха, угонял без счёта ханских овец, коней и раздавал беднякам. Однажды хан коварно заманил Хочбара к себе в гости, нукеры напали на горца, связали и приготовили к казни на костре, но сначала правитель, глядя на дерзкого пленника, решил сполна насладиться его унижением и повелел:

— А ну-ка, заставим Хочбара сплясать,
Пускай он теперь позабавит народ.
А ну-ка, пускай перед смертью своей
Потешит собравшихся этот злодей.

И грянули разом с зурной барабан,
Захлопал в ладоши хунзахский народ,
Смеясь, любовался аварский нуцал,
Плясал у костра гидатлинский Хочбар.

Он трижды по кругу толпу обошёл,
Он к детям нуцала легко подошёл.
И в пляске с разбега обоих схватив,
Он бросился с ними в кипящий огонь.

«Ой боже, ой боже, могучий Хочбар! —
Тогда зарыдал, пошатнувшись, нуцал. —
Ой боже, ой боже, спасите детей!» —
Царапая бороду, звал он людей.
«Забуду я всё, гидатлинский Хочбар,
Хозяином станешь владений моих.
Отныне не будет насилий и бед,
Но только верни мне очей моих свет!

Дагестанские школьники прилежно изучают поэму на уроках литературы.
Как говорится, сказка ложь, да в ней намёк — добрым молодцам урок.

У русских традиции несколько иные.

Иные ориентиры.

Взять хотя бы памятник советскому воину-освободителю в Берлине. В центре фашистского логова, в Трептов-парке, стоит гранитный русский солдат. Он бережно держит на руках дочь заклятого врага — фашистской Германии. Событие, послужившее поводом для возведения монумента, произошло 30 апреля 1945 года во время штурма столицы нацистского рейха: под пулями и снарядами сержант Николай Масалов, рискуя жизнью, спас от смерти немецкую девочку.

Говорят, душа народа растворена в сказках.

Сказки учат мудрости, а мудрость — сумма пережитого опыта. Сказка — проводник культуры в самое сердце ребёнка. Мысль в сказке очень простая: хочешь себе счастья — учись уму-разуму, в сказках традиционно заключён воспитательный момент. Русская сказка «Сорока-белобока» — взрослый погибает по очереди ребёнку пальчики:

— Сорока-белобока! Где была?
— Далеко!
— Что делала?
— Кашу варила, деток кормила.
Этому дала (загибаем большой палец),
Этому дала (загибаем указательный палец),
Этому дала (загибаем средний палец),
Этому дала (загибаем безымянный палец),
А этому не дала (загибаем мизинец)
Ты дров не носил, ты печку не топил!

А вот сказка «Сорока» [1], но уже с кавказским колоритом:

«Один раз сорока давала птенцам следующее наставление:

— Когда человек нагнётся к земле, то значит, он хочет достать что-нибудь и ударить вас; вы должны тогда сейчас же убежать.

— А если убежать, как только покажется человек? — спросила одна из маленьких.

— Тогда ещё лучше, умница ты моя, — сказала мать и, желая приласкать дитя, клонула его носиком так, что разбила череп и умертвила свою умницу».

Почти колыбельная.

Баю, баюшки, баю... Спи детка. Вечным сном спи.

На обложке такого сборника сказок желательно ставить предостерегающий знак «18+».

И всё же трудно сказать, чья правда сильнее.

У каждого — правда своя.

Бесспорно одно: все родители одинаково сильно любят своих детей, желают им только добра и воспитывают, как умеют, заглядывая, для верности, в предания старины глубокой.

Фото Гамзата Гасанова

*

Примечания:

[1] «Казикумухские народные сказания», 1868 год.

Восточный базар

*— Доцент, а Доцент, а шаркаты себе
милицейские купил?*

— Так это восточный базар был, а не ГУМ.

Фильм «Джентльмены удачи»

Настоящий восточный базар: Аяла-базар.

Словно село выросло в течение нескольких часов в чистом поле, торговля идёт прямо с машин. Бойко идёт...

Привёз меня туда Мурад Магомедгаджиев:

— Каждое воскресенье на границу Акушинского и Левашинского районов съезжаются сотни, если не тысячи машин со всех районов Дагестана и даже из соседних регионов, из Чечни, например. На этом рынке есть всё, что можно себе представить, и даже то, чего представить нельзя... Здесь торгуют камень, скот, папахи, продукты. Старики утверждают, что здесь можно купить даже рог змеи — по-даргински «чича мукеки дабургор». Мои родители, сколько себя помнят, ездили на этот базар. И при Советском Союзе всем нужны были платки-млатки, ковры-мовры. У нас верят, для того чтобы сопутствовала удача в предстоящей торговле, нужно утром выйти, взяв с собой в котомку хлеб, сыр, воду, и перед выходом обязательно сытно позавтракать — не на пустой желудок идти торговать. В прошлом году я сам продал здесь быка весом около тонны. Мясники за ним приехали на дом, я всё гадал: как будут грузить? Один привязал верёвку за рога и шёл впереди, другой верёвку — к передней ноге и оттягивал назад. Они погрузили его в машину, точно послушного ягнёнка, такая туша, дно кузова копытом продавил. Когда забили, чистого веса оказалось 550 кг.

Я обратил внимание на гвалт: потный, покрасневшийся горец продавал быка-трёхлетку. Вокруг хозяина с покупателем образовалась толпа зевак, сочувствующих. Стоял шум, галдеж:

— Вон смотри, вачар — сам торг. Хозяин и покупатель берут друг друга за руки и, не отпуская, торгуются. К ним подходят люди, участвуют в маслиат — примирении, помогают сойтись в цене. У нас считается, чем больше ты торгуешься, тем лучше от торговли баракат. Со стороны кажется, словно они повздорили, сейчас подерутся, но это не так. Все стараются, чтоб на рынке царил мир. Старики рассказывают, ещё имам Шамиль повелел «людей ниже среднего роста на базар не пускать, очень скандальные».

Если судить по росту, миролюбивей людей, чем мы с Мурадом, на свете не найти.

И потому для нас путь на рынок всегда открыт.

*

Долгожители

إِنَّ الْعَصَا مِنَ الْعَصِيَّةِ
И посох был прутиком!

Арабская пословица

Алиева Калу из села Ашали Ботлихского района — женщина трёх столетий.
Ей исполнилось 120 лет!!!
На Кавказе возраст — богатство!

Фото Шамиль Муртазалиев

Я беседовал со многими аксакалами, пытаюсь вызнать секрет феномена.
Джабраил из Ботлиха налил по стакану сухого вина и поведал мудрую притчу:
— Приезжает в Дагестан дотошный корреспондент, типа тебя, заходит к пожилому горцу. Старику лет девяносто, гнёт подковы. «Расскажите, как Вам удаётся так долго жить?» — «Ты гость, поэтому сначала за стол! Жена, принеси самый большой вкусный арбуз». Та спускается в подполье, достаёт арбуз. Старик отрицательно качает головой: «Нет, это незрелый». Она опять спускается по лестнице, вылезает с арбузом. Муж опять: «Я же тебя просил самый лучший, самый

сладкий». Она, молча, опять исчезает в подвале и через некоторое время вытаскивает арбуз. Хозяин покрутил арбуз в руках, постучал: «Вот этот хороший!» — разрезает арбуз, угощает гостя. А тот за своё: «И всё-таки секрет долголетия». — «У нас в доме всего один арбуз, но моя жена не пикнула ни разу, не закатила скандала. Она бережёт мои нервы, я — её. Потому и живём долго».

— Понят-но. А с учётом, с цифрами у вас в Дагестане всё правильно?

— В смысле?

— Ну, путаницы не бывает? Помните, как в старом анекдоте: «Шестидесятые годы. Интервью с долгожителем: “Как Вам удалось так хорошо сохраниться в ваши сто шестьдесят семь лет?” — “Когда была Великая Октябрьская революция...” — “Знаете, расскажите лучше о декабристах!” — “Когда была Великая Октябрьская революция...” — “Пожалуйста, расскажите лучше о Пушкине!” — “Когда была Великая Октябрьская революция, творился такой бардак, что мне приписали лишних сто лет!”»

— С цифрами у нас порядок, — заверил Джабраил. — Высоко в горах мальчик спрашивает у дедушки: «Дедушка, сколько тебе исполнилось?» — «Сто пэсят восэм...» — «А пьешь, куришь?!» — «Канэшно!!! Иначе никогда не здохну».

Джабраил подлил вина:

— Но если кто сильно сомневается в возрасте, можно перепроверить достоверно.

— Как?! — усомнился я.

— По кольцам. Только для этого нужно сделать поперечный распил.

*

«Горцы от ума»

Хабар Эльдара Иразиева

— В прошлый раз, когда сидели, я только вышел, мне шею сломали в двух местах...

— Ва... Где?

— В Буйнакске и Кизилюрте.

«Горцы от ума»

Дагестан для меня — это созвездие талантливых людей. И одна из таких звёзд Эльдар Иразиев. Ему слово!

Фото: Каждое утро Эльдар Иразиев пересчитывает пальцы

— Из команды «Махачкалинские бродяги» и выросли «Горцы от ума».

«Махачкалинские бродяги» на сегодня — самая титулованная команда КВН в России.

Я был совсем молодым, когда команда стала наращивать творческие мускулы, представлять грозную силу для кавээнковского движения. В бюджете Дагестана отдельной строкой планировались для коллектива расходы. Мы могли на месяц, оставив основную работу, полностью посвятить себя репетициям, могли жить на сцене, могли на игру привозить по 40-50 человек, а это уже шикарный масштабный танец, богатые голоса. Талантом дагестанская земля не обделена. Сценарий пишется коллективно: команда разбивается на группы, каждый приносит свой материал, зачитывает вслух; что кажется смешным — отмечается. Оценивает руководство команды: Шабан Муслимов, Андрей Галанов... Для оценки нужно тонкое чутьё, нужен вкус. Да, из команды «Махачкалинские бродяги» мы и выросли. Теперь все цитируют «Горцев от ума». Это часть нашей жизни. Фразы у всех на устах: от младенцев до аксакалов, мы в каждую семью попали, это воистину народное признание. Юмор спасает от хандры, служит лекарством... Посмотри наши ролики, лучше поймёшь Дагестан.

— Смотрел, не один раз и всем рекомендую.

— Мой кумир в области юмора — Хаджимурад Набиев, он же мой партнёр. Российский юмор слишком пошлый, чтобы с него брать пример, тот же «Камеди клуб»... Большие тексты в нашем жанре сегодня тоже редко встретишь. «Моноложники», «стендаперы»... Юмор становится

более динамичным, искромётным. Всё стало динамичней, народ задвигался, по крайней мере, у нас в Дагестане. Сам я из Буйнакса. Махачкала более сложный город. Менее горский... Хахачкала! А вообще Дагестан — это джунгли. Дагестанцы от славянских народов отличаются разительно — культурой, верой. Это абсолютно разные люди. У нас меньше дисциплины, больше страсти. На Кавказе считается: лучше быть последним среди волков, чем первым среди шакалов! С другими кавказскими народами мы почти схожи, языки только разные. Даже с грузинами, хотя они православной веры, темперамент общий, у них тоже хороших борцов много.

— Довлатов заметил, что эстонец «по темпераменту равен мёртвому кавказцу». [1]

— ...Грузин, который ислам исповедует, горячее, ислам неким катализатором служит. В нашей религии нет такого: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. В исламе мужчина должен защищать себя, свою семью. У нас религия нетерпимая, обязывает за себя постоять.

— А в нашей православной вере основной упор делается как раз на терпение, смирение, любовь. В Коране не нашёл ни одного слова, производного от «любовь».

Фото редакция газеты г. Хасавюрт

— Во-во... Сегодня пытаются вести воспитательную работу, но сложно... Джунгли! Вы попробуйте приручить на свободе всех львов, волков, тигров. Нереальная задача! И то же самое в Дагестане. Тут с первого класса идёт борьба за выживание: если ты хлипкий мальчик, слабый по характеру, по духу, будешь таскать чьи-то портфели. Ты должен камнем, бутылкой, начиная со школы... с роддома, уметь за себя ответить. Это джунгли самые настоящие, здесь надо с младых ногтей пестовать и защищать свой авторитет. Если ты в детстве ни с кем не подрался, — несерьёзно получается, несмываемое пятно на семье, значит, ты всё терпел, всё сносил. Ведь чтоб на тебя не наехали, такого не бывает. Как ни выруливай, как ни пытайся соблюдать «правила движения». И человек, пройдя такую подготовку, вдруг попадает в какую-нибудь тихую Ленинградскую область, — ему скучно. Ему в колыбели вместо соски патрон давали, его отец воевал, отец его отца воевал, отец его-его-его-его отца воевал тоже. На родине он дрался раз в день, кровь кипит, а тут спокойная размеренная жизнь русских: ходят на работу, его не трогают. Русский народ — люди поэтичные, романтичные: потрепаться по душам, пофилософствовать, а у джигита руки-то чешутся, закручен, как пружина, и вдруг... выживать не нужно. Тогда он начинает выживать... местных. И, отделившись от родительского прайда, на новом месте создаёт свой прайд! — Эльдар заразительно смеётся.

— А ещё, кажется, дагестанцы любят распространять о себе в соцсетях всякие ужастики, чего, может, и не было, словно бравируют.

Фото: Из соцсетей

— Есть и такое. Нельзя быть набожным и беспредельщиком в одном лице. Мне нравится одна притча. Устаз попросил юридов нарезать курицу так, чтобы никто не видел, и принести её. Все справились с заданием, кроме одного ученика. «А ты почему не выполнил задание?» — спрашивает его учитель. — «Я не смог найти такого места, где бы меня никто не видел. Аллах видит нас всегда и везде». Не думай о том, как незначителен проступок, подумай о том, как велик Тот, кого ты ослушался. Моя цель — прожить так, чтоб не вызвать гнев Всевышнего. Я люблю отдыхать дома, в кругу семьи, с «Горцами от ума». Не люблю шляться по ресторанам. В злачном месте легко нарваться на приключения... Пьяный матерится за соседним столом, ты ему замечание: «Не ругайся матом!» Он — тебя, ты — его! Ты ему «1:0» делаешь, потом он тебе «2:1» И — пошло-поехало: история длиной в пять лет. Или недавно, ситуация на перекрёстке: «Музыку тише делай, да!» — «На, громче!» И сразу: минус один, минус два, минус три... В итоге несколько трупов. Ислам запрещает такое поведение, всегда запрещал... Но при коммунистах наша религия была учением слабым, поверхностным, теоретическим. Сегодня Ислам в Дагестане набирает силу. В том, что сейчас говорю, мало смешного. Каждое слово не может быть смешным.

Эльдар пытался по моей просьбе организовать встречу с лидером салафитов Дагестана. Созвонился, передал моё пожелание, но во встрече отказали...

P. S.

Одну из главных причин формирования негативного образа дагестанца на бытовом уровне раскрыл мне Гасан:

— В каждой отаре есть паршивая овца, но джамаат строго следит за чистотой рядов: и поныне насильников, кровников, отпетых хулиганов, аморальных типов подвергают остракизму (изгнанию). Абреки вынуждены покидать родное село и навсегда уезжать в глубинку России, в Москву... на гастроли, за новыми приключениями. В родном ауле долго не «побыкуешь»! К сожалению, русские именно по изгоям судят о всех «лицах кавказской национальности».

Вот тебе раз!.. Для меня эта «закрытая» информация стала полным откровением.

Когда все кругом бесстрашны, становится страшновато. И русичей, по жизни, спасает лишь умение свой страх преодолевать. Не зря в числе дагестанцев Героев Советского союза — русских половина...

*

Примечания:

[1] Сергей Довлатов, «Ремесло».

Чужая земля

*С соседом дружи,
но плетня не снимай.*

Лезгинская пословица

Для многих дагестанцев до сих пор эта тема самая болезненная.
А язык, как известно, вертится вокруг больного зуба.

Случилось это в марте 1944 года: из 21 района Дагестана жителей сёл насильственно депортировали в Чечню. Великий кормчий на этот раз, действительно, хотел как лучше...

Серажудин Абдурахманов трагическую историю своего рода знает не понаслышке:

— Я родился в ссылке, но родители часто об этом рассказывали, потом работал в районном архиве, знакомился с документами. В нашем Цунтинском районе было 46 селений малых и больших, их все сожгли, чтобы отрезать людям путь к отступлению. Переселили 1514 хозяйств, около 8000 человек. Всем предоставили по одной грузовой машине, оставшееся имущество бросили, ликвидировали колхозы, исключили из районного реестра названия сел. В Чечне нас поселили в Эрсеной Веденского района, поселили без права возвращения на родину. На новых местах пришлось заново создавать быт, организовывать колхозы. До нас в селе жили акинцы — дагестанские чеченцы, их выселили в Казахстан. А в 1957-м году Хрущёв принял решение отпустить чеченцев из высылки. Мы за тринадцать лет только обжиться начали... В дом, где нас поселили, тоже вернулась из Казахстана чеченская семья. Старший — старик Муху, священник-мулла, как и мой отец. Между собой они не общались, не разговаривали, не здоровались, как ни пытался отец с ним заговорить. Они не зашли в дом, пока мы не выехали, жили на веранде, еду варили на примусе отдельно. Два месяца мы вместе жили так, молчком. Государство нам предложило на выбор: «Если хотите, живите вместе с чеченцами. Если не хотите, мы выделим вам район под новое жильё рядом с Махачкалой». Мы решили жить отдельно, плохой сосед — семь бед. Вместе всё равно жизни не будет. Не отыщешь, пожалуй, такой семьи, куда бы чеченцы ни приходили на дом и в ультимативной форме не спрашивали: «Сколько вы будете топтать нашу землю? Когда освободите наши дома?» Среди молодёжи из-за этого постоянные склоки, раздоры, спокойного дня не было. Хотя чеченцев понять тоже можно...

Мне исполнилось тринадцать, когда переселялись назад в Дагестан. Я хорошо всё помню. Назвали дату, на два месяца раньше прибыли автоматчики, чтобы исключить столкновения, бойню между народами. Нам опять выделили грузовик: туда кровати, бельё. Скот гнали своим ходом через Ботлих, Цумаду. Руководство страны в 44-м объясняло: «Выселяем для улучшения жизни народа, в Чечне более плодородная земля». А вышло-то как? Вернулись: дома сожжены, дорог нет, мостов нет, мельницы разрушены, горные террасы смыты селями... Разруха кругом.

И пришлось нашим родителям создавать колхоз... в третий раз!!!

Слов нет, трагичная история.

Но если часто вспоминать прошлое, можно потерять будущее.

Дженев Казиева указала на табличку:

— Единственная в Дагестане улица Сталина расположена у нас в центре Кумторкалинского района.

Фото

— Откуда знаете, что единственная?

— Я историк. Моя профессия — спрашивать, читать, изучать, искать, знать. Улицу хотели не один раз переименовать. Старожилы категорически против: «Наш Сталин! Отец всех народов! Ленин кавказской национальности!»

Эх! Если бы всё дело было в Сталине...

Есть восточная легенда о том, как в спящего человека вползли десять змей. Долгое время человек выполнял лишь их требования, все его поступки свершались не на основе внутренних побуждений, а под нажимом, и в итоге всё его существо оказалось в рабском повиновении. Но когда змеи уползли прочь, и он неожиданно вновь стал свободен, его радость была омрачена. Бедняга не знал, что теперь делать со своей свободой. Ведь за это время он постепенно лишился всех своих собственных желаний и страстей, а вместе с ними незаметно для него исчезла его человеческая сущность... После Сталина, после тотального принуждения нам всем предстоит вернуть себе свою сущность.

*

Толгау

Песня созревает сама собой, как зреет яблоко. Поэт лишь срывает её с ветви.

NN

В администрации Ногайского района сообщили, что моим провожатым будет Мурад Аvezов — прекрасный человек, известный в народе энгимеши (знаток легенд) и... поэт. Чему я несказанно обрадовался. Раз поэт, значит, родная душа:

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.
И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.
Века всё смеют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольётся.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнется.
Он скажет:
В пропасти времён
Есть изысканья и приметы...
Дрались сонмища племён,
Зато не ссорились поэты.
Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак [2].

Мы познакомились. Внешне Мурад, как и другие его соплеменники-степняки, не имеет ничего общего с горцами. Черты лица напоминают скорее монголов, кочевников, потомков Тамерлана. Пустыня, зной, отсутствие гор, верблюжья колючка и ковыль, сухой ветер лишь усиливают это сходство.

— Побеседуем мы в пустыне, за ужином, у костра, — сообщил Мурад. — Нигде так красиво не получится живописать нашу культуру, как под открытым звёздным восточным небом. А заодно, угощу Вас «куърлеме» — это наше любимое национальное блюдо.

— Рецепт откроете?

— Я буду готовить и комментировать.

Мы уехали за посёлок. Огромный алый диск солнца на глазах закатывался за горизонт, отступила жара, пока мы собирали вокруг стоянки хворост, темень окончательно сгустилась. Тонкий запах полыни стелился над степью ногайской.

— Итак куърлеме, — объявил Мурад. — Берут ягнёнка молочного возраста, секир башка ему, вынимают внутренности, кишки-мишки...

Затем он выкопал в песке яму, засыпал хворостом и развёл огонь.

— Теперь нужно, чтоб всё прогорело, остались одни угли.

Мы расстелили на земле кошму, принесли из машины вышитые подушки и уютно расположились рядом с огнём.

— «Магомед», восточный ветер с Каспия, гонит волнами барханы, засыпает пастбища, солончаки, — Мурад подоткнул подушку повыше. — Меняется с годами пустыня... умирает. Но

всё равно — это наша родина, мы выросли в этот песок, пустили глубоко корни. В другом месте, на другой почве не выживем. А сейчас, кто сильнее, тот и прав, водоворот страданий людских. Ногайцы — народ не такой вспыльчивый и, пусть простят меня братья-дагестанцы, не хамоватый, воровать, убивать людей не склонный. У ногайцев даже нет такой традиции «кровная месть». Сколько бы ты ни старался, из песка не вылепить скалу. У нас, как у русских, проблема демографии: в семьях по одному-два ребёнка. А, как справедливо заметили русские, свято место пусто не бывает. И не исключено, что со временем только вывеска останется: «Ногайский район». Русские, если их отсюда выживут, уедут в Рязань, в Сибирь, за Урал. А куда отсюда поеду я? Куда отсюда уехать ногайцам? Деревья умирают стоя.

Фото

— У нас старики учат: «В тридцать лет нужно задуматься о жизни. Сорок лет — пора, когда твоя сабля должна рубить падающую волосинку на сорок частей. В пятьдесят — ты лиса. В шестьдесят — у тебя седые виски, седая борода, и ты встаёшь на путь праведный. В семьдесят лет — ты старик. В восемьдесят лет — ты уже никому не нужен. В девяносто лет у тебя одна дорога — от порога до дома. В сто лет — прощайся с жизнью». Для меня самое время — встать на праведный путь.

Дрова тем временем прогорели, лишь угли мерцали тревожным алым огнём, раскалив песок, превратив яму в жаровню. Мурад завернул в шкуру мясо ягнёнка, обработанное специями и опустил в жар. Засыпал землёй.

— Вот теперь эта барашка будет томиться в собственном соку, без огня, в земле предков и по традиции предков.

Через два часа Мурад осторожно, слой за слоем, разгрёб горячий песок штыковой лопатой, достал чёрный, обугленный кожаный свёрток, переложил на широкое металлическое блюдо и развернул... Чудный мясной аромат восхитил... одурманил меня... Нежное мясо, покрытое румяной корочкой, продолжало тихонько скворчать...

Мы опять развели костёр и при свете языков пламени отламывали небольшие кусочки...

Костёр, ночное звёздное небо, легенды энгимеши, свежий воздух ночной пустыни, красное сухое вино и куурлеме... Так здорово, что не может быть явью.

Сказка восточная!..

В потрескивание хвороста вплетался дивным узором хриловатый голос Мурада:

— Мой дядя Гамзат Адживельдиев писал прекрасные стихи. Я пробовал переводить их на русский, но у меня ничего не получилось.

Был чабаном, в степи копал колодцы,
Выпрыгивал со дна, как стригунок...

Ну, извини... Не поддаётся строка поэтическому переводу на русский. Чтобы говорить о его поэзии, нужно знать ногайский язык. Например, у него есть стихотворение «Еллёр» — ветры. О любви. Но если ты далёк от ногайского языка, сделаю тебе даже смысловой перевод, ты сразу скажешь: «Банальщина». «Еллё-оор, эллё-оор...» Вот послушай сам звук, его вибрацию, колебания. Как переходят диссонансы в консонанс, — Мурад преобразился, и, глядя куда-то во внутреннюю бескрайность, стал читать:

Еллё-оор, эллё-оор...

Стихи на родном языке востока, для меня, как девушка в парандже: загадочные, изящные, недоступные, и очаровательные... насколько хватает воображения.

— Красиво. А перевод, хотя бы смысл.

— Ветры, ветры, я б ударил вас за то, что целуете девушку, которую я не могу поцеловать. И поэтому я в гневе на вас, ветры. Я вижу, ветры обезумели, распахнули кофточку, целуют твою грудь, и твои волосы чёрные летят по ветру. А что остаётся в этом мире мне? Я люблюсь тем, что ветры обнажили тебя. По-ногайски, конечно, звучит совсем иначе. Разве можно пересказать «любовь»? Только любовь делает шипы роз мягкими. Каждые полвека меняются обычаи народа. Меняется и молодое поколение. Им уже не нужен язык отцов, прадедов. Им нужно всё общее, усреднённое. Так случилось потому, что они черпают информацию из интернета, а в своё сердце не заглядывают. Мне нравится одна восточная притча:

Когда Бог создавал человека, он ему сказал:

— Я тебя сотворил, я за тебя отвечаю. Когда тебе потребуется моя помощь, будет плохо, приходи ко мне. Буду помогать тебе во всех твоих делах.

А человек — такое существо ненасытное, суетливое, по всяким мелочам стал обращаться к Богу, приставать попусту. И надоело это Создателю. Забрался он на вершину снежных гор, но и там достал его человек, опустился в глубины морей, и там отыскал, прятался в лесной чаще, уходил в пустыню — нигде не было покоя от надоедливости человека. Тогда Творец задумался: «Куда же спрятаться от него?» Давай-ка, я спрячусь в его сердце. Ибо в сердце своё человек редко заглядывает. Когда мы свершаем дела не от сердца, по расчёту, с нами нет Бога. Мы далеко не уйдём таким путём. Есть только одна вера — Совесть. Нужно поклоняться своей Совести, стараться всегда быть верным ей. Это и есть наш единый Бог. Те, кто совесть утратил, предал, переступил, — те неверные — кафиры. В какие бы одежды они ни рядились. И потому мы должны писать по совести, жить по совести. А если что-то мешает, надо исцелиться. Самоисцелиться. Почему ты, писатель, приехал сюда... Кто-то ведь поднял тебя: «Дорогой, поезжай, установи истину. Если не сможешь установить, хоть сделай шаг в её направлении». Может, для тебя это самоисцеление. И не надо оглядываться в пути, споткнуться можно. Когда мои коллеги критикуют того или иного бумагомараку, пачкают, я всегда встаю на защиту: может, действительно он для нашей промышленности ничего не сделал, не помог сельскому хозяйству, но вдруг в его творчестве имеется хотя бы крупица, которой он призывает к добру, к справедливости, милосердию, любви. От певчей птицы мяса мало. В кочевом обществе, как самые уважаемые, почитались йыравы — поэты, сказители, певцы. Ведь и Коран, Ветхий и Новый завет — прежде всего слово поэтическое. «Сначала было слово, и слово это — Бог».

Вот тебе ещё одна притча... Жил в ногайской степи старик со старухой и было у них три сына. Сыновья взрослые: у каждого своя семья, но жили все вместе, в одном доме. Жили дружно. Всё у них было хорошо до поры до времени. Но вдруг однажды, без всякого повода, разругались они между собой: все со всеми. Была поздняя осень, ночью выпал снег, рано утром старик вышел во двор, смотрит: кто-то встал раньше его — по свежему снегу от дома уходили следы. Пошёл старик по следу. Долго ли, коротко ли он шёл, видит, у дерева стоит красивая девушка.

Спрашивает старик:

— Ты ли, дочка, вышла из нашего дома?

— Да, это я покинула ваш дом.

— А кто ты?

— Я Счастье. Каждый день у вас ссоры, ругань, дразги. Мне стало тесно, душно в вашей хижине, неудобно, холодно. Не хотела никого видеть перед уходом, но раз так получилось, что мы опять встретились, то на память, в знак уважения, могу выполнить одно любое ваше желание. Я благодарна за приют, за радость в прошлом: бывали в вашем доме и счастливые годы. Почтенный старец, скажи, что тебе нужно, о чём ты мечтаешь — всё исполню. Может, несметный табун коней, бесчисленную отару овец, золото или заморские наряды и красавицу жену?

— Мне нужно посоветоваться с сыновьями. Они — моё будущее.

Старик вернулся домой, собрал сыновей, пригласил жену и рассказал им о волшебной гостье, которая покинула их дом. Все стали наперебой кричать, требовать своё: жена — золота, старший сын — табун коней, средний сын — отару овец... (Чабаны счастье отарами мерят.) И только младший сын молчал. Старик обратился к нему:

— А ты что посоветуешь мне выбрать?

— Отец, табуны скакунов, отары овец, золото... несметное богатство... Конечно, хорошо, когда в доме достаток, но это не главное. Потому что, когда покидает Счастье, вместе с ним уходит и наша совесть — намуз. Все скажут: «Эти бесстыдные люди потеряли Совесть, раз променяли счастье на деньги. Аксакалы скажут: «Это проклятый род!» Нас проклянут на веки веков, как после этого мы станем жить? Иди отец к Счастью и попроси вернуться. Мы забудем о своих обидах, погасим распри, только бы к нам в хижину вернулось Счастье, а в наши души — намуз. Мы станем жить, как жили раньше, когда всем было хорошо. Ведь, правда, братья?

— Да! — горячо поддержали все.

Я верю, на всё воля божья, человек лишь исполнитель. У скакуна копыта не думают, и когда-нибудь они могут привезти обратно. Нужно только сильно этого хотеть.

*

Примечания:

[1] Толгау: жанр ногойской поэзии — философские размышления, раздумья

[2] Сергей Есенин «Поэтам Грузии»

Наше будущее

*Аялар гзаф авай кIвале шейтандиз чка амукьдач (лезг.)
В доме, где есть дети, шайтан не бывает.*

Лезгинская пословица

Вдоль ручья четверо подростков гнали упитанного бычка.

Гасан, прищёлкнул языком:

— На свадьбу тащат.

— Ты Шерлок Холмс? Откуда знаешь? Почему именно на свадьбу, не на день рожденья?

Может они стырили этого бычка, зажуковали? Может, гуляют с ним?

— Мы знаем... Ах-ха...

— Гасан, объясни.

— Именно на свадьбу. В последние несколько часов похоронных вестей не было...

— Ну, мало ли.

— ...Июль-август у нас свадебный месяц. На день рожденья быков не режут, маленькое мероприятие, а на свадьбу одного ещё мало будет. Эта семья, по всему видно, небогатая. Зажиточные режут двух-трёх, чтоб в достатке всем гостям. Могу и фамилию угадать. Одного пацана я узнал, вряд ли ошибусь: женится младший сын Омарова. Наверняка, его внуки. Слышал, завтра свадьба у них. У нас в селе через каждые двадцать минут — новости. Люди, пробегая от сакли к сакле по своим делам, сообщают «бегущей строкой»... Про другую пирушку никто не азанил. Вся информация у меня состыковалась, вывод только один — быка ведут на свадьбу.

— Надеюсь, не жениться?

— Нет, на убой. Завтра, во исполнение указа Президента России Медведева, будет свадьба.

— То есть никакая это не самодеятельность, исполнение Указа Президента?

— Конечно. В 90-е годы, во время войны произошёл резкий спад рождаемости, однако недавно в процесс деторождения вмешался лично Президент России, издал Указ о поддержке, и позорное отставание мы тут же наверстали. Спасибо ему! Пусть в этой молодой семье растёт своя футбольная команда. Я вообще считаю, надо обратиться в Госдуму с проектом закона: отключать в шесть вечера в сёлах свет, чтобы не было других развлечений, других соблазнов. Ни телевизора, ничего... Чтоб они занимались исключительно решением демографической проблемы... Как наши далёкие предки: они жили в деревне и усердно предавались единственному греху, который был доступен.

— Сакхи!

— А что касается «бегущей строки»... Потребность делиться новостями у нас сильней воли. Замужняя женщина в селении сокрушалась мне: «Если я что-то важное услышу и дальше не передам, всему аулу, у меня в груди... насквозь... дерево вырастет. И поэтому ни одному мужчине я не позволю к себе подойти, об этом тоже разболтаю. А так хочется».

— Сакхи, ещё раз!

— Ты заметил, в хмельном виде самые интересные мысли возникают, самые ценные. Давай за то, чтобы в школах учили не таблицу умножения — таблицу размножения! У нас в Дагестане принято рождение сына отмечать тремя выстрелами.

— А страна думает, здесь война идёт...

Наглядно я увидел вспышку демографических изменений в Чародинском районе, в маленьком горном селе Доронуб. По возрасту встречной группы детишек я мог бы определить дату опубликования знаменитого указа. Хорошо было видно, что горцы восприняли текст, как сигнал зелёной ракеты. Они принялись исполнять Указ Президента РФ там, где застала весть, одновременно, отложив все прочие дела... И, как результат, — рост рождаемости. В одном Чародинском районе открыли за год пять детских садов.

Фото

— У моих родителей семеро детей, — продолжал Гасан. — И у меня тоже семеро.

— Считается, если впереди тебя по снежной целине сделали два шага, ты, идущий следом, должен сделать на шаг больше...

— Сделаю! Хотя и сегодня в селе меня считают отцом-молодцом: есть и мальчики, и девочки. А туалет и умывальник один совмещённый. Для того, чтобы утром все, на равных, могли его посетить, приходится устанавливать график, как в поезде. Мужчины, включая меня, должны вставать в шесть. Дети признаются: ложатся и засыпают с мыслью об этом. Чтобы спокойно побриться и дать сыновьям чуть подольше дремануть, я поднимаюсь в половине шестого. Такие адаты в нашей семье, но мы с женой хорошо знаем: семьи должны быть многодетными. Не нужно бояться рожать детей, даже если ты сам не сможешь их прокормить, Бог даст детям хлеб. От ребёнка всегда идёт шапат — благополучие.

Ведь наши дети — будущее!

Будущее всей России.

P. S.

Всю дорогу я искал символ, помогающий понять, отчего будущее всей России такое...

В парке культуры и отдыха Санкт-Петербурга когда-то был установлен памятник «Молодой семье». Недавно его демонтировали. Азад Герейханов, глава администрации села Чинар Дербентского района, случайно узнал, что монумент собираются выбросить на свалку. Он решил непременно спасти памятник! За свой счёт вывез его из Санкт-Петербурга, отреставрировал и установил в родном селе. Теперь вокруг скульптурной композиции — зона отдыха взрослых и территория воспитания юных сельчан. Несмотря ни на какую распродажу ценностей, семейный очаг в Дагестане в почёте по сей день. И то, что «ненужный» памятник семье радушно принят в Дагестане, вознесён на постамент — глубоко символично.

*

Фото

Воспитание

Настали тяжёлые времена: прогневались боги, дети больше не слушаются родителей и всякий стремится написать книгу.

Послание древнего Вавилона

Заспорили как-то раз звери, какой птенец самый красивый:

— Павлин! Нет красивей.

— Орлёнок! Кто может быть величественней царя птиц?

— Совёнок милей. Он самый смыслёный.

Звери попросили ворону:

— Слетай в лес, принеси самого красивого птенца.

Она улетела, звери гадают:

— Кого сейчас принесёт?

Ворона приносит своего чёрного, маленького, общипанного воронёнка, еле стоящего на лапках.

— Вах!!! — удивились звери.

Но потом они поняли, для каждой мамы свой сын самый красивый.

Самый-самый!

Даже когда весь мир против, мама всегда за нас.

За это мам и любят.

Если ты изжаришь в своей ладони яичницу, то и тогда не сможешь оплатить даже одну бессонную ночь, проведённую матерью над твоей колыбелью.

А отец...

Отец должен воспитать из ребёнка Человека.

Тоже непросто.

Древние греки в Спарте сначала учили детей воровать себе пропитание, потом всё остальное. В старину в Дагестане поступали иначе... Горец отдавал сына в учение мулле и заключал договор: «Мои кости, твоё мясо» — соглашаясь, что наказание учителя может быть любым, лишь бы сын остался жив.

Воспитание в Дагестане, какое оно сейчас?

Мурад, поглаживая родовой столб в сакле, вспоминал:

— У моего дедушки в семье двенадцать детей. Тётя моя родилась, через два года родился дядя. Она считалась уже чуть-чуть большая. Ставили рядом две люльки: в одной она, в другой брат, она качала брата — паровозом. У нас воспитанием ребёнка обязаны заниматься все, это обязанность всего тухума. Потому, что если ребёнок вырастет плохой — пятно на весь род. В джамаате любой старший имеет право наказывать младшего за нехороший поступок. И правильно. Раньше дети не смели пройти через годекан, нарушить покой стариков. Помню, однажды мне поручили что-то куда-то отнести. Я решил проскочить напрямую, через годекан. Выскакиваю, а там!.. сидят два старика. Мой дядя сразу меня поймал, посадил на колени и насухую, не намочив, не помылив, обрил голову кинжалом. Шлёпнул напоследок по заднице, отпустил. Мне пяти лет не было... Помню хорошо. Отец физически меня никогда не наказывал. Самое страшное, когда он медленно подбирая слова, изрекал: «Мне стыдно за тебя перед людьми, Мурад». Отец постоянно на работе, моим воспитанием, наказанием занимался дядя Абдула. Мать тоже могла наказывать, но сначала она должна была догнать меня, а это ей не под силу.

Пока я рос, дядя Абдула в воспитательных целях успел несколько раз меня отдубасить. Мне было лет одиннадцать, когда с друзьями угнал мотоцикл. Друзья сидели в люлке, непосредственно угоном занимался я. Как с помощью спичек включить зажигание, завести, знал, через три километра мотоцикл заглох... Слышу гул далёкий... За нами несутся на милицейском

уазике. Пытаемся завести мотоцикл с толкача — никак. Смотрю, дядя тоже. (Он всегда в такие моменты оказывался под рукой: работал тогда в милиции.) Мы мотоцикл бросили, побежали.

Слышу, сзади рык:

— Ты куда? Сюда иди.

Дядя... Я ещё постоял, подумал: пацаны сбежали, а мне всё одно возвращаться домой. Так и так вариантов нет. Дома может добавить мать, отец, лучше сейчас получить. Вернулся... Сдался на милость судьбе. Дядя хотел посадить в тюрьму, гаишник в машине говорит не надо.

— Ну, тогда профилактику сделаем, — прорычал дядя.

Мотоцикл запомнился на всю жизнь. Дядя бил меня не в шутку, тут же, у всех на глазах. Потом узнали родители, и, самое обидное, отец утром подошёл к постели, откинул одеяло:

— Мурад, ты не залёживайся: там опять кто-то мотоцикл оставил.

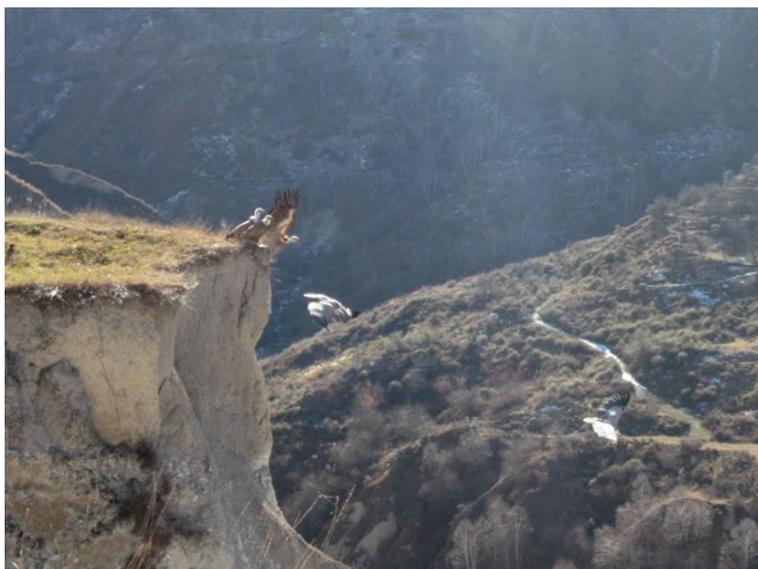
Это услышать мне было горше дядиных тумачков.

В восемнадцать провожал одноклассников в армию, мы выпили, и так получилось, что я военного комиссара... спустил с лестницы. (Здоровья у меня хватало.) Но у дяди его оказалось ещё больше. Он мастер спорта международного класса по вольной борьбе. Военком отзвонился дяде, тот меня в военкомат затащил, и конкретно отрихтовал: кулаками, ногами. Только по лицу не бил. Когда метелил, у меня в мозгу стучала одна мысль: «Лишь бы не почуял запах спиртного...» Военком еле оттащил его. Я неделю старался не попадать дяде на глаза: воспитание могло повториться. (Для себя понял одно: военкома нужно оставить в покое.) Сейчас я сам отец и знаю твёрдо: именно я в ответе за воспитание сына, ни школа, ни соседи. «Не успел, был в командировке, доверял сыну!» — детский лепет! Надо вовремя воспитывать, а школе, тухуму, друзьям всегда за подмогу спасибо скажу.

У нас в Карелии старики наставляли: «Опасту лапси, куни хяй пойки лавчан» — Учи ребёнка, пока он умещается поперёк лавки. И действительно, потом уже поздно. В Дагестане отцы это понимают хорошо и свою ответственность несут достойно. Страна гор во всех отношениях — край уникальный, в вопросе воспитания — особенно. И мне остаётся лишь подтвердить слова Мурада: «Только в Дагестане мужики в сорок лет курят за гаражами, “чтоб пахан не спалил”; только в Дагестане ведущий концерта, прежде чем начать, спрашивает разрешения у старшего брата, сидящего в зале». И это правильно.

В Хунзахском районе я видел как орлы обучали орлят летать. Эта картинка у меня навечно останется перед глазами как высший, священный образ отношений родителей и детей.

Фото

P. S.

Ежегодно 8 сентября, в день смерти мамы и отца, я хожу на их могилу. В этом году не удалось... На русском кладбище в Кайтагском районе Дагестана положил на могилки русских учителей конфеты. Думаю, родители должны простить.

*

Община

Общий котёл и на льду закипит.

Дагестанская пословица

Мне важно написать про то самое-самое, что делает Дагестан — Дагестаном, что до сих пор не в силах искоренить ни правители, ни цивилизация, ни западная мода, про то общее, что есть между нами и, что резко отличает нас от зарубежных соседей, — про общинность.

За пределами Страны гор, в России, коллективизм в последние годы стал проявляться меньше, и это у многих вызывает щемящую боль в сердце, острую ностальгию по прошлому:

А вот помню в коммуналке мы,
Новый год всем обществом,
Закусь, водка — жалко ли,
По имени, по отчеству.

А нынче двери крепкие,
Всё глазки с цепочками,
Что там твоей крепости,
Связь тире да точками.

Спички вышли давеча,
Я вниз-вверх по лестнице —
Что в питомник лающий,
Думал, кто-то взбесится.

Я к ларьку: «Мамаша, мол,
Спичек дай без очереди».
А она: «Давай, пошел,
Тоже мне, сыночек!»

Так вот и наладились —
От горшка да к дизелю,
А всё веселье в радио
Да и по телевизору.

А знаете, как хочется,
Чтоб по-человечески:
По имени, по отчеству —
Ну, в общем, по-отечески [1].

Постепенно нарушается компактность проживания народов, появляется много приезжих, «залётных», бедовых людей... У моей родственницы зимой в Карелии, в лесном интернациональном посёлке Настеньярви загорелся дом. Соседи быстро сбежались со всей округи. (До этого места всё, как в Дагестане, а вот дальше иначе...) Люди не помогали вытаскивать вещи, стояли, глазели... и, пользуясь суматохой, кое-что даже смогли утянуть. Кому — пожар, кому — погреться...

Такое прежде на Руси и сейчас в Дагестане — не представить!

Я вспоминаю Карелию, в которой родился, Карелию моего детства и юности. От «минус бесконечности» до семидесятых двадцатого века самым надёжным средством охраны любого деревенского дома был посох, приставленный к входной двери снаружи. Он означал: «хозяев нет». Замков в ту пору не ведали, и эта сухая палка служила понадёжней любой охранной фирмы, любой современной сигнализации... Потом в республику на лесозаготовку по набору стали прибывать «лимичики», оторвавшиеся от своих корней, и... жить в Карелии стало веселей. Бескорневая система делает человека холоднее, жёстче.

А в Дагестане и поныне коллективность, в пику индивидуализму, проявляется во всём.

Например, в труде.

Любое строительство на селе ведётся сообща. Соседи, друзья, родственники не остаются в стороне, проводят субботник. У аварцев, лезгинов, кумыков, даргинцев субботник называется по-разному: где «мил», где «гвай», «вука», «билхъа», «марша», где «эврез» — суть одна... Везде работа с весельем, с музыкой. Везде работа спорится, горит: одни заготавливают, волокут камни, другие замешивают цементный раствор, женщины готовят еду...

— Ты радостный, словно счастливое будущее строишь, — вспоминает Кубай Курбанов. — В одиночку можно лишь мечтать. Именно так возвели спортивный зал в селе Гоор. Зимой на сельском сходе приняли решение «строить»: чтобы молодёжь не уезжала, чтоб было, где проводить свадьбы, спортивные мероприятия. Деньги на материалы выделила администрация района. Земляков собирали из Махачкалы, из Каспийска, Буйнакска, обзванивали, чтоб непременно приехали, не подвели. Шестьдесят мужиков съехались. Весной заложили фундамент, залили сейсмопояс, ригеля установили, стены стали поднимать. Строительство ведётся под руководством специалиста, есть у нас такой мастер Нажмудин. Весь джамаат проводит гвай! Кто не может приехать — присылает деньги. Рядом садик, заодно, им воспитательный момент — пусть видят.

В Тляртинском районе я наблюдал гвай на сенокосе.

— Земли у нас общинные, — пояснила бригадир женской бригады Жамилят Ахмедова из селения Кутлаб. — Совместно заготавливаем сено, потом делимся. Если отдать частнику, он огородит и не пустит никого. Колхозы раньше выделяли неудобья, дальние участки. Теперь хорошо, сенокос под боком, теперь благодать.

Косят в Тлярате серпами, между кустарником, между камнями, а чтобы постоянно не работать внаклонку, в качестве разминки носят копёшки. Раньше женщины таскали сено в селение Гоор за двадцать километров. Брала с собой кукурузную муку, толокно, курдюк, чеснок — и на день в горы. Сейчас дивьё! Сейчас — прямо в свой аул, всего за два километра. Рукой подать! Выстраиваются по двадцать, по сорок женщин и — караваном... Из-под копны одни ноги торчат. Пограничники называют их ёжиками.

Фото

Жамилят Ахмедова, к слову сказать, бригадир «неосвобождённый», на общественных началах. Год рождения её 41-й. Не уточнял, но надеюсь, не позапрошлого века. Она тоже носит сено, и её копна не меньше других. (Я попробовал одну копёшку поднять, закинуть себе на спину... покорячился, покажилился, покряхтел, затею оставил).

Мужчины во время сенокоса тоже не сидели сложа руки. Они тоже общиной, «мальчишником» — обмывали рождение сына. На одного знатного труженика в селе Кутлаб стало больше. Горцы пригласили разделить радость и меня. (За столом я оказался ловчей!)

Фото

Общинные традиции... При оценке сотрудника на его профессионализм, квалификацию в Дагестане не глядят. Главное — «вес» в джамаате.

Глава администрации Тляртинского района мне по-свойски даже жаловался:

— Сто двадцать заявлений на работу лежит, но если кого-то задумаешь уволить, подключается целая система поддержки: тухумы, аксакалы, начальство из Махачкалы, односельчане... куначество, кумовство. Улей! Невозможно на свадьбу нос сунуть, на похороны прийти выразить соболезнование, дома... Невозможно дома спрятаться. Двенадцать прекрасных выпускниц медучилища, грамотные девчонки. Не пристроить их! Медсёстрами работают старухи по семьдесят. Переливание крови не умеют сделать, укол сделать — иглу не видят. На ощупь, на слух, на «ой!» пациента ориентируются, но их не уволить. В Дагестане каждый специалист должен тащить на себе двух баранов. Зато, раз попал на тёплое место, обязан тащить за собой, трудоустраивать весь муравейник. Сообща легче место удержать, чтоб другие не посягнули. У нас, если ты Главный в Дагестане, все следующие руководители республики будут только из твоего села, если муфтий — все муфтии, начальник железной дороги — вся дорога вместе со шпалами-рельсами будет записана за твоей общиной, твоим джамаатом, если ректор мединститута — все врачи из твоего аула (девочка-мальчик рождаются, медицинский стаж уже начинает капать).

Коллективизм проявляется и в гостеприимстве.

Никогда хозяева не откажут гостю в угощении, никогда не станут ссылаться на бедность, всегда поделятся последним. Мне понравилась даргинская притча «мергла мерх»:

Зашёл сосед к соседу в гости, тот суп ест.

— Садись и ты.

Сел сосед, отведал. Вкусный суп, наваристый, густой. Так понравился ему, что не утерпел, похвастал своему соседу, который жил через дом. Сосед соседа тоже сходил, угостился и передал весть дальше. Молва о густом наваристом бульоне передавалась от соседа к соседу. Хозяйке отказать неловко, и она каждый раз подливала в кастрюлю кипяточку. Когда пришёл угощаться сосед, который жил через десять домов, то, зачерпнув ложкой уже пустой кипяток с жиринками:

— Разве это суп?

— Это «мергла мерх» — разведённый водой. Ты ведь тоже сосед не мой, а сосед дальнего соседа.

Общинный характер отражается и на дружбе.

Фото

Рамиз выдал мне притчу:

— Жили-нетужили молодые в горном ауле: Магомед и Патима. Только поженились, Магомеду надо ехать в командировку. «Через три дня вернусь!» — заверил он молодую жену. Но прошло три дня, прошло три раза по три, Магомед не возвращается, прошло десять раз по три дня, а его всё нет и нет. Заволновалась молодая жена, послала в десять городов десяти верным кунакам весточки. От верных друзей из разных городов пришёл один ответ: «Не волнуйся, Патима, Магомед у меня!»

Для дагестанца не существует ничего выше дружбы! — Рамиз яростно ударил себя в грудь. — То, что ты отдал кунаку, ты приобрёл. То, что спрятал, ты потерял. Мы всегда должны дарить друг другу тепло, искренность, внимание, частичку своей души. Если будем прятать в чуланах души, что-то скрывать, потеряем больше. У нас каждый знает: друг — самое важное! И когда кто-нибудь из нас про друзей забывает, в душе становится нехорошо... Э-эээ! Меня сегодня Дауд упрекнул: «Сигналил тебе, а ты проехал навстречу, не видишь ничего!» Я-то его видел, просто у меня сейчас с деньгами хорошо. И теперь мне стыдно, понимаешь?! Хотя ты не священник, как на духу тебе говорю. Ещё про друзей у нас ходит такая легенда: в ресторане Махачкалы отдыхали два кунака, пили, вкусно кушали, произносили тосты в честь друг друга. Настало время расплачиваться, пригласили официанта, один достаёт кошелек:

— Я плачу!

Второй:

— Зачем обижаешь?! Я!

— Сказал, я. Ты мой кунак.

— Нет, я.

Вмешивается растроганный официант:

— А я денег не возьму!

Недавно с братом гуляли на свадьбе, потом зашли к Мурату домой. Он хочет гостеприимство своё проявить, но финансы на нуле, а жена как раз получила декретные. Закрылся с ней в спальне, командует:

— Купюры дай, я водку принесу, ты хинкал приготовь. Потом нормально... Будут у меня деньги — верну.

А мы в соседней комнате, всё же слышно:

— Мурат, «декретные» на стенку отложила... Не дам!

— Если сейчас же не дашь, хрен ты у меня больше в декрет выйдешь!

P. S.

Никогда не откажемся мы от общинности, от «колхоза», в высоком смысле этого слова.

И никогда колхоз не выйдет из нас, потому что Россия и есть колхоз.

Никогда! ни за что! не променяем мы нашу искреннюю сердечность в любви и произволе на какой-то... западный, бездушный, скучный... порядок.

И это объединяет всех нас.

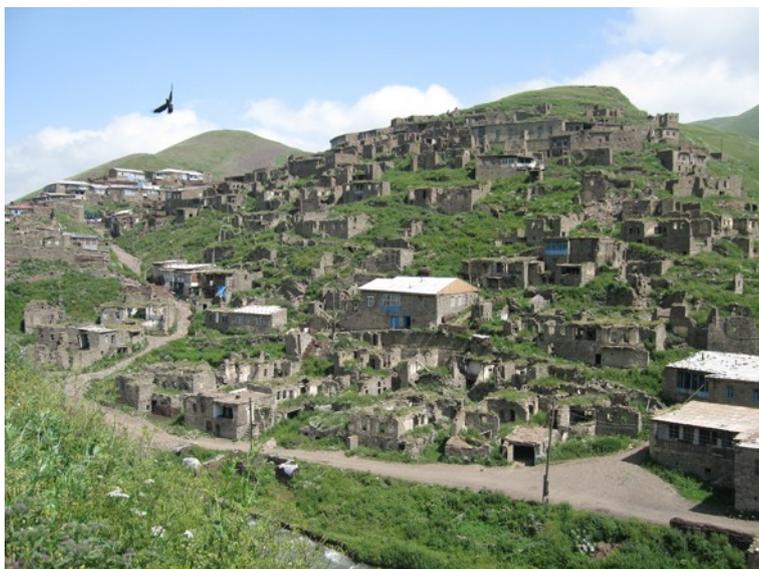
Это так!

*

Примечания:

[1] Александр Розенбаум «Воспоминание о будущем».

Дагестан — фотовзгляд

Тамада

Хабарики легендарного Шамиля из Хунзаха

*Умеющий говорить — на арбе,
а хозяин арбы — пешком.*

Аварская пословица

Случилось это в те стародавние времена, когда сыны Израилевы вошли в Египет.

Вошли они, «расплодилось и размножилось, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та» [1]. Испугался растущей силы тамошний царь — фараон, задумал извести пришельцев непосильным гнѐтом и тяжкой работой. И Господь, слыша отчаянный вопль, видя страдания народа Израилева, решил избавить его от руки Египтян. Заниматься проблемой лично у Бога времени особо не было. Своим доверенным лицом Создатель избрал Моисея, чтобы тот от Его имени расправился с фараоном и его присными. Моисей сперва-то заартачился, стал объяснять, что даже иудеи не поверят, будто его прислал Бог отцов. А египтяне, вообще, пошлют подальше... Тогда Господь научил, как подтвердить чрезвычайные полномочия. Моисей должен явить миру чудеса: кинуть на землю жезл, и жезл превратится в змею — раз; сунуть руку за пазуху, вынуть её, поражѐнную проказой, опять спрятать и вновь вытащить уже исцелѐнной — два; зачерпнуть воды в реке, вылить на землю, она превратится в кровь — три.

Опять не слава Богу... Что такое?!

Моисей взмолился:

— О, Господи! человек я не речистый. Говорю тяжело, косноязычен.

Вседержитель опешил:

— Кто дал уста человеку? Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? Не Я ли, Господь Бог? Итак, пойдя, и Я буду при устах твоих, и научу тебя, что говорить.

Моисей, дабы окончательно не разгневать Бога, прикусил язык...

Однако все попытки Творца выучить *protege* [2] изъясняться сносно ни к чему не привели — Моисей так и остался безликим [3]. Господь пригорюнился, закручинился было, руки у него опустились... Понял он: легче создать небо и землю, отделить свет от тьмы, населить воду, сушу тварями и человеками, чем научить косноязычного Моисея выступать публично и говорить связно, внятно. Всю ночь напролѐт Бог и Моисей провели в пустыне у подножья горы Хориву при свете горящего неопалимого терновника. Судили-рядили, прикидывали так и эдак: что делать? И когда раздосадованный Господь уже собирался плюнуть на эту затею, когда казалось, евреи навеки останутся в рабстве и ничто не избавит их...

— Эврика!

Нашли-таки выход: поручить роль глашатая брату Моисея — Аарону Левитянину, он гуманитарий по складу ума. Моисей станет влагать ему в уста текст, уготовленный Богом, а тот, наподобие диктора, красиво озвучит ультиматум народу. Где требуется, экспрессии добавит, где — голос погрозней!.. подходчивей. Ну, на то он и природѐнный трибун, чтобы молвить ярко, образно, убедительно.

У каждого этнографа, лингвиста — свои маленькие профессиональные секреты. Доподлинно известно, когда Далю нужны были новые прибаутки, пословицы, байки, он приезжал в деревню, разбивал на глазах у мужиков две-три бутылки водки, а потом стоял и записывал. В Бабаюртовском районе принимающая сторона мне терпеливо объясняла: «Чтобы собеседник разговорился, нужно его напоить или бить по почкам. По почкам надёжнее!» Не знаю... Я, по старинке, искал информаторов добровольных. Искал горцев, которые изъясняются, подобно Аарону Левитянину, и могут образно, с любовью рассказать о своём горном крае. Я догадывался: найти таких трудно. Но и вытягивать информацию из уст человека академически грамотного, пусть даже открытого, усердного, но не рассказчика по природе своей — дело гиблое. Коли сам Господь отступился... Что я? Букашка. По себе сужу: подмечаю ситуацию достаточно остро, логика какая-никакая есть, что-то написать могу, а складно изложить мысли вслух... тут беда.

Продвигаюсь в беседе от слова к слову неуверенно, ощупью... Говорю, говорю... остановлюсь — мостик разрушен! «Значит» произнесу, могу двигаться дальше. Про такого человека сокрушённо говорят: «Как собака. Всё понимает, сказать не может!»

Гений Михаил Жванецкий — наш современник — так описал этот курьёз:

«Нет, — говорят, — Федя, ты, — говорят, — Федя, в состоянии пропагандистом не быть. Сила в словах у тебя есть, но ты их расставить не можешь. Ты говоришь долго, Федя, но непонятно о чём».

Мне требовались мастера разговорного жанра.

В горах Среднего Дагестана между Аварским и Андийским Койсу, в их нижнем течении, возвышается Хунзахское плато. Хунзах — один из древнейших политических центров, страна «золотого трона» — Серир, резиденция аварских ханов.

В администрации меня сразу провели к нужному человеку:

— Знакомьтесь: Шамиль Каримулаев — тамада всех времён и народов.

Подтянутый строгий мужчина хмуро смотрел на меня из-под густых бровей.

— ...А это товарищ из России, собирает легенды, тосты.

— Тосты?! — взгляд тамады потеплел.

Я обменял свой салам на его вассалам. Встретиться условились в выходной день у водопада. Хунзахский водопад — красивейшее место на краю села. Река с гулом падает на дно бездны широкой дугой, дробится в кристальные капли и прохладным облаком поднимается до края пропасти. Камни, как вода, кипят...

В назначенное время — нет Шамиля.

Пятнадцать минут проходит, полчаса... Настроение моё понизилось. На радужный водопад уже глаза не глядят. Час проходит. Ясен перец: день выходной, у всех свои дела, но драгоценное время-то утекает... Звоню — не берёт трубку. Ну, знаете!.. Наконец, явился. Улыбается в богатые пышные усы...

Мы присели на траву, я сухо предложил:

— Рассказывайте.

— О чём?

— Как стали тамадой?

— Я не тамада...

— А кто же вы?!.

— Мировой судья, до этого много лет работал начальником милиции.

— ...А чего в администрации?..

— Считаю, я неплохой рассказчик, знаю местный колорит...

— Ну!..

Не знаю, что со мной произошло тогда: то ли переждал я, истомился, измаялся, то ли весь свой заряд энергии истратил на внутренний нецензурный монолог, не могу понять, но к началу разговора вместо того, чтобы добродушно улыбаться, расположить собеседника к себе, заинтересованно расспрашивать о том, о чём, подбадривать... я впал в мрачный столбняк. (Хорош интервьюер!)

Когда стал готовить этот материал, припомнил обстоятельства встречи...

Шамиль — единственный из собеседников во всём Дагестане, кто рассказывал, невзирая на ступор писателя, сам задавал себе каверзные вопросы и... несколько сбитый с толку остротой затронутой темы, с готовностью отвечал. Спустя несколько месяцев я позвонил ему покаяться, напомнить про знакомство, свой пасмурный, некоммуникабельный вид.

Он рассмеялся в трубку:

— Задержанный перехватил инициативу у следователя!..

Сказано точно. Точнее не скажешь! Ни прибавить, ни отнять. Шамиль — рассказчик от Бога. И сейчас, пожалуй, я не стану умничать, добавлять от себя, а просто перескажу его хабарики (это такие маленькие хабары).

И хлынула речь Шамиля, словно хунзахский водопад:

— В нашем селении Обода имелось два телевизора: «Рекорд — 64» и «Рекорд — 67», показывали они редко. Всю культурную программу односельчане готовили сами. Весна распахнулась — пели песни. Зима грузно навалилась — у домашнего очага сказывали сказки, воскрешали преданья, забавные истории, случаи. Яркий букет красноречия, собранный из ясных фраз и разумности сердца, имеет на арабском языке особое название «аль-баян». Хорошие рассказчики на селе поныне пользуются великим авторитетом [4]. Мой отец был из таких. Вечером в сакле эмен [5] собирал детей вокруг себя, самого младшего усаживал на колени, остальные нежились на расстеленном по полу мягком душистом тулупе. Горит под потолком тусклая лампочка, в печке потрескивают дрова, в духовке картошка жарится, пошвыркивает, аромат исходит. И в чарующей тишине — неторопливый голос отца. Оживают былинны героини-нарты, одноглазые джины, коварные визири и прекрасные царевны. Нам — то смешно, то — до отчаянья смело, то — страшно. Сказка длилась полтора-два часа. Закончит, а потом просит меня:

— Шамиль, теперь ты, расскажи то же самое.

Я по памяти повторял. И так ловко научился пересказывать, сам поражаюсь. В школе об этом тоже стало известно. Зимой в сильные морозы уроки физкультуры на улице не проводили, спортзалов тогда не знали. Учитель вызывал меня к доске и поручал занять класс:

— Каримулаев, расскажи нам сказку, чтоб не скучно сидеть.

Я почёсываю озадаченно затылок, сочиняю на ходу:

— Жил в старые века бедный человек. У него была большая семья. Думал он, думал, как прокормить детей. Решил построить на центральной площади торговую лавку, рядом с годеканом. Всё вроде оборудовал, но товар закупить — денег нет. «А чем торговать?» И написал на дверях объявление: «Продаю слово». Визирь прознал, что в Дагестане, в Хунзахском районе в ауле Обода есть такой аксакал, слово продаёт.

Ребята засмеялись и, зарывшись поглубже в овчинные тулупы, приоткрыли рты.

— ...Так вот, докатилась молва до визиря, и отправился он туда с нукером. Верхом на конях ехали весь день, всю ночь. Вот и аул. Годекан. Заходят в лавку, смотрят, полки пустые, за прилавком — старик в ветхой шубе.

— Салам алейкум!

— Ваалекум салам!

— Дедушка, что продаёшь?

— Сынок, я продаю слово.

— Почём?

— Одно слово — десять золотых.

«Дорого, значит, действительно ценное».

— Согласен.

— Если согласен, давай монеты!

Визирь достал из вышитого бисером кошелька десять золотых, стопочкой сложил на прилавок:

— Давай своё слово, аксакал.

Старик сутуло прошарыхал в кладовку, вернулся с глиняным сосудом. Протягивает первому министру:

— На дне его и лежит моё волшебное слово. Когда горцы станут читать над кувшином басни, поэмы, легенды, напевать песни своего народа, он начнёт наполняться, новые слова будут налипать к моему золотому слову, и в один прекрасный день, поднявшись над горловиной, словно дрожжевое тесто, — превратятся в золото! А ты станешь самым богатым человеком. Отправляйся скорее с кувшином в путь! И да поможет тебе Аллах!

И пустился визирь по белу свету. Путешествовал, странствовал, покуда не заполнил сосуд до краёв и не разбогател, затем передал его сыну, тот своему сыну.

Шамиль хитро улыбнулся:

— Так кувшин дошёл до меня. Я черпаю оттуда истории, рассказываю людям... Забыл сказать самое главное: в кувшине много застольных здравниц, поздравлений, — он распечатал бутылочку кизлярского коньяка, налил по стопочке. — Ты ведь тосты собираешь?

— Ну.

— Умеющих говорить мало, но умеющих слушать ещё меньше! Вот тебе первый тост: прими от меня этот незримый волшебный сосуд с народным эпосом, обойди с ним каждый район Дагестана, пополни новыми хабарами, притчами, стихами — себе и людям на радость. А теперь

давай перейдём к новейшей истории. Я расскажу о своих коллегах — сотрудниках милиции, замечательных людях, с которыми сводила судьба, о том, как мы старались службу разнообразить и превратить рядовые будни в праздники...

Есть у нас Махач — начальник Управления культуры Хунзахского района. Приглашает он меня, начальника РОВД, на свой двойной юбилей: 50 лет от рождения и 25 лет работы в культуре. Кручу в руках цветастый пригласительный билет, и тут заглядывает помощник прокурора. Смотрю, в моём пригласительном указан «12-й» ряд, у прокуратуры — «2-й». Видно, Махач посчитал, они важнее будут. Обидно, слышай! «Ну, — думаю, — я тебе организую подарок». Вызываю к себе начальника штаба РОВД:

— Быстренько состряпай бумагу, будто из министерства: «В связи с резким осложнением обстановки на границе Грузии и Российской Федерации, активизацией бандформирований всякие увеселительные мероприятия на территории обслуживания запретить».

Торжество у именинника должно начинаться в обед, а утречком я ему звоню:

— Друг, дело такое, серьёзный документ пришёл, зайди, надо посоветоваться.

Заходит отутюженный, нарядный. Показываю ему письмо с грифом «секретно», комментирую:

— Из МВД поступил категорический запрет на все увеселительные мероприятия... За исполнение отвечаю головой. Персональная ответственность прописана, сам видишь.

Махач побледнел, за голову схватился:

— Я отару баранов зарезал, гостей со всего Дагестана созвал!.. Что им скажу? Я ведь не скажу: «Разворачивайтесь, уезжайте!» — смотрит в отчаянии на меня.

— Махач, извини, не могу. Погоны дороже!

Он чуть на колени не бухнулся. Я его помучил, помучил и, в конце концов, — рубанул воздух рукой:

— Ай, будь что будет! — Доверительно положил руку ему на плечо. — Ради друга голову — на отсечение. Возьму всё на себя. Приглашения на двенадцатый ряд тоже не надо, в спину прокурора смотреть не буду...

— Какой двенадцатый?! На первый посажу. На сцену, дорогой!..

Он побрёл к двери, несмело вернулся... взор блестит, обнял порывисто:

— Клянусь, не сомневался в тебе.

Выбежал из кабинета ликующий. Слышу в приёмной:

— Девушки, это на садака [6], на конфеты вам, на чай, выпейте за своего командира!

Настоящий джигит!

Прибываю в Дом культуры, вижу: все команды даны, гости меня ликующе встречают. Акценты сместили: «Не каждый на себя такую ответственность возьмёт!» Внимание тоже есть. Как бы уже получалось не он именинник, а я. Чувствую, ещё немного, и забудут, зачем собрались...

Как можно скромнее подхожу к юбиляру:

— Махач, мне во втором отделении дай сказать.

— Зачем так обижаешь, Шамиль. Твоё слово главное! в первом!

Мероприятие у нас тогда удалось на славу.

— Шурик, давай за то, чтобы каждый наш подарок был от души!

— За это выпить не грех, — настроение моё потихоньку налаживалось.

— В школе меня любили все. Я рос добросовестным, прилежным пионером. «Пионер — всем ребятам пример!» А потом призвали в армию и то, что я не допроказничал в детстве, усиленно навёрстывал по жизни... Срочную службу проходил в Азербайджане, в Кировобаде, в ВДВ. Со мной в одном взводе служил парень из Оренбурга, Вася, — рождённый для подлянок, прирождённый массовик-затейник.

В Кировобаде мы исхитрились доставать ворованный коньяк, по два рубля грелка, иногда позволяли себе расслабиться. И странно: о выпивке тотчас становилось известно замкомдиву по воспитательной работе. Весьма строгий мужик! За нарушение Устава драл ротного, ротный драл нас. А водителем на «Волге» у генерала — хлопец из Украины. Мы вычислили: информацию наверх поставляет он!

Вася вкрадчиво у меня интересуется:

— Можно сделать так, чтобы в воскресенье хохол в парке не появлялся?

- Зачем?
- Хочу, чтоб сняли его с машины.
- Невозможно. Такое кто сделает?
- Я сделаю, после расскажу.

Воскресенье. Свободный день. Я — замкомандира взвода. Беру этого словоохотливого водителя, для отвода глаз ещё пару солдатиков, и организую всей группе увольнительную. В городе по парку погуляли, мороженое, чайхана... Такие довольные вернулись в часть. А через три дня «стукача» с «Волги» снимают. Мы на радостях покупаем коньяк, это дело надо обмыть.

Вечером сели в караульном, я Васе:

- Колись, не томи!
- Всё гениальное просто!..

Оказывается: крышка коробки передач на «Волге» крепится четырьмя болтами, их открутить, — десять минут. Вася напихал туда своего ослиного дерьма... Машина едет, коробка передач на ходу нагревается, запах шибает в нос. Водитель косится на шефа, шеф — на водителя... Сняли хлопца с машины. Всё потом жаловался: «От генерала воняет, не продохнуть».

Правильно говорят, кто в армии служил, тот в цирке не смеётся.

- Давай, за весёлых ребят!
- И находчивых.

Шамиль вытер белоснежным платком внушительную лысину и продолжал:

— Демобилизовался, приняли меня в конвойный взвод МВД Республики Дагестан, присвоили звание сержанта. Я бравый... Легко заводил шуры-муры с девчатами, бегал на свидания, получал записочки. Мой напарник, Омар, такой же милиционер, как я, тоже после срочной, однажды не утерпел:

- Бабы к тебе липнут, уводишь их куда-то. Познакомь тоже с кем-нибудь.
- Ты видишь, какой я: чистый, аккуратный, подтянутый. А у тебя под мышками, на спине два-три круга от засохшего пота... Меняй каждый день рубашку, майку. Женщины любят, чтобы от мужиков пахло хорошо.
- Я потею.
- Да сбрей ты свою мотню на груди, воняет на весь кабинет...
- Бывает, что ли?
- Бывает.
- Вах!
- Хочешь, средство достану, само волосы удаляет.
- Бывает?
- Бывает, конечно.

Я действительно видел такое в аптеке, в то время, в восемьдесят первом году. Грузинское средство «Нури», серый такой порошок: на коробочке эффектная дама, нога на ногу, волосы удаляет. Внутри инструкция: размешать в холодной воде, сделать кашицеобразную массу, нанести на тело, держать 5-7 минут, смыть тёплой водой.

— ...Принесу.

По дороге в Кизилюрт заскочил в аптеку, взял две пачки этого «Нури», как и обещал. Дома полиэтиленовые пакетики аккуратно разрезал, высыпал «Нури», вместо него — алебастру. Пакетики утюжком запаял, в коробочку сложил.

Приезжаю на работу:

- На, две пачки купил, у тебя лохматость повышена.
- Омар бабками зашелестел...
- Э!.. Брат, обижаешь!
- Ну, спасибо!
- Спасибо потом скажешь. В аптеке предупредили: у мужчин волосы крепче, эликсир нужно подольше держать. Красота требует жертв!

Омар жил в Махачкале на Маячной улице, один в частном доме. Пришёл со службы, развёл зелье: «Чего одну грудь? Мазать — так всё!» Намазал сюда, намазал туда... Кашицей облепил себя, телевизор включил, в кресле поудобней устроился и задремал... Проснулся в темноте от рези в паху. Экран моросит, ночь на дворе. Кашица затвердела в камень, не

шевеливаться. Отломает кусочек вместе с волосами, с кожей, стонет... Отломает кусочек, стонет...

На следующий день забегает в караулку, багровый, вены на шее набухшие:

— Где он?

— Кто?..

Я — драпать через зал судебного заседания, через пожарный выход.

Неделю со мной не здоровался. Друг называется...

— Ну, за настоящих друзей!

— За них...

— Начинал я службу участковым офицером. Дружили с Абуком: вместе с ним тянули офицерскую ляжку, участвовали в рейдах, прикрывали друг друга от начальства, вместе проводили свободное время. Раз тащимся домой из рейда: час ночи, усталые, голодные. Только бы попрощаться, Абук мнётся:

— Поднимемся ко мне на кофе.

— Какой кофе в час ночи, родной? По домам! Завтра, если начальник будет спрашивать, скажи, что буду к обеду.

— Лады.

Я утром выспался, посмотрел повтор вчерашнего детектива — вечером показывали после программы «Время» — и подался в РОВД.

Абук в кабинете и опять за своё:

— Пойдём ко мне на обед.

— Я только из дома...

— Ну, пойдём... за компанию.

На дежурном уазике нас подбросили. Понимаю, настырно тянет не потому, что тревожится о моём режиме питания. В качестве алиби! Хочет, чтоб жене подтвердил: вчера допоздна он находился со мной на задании. Пока супруга на кухне стол накрывала, я для её ушей завожу беседу:

— Абук, ты вчера со службы успел на фильм? Красиво показали, когда следователь его... — и начинаю пересказывать кульминационный момент.

Слышу: на кухне шуршание прекратилось, в прихожей мелькнула тень — жена ушки наострила. Я давай ещё жарче... Супруга накормила нас, не разговаривает, забилась в угол. Собираемся на работу, дрожащий голос из комнаты: «А-бууук, задержись, прошу!»

— Шамиль, я щас... Надо ковёр перевесить.

— Может, я пока телевизор посмотрю?

— Шуруй!

На работе он в этот день больше не появился, а вечером мне — звонок в дверь. Трезвонят нагло, палец не снимают. Моя выходит, Абук переминается на площадке.

— Проходи.

— Он дома?!

— Абук, чего не заходишь, словно чужой?

Я отодвигаю жену.

Стоит в коридоре, ноздри раздуваются:

— Идём!

— Можно в спортивках или форму одеть?

— Можно.

— Абук, ты заинтриговал. Намекни хоть, куда идём?

— Ко мне. Скажи этой ду-уре! что ты пошутил.

Его беременная жена в слезах.

— Добрый вечер, Марьям!

— Ша-аами-иииль!

— Марьям, честное слово надолго заходить времени нет. Вчера мы с Абуком до четырёх утра в засаде отстреливались...

— Ша-амиль, ты никогда врать не умел! Ты серьёзный, положительный. А этот подлец, не знаю, где пропадает вечерами.

Абук у неё из-за спины гримасы мне строит, глазами вращает. Даже если кто слабо понимает аварский, по губам мог догадаться: «Во-оон от-сю-дааа!» Голубков после этого неделю мирили всем джамаатом [7]. Через три месяца у них родился сын. Абук за год до этого хлебом клялся: «Родится джигит, Шамилём назову. В твою честь, кунак!»

Своего обещания он не сдержал.

— Давай выпьем, чтобы никто из нас не разбрасывался клятвами вот так, налево-направо. Дал слово — держи! Чтоб, как кремь!

— Верно!

— Абук единственный среди нас, в подразделении участковых, закончил в Минске высшую школу, а начальник отделения Рахман — с заочным средним. Уже начинали поговаривать, что старший участковый обязан иметь высшее образование, желательно стационар. Но что-то мешало Абуку пойти на повышение. Начальник милиции постоянно прессовал его, вечно недоволен:

— Ты высокомерный, с людьми разговаривать не умеешь, поэтому нет информации, раскрываемости...

Абук растерянно блуждает по кабинету, руками разводит:

— Чё?.. Я не знаю, откуда?.. Я высокомерен?

— Абук, не кажется, что на тебя стучат?

— Кто?

— Тот, кто сидит на должности со средним заушным образованием.

— Нет, он не станет. Мы с одного района, мы Казбековские, почти друзья.

— Доказать?

— Как он может на меня стучать?..

— Сейчас оставишь нас один на один. Я разберусь.

Капитан заходит, Абук к двери, бочком, бочком... на выход. Остались с начальником отделения вдвоём. Я на себя такую потерянность напустил, горло рукой потираю, точно петля сдавливает, хриплю:

— Рахман Мирзоевич! Вах! Такую глупость я сделал...

— Что случилось?

— Лучше не спрашивай. — Хватаюсь за голову. — Хана карьере, вся учёба, вся служба — коту под хвост. Точно выгонят.

— Э, расскажи, что случилось! Так же не бывает.

— Ай! Вчера ты дал команду всех поднадзорных проверить, вернулся домой поздно. Жена завелась: «С любовницами где-то разгуливаешь, я с маленьким ребёнком, одна... мучаюсь...» Случайно ударил её. Упала, о косяк двери рассекла лоб — вот так...

— Ле!.. на себе не показывай!

— ...Истерика, шум-гам, без сознания лежит... Хорошо Мусса, зав хирургическим отделением, живёт на третьем этаже. Быстренько его поднял, упробил, чтоб нигде не фиксировали. Хирурга срочно вызвали, швы наложили. Утром взяла дочку, ушла... Если пожалуется — «лёгкое телесное повреждение, сотрясение». Хана! Наверняка повяжут, ты же наши порядки знаешь. Рахман, брат, не рассказывай никому. Я на полтора-два часа исчезну? Слетаю к отцу, чтобы подключался... Маслиат [8] надо делать, без судов, без шума... Только Аллахом заклинаю, никому!

— Канешно, канешно, — у самого глазки забегали.

Я вышел на улицу, круг сделал, выкурил одну сигарету. Минут двадцать прошло, не больше — Рахман успел с потрохами меня заложить начальнику: «Каримулаев, негодяй, жену ударил, чуть не убил, она лоб рассекла!»

Дежурный с порога:

— Тебя замполит зовёт.

Замполит-лакец говорил с некоторым акцентом:

— Ти щтё, дюркак щтё ли?!

— Почему «дурак», товарищ замполит?

— Ти щтё дома дебаширил, жину избифал?

— Кто Вам сказал?

— Я всо знал! — заорал на меня...

Заходит озабоченный начальник РОВД, у него кабинет соседний:

— Слушай, Шамиль, разве она не знает, что ты офицер? Нужно вечерами поднадзорных проверять, поздно приходить. Ты что не работал в милиции, когда замуж за тебя выходила?

— Уже работал. Я просто не пойму, о чём Вы говорите?

— Мне пазваниль с тваего дома: там драка биль, кипиш [9] такой...

— Товарищ замполит, я живу в новом районе, телефоны ещё не провели.

— Мне адын сасед пазваниль с работ.

— Назовите имя, если можно.

Я немного поиздевался над руководством и докладываю начальнику милиции:

— Товарищ полковник, у меня жена, ребёнок дома, в семье всё спокойно, благополучно. Посетите меня сегодня, в рамках служебных обязанностей. Тот козёл, который вам напел, не пользуетя у нас ни уважением, ни авторитетом. Найдите ему место.

Разворачиваюсь, ухожу. Слышу, дежурный вызывает Рахмана к начальнику. Я тихонько, на цыпочках к двери, подслушать. Замполит захлёбываясь:

— Ле, капитан, тебе этот литенант купил и продал. Понял, да? Гафно.

— Выпьём за то, чтобы орлы не падали, а козлы не летали.

— Блестящий спич!..

— Служил у нас водителем Хасай. Он, как сержант, получал восемь, я, как офицер, — пятнадцать. Оказывается, по этому поводу у них с женой постоянно возникали скандалы. У Хасая день рождения — тридцать лет. На столе хинкал, шашлык, фрукты, коньяк. Мы — самые дорогие гости. Ужин подходит к концу, прошу:

— Хасай, пригласи жену.

Я от имени участковых произнёс тост за умелую хозяйку, за гостеприимство, за сладкое угощение, а закончил призывом:

— ...Хасай, эти пятнадцать тысяч, что получаешь, отдавай до копейки жене!

Та без лишних формальностей его на кухню.

Он вырывается, кричит нам через хлопающую дверь:

— Я позже... идите!

Мы — на выход.

Назавтра приходит в кабинет официально, не здоровается. Чего-то на пальцах пытается изобразить... Смастерил две жирные фиги и — мне под нос:

— Вот вы у меня больше хинкал покушаете.

— Чего случилось, Хасай?

— Слушай, Шамиль, после твоего тоста я семь раз на Коране клялся, что у меня зарплата восемь тысяч. Она так и не поверила.

— Скучные люди, шуток не понимают. Что могу сделать?

— Если человека лишили чувства юмора, значит, было за что!

— Давай поднимем бокал, чтоб такое горе не нашло дороги к нашей сакле!

— Ай, лаззат! [10]

— Когда работал в следствии, тоже прикольное было подразделение.

В городе жароша... Все окна, двери в коридор — нараспашку. Сижу, печатаю. Наискосок другой кабинет — там дознаватель, лезгин Айваз. Тяжело поднимается, идёт ко мне, лицо опухшее, помятое, заикается:

— Ш-ш-амиль!

— Говори, Айваз.

— Вчера наша диаспора тут собиралась, п-ппереб-брал н-немного. Скажи шефу, что ушёл д-допрашивать, п-ппридумай что-нибудь.

— Скажу, что ты с бодуна, у меня отпросился. Он человек пьющий, понимает.

Проходит минут пятнадцать. Смотрю, к нему кирюха, дёргает дверь:

— Аваз!

Гробовая тишина.

Заметил меня:

— Где он?

— Там.

— Аваз! — кулаком долбанёт пару раз, на меня подозрительно зыркнет.

— Аваз! Это Демир! — по двери дубасит и всё через плечо оглядывается.

Я с совершенно серьёзным видом на печатной машинке «Любава» отстукиваю уголовный материал: «Чих-чих-чих!» Заходит ко мне:

— Чё он не открывает?

— К нему пришли два маленьких лезгина, гражданских, с баллоном холодного разливного пива и вяленным кутумом.

Друган застыл восклицательным знаком. Холодное пиво с вяленой благородной рыбой в такую жару... Сейчас слюнями захлебнётся. Вижу, он тоже непременно хочет быть там, внутри, сдуть за кружки белую густую пену. Глаза навывкате... Подходит к двери дознавателя, как пнёт с размаху. А двери крепкие... Как раз на таких посетителей рассчитаны.

— Аваз, сука, открой, я знаю, что вы там, — полчаса колотил дверь, щедро плюнул на неё, проклял Айваза, его друзей, его род до седьмого колена, грязно выругался и, чёрный от гнева, ушёл.

На следующий день Айваз появляется как-то в припляс, прихрамывая. Заикается сильнее обычного:

— Т-тт-ты ч-ч-ччё сккк-к-казал этому д-дураку?

— Что случилось?

— Он вечером з-зззззавалился к-кк-ко мне ддд-д... п-ппперед женой к-кккккозлом назвал!

— Шурик, давай за то, чтобы мы умели стоически выслушивать о себе правду, какой бы горькой она ни была!

— По-ммедленее, я записсываю...

— Работая в следствии, один из наших коллег по весне, когда виноград нужно подрезать, опрыскивать, подвязывать, оформляя больничный лист. Плантация у него огромная, и работа в милиции, несомненно, мешала. Он беззастенчиво врал про адские боли в спине, а сам занимался любимым сельским хозяйством. Соответственно, его дела, которые в производстве, распределялись на нас. А у каждого нагрузка ого-го! Работа тормозилась, всем устраивали нахлобучку. Получалось, из-за него. Так было из года в год, в одни и те же даты. Очередной раз умник садится на больничный, я — начальнику следствия:

— Если Вы позволите... Мы съездим, навестим больного Магомед.

— Кто поедет?

— Всем отделением.

— Ты что-то придумал?

— Радикальное средство от хвори.

В обед восемь человек на двух машинах подъезжаем к его воротам, бешено колотим ногами, руками. Дочка испуганная открывает, не ожидала среди бела дня столько милиционеров... И Магомед уверен: в рабочее время от материалов нам не оторваться. Идём напрямиком, всем взводом, в огород: счастливый Мичурин в треуголке из газеты, играючи пощёлкивает ножницами и безмятежно насвистывает.

— О, Магомед, салам! Приехали тебе помочь, брат.

Он чуть не рухнул со стремянки, побледнел-покраснел:

— Да, вот здоровье... малость прихворнул, на секунду вышел жене помочь.

— Красавчик! Если так сильно болеешь, объяви перерыв. Чайку попьём.

В тенёчке, под выющейся виноградной лозой расслабились, сняли фуражки, дочка стулья таскает, хозяин из подвала тянет стеклянный баллон с вином, литров на двадцать пять. Наливаем, пьём за его здоровье, наливаем, пьём... Мужикам наказал: «Без моей команды не вставать!» Жена убежала посуду менять-готовить, менять-готовить... В полночь нехотя поднимаюсь:

— Магомед, красавчик! извини, нам пора. Не проси, не уговаривай, за стол больше не сядем. Мы завтра придём.

— Завтра!.. выхожу на работу.

Шеф, довольный, благодарил:

— Ну, ты доктор!

— Давай, чтобы каждый самоотверженно приходил на выручку кунаку, если с ним приключилась беда!

— Сахли! [11]

— Усталость, невзгоды мы снимали шутками. Это в итоге помогало служить. На оперативном совещании в Махачкале докладчики, сменяя друг друга, доводили до нас цифры, сводки, прогнозы. (Ситуация в республике тревожная.) Час напряжённой работы — пятнадцать минут перекур. В курилке я травлю анекдоты. Начальники ОВД — боевые полковники...

— В орденах, медалях! — радостно встрял я, и растопыренной пятернёй провёл по груди из края в край.

— ...Вах! На себе не показывай!!! Так вот, сыплю прибаутками, начальники ОВД ржут, за животы держатся... Опять совещание, и снова работа. С трибуны замминистра обращается ко мне:

— Шамиль, прекращай! Мы планировали всех озадачить, надрать, а ты своим вторым отделением сводишь к нулю всю работу аппарата. На местах они не смогут восстановить в памяти ничего, кроме твоих баек. О чём там министр говорил? По себе знаю.

Одно время я курировал восемь районов нагорного Дагестана. И, если что, разнос за слабую работу подшефных отделов в первую очередь устраивали мне. Однажды перед заседанием в министерстве кадровик по-свойски шепнул:

— Зам планирует объявить тебе строгий выговор, подготовлен проект приказа.

— Понял.

Когда мне слово дали, я вкратце отрапортовал об успехах (похвастаться было чем) и начал критиковать себя... безжалостно, нелицеприятно.

— ...К моему стыду, я не успел посетить с проверкой Цунтинский район, где у нас имеются определённые недоработки; то не сделал, это не сделал. Я заслуживаю самого строго наказания, — такую нахлобучку публичную себе устроил, такой нагоняй.

Замминистра, вижу, на взводе:

— Шамиль, ты по принципу: «ни одна сука не скажет обо мне так плохо, как я сам?»

Чувствую, домашнюю заготовку ему подпортил. Начальнику осталось только присоединиться «к предыдущему оратору».

— ...Твои цифры, это всё понятно. Сводки мы изучаем. Ты нам охарактеризуй каждого из подчинённых начальников милиции.

А как я могу их судить: постоянно водку пьём вместе! отдыхаем! Мы все, по сути, в одном ранге.

— Начальник Цумадинского РОВД всего два года на должности, но старается, вникает, звонит, приезжает. С его появлением оживилась работа в коллективе. Начальник Ботлихского отдела дольше меня работает на три года. Опытный руководитель, требовательный к себе и подчинённым — в моих рекомендациях не нуждается. Третьего, седьмого, восьмого. Всё. Доклад окончил.

— Шамиль, одно забыл. Самое главное...

— Что, товарищ замминистра?

— Шампанское в зал. Стоя выпьем за этих орлов!

Выговор мне не объявили.

— Давай, действительно, выпьем за этих орлов. Бывают и у них ошибки, но вот мы сейчас с тобой отдыхаем, а они охраняют наш покой. Ходят под пулями. И это — не пустые слова.

— Стоя!

День догорал, уступая место восточной красавице-ночи.

И только хунзахский водопад рокотал о чём-то спокойно, размеренно, безостановочно сбрасывая всё новые и новые потоки воды на безропотные, смиренные камни.

Объехав все сорок два района, я вернулся домой, закрылся в худжере [12] и написал первый материал. Черновик отправил уважаемому Шамилю — да не упадёт больше ни один волос с его головы! Через неделю интересуюсь:

— Читал?

— Александр, честно признаюсь, не успел.
— Шамиль, почему?!
— Я на работе три недели один, напарник в отпуске...
— Причина неуважительная.
— ...На коллегии МВД, в аналогичной ситуации, я сказал: «Защищаться — бессмысленно, врать — стыдно. Да, виноват!»

Как в аварской поговорке, будучи владельцем арбы, я готов и тогда, и сейчас уступить своё место Шамилю, этому Молла Насреддину из Хунзаха, лишь бы вечно идти рядом и слушать его забавные хабары и хабарики...

*

Примечания:

- [1] Библия, Ветхий Завет. Вторая Книга Моисеева. Исход.
[2] Протеже (франц.) Protégé — лицо, пользующееся чьим-н. покровительством или рекомендацией;
[3] Сократ: «Заговори, чтобы я тебя увидел».
[4] «Творить для народа», Расул Гамзатов: «В суровых горах Дагестана, где люди хорошо знают и чувствуют силу, ценность и красоту художественного слова, было принято испокон веков: за хорошую песню певцу вместе с чаркой или рогом красного вина дарили оседланного скакуна; за плохую песню у певца резали быка; а если певец в песнях лгал или чужую песню выдавал за свою — такого сажали задом наперед на захудалого осла и в базарный день возили по аулам; и мальчишки на плоских крышах во все горло кричали: “Идите смотреть — вора поймали! Идите смотреть — вора поймали!”»
[5] Эмен (аврск.) — отец
[6] Садака (араб.) — в исламе практика очищения перед Аллахом (см) посредством раздачи милостыни;
[7] Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;
[8] Маслиат — обряд примирения;
[9] Кипиш — волнение, паника по поводу какого-то события;
[10] Ай, лаззат! (азерб.) — как чудно, как хорошо!
[11] Сахли (авар.) — тост, благопожелание;
[12] Худжера (араб.) — библиотека, комната для научной работы.

День рождения

Слово рождает слово.

Персидская поговорка

«Пора домой!»

Муж по законам шариата не должен оставлять жену на срок больше четырёх месяцев. Это как раз то требование исламского правосудия, с которым я, человек православный, полностью согласен. «Пора домой, пора!..»

Ну, а пока... Чему нас учит народная русская мудрость: коли ложка-вилка упала — придёт женщина, нож — мужчина. Не зря ведь на Руси испокон веков есть такая примета. Попробую!.. Я стал методично, по очереди, раз за разом, спихивать со стола, поднимать и опять ронять целенаправленно ложки-вилки... (Вдруг, действительно!..) И сомневаться нечего, должна придти. Фольклор не может врать. Побольше усердия... Так... Не расхолаживаться!.. Ещё разок...

Ё!.. Случайно уронил нож!..

Тут же стук в дверь.

Сработало!.. — и как можно беспристрастней произнёс:

— Заходите.

Дверь распахнулась, Мугутдин, Рамиз, Магарам, Солтан, Гаджииса, Абдула стояли в дверях и перекатами весеннего водопада добродушно гудели:

— Нас легче не пустить, чем потом выгнать! Если гора не идёт к Магомеду?.. Значит, что?

— Значит, он трезвый.

— Точно! Салам алейкум! А-а-а-л-л-ейкум! А-а-а-л-лейкум!

— Алейкум салам! — радостно ответил я.

— Александр, ты обмишурился! Разве так отвечают на мусульманское приветствие?! — упрекнул Абдула.

— Неужели ошибся?!.. — я стал рыться в спасительном блокноте...

— Э!.. Не надо, да. «Алейкум салам» — академический вариант. Но ты-то должен знать и понимать душу народа. Надо сказать: «Налейкум в стакан!»

— Откуда всё знаешь?

— Книжки надо читать!

— Камасутру?

Я разлил по стаканам вино.

— Александр, с этого момента ты именуешься Искандер!.. — торжественно произнёс Мугутдин.

— Это который оперативно-тактический ракетный комплекс?

— ...Почти, — смирившись, устало произнёс он. — Одевайся, едем на природу.

А по дороге заскочили в кафэшку, забрать Шамиля. Шамиль сидел с весёлой дамой на берегу реки, они мирно потягивали винцо. Мугутдин свернул с трассы, подъехал к самой беседке, опустил стекло:

— Шамиль, мы на старое место, сегодня у Искандера день рождения.

— Вах! Мне ещё нужно женщину завезти домой... ведь думал ещё...

— Что думал?

— Если бы полчаса назад бросил её в реку, сейчас бы она уже дома была.

Место для пикника — сказка: изумрудная лужайка, горная река... Чистая, ледяная, берёт истоки на главном кавказском хребте.

Магарам поднял бокал.

— Это надолго, — поник Абдула.

— Полностью русский не знаю же, но скажу... Мы сидим вокруг костра, у нас хорошо на душе, и потому пусть эта река никогда не иссякнет. Пусть каждая капелька отразит, запомнит нас, сохранил в памяти своей, чтобы наш настрой облучил реку, и она с этим положительным зарядом

дошла до людей, чтоб каждый человек, подходя к воде, мог зачерпнуть энергии, наших положительных эмоций, нашего счастья, эту благодать, которая на нас свалилась, чтобы он тоже мог приникнуть к ней губами, сердцем и тоже стать счастливым.

— Магарам, научиться так сказать где красиво? — поинтересовался я, и тут пророчество жены обожгло: «Чужого языка не выучишь, свой забудешь!»

Вторым встал Рамиз, погладил брюшко:

— У нас в Дагестане все люди правильные, честные, добрые...

— Шютка!

— ...Абдула, не сбивай! «За здоровье!» — тост по-русски, «савбол» — пожелание кумыкское, «хинсабиана» — скажут лакцы. «Сакъхи» — аварцы, «деркъаб» — даргинцы...

— Подожди, подожди... — возмутился Абдула. — Вы не мусульмане — бусурмане! Индейцы какие-то, честное слово. Зачем всё смешивать? Зачем нам эта бормотуха? Нужно за каждый язык пить по отдельности. Ты за свою национальность скажи — и молчи. Мы сейчас аварца найдём, даргинца.

— ...Давайте выпьем за именинника! За урус-дервиша, исходившего с хуржином за спиной все аулы!

— Другое дело!

— ...За его будущую книгу! Никто больше не пишет о Дагестане.

— Нема дураков!

— Абдула!..

— Вообще-то день рожденья у меня был вчера, — пытался пояснить я.

— Нормальные люди рождаются несколько дней.

Зажурчали, забулькали напитки, зазвенели бокалы...

— Мне б лучше сухого вина!

— Никакое вино не заменит вино с водкой и коньяком! — возразил Солтан и взял слово. — Не совершив восхождения на гору, не узнаешь высоты неба. Не заглянув в глубокое ущелье, не определишь толщины земли. Не услышав заветов предков, не оценишь величия учёности. Искандер, ты поднимался на вершины гор, заглядывал в пропасти, слушал заветы наших предков, теперь расскажи об этом всему миру.

Тосты поднимали один за другим...

Шамиль вспомнил, как он однажды с Министром культуры Дагестана заехал в клуб Нижнего Инхо.

— Клуб находится у дороги. Министр изучил оформление, планы: «Ну, а какие у вас кружки есть?» — «Кружки нет, есть стаканы». Свой стакан я хочу поднять вот за что... — Шамиль посмотрел сквозь гранёное стекло на солнышко. — Кто-то сказал: «Люди похожи на оконные стёкла. Они сверкают и сияют, когда светит солнце, но когда воцаряется тьма, их истинная красота открывается лишь благодаря свету, идущему изнутри. Уверяют, будто бы Октябрьская революция дала письменность, культуру, свет Дагестану... Здесь свет был и до революции, ещё какой свет! Мы ещё светили другим. Искандер, донеси наш свет до людей.

Абдула, рассуждая о моём творчестве, не смог скрыть чувства ревности:

— Ведь и я бы мог... Частенько опаздывал домой, и каждый раз придумывал жене всякие враки: «Где был в этот раз?» Если б собрал свои фантазии вместе, тоже получилась книга.

Стрекоза, сделав над ним круг, залетела прямо в гранёный стакан. Абдула не стал насекомое доставать, просто попросил:

— ...Теперь выпрями крылышки, приготовься к полёту.

И выпил водку вместе со стрекозой.

— Гаджииса, хватит есть, лопнешь!

— Кто думает о последствиях, героем не станет.

— Тост давай!

— А, что думаете, скажу и я несколько слов имениннику... — Гаджииса неторопливо поднялся. — Южный ветер несёт с собой тепло, мягкость, успокоение. Северный ветер даёт мужество, целеустремлённость. Западный ветер прививает трудолюбие, деловитость. Восточный

ветер — мудрость. Мой тост за то, чтобы эти ветры не сталкивались, порождая бури, ураганы, смерчи... Пусть они всегда сходятся мирно и дарят нам такие вечера, как этот; глубокие мысли, как наши; мечты, светлые, высокие, недоступные... но единые. Давай за тебя, Миклухо-Маклай!

Плохо помню, за что пили ещё... Отдельными кусками... Фрагментами.
Но, о-оочень пафосно посидели напоследок.
Спустя три дня я уехал домой.

И вот уже, несколько лет прошло, а я до сих пор мысленно там... в Дагестане.
Со своими кунаками.
Как это объяснить и что с этим делать дальше, ума не приложу...

*

Вместо послесловия

Вот и подошло к концу наше путешествие в Страну гор.

Признаюсь, над книгой интересно работалось, но очень непросто, ответственно.

Мне не всегда удавалось подобрать нужные слова. Я даже толком не смог рассказать о своей встрече с шейхом Саидом-Афанди аль-Чиркави. Встреча эта — таинство. (Она включает и благословение моего духовника.) Всё неизмеримо глубже, выше, многомерней этих путевых заметок, бытописания... Как в персидской притче: три бабочки, порхая вдали от горящей свечи, принялись рассуждать о природе огня. Одна, подлетев к пламени, вернулась и сообщила:

— Огонь светит.

Другая рискнула ближе и опалила крыло:

— Он жжётся!

Третья, спланировав ещё ближе, исчезла в огне и не вернулась. Она узнала то, что хотела, но уже не смогла поведать об этом оставшимся. Получивший знание лишается возможности говорить о нём, поэтому знающий молчит, а говорящий не знает.

Я был там и вернулся. За это о главном молчу...

И ещё: сжавшийся на полу буйнакского базара крохотный, чуть живой, котёнок... Ты нуждался именно в моей помощи — я переступил... Извини. Не отпускаешь меня! Боюсь думать. Не умею говорить складно... не знаю об этом написать... Учусь стать писателем, стану ли?... Мечтал передать широту души дагестанцев, их интеллект, остроумие, эту ёмкость, многогранность, гостеприимство... выступить проводником их чувств, достоинств в сердца россиян. Но по силам ли подобная задача мне, обычному смертному человеку?

В Коркмаскале кунак поведал притчу:

Ползёт по пустыне гадюка и видит: лежит ласточка. Лежит лапками кверху. Змея спрашивает у неё:

— Что ты делаешь?

— Небо держу.

— Ха, разве ты, такая маленькая, можешь удержать небо?

— Делаю, что могу...

Вот и я делаю, что могу.

И пусть не всё получается, но зато я твёрдо знаю, что пожелать дагестанцам...

Неба — чистого-чистого, высокого, мирного, долголетия — кавказского, хлеба и бузы — вдоволь. Хакимов — мудрых, справедливых, невороватых... Пусть не смолкают в аулах зурна, свадебный бубен и детский смех. Пусть над очагами горцев из трубы всегда поднимается дым. Пусть дети не забывают язык отца и матери: аварский, лезгинский, даргинский, лакский, кумыкский... карельский. Пусть мальчишки, девчонки двадцать первого века сумеют без переводчика выслушать на годекане мудрость аксакалов, алимов и уважительно, достойно ответить на своём родном. Тогда не придётся читать «Патиха» языкам предков. [1] Снежные вершины тают под солнцем и дают жизнь чистым горным рекам. Пусть мои строки прозрачной глубиной донесут о горцах благую весть на равнину. Пусть в мире зла станет меньше, а любви чуточку больше.

Я всё думал: что из увиденного в Дагестане является главным символом взаимоотношений между народами? Символом моей книги? И понял. Вернее сказать, вспомнил... в Бежтинском районе... Дивной красоты смущённая девочка с восточными, сказочными чертами благородного лица и... русыми волосами. Только Любовь может творить подобное чудо.

Фото

И пусть именно Любовь будет символом, незримым связующим звеном между Русью и Дагестаном. Дагестаном, ставшим мне второй родиной.

Спасибо вам, дорогие мои кунаки, от всей православной души моей!

Спасибо вам духовные наследники имама Шамиля и Расула Гамзатова за поддержку, за понимание, за сотворчество. Без вас появление этой книги было бы невозможно.

Я уехал, но половинка моего сердца осталась с вами, в горах.

Солнце уходит на Запад,
И убегают за ним
Те, кто не знают,
Что всё в этой жизни
Имеет исток.
Солнце уходит на Запад,
Но, чтобы снова родиться,
Спешит на Восток,
На Восток [2].

Дорогие мои дагестанцы, я поднимаю этот бокал за вас!

Фото: автопортрет

С глубоким уважением,

мюрид Дагестана [3]
писатель, Александр Костюнин

07 июля 2014 года, город Москва

*

Примечания:

- [1] Патиha — заупокoйная молитва.
- [2] Игорь Тальков «Солнце уходит на Запад».
- [3] Мюрид — последователь, ученик;

Словарь

- Адат (от араб. — обычаи, привычки) — у тюркских и ряда других народов — обычное право (то есть право, основанное на обычаях), возникший и существовавший у этих народов в доисламский период;
- Азан (араб.) — в исламе призыв к молитве;
- Азраил — ангел смерти в исламе;
- Ай, лаззат! (азерб.) — как чудно, как хорошо!
- Алим — (араб.) высокообразованный, обладающий большими знаниями, ученый;
- Аллах-акбар! — Аллах велик;
- Арза (лезгин.) — кляуза;
- Аскеры (турецк.) — солдаты, воины;
- Ассаламу алейкум! (араб. — мир Вам; дословно: мир на Вас) — исламское приветствие;
- Ахи (собств.) — жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлестывают эмоции исключительно восторженные;
- Баде (лезгин. разг.) — бабушка;
- Баракат (араб.) — «благодать, небесный дар». С шариатской точки зрения ученые-богословы говорят, что баракат — это Божественная тайна. Баракат — это прибавление и дополнение;
- Баркалла (аварск.) — спасибо;
- Баркалла, лъикI буго! (авар.) — Спасибо, хорошо!
- БахIаральул партал (авар.) — свадебный наряд невесты: от нижнего белья и свадебного платья до белой шали из крепдешина;
- Бейт — двуступенчатая форма лирической восточной поэзии;
- Блиц криг (нем. blitz — молниеносно, krieg — война) — молниеносное сражение;
- Буба (лезг.) — отец;
- Буза — национальный божественный спиртной напиток;
- Ворчьами! (авар. к мужчине) — Здравствуй! Доброе утро!
- Гамбит (из ит. выражения dare il gambetto — подставить ножку) — начало шахматной партии, в котором жертвуют фигурой или пешкой ради получения скорейшей возможности перейти в атаку;
- Годекан — центральная площадь у народов Кавказа, место общинного схода;
- Гужгат — разновидность мужской одежды аварцев из темных плотных тканей и домотканого сукна, на подкладке;
- Гяур (араб. аль-кяфирун) — неверные, кафиры — понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама;
- Дада (авар.) — папа;
- Дах (лезгин. разг.) — отец;
- Дебют — начальная стадия партии, продолжающаяся первые 10-15 ходов;
- Джамаат (от арабского «джамаа» — общество, коллектив, община) — объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой;
- Джанет — рай;
- Джаханнам — ад;
- Джума-мечеть — соборная мечеть для коллективной молитвы, совершаемой всей мусульманской общиной в полдень пятницы;
- Диван (перс.) — высший орган исполнительной, законодательной или законосовещательной власти в ряде исламских государств, а также титул руководителя данного органа;
- Ёк (тюрк.) — нет;
- Зикр — боевой общинный хоровод, составляющая часть исламского молитвенного обряда. Сакральный смысл: протуберанцы на кромке Солнца.
- Зина (арабск.) — изнасилование, прелюбодеяние;
- Зиндан (персидск. — «тюрьма») — традиционная подземная тюрьма-темница в средней Азии;
- Зиярат — у мусульман святое место;
- Ими (лезгин.) — дядя по отцу;
- Иш кин бугеб? (авар.) — Как дела?
- Канлы — кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей;
- Кеклики — горные куропатки;
- Кизяк (от тюрк. tüzäk) — спрессованный кирпичиками и подсушенный навоз, идущий на отопление;
- Кинсабиану! Дерхаб! Сахли! — тост соответственно на лакском, даргинском и аварском языках с пожеланиями здоровья и всего хорошего;
- Кипиш — волнение, паника по поводу какого-то события;
- Кумган (тюркск.) — узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой, для умывания и мытья рук, а так же подмывания, исходя из традиции отправления естественных потребностей на исламском Востоке. Кумганы изготавливались из глины или из металла (латуни, серебра);
- Кутум (*Rutilus frisii kutum*) — рыба семейства карповых; подвид вырезуба. Длина тела до 60 см, весит около 2 кг. Обитает в Каспийском море;
- ЛъикI! (авар.) — нареч. хорошо!
- Магар (арабск.) — обязательный мусульманский ритуал «венчания», который проводит мулла до свадьбы;
- Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;

Маслиат — обряд примирения;
 Миттельшпиль — середина игры;
 Мучал — большой водоносный металлический кувшин;
 Муэдзин — читающий азан;
 Мюрид — последователь, ученик;
 Настя-Эбел! (авар.) — Мать Настя!
 Нукер — оруженосец, телохранитель при дворе горского феодала.
 Нуцал — титул аварских ханов;
 Обезьянник — спецприёмник или изолятор временного содержания;
 Парту Патима — народный эпос Дагестана, перевод с лакского С. Липкина;
 Протеже (франц.) Protégé — лицо, пользующееся чьим-н. покровительством или рекомендацией;
 Рахмат (араб.) — милость;
 Рюкму — вердикт, закон;
 Садака (араб.) — в исламе практика очищения перед Аллахом (см) посредством раздачи милостыни;
 Сардар — наместник, главнокомандующий;
 Сау (лезг.) — спасибо;
 Сахли! — тост на аварском языке с пожеланиями здоровья и всего хорошего;
 Село Ичичали — Гумбетовский район. Не только в Дагестане, но и на базарах Кабардино-Балкарии, Грузии, Казахстана творения рук ичичалинских мастеров воспринимаются в ряду надежных изделий, пользуются спросом, и в деле изготовления медных кувшинов у жителей этого аула нет конкурентов;
 Сунна (араб.) — путь, дорога. В исламе под Сунной понимают действия пророка Мухаммада;
 Тухум — родственная группа у народов Дагестана;
 Узди (дарг.) — брат;
 Уздень (татарск.) — свободный, зависящий только от себя, живущий по себе;
 Ураза (тюрк.), рузе (перс.), саум (араб.), 30-дневный пост у мусульман в месяце рамазане. Восходит к древнеараб. культурам. Условия поста регулируются Кораном (сура 2): мусульманин должен воздерживаться от пищи, питья, игр, зрелищ в течение дня до наступления темноты. Обязателен для всех верующих, кроме детей до 7 лет, больных, беременных женщин, безумных, путешествующих. Пост, прерванный из-за болезни или путешествия, надлежало возместить в другое время. В связи с тем, что мусульманский год лунный, рамазан, а следовательно, и У. каждый год приходится на разное время года. В некоторых сёлах Дагестана мула принимает решение о начале У. самостоятельно и потому даты не совпадают. (В селе Халматюр Бабаюртовского района в 2010 году У. объявили на день позже.)
 Устаз — наследник Пророка, учитель.
 Уцмий — титул даргинского феодального правителя;
 Харам (араб.) — в шариате запретные действия;
 Хабар — рассказ, молва, слух;
 Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);
 Хадис (араб.) — высказывания пророка Мухаммада;
 Худуди — наказание;
 Хукумат — государство, власть;
 Хъабало» (авар.) — свадебное платье;
 Цейтнот (от нем. Zeit) — время и (нем. Not) — нужда;
 ЧРИ — Чеченская Республика Ичкерия;
 Шапат — благополучие;
 Эме (лезгин.) — тётя по отцу;
 Эмен (аврск.) — отец;
 Эндшпиль — заключительная стадия игры;
 Юзбаши (турецк.) — офицер, сотник;
 Якши — нареч. татарск. ладно, хорошо;
 Ясыри — пленные;
 Ях-намус? — Совесть есть?;

Содержание

01. На посошок
02. Соцветие Дагестан (Ахи)
03. Дагестанский язык
04. Поезд «Москва — Махачкала»
05. Дембель
06. Начало пути
07. Поводырь (Хабар директора музыкальной школы)
08. Болезнь под названием «Дербент»
09. Династия педагогических пророков
10. Обряд примирения «маслиат»
11. Урок географии (Хабар начальника УГРО)
12. Дагестан — фотовзгляд
13. Оставляя на земле след (Хабарик)
14. Солнце и Луна
15. Исповедь
16. Время — возрождать! (Малумат)
17. Белая птица (Хабар режиссёра народного театра)
18. Дагестан — фотовзгляд
19. Азан
20. Лезгинка (Гимн)
21. Когда кабан выходит на сопку
22. Фигурант
23. Беседка Шамиля
24. Осторожно: дикий камень!
25. Узелки дагестанского ковра (Хабар Мугутдина)
26. Ивановны
27. Расстрелянные встречи
28. Руслан Керимханов
29. Пехлеван-канатоходец
30. Дорожные адаты
31. Творческий псевдоним «Тажидин Юхвари»
32. Глава Республики Дагестан
33. Рекрутские адаты
34. Рафик-Смерть (Хабар владельца футбольного клуба «Леки»)
35. Дагестан — фотовзгляд
36. Служение свету
37. Дорога из Чароды
38. Россия и Дагестан?
39. 8 марта в Дагестане
40. Праздник День Победы
41. Чтоб не скучно (Хабар от Хадижат)
42. Праздник первой борозды
43. Настоятель храма
44. Бег (Жаркий хабар Светланы Русь)
45. Чёрная королева (Хабар о прекрасной шахматистке)
46. Кавказские пленницы
47. Воля народа (Хабар Магди Омарова)
48. Рейд
49. Нет у революции конца!
50. Кубачи
51. Знахари
52. Заимка
53. Магомед-легенда
54. Новые ориентиры
55. Заговор (Хабар Керимхана)
56. Дагестан — фотовзгляд
57. Вольная борьба
58. Наши нравы
59. Кровная месть
60. Душа души
61. Восточный базар
62. Долгожители
63. «Горцы от ума» (Хабар Эльдара Иразиева)
64. Чужая земля
65. Толгау

66. Наше будущее
67. Воспитание
68. Община
69. Тамада
70. День рожденья
71. Вместо послесловия
72. Словарь

